

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Princeton University Library

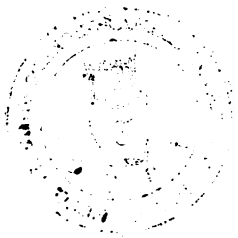
32101 059181220

Library of

Princeton University.

Derevitskii.

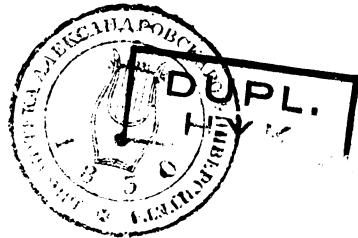
А. Деревицкій.

О НАЧАЛѢ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЗАНЯТІЙ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

I. Историко-литературныя занятія въ Греціи въ до-александрійскій періодъ.—II. Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи.—III. Каллимахъ и его „Таблицы“.—IV. Каллимаховцы.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Рыбная улица, № 28.

1891.

Печатано по постановленію Историко-Филологическаго Факультета Импера-
торскаго Харьковскаго Университета, 26 Октября 1891 года.
За Ректора Университета *А. Лебедевъ*.

Предлагаемое нынѣ вниманію русской ученой публики сочиненіе имѣетъ главнымъ образомъ въ виду лишь одну часть трудовъ, возникшихъ на почвѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи, — именно, знаменитыя «Таблицы» (πίνακες) Каллимаха и отчасти пинакографическія работы его ближайшихъ послѣдователей. Тѣмъ не менѣе, чтобы придать этой небольшой страничкѣ изъ исторіи древне-греческой культуры интересъ вполне законченнаго цѣлага, я почелъ необходимымъ связать разсмотрѣніе означеннаго предмета съ исторіею александрійскаго музея и птолемеевой библіотеки, а равно предпослать всему изслѣдованію краткій очеркъ историко-литературныхъ студій въ до-александрійскій періодъ. Такимъ образомъ книга естественно расчленилась на четыре отдѣльныхъ этюда, тѣсно примыкающихъ одинъ къ другому по содержанію и составляющихъ часть задуманнаго мною «Введенія въ исторію греческой литературы».

Обработка подобной темы сопряжена съ немалыми трудностями внѣшняго свойства. Съ тѣхъ поръ, какъ вышли въ свѣтъ посвященные тому же вопросу брошюры Көрке и Урренкамр'а, протекло почти полвѣка, и матеріалъ, подлежащій обзрѣнію, успѣлъ разростись до необъятныхъ размѣровъ. Не могу поэтому поручиться, что по части литературныхъ указаній книга моя не представляетъ пробѣловъ; тѣмъ не менѣе, какъ читатель въ состояніи и самъ

2951
205

(RECAP)

легко убѣдиться, мнѣ удалось по крайней мѣрѣ собрать по этой части все мало-мальски существенное и важное, и за любезное содѣйствіе, оказанное мнѣ при этомъ, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь свою благодарность проф. П. В. Никитину, облегчившему мнѣ пользованіе книгами изъ библіотеки Спб. Императорской Академіи Наукъ, и проф. И. В. Помяловскому.

Что касается выводовъ, къ которымъ я пришелъ послѣ долгаго и внимательнаго изученія предмета, то, быть можетъ, читателю покажутся нѣкоторые изъ нихъ проблематичными, иные—преждевременными. Возраженія такого рода я предвижу, но въ свою защиту сошлюсь на скудость положительныхъ свидѣтельствъ, заключающихся въ нашихъ источникахъ, и на вынужденность изслѣдователя прибѣгать подчасъ вслѣдствіе такой скудости къ дивинаціи. Гдѣ нѣтъ возможности при наличныхъ данныхъ установить несомнѣнно вѣрное, тамъ я поневолѣ довольствовался тѣмъ, что мнѣ казалось наиболѣе вѣроятнымъ, утѣшая себя словами Полибія: *ἐννοιαὶ μὲν λαβεῖν ἀπὸ μέρους τῶν ὅλων δυνατόν, ἐπιστήμην δὲ καὶ γνώμην ἀτρεκέλῃ ἔχειν ἀδύνατον* (I, 4).

Чтобы не вредить цѣльности и связности изложенія, большую часть критическихъ замѣчаній и дополненій по частнымъ вопросамъ, стоящимъ въ связи съ моею темою, я помѣстилъ въ выносахъ и экскурсахъ. Этимъ объясняется значительное количество мелкаго шрифта, вошедшее въ составъ книги. При этомъ древніе авторы цитуются мною по слѣдующимъ изданіямъ: Аѳеней по тексту Кайбеля (этого автора я имѣлъ подъ рукою также и въ изданіи Швейггейзера), Аристотель («Политика») — по Беккеру, Каллимахъ — по Шнейдеру, Діонисій галикарнасскій и Діонъ Кассій — по Рейске, трагики и Аристофанъ — по Диндорфу, Пли-

ній—по Францу, Витрувій—по Шнейдеру, остальные древніе авторы по текстамъ Дидо и Тейбнера, Свидѣ—по Бернгарди. Галена я, къ сожалѣнію, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи, и всѣ мои ссылки на него заимствованы.

А. Деревницкій.

Содержаніе.

Глава I. Историко-литературныя занятія въ Греціи въ до-александрійскій періодъ (стр. 1—24).

Ономакритова рецензія гомеровскаго текста (1—7). Древнѣйшіе „гомерики“ (7—9). Развитіе книжной торговли въ Греціи и появленіе частныхъ библиотекъ (9—12). Первые историки греческой поэзи: Главкъ (12), Дамасть, Критій (13). Праксидамантъ (14). Геортологическія изслѣдованія и ихъ значеніе для исторіи греч. литературы (15—19). Трактаты „Объ открытіяхъ“ (20). Аристотель (21); историко-литературныя занятія въ его школѣ (22 сл.).

Экшкурсъ I. Роль Писистрата въ исторіи гомеровской критики (стр. 24—40).

Глава II. Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи (стр. 41—104).

Отношеніе александрійской библіотеки къ музею (41—44). Время возникновенія обоихъ учрежденій и ихъ основатель (44—49). Участіе Деметрія фалерскаго въ этомъ дѣлѣ (49—52). Внутренняя организація библіотеки (52—55) и музея (56—58). Александрійскій музей созданъ по типу музея перипатетиковъ (58—68). Зданія александрійскаго музея (68—71); его матеріальныя средства (71); его президентъ (72—77) и члены (77—79). Занятія членовъ музея (79—84). Вспомогательныя учрежденія, съ нимъ связанныя (84). Число александрійскихъ книгохранилищъ (85). Большая библіотека въ Брухіи (85—87) и число собранныхъ въ ней рукописей (88); свидѣтельство Тзетза объ этомъ предметѣ и различныя его толкованія (89—93); критика теоріи Бирта (94—99); объясненіе терминовъ „βιβλοὶ ἀμιγεῖς“ и „βιβλοὶ σύμμικται“ (99—103). Конечная судьба птолемеевыхъ учрежденій (103 сл.).

Глава III. Каллимахъ и его „Таблицы“ (τίνυχες) (стр. 105—198).

Хронологическія опредѣленія (105—123). Первые александрійскіе библиотечари (124—125). Историко-литературное значеніе ихъ трудовъ по устроению библіотеки Птолемеевъ (125 сл.). Порча рукописей при переносѣ (126—138); литературный подлогъ и плагиатъ (139—152). Каллимаховы „Таблицы“ (τίνυχες) (153 сл.); ихъ заглавіе (155), ихъ общій характеръ (156—163), ихъ планъ (163—189). Недостатки каллимаховой работы (189—192). Авторитетъ „Таблицъ“ въ древности (192 сл.); ихъ судьба (193). Эпиграмматическія стихотворенія Каллимаха и ихъ отношеніе къ „Таблицамъ“ (194—195). „Μουσείον“ (195—198).

VIII

Экскурсъ 2. Нѣсколько словъ о стихометріи (стр. 198—201).

Глава IV. Каллимаховцы (стр. 202—222). *

Эратосѣевъ (202—205). Аристофанъ византійскій (205—209). Гермиппъ смирскій (210—218). Прочіе каллимаховцы (218 сл.). Поздвѣйшіе пинакографы (219—221). Общее значеніе трудовъ Каллимаха и его послѣдователей (221 сл.).

Прибавленія (стр. 223—226).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историко-литературныя занятія въ Греціи въ до-александрійскій періодъ.

Извѣстно, съ какою любовью относились древніе греки къ родной старинѣ,—къ тому, что было создано вѣковыми усиліями націи въ области религіи, права, законодательства, государственныхъ учреждений, домашняго быта, художественнаго творчества и т. п. Извѣстно, какъ подозрительно смотрѣли они на всякія новшества, какъ ревниво оберегали отъ произвольныхъ измѣненій все, что было отмѣчено печатью древности и освящено ея авторитетомъ. Консервативный духъ народа ярко отразился не только въ цѣломъ рядѣ политическихъ установленій, но и во всемъ складѣ частной и общественной жизни грековъ ¹⁾. Самый языкъ ихъ сохранилъ въ своей фразеологіи указаніе на эту черту народнаго характера. Такія выраженія, какъ напримѣръ νεώτερόν τι ποιεῖν (δραῖν), νεώτερά πράγματα πράσσειν, νεωτέρων ἔργων ἐπιθυμητής, νεοπραγεῖν, κινᾶ πράγματα и проч., всегда

---

¹⁾ Можно сослаться на такія установленія, какъ напр. ареопагъ,—по Плутарху (Sol. c. 19) „ἐπίσκοπος πάντων καὶ φύλαξ τῶν νόμων“,—институтъ номофилаковъ (νομοφύλακες), существовавшій во многихъ политіяхъ (въ Спартѣ, Аѣннахъ, Калхедонѣ, Керкирѣ и проч.), γράφῃ παρανόμων и т. п. Конечно, въ области культа новшества, каковы бы они ни были, пугали воображеніе грека еще сильнѣе, нежели въ политикѣ. Человѣкъ, исполнявшій обряды культа, непризнаннаго еkkлeсiею или уполномоченными ею номоетами, навлекалъ на себя формальное обвиненіе въ безбожіи (γραφῇ ἀσεβείας).

скрывали въ себѣ предосудительный съ точки зрѣнія грека смыслъ и въ совершенномъ соотвѣтствіи съ латинскимъ *novae res* (срв. *novis rebus studere*, *novas res moliri* и т. п.) въ обычномъ своемъ употребленіи означали нѣчто насильственное, нѣчто противоположное естественному и свободному развитію искони выработанныхъ формъ народной жизни и общественныхъ отношеній.

Въ виду этого не можетъ возбуждать никакого удивленія то обстоятельство, что уже въ довольно раннюю пору въ Греціи явился серьезный интересъ къ изученію прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ родился заботы о возстановленіи памятниковъ минувшаго. Уже со временъ Писистрата и его сыновей начинается здѣсь кропотливое собираніе историко-литературнаго матеріала, идущее затѣмъ рука объ руку съ изслѣдованіями въ области религіозныхъ преданій, съ розысканіями генеалогическими и этнографическими, съ изученіемъ разнаго рода вопросовъ археологін и проч. Возникаютъ бібліотеки, выступаютъ на поприщѣ литературной дѣятельности со своими записками неутомимые путешественники, собирающіе повсюду различныя мѣстные сказанія и малоизвѣстныя версіи міѳовъ, узнающіе отъ жрецовъ, мистагоговъ и эксегетовъ рѣдкія храмовыя легенды и добывающіе свѣдѣнія о монументальныхъ созданіяхъ древняго искусства. Такимъ образомъ накапливаются факты, обезпечивающіе для будущихъ поколѣній возможность чисто научныхъ изслѣдованій въ области исторіи греческой культуры.

Собственно историко-литературныя занятія въ Греціи начинаются съ заботъ о приведеніи въ наличность древнѣйшихъ и популярнѣйшихъ произведеній поэтическаго творчества и о сохраненіи ихъ отъ гибели, порчи и всяческихъ искаженій, столь возможныхъ въ тѣ времена, когда средства закрѣпленія и репродукціи поэтическихъ текстовъ вообще были крайне ненадежны и несовершенны ²⁾. По свидѣтель-

---

²⁾ Краткія свѣдѣнія объ историко-литературныхъ занятіяхъ въ древней Греціи можно найти почти въ каждомъ общемъ сочиненіи по исторіи

ству Іоанна Тзетза ³⁾, опирающемуся на весьма древнее и стойкое преданіе ⁴⁾, коего достовѣрность долгое время не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію ⁵⁾, при Писистратѣ, — какъ слѣдуетъ думать, въ періодъ послѣдней его тиранніи (ол. 59,4—63,2), — организована была комиссія изъ четырехъ человѣкъ ⁶⁾ съ извѣстнымъ Ономакритомъ во главѣ, на которую возложено было важное порученіе тщательно пересмотрѣть, исправить на основаніи болѣе полныхъ версій и привести

древне-греческой литературы. См. особенно Bergk Griech. Literaturgesch. I, стр. 257 слл. Изъ отдѣльныхъ монографій по этому предмету мнѣ извѣстны только двѣ: Коерке *Quid et qua ratione iam Graeci ad litterarum historiam condendam elaboraverint* (Berol. 1845); Uppenkamp *De origine conscribendae historiae litterarum apud Graecos* (Monasterii. 1847).

³⁾ *Ioannis Tzetzae scholiorum in Aristophanem prolegomena, edita et enarrata ab H. Keilio* въ перепечаткѣ изъ Rhein. Mus. (N. F. VI стр. 108 слл., 243 слл.) у Ричля (Fr. Ritschelii opuscula philologica, vol. I, fasc. I, p. 197 sqq). Тамъ же см. полные тексты найденныхъ Озаніомъ и Крамеромъ фрагментовъ, въ которыхъ повторяется относящееся къ нашему предмету показаніе Тзетза.

⁴⁾ Каковъ бы ни былъ непосредственный источникъ той части „Прологомень“ Тзетза, въ которой именно находится указаніе на личный составъ писистратовой комиссіи, преданіе объ участіи Писистрата и его пособниковъ (*Πισιστρατῶν ἑταῖροι*, Paus. VII, 26, 6) въ составленіи древней вульгаты гомеровскихъ пѣсенъ пользовалось уже при Цицеронѣ широкою извѣстностью (de or. IV, 34: [Pisistratus] primus Homeri libros confusos antea sic disposuisse dicitur ut nunc habemus). Но цицероново сообщеніе объ этомъ участіи есть лишь дошедшій до насъ болѣе поздній отголосокъ значительно древнѣйшихъ сказаній. См. въ концѣ главы экскурсъ I.

⁵⁾ Мнѣніе, липающее разсказъ о Писистратѣ и его комиссіи всякой фактической почвы, а, стало быть, и всякаго научнаго значенія, было впервые опредѣленно высказано Лерсомъ и лишь въ недавнее время пріобрѣло многихъ сторонниковъ. См. экскурсъ I.

⁶⁾ Во всѣхъ текстахъ, сохранившихъ намъ извѣстіе о составѣ писистратовой комиссіи, число членовъ ея показано одинаково — четыре. Правда, имя четвертаго члена (Konkylos или Epikonkylos codd., Eucylus Cyprius — Bernhardt, Herodicus [?] — Bergk, Simonides Ceus — Düntzer, Cercops Milesius — Ritschl, Cratinus — Hase) безнадежно искажено, и въ настоящее время оставлены даже попытки угадать это таинственное имя; тѣмъ не менѣе мы не видимъ достаточнаго основанія считать вмѣстѣ съ Бергкомъ (Gr. Ig. I, стр. 504 прим.) написаніе кодексовъ *τέσσαρι* ошибочною замѣною первоначальнаго *τρίσι*. Бергкъ оставляетъ необъясненнымъ, какъ и почему произошла такая замѣна. Онъ ссылается только на какое то особенное значеніе числа три въ предпріятіяхъ, подобныхъ предпріятію Писистрата: „gerade bei solchen ausserordentlichen Aufträgen ist die Dreizahl üblich“, говоритъ онъ (стр. 503). Но въ такомъ

въ порядокъ ходячій текстъ гомеровскихъ поэмъ ⁷⁾. Повидимому, тогда же и въ связи съ этимъ начатъ былъ пересмотръ и гесіодической литературы ⁸⁾, а равно и нѣкто-

случаѣ было бы естественнѣе ожидать, что скорѣе τέσσαρσι, буде оно должно, могло подвергнуться замѣнѣ болѣе обычнымъ τρισίν, нежели наоборотъ. Мы находимъ также излишнюю поправку Рота (Rhein. Mus. VII, стр. 138 сл.), который слова καὶ κατὰ κοινῶν (anonum. Paris. περί κοινῶν δίας), ἐπικύκλιος, ἐπὶ Κοινύλου (Tzetz. Prolegg.) принимаетъ, такъ сказать, за гіероглифъ, скрывающій въ себѣ цѣлое предложеніе вродѣ слѣдующаго: συντεθείκασιν ἐπὶ Πεισιστράτου τὸν Ὀμήρου ἐπικὸν κύκλον Ὀνομακρίτης κτέ. Контекстъ, совершенно полный и ясный, не даетъ намъ въ сущности права на такое преобразование рукописнаго преданія.

⁷⁾ Задача, которую должны были ближайшимъ образомъ имѣть въ виду Ономакритъ и его товарищи, состояла въ томъ, чтобы изготовить по возможному полный и исправный экземпляръ стихотвореній Гомера, разрозненныхъ и искаженныхъ въ силу самыхъ условій рансодической рецитациі. Въ этомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженія: διορθῶν, ἀθροίζειν, συλλέγειν, συντιθέναι, συντάσσειν, disponere, redigere и т. п., конми формулируется сущность порученія, возложеннаго Писистратомъ на комиссію. Разумѣется, о всесторонней дипломатической критикѣ въ примѣненіи къ этой первой рецензіи и вообще до Зенодота не можетъ быть и рѣчи (см. Suid. s. v. Ζηνόδοτος). Свидѣтельства, подобныя извѣстному сообщенію грамматика Диомеда (Villois. Anecd. gr. II p. 182; также прив. in extenso у Вольфа Prolegg. ad Hom. p. 89 n. 9 Calvary), представляютъ собою голое баснословіе и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

⁸⁾ Единственное категорическое указаніе на то, что вмѣстѣ съ гомерическими стихотвореніями разсмотрѣнію комиссіи подлежали также и стихотверенія гесіодическія, находится у Плутарха Thes. 20: πολλοὶ δὲ λόγοι καὶ περὶ τούτων ἔτι λέγονται καὶ περὶ τῆς Ἀριάδνης, οὐδὲν ὁμολογούμενον ἔχοντες. οἱ μὲν γὰρ ἀπάγξασθαι φασὶν αὐτὴν ἀπολειφθεῖσαν ὑπὸ τοῦ Θησέως, οἱ δὲ εἰς Νάξον ὑπὸ ναυτῶν κομισθεῖσαν Ὀινάρῳ τῷ ἱερεὶ τοῦ Διονύσου συνοικεῖν, ἀπολειφθῆναι δὲ τοῦ Θησέως ἐρωῶντος ἐτέρας· „δεινὸς γὰρ μιν ἔτειρεν ἔρως Πανοπηίδος Αἰγλήης“. τοῦτο γὰρ τὸ ἔπος ἐκ τῶν Ἠσιόδου Πεισίστρατον ἐξελεῖν φησιν Ἡρέας ὁ Μεγαρεύς, ὡσπερ αὖ πάλιν ἐμβαλεῖν εἰς τὴν Ὀμήρου νεκυίαν (λ 631) τὸ „Θησέας Πειριδοῦν τε, θείων ἀριδείκετα τέκνα“, χαρίζομενον Ἀθηναίοις. Ссылка на Гесіода по всей вѣроятности имѣетъ въ виду „Эггimia“, гдѣ между прочимъ шла рѣчь и о Θесеѣ, и объ Аριάднѣ, и объ Эглѣ (срв. Athen. XIII p. 557 a). А какъ „Эггimia“ въ древности приписывался не Гесіоду только, но иными и Керкону милетскому (Athen. XI p. 503 d; срв. Aristot. ap. Diog. II, 46), то К. О. Мюллеръ допустилъ, что окончательная редакция названнаго стихотворенія возникла при Писистратѣ и была дѣломъ Керкона, слышавшаго кромѣ того авторомъ двухъ орфическихъ поэмъ и принадлежавшаго къ школѣ пнѳагорейцевъ (Prolegg. z. Mythol. стр. 399; Lobbeck Aglaoph. I p. 354). Фикъ тому же Керкону приписалъ и обработку гесіодовыхъ „Трудовъ и дней“ и „Θεογονίαν“ (Bezzenberger's Beiträge z. Kunde indogerm. Spr. 1887, 1—2; срв. впрочемъ уже Ritschl Opp. philol. I p. 46).

рыхъ другихъ произведеній древнѣйшей греческой поэзіи ⁹⁾. Предпріятіе это, быть можетъ, ближайшимъ образомъ вызванное нуждами агонистической практики ¹⁰⁾ и послужившее лишь развитіемъ тѣхъ мѣръ, которыя уже Солоны, какъ утверждаютъ, счелъ безусловно необходимыми для сохраненія продуктовъ народнаго пѣснотворчества отъ конечнаго уничтоженія ¹¹⁾, не преминуло, разумѣется, вызвать подражаніе и въ другихъ греческихъ политіяхъ. Возникаетъ рядъ помѣстныхъ рецензій гомеровскаго текста, независимыхъ отъ авторизованнаго аѳинскою комиссіею сниска, и эти рецензіи налагаются въ основаніе извѣстныхъ «городскихъ» изданій

⁹⁾ Если извѣстіе о писистратовой комиссіи поставить въ связь съ свидѣтельствами Аѳеней (I р. 3), Геллія (6, 17) и Тертулліана (Apologet. 18), которые сообщаютъ, что при Писистратѣ въ Аѳинахъ была организована первая бібліотека, то нужно предположить, естественно, что кромѣ стихотвореній Гомера и Гесіода члены комиссіи (быть можетъ, въ нѣсколько измѣненномъ составѣ) разсматривали и другія литературныя произведенія, напр. поэмы кикликовъ. Ономакритъ извѣстенъ намъ между прочимъ по Геродоту (VII, 6) и какъ собиратель древнихъ хреспологическихъ произведеній. По словамъ Аристотеля (ар. Philop. de an. Fol. 5), ему принадлежало также стихотворное переложеніе орфической теологіи.

¹⁰⁾ Большинство изслѣдователей принимаетъ, что Писистратъ, впервые давшій празднику великихъ панаѳеней его организацію (Schol. Aristid. р. 323 Dind. τὰ δὲ μέγιστα [Παναθηναῖα] Πισιστρατὸς ἐποίησε), ввелъ на этомъ праздникѣ и мусическій агонъ, въ послѣдствіи точнѣе урегулированный Гиппархомъ (см. Welcker Ep. Cycl. стр. 351 сл., Mommsen Neortologie, стр. 138, Bergk Gr. Litg. I, стр. 500 и проч.). Я примыкаю къ этому большинству и допускаю, что извѣстное распоряженіе Гиппарха относительно порядка рансодической рецитациі (Pseudo-Plat. Hipparch. 228, также Aelian. V. Н. VIII, 2) могло имѣть смыслъ лишь тогда, когда ему предшествовала ревизія Ономакрита. Слова „ἐξ ὑπολόψεως ἐφεξῆς“ предполагаютъ преемственность, послѣдовательность рецитациі, какъ нѣчто объективно возможное.

¹¹⁾ Diog. Laert I, 57: τὰ Ὀμήρου ἐξ ὑποβολῆς γέγραφε ῥαψωδῆσαι, οἷον ὅπου ὁ πρῶτος ἐληξεν, ἐκείθεν ἄρχεται τὸν ἐχόμενον. Можно полагать, что это постановленіе Солона, — если только подлинно такое было имъ сдѣлано, — показало на дѣлѣ всю необходимость точной провѣрки эпическихъ текстовъ и такимъ образомъ повело къ предпріятію Писистрата. Оно до тѣхъ поръ должно было оставаться мертвою буквою, пока не возникла вульгата. Оттого, когда работы писистратовой комиссіи были закончены, Гиппарху понадобилось въ примѣненіи къ панаѳенейскому агону обновить пришедшій въ забвеніе солоновъ законъ и уже съ тѣхъ поръ навсегда установить между писаннымъ текстомъ эпическихъ стихотвореній и ихъ публичнымъ воспроизведеніемъ на празднествахъ тѣсную связь.

(*αἱ κατὰ πόλεις, αἱ ἀπὸ, διὰ, ἐκ τῶν πόλεων, αἱ πολιτικάι*)¹²⁾. По примѣру Писистрата Поликрать учреждаетъ библіотеку въ Самосѣ¹³⁾. Въ средѣ частныхъ лицъ также начинается обнаруживаться влеченіе къ приобрѣтенію рукописей, къ составленію частныхъ книгохранилищъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ проявляется и интересъ къ историко-литературнымъ изслѣдованіямъ, коихъ главнымъ предметомъ однако долгое время остаются по прежнему поэмы Гомера, — поэмы, въ которыхъ

¹²⁾ Kirchhoff Die homerische Odyssee² (Berl. 1879) къ XI, v. 602. Срв. Ritschl Opp. I, 50 sqq.

¹³⁾ О библіотекѣ Писистрата говорятъ Аѳеней, Геллій и Тертулліанъ (срв. стр. 5 прим. 9). Первоначально это было, разумѣется, скудное собраніе самовольнѣйшихъ произведеній греческой поэзіи, но потомъ собраніе это ревностно пополнялось и могло принять современемъ значительныя размѣры. По всей вѣроятности оно хранилось въ одномъ изъ аѳинскихъ святилищъ, подобно тому какъ смирнская библіотека, упоминаемая Страбономъ (XIV р. 646), повидимому, стояла подъ охраною гомерова святилища (срв. Wolff Prolegg. р. 88 п. 7 Calv.). Возможно, что въ Аѳинахъ это былъ храмъ Аѳины Полиады (т. наз. Эрехѳеонъ), куда напр. во время удаленія изъ города Гиппій спрятали собранныя Ономакритомъ прорицанія Мусея (Herod. V, 72, 90). Авль Геллій передаетъ, что послѣ вторженія персовъ въ Аѳины библіотека писистратова была отправлена Ксерксомъ въ Азію и лишь Селевкъ Никаноръ снова возвратилъ ее аѳинянамъ (I. s. I.) Разсказъ этотъ, по справедливому замѣчанію W. Schmitz'a (Schriftsteller und Buchhändler in Athen. Heidelberg. 1876. Стр. 27), сильно напоминаетъ подобное же сообщеніе Арріана о группѣ Гармодія и Аристогитона, также будто бы отправленной Ксерксомъ въ Персію и возвращенной затѣмъ Александромъ Великимъ. Можно допустить, что одно изъ этихъ преданій создано по образцу другаго, и я не берусь рѣшать, которое именно заключаетъ въ себѣ зерно исторической истины. Мнѣ кажется только, что нѣтъ достаточнаго основанія совершенно отвергать самое существованіе библіотеки Писистрата и вмѣстѣ съ Биртомъ (Das antike Buchwesen, стр. 434) и Флахомъ (Pisistratos und seine litterarische Thätigkeit, стр. 26) считать ее плодомъ „исторической конструкціи“. Что же касается Поликрата, то кромѣ бѣлаго указанія Аѳеней (I, р. 3 а) о библіотекѣ его не сохранилось никакихъ другихъ свидѣтельствъ. Мы знаемъ, что, подобно Гиппарху, онъ былъ меценатомъ своего времени и что при дворѣ его собиравлись со всѣхъ мѣстъ Греціи выдающіеся поэты, музыканты, художники, техники и врачи, наперерывъ старавшіеся угодить щедрому тиранну своими талантами и свѣдѣніями. Немудрено, если въ такомъ центрѣ художественной и умственной жизни, какимъ сталъ въ его правленіе Самосъ, существовало и значительное собраніе рукописей, память о которомъ случайно сохранилась до временъ Аѳеней. Какъ личная собственность Поликрата, это собраніе легко могло погибнуть во время смуты, сопровождавшихъ его паденіе.

согласное мнѣніе всей Греціи видѣло альфу и омегу чело-
вѣческой мудрости.

Во главѣ цѣлой вереницы древнѣйшихъ «гомеровъ»
(οἱ ἀρχαῖοι Ὀμηροὶ) стоялъ Θεαгенъ, уроженецъ Регіума,
бывшій, по свидѣтельству Татіана, современникомъ Камбиса ¹⁴⁾
и оставившій потомству первый ученый трактатъ о
Гомерѣ ¹⁵⁾. Каково было содержаніе этого трактата, въ
точности неизвѣстно. Мы знаемъ, правда, что Θεαгена зани-
мали уже между прочимъ и вопросы о происхожденіи поэта
и о времени его дѣятельности, но, какъ кажется, центромъ
исслѣдованій его вообще служили проблемы не столько исто-
рическія, сколько грамматическія и экзегетическія, вслѣд-
ствіе чего въ источникахъ нашихъ онъ и стяжалъ себѣ
славу перваго грамматика ¹⁶⁾. По всей вѣроятности онъ
былъ сторонникомъ того же аллегорическаго направленія,
къ которому внослѣдствіи принадлежали Анаксагоръ, Стесим-
бротъ изъ Фасоса, Метродоръ изъ Лампсака, Іонъ и др. ¹⁷⁾,
и, если имѣть въ виду презрительный отзывъ Аристотеля о
всѣхъ вообще раннихъ работахъ, посвященныхъ великому
творцу Іліады и Одиссеи ¹⁸⁾, врядъ ли шелъ дальше без-
плоднаго разбора мелочныхъ подробностей и кажущихся
противорѣчій въ текстѣ гомерическихъ стихотвореній. Въ
александрійскія времена сочиненіе его, повидимому, еще не
было утрачено ¹⁹⁾, равно какъ, вѣроятно, и трактатъ
Автодора изъ Кумъ, близко примыкавшаго по роду своихъ

¹⁴⁾ Tatian. adv. Graecos c. 31: περὶ γὰρ τῆς ποιήσεως τοῦ Ὀμήρου, γένους τε αὐτοῦ καὶ χρόνου καὶ ὃν ἤμαθεν, προηγεύνησαν οἱ πρεσβύτατοι Θεαγένης τε ὁ Ρήγιος κατὰ Καμβύσην γεγονώς, Στησίμβροτος τε ὁ Θάσιος καὶ Ἀντίμαχος ὁ Κολοφωνίος. Камбисъ царствовалъ 529—522 г. до Р. X.

¹⁵⁾ Schol. ad II. V 67 (p. 533 A 30 Bekk.): οὗτος μὲν οὖν τρόπος ἀπολογίας ἀρχαῖος ὃν πᾶν καὶ ἀπὸ Θεαγένους τοῦ Ρηγίου, ὃς πρῶτος ἔγραψε περὶ Ὀμήρου.

¹⁶⁾ Bekk. Ann. II p. 729; Cramer Ann. Ox. IV p. 308 и проч. (Sengebusch Hom. dissert. prior., p. 210 sq; Nitzsch de hist. Hom. p. 131).

¹⁷⁾ См. Lobeck Aglaoph. I, p. 155 sq. Uppenkamp op. I. p. 12 sq.

¹⁸⁾ Aristot. Metaph. N, 6: ὅμοιοι δὲ καὶ οὗτοι τοῖς ἀρχαίοις Ὀμηρικοῖς, οἱ μικρὰς ὁμοιότητας ὁρῶσι, μεγάλας δὲ παρορῶσιν.

¹⁹⁾ Sengebusch l. I. p. 213.

изслѣдованій къ Ѡеагену и занимавшагося кромѣ Гомера также и Гесіодомъ ²⁰⁾). Другіе гомерики, число которыхъ не переставало возрастать, частью подвизались на поприщѣ эстетической критики, частью изощряли свое остроуміе въ постановкѣ и рѣшеніи разнаго рода трудныхъ логическихъ вопросовъ на гомеровскія темы (такъ назыв. *ἐνστατικοὶ* и *λυτικοὶ*), частью разслѣдовали текстъ поэмъ съ точки зрѣнія нравственно-религіозной (Гераклитъ, Ксенофанъ, Пифагоръ и др.), частью наконецъ изучали діалектическія особенности стихотвореній, составляли глоссаріи къ нимъ, снабжали ихъ реальными комментаріями и проч. Подобныя занятія, естественно, должны были породить цѣлую литературу, и если много было въ этой литературѣ вздорнаго, смѣшнаго, нелѣпаго, дѣтски-незрѣлаго, то во всякомъ случаѣ скоро она могла уже выставить и немало серьезныхъ и почтенныхъ трудовъ лексикологическаго, грамматическаго и историческаго содержанія. Таковы напр. безъ сомнѣнія были посвященные Гомеру трактаты философа Демокрита ²¹⁾ и его ученика Несса хіосскаго; таковы были далѣе изслѣдованія нѣкоторыхъ логографовъ (Гелланика, Ферекида, Эвгэона и др.), критическія работы Антимаха колофонскаго, изготовившаго между прочимъ отдѣльное изданіе гомеровыхъ поэмъ (одно изъ такъ называемыхъ „*κατ' ἄνδρα*“) ²²⁾, и проч.

²⁰⁾ Cramer Ann. Ox. IV, 310.

²¹⁾ Демокритъ принадлежалъ къ числу самыхъ восторженныхъ почитателей Гомера. Срв. Dio Chrysostom. Or. 53 init.: ὁ μὲν Δημόκριτος περὶ Ὀμήρου φησὶν οὕτως· „Ὁμηρος φύσεως λαχὼν θεαζούσης ἐπέων κόσμον ἐτεκτὴνυτο παντοίων“. ὡς οὐκ ἐνὸν ἄνευ θείας καὶ δαιμονίας φύσεως οὕτω καλὰ καὶ σοφὰ ἔπη ἐργάσασθαι. Кромѣ сочиненія „περὶ Ὀμήρου ἢ ὁρῶμεντες καὶ γλωσσεῖων“ Демокриту приписывалось нѣсколько другихъ трактатовъ, какъ то: περὶ ποιήσεως, περὶ καλλοσύνης ἐπέων, περὶ ῥημάτων, ὀνομαστικὸν и проч., въ которыхъ онъ повидимому затрогивалъ семасіологическіе вопросы первостепенной важности. Mullach Fragm. Democr. p. 147 sqq. Трактаты эти долго не теряли своего значенія и удостоивались серьезнаго вниманія со стороны позднѣйшихъ греческихъ ученыхъ, начиная съ Аристотеля и кончая грамматиками александрійской эпохи. См. Sittl Gesch. d. gr. Litter. II, стр. 483.

²²⁾ Критическія изданія гомерова текста не переставали появляться на смѣну другъ друга. Очевидно, редакція писцстратовой комиссіи не

Особенно оживляются историко-литературныя и неразрывно съ ними на первых порахъ связанныя грамматическія ²³⁾ занятія въ Греціи приблизительно съ половины V стол. до Р. Х., т. е. со временъ Перикла. Персидскія войны, какъ извѣстно, произвели въ греческой націи высокій подъемъ духа, весьма понятный послѣ только что пережитаго столь важнаго и рѣшительнаго историческаго момента, и подъ эгидою наступившаго мира живой ключъ художественной и научной дѣятельности забилъ полною струей. Книжная торговля приняла небывалые до того размѣры. Коммерческія суда, отправляясь къ самымъ отдаленнымъ предѣламъ греческихъ поселеній, вмѣстѣ съ посудою и другими предметами промышленнаго производства стали уже нагружаться и книгами, сдѣлавшимися повсюду предметомъ усиленнаго спроса ²⁴⁾. Въ большихъ политическихъ центрахъ греческаго міра страсть къ чтенію овладѣла обществомъ съ такою силою, что обратила даже на себя вниманіе комедіи, не замедлившей осмѣять крайности этого благороднаго увлеченія ²⁵⁾. Въ школахъ, домахъ и публичныхъ мѣстахъ

всѣхъ удовлетворяла. Есть напр. извѣстіе, что и Эврипидъ,—этотъ, безспорно, самый ученый изъ греческихъ поэтовъ классическаго періода,—также трудился надъ исправленіемъ текста гомерическихъ стихотвореній (ή κατ' Εὐριπίδην). Въ его время испытывать свои силы на поприщѣ эмендациі любимѣйшаго греческаго эпика было даже своего рода модою. Срв. Plut. Alcib. 7. Вообще справедливо замѣчаніе Магаффи (Ист. лит., русск. пер. I, стр. 31), что „вся филологія, вся грамматическая и текстуральная критика возникли у грековъ изъ желанія очистить и понять сперва гомеровскіе тексты, а потомъ и тексты другихъ древнихъ поэтовъ“.

²³⁾ Терминъ „грамматика“ имѣлъ у древнихъ очень широкое значеніе и примѣненіе: Sext. Empir. adv. gramm. p. 619, 16 В: τῆς γραμματικῆς το μὲν ἐστὶν ἱστορικόν, τὸ δὲ τεχνικόν, τὸ δὲ ἰδικότερον.—ἱστορικόν δὲ ὅπου περὶ προσώπων οἶονεὶ θείων τε καὶ ἀνθρώπων καὶ ἡρώων διδασκόντων ἢ περὶ τόπων διηγουνται καθάπερ ὁρῶν ἢ ποταμῶν ἢ περὶ πλάσμάτων καὶ μύθων παραδιδόντων ἢ εἰ τι τῆς αὐτῆς ιδέας ἐστίν.

²⁴⁾ Xenoph. Anab. VII, 5, 12 слл.: „ἔνθα (при Салминдесѣ) τῶν εἰς τὸν Πόντον πλεουσῶν νεῶν πολλὰ καὶ ὁκέλλουσι καὶ ἐκπίπτουσι· τέναγος γάρ ἐστιν ἐπὶ πάμπῳ τῆς θαλάττης. ἐνταῦθα εὐρίσκοντο πολλὰ καὶ μὲν κλίται, πολλὰ δὲ κιβώτια, πολλὰ δὲ βίβλοι γεγραμμένα, καὶ τᾶλλα πολλὰ, ὅσα ἐν ξυλίνοις τεύχεσι ναύκληροι ἄγουσιν“.

²⁵⁾ Срв. Aristoph. Ran. v. 1109 sqq: „εἰ δὲ τοῦτο καταρβείσθων, μή τις ἀμαθία προσῇ τοῖς θεωμένοις, ὥς τὰ λεπτὰ μὴ γινῶναι λεγόντων, μηδὲν ὀρώμεναι“.

литературныя темы начали составлять любимый предмет обсуждения и споровъ. Появились страстные книгособиратели, настоящіе библиоманы, къ числу которыхъ принадлежалъ напр. упоминаемый Ксенофонтомъ ²⁶⁾ Эвндемъ. Въ библиотекѣ этого послѣдняго наряду съ произведеніями Гомера и другихъ поэтовъ имѣлись и спеціальныя сочиненія изъ области медицины, архитектуры, геометріи и астрономіи, приобретенныя имъ съ большими затратами и усиліями ²⁷⁾. Не менѣе обширно было и собраніе книгъ, принадлежавшее знаменитому современнику Эвндема, трагику Эврипиду. Съ молодую серьезный и сосредоточенный,—Эврипидъ, какъ извѣстно, любилъ философскія занятія и не покидалъ ихъ въ продолженіе всей своей жизни. Начитанность его была изумительна, и недаромъ Аристофанъ называетъ его драмы экстрактомъ

τοῦτο, ὡς οὐκ ἔστι οὕτω ταῦτ' ἔχει. ἐστρατευμένοι γὰρ εἰσι, βιβλίον τ' ἔχον ἕκαστος μανθάνει τὰ δεξιὰ καὶ φύσει τ' ἄλλως κηρύσσεται, οὐν δὲ καὶ παρηκόνουνται“.

²⁶⁾ Xenoph. Memor. IV, 2, 1, 8.

²⁷⁾ Сократъ говоритъ Эвндему (прив. м.): *οὐ γὰρ τὴν ἡραν ἄγαμαί γέ σου, διότι οὐκ ἀργυρίου καὶ χρυσίου προσέλκου σῆσκαυρός κεκτησθαι μᾶλλον ἢ σοφίας· δῆλον γὰρ, ὅτι νομίζεις ἀργυρίου καὶ χρυσίου οὐδὲν βελτίους ποιεῖν τοὺς ἀνθρώπους, τὰς δὲ τῶν σοφῶν ἀνδρῶν γνώμας ἀρετῇ πλουτίζειν τοὺς κεκτημένους*. Слова эти, какъ замѣтилъ уже Беккеръ (Charikles, bearb. v. Göll, II, стр. 167), повидимому, относятся къ затратамъ Эвндема. Насколько послѣднія были значительны, о томъ мы отчасти можемъ судить. Книги всегда были въ цѣнѣ, особенно же автографы. По свидѣтельству Діогена лаэртскаго, Платонъ приобрѣлъ черезъ посредство Діона въ Сициліи три книги сочиненій пифагорейца Филолая за 100 минъ (Diog. III, 9; VIII, 15, 85. Срв. Gell. N. A. III, 17). Аристотель за экземпляръ ученыхъ трактатовъ Спевсиппа заплатилъ три таланта (Diog. L. IV, 1, 11; Gell. l. l.). Разумѣется, это рѣдкіе, единичные случаи; но приведенныя цифры все же весьма знаменательны. Иныя произведенія нужно было выписывать издадека, чтò конечно повышало ихъ цѣнность. Такъ напр. сочиненія Поликрата о Вуспридѣ и о Сократѣ, согласно правдоподобному предположенію Бирта (ор. I. р. 435 п. 1), было добыто Исократомъ путемъ спеціальной выписки. Книги Филолая, какъ мы сейчасъ видѣли, Платонъ досталъ также не непосредственно отъ книгопродавца. Книжныя лавки, правда, существовали уже тогда въ Аѳинахъ (срв. Pollux IX, 47; къ этому мѣсту см. Becker ор. I. II, р. 162), но онѣ были, вѣроятно, снабжены лишь такими рукописями, на которыя предъявлялся болѣе или менѣе постоянный спросъ. На изготовленіе списковъ, не оказывавшихся въ наличности, книгопродавцы, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и переписчиками, принимали особыя заказы.

(γυλός), вывареннымъ изъ книгъ. Въ его библіотекѣ навѣрное были собраны самыя разнообразныя литературныя произведенія, начиная съ трактатовъ его наставника Анаксагора и кончая твореніями лучшихъ поэтовъ греческихъ, изученіе которыхъ, по собственному его признанію, составляло высочайшій интересъ его существованія ²⁸⁾). Извѣстный архонтъ 94,2 ол. Эвклидъ также слылъ библіофиломъ ²⁹⁾). Но нѣтъ даже надобности приводить здѣсь такія крупныя историческія имена: въ любой элементарной школѣ имѣлся весьма изрядный ассортиментъ манускриптовъ, среди которыхъ можно было встрѣтить и произведенія орфиковъ, и Хэрилла, и Эпихарма, и трагедіи, и трактаты о кулинарномъ искусствѣ, не говоря уже о Гомерѣ и Гесіодѣ ³⁰⁾). Софисты читали публичныя лекціи о древнихъ поэтахъ и, несмотря на значительный гонораръ ³¹⁾), ихъ аудиторіи ломились отъ слушателей, а сочиненія ихъ, посвященныя отчасти вопросамъ

²⁸⁾ Ezechth. fragm. 370: μετὰ δ' ἡσυχίας πολλῶ γῆραι συνοικίην. ἀεῖδοιμι δὲ στεφάνοις κάρα πολλὸν στεφανώσας Θρηίκιον πέλταν πρὸς Ἀθάνας περικίονιν ἀγκρεμάσας θαλάμοις δέλτων ἢ ἀναπτύσσοιμι γῆρον ἂν σοφοὶ κλέονται. Въ „Ягушкахъ“ Аристофана Эврипидъ представленъ настоящимъ буквоедомъ, и о книгахъ его неразъ упоминается (срв. стт. 939 слл., 1407 слл.). Аэеней въ прив. м. называетъ его библіотеку наряду съ библіотеками Писипстрата, Поллукрата, Эвкланда и проч.

²⁹⁾ Athen. I. 1. Тамъ же названъ, какъ извѣстный книгособиратель, нѣкій Никократъ кипрѣнинъ. Быть можетъ, это тотъ самый грамматикъ, которому принадлежалъ упоминаемый въ гомеровыхъ схоліяхъ (II. V, 21) трактатъ „περὶ τοῦ ἐν Ἑλικῶνι ἀγῶνος“. Впрочемъ, Бергкъ (Gr. Ltgsch. I, стр. 215, прим. 72) предлагаетъ читать Νικοκρέων (о немъ см. Diod. XIX, 59, 79), а Шмицъ (ор. cit. p. 29, прим.)—Νικοκλῆς (сынъ и преемникъ Эвагора кипрскаго). Последнее довольно вѣроятно.—Историкъ Мемнонь также указываетъ намъ на одного библіофила,—именно на Клеарха, тиранна понтійскаго, ученика Платона и Исократы: βιβλιοθήκην μέντοι κατασκεύασαι πρὸ τῶν ἄλλων, οὗς ἡ τυραννὶς ἀπέδειξε νομαζέσθαι (Müller Fragm. H. Gr. III, p. 527). Срв. Bergk I. 1. Вообще можно думать, что обладателей значительныхъ книжныхъ сокровищъ въ періодъ времени до Аристотеля совсѣмъ не было такъ мало, какъ позагааетъ Шмицъ (прив. соч.), и, если мы знаемъ изъ нихъ только немногихъ, то свидѣтельства наши, очевидно, называютъ лишь самыя крупныя имена.

³⁰⁾ Основаніемъ для подобнаго утвержденія служитъ довольно длинный фрагментъ комедіи Алексиды „Λύκος“ (ар. Athen. IV, p. 164).

³¹⁾ Напр. Горгій взималъ съ каждаго изъ своихъ учениковъ по 100 минъ.

грамматическимъ, отчасти теоріи поэзи и прозы, находили въ публикѣ самый благосклонный пріемъ. Любознательные умы интересовались научными проблемами общаго характера столько же, сколько и самыми кропотливыми историческими и филологическими изысканіями, и мы знаемъ напр., что Протагоръ, авторъ философскаго трактата «о бoгахъ», занимался изученіемъ законовъ правильной рѣчи („περὶ ὀρθοεπίας“), а Горгій, главнымъ трудомъ котораго былъ спекулятивный трактатъ «о природѣ» („περὶ φύσεως ἡ τοῦ μὴ ὄντος“), охотно посвящалъ свои досуги антикварнымъ, генеалогическимъ и историко-литературнымъ изслѣдованіямъ.

Ко временамъ пелопоннесской войны слѣдуетъ отнести первую попытку общаго компендіума исторіи греческой литературы, принадлежащую перу нѣкоего Главка или Главкона ³²⁾, соотечественника Θεαгена. Повидимому, это былъ обширный трудъ, заключавшій въ себѣ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ всѣхъ греческихъ поэтовъ и музыкальных композиторовъ, начиная съ Орфея, Мусэя, Олимпа и другихъ полумифическихъ пѣвцовъ древности ³³⁾ и кончая Эмпедокломъ и Демокритомъ ³⁴⁾, т. е. ближайшими современниками самого автора. Въ источникахъ нашихъ трудъ этотъ приводится подъ различными заглавіями: „περὶ ποιητῶν“ ³⁵⁾ или „περὶ τῶν ἀρχαίων ποιητῶν καὶ μουσικῶν“ ³⁶⁾ или наконецъ „ἀναγχαρὴ ὑπὲρ τῶν ἀρχαίων ποιητῶν“ ³⁷⁾. Судя по немногимъ отрывкамъ изъ него, сохраннымъ у другихъ авто-

³²⁾ Объ этихъ двухъ формахъ его имени см. Sengebusch *Hom. diss. prior*, p. 203.

³³⁾ *Plut. de musica* c. 10; *Harpor.* s. v. Μουσικῶς,

³⁴⁾ *Diog. Laërt.* IX, 38: πάντως μέντοι τῶν Πυθαγορικῶν τινος ἀκούσαι φησιν αὐτὸν (Δημόκριτον) Γλαῦκος ὁ Ρηγῖνος, κατὰ τοὺς αὐτοῦς χρόνους αὐτῷ γεγονώς.

³⁵⁾ *Plut. Vitae* X orr. p. 833 D.

³⁶⁾ *Plut. de mus.* IV.

³⁷⁾ *Plut. de mus.* c. VII. *Idem* (c. V, 6) οἱ ἀναγχαρότερες, (c. X, 1) οἱ ἀρχαῖοι. Трактатъ „περὶ Αἰσχύλου“, приписываемый Главку (*Aesch. Pers. argum.*), мнѣ кажется, не составлялъ отдѣльнаго сочиненія, но входилъ, какъ часть, въ книгу „περὶ ποιητῶν“.

ровъ и собраннымъ у К. Миллера ³⁸⁾, нельзя не пожалѣть, что онъ не дошелъ до насъ цѣликомъ: помимо одного только историческаго интереса сочиненіе Главка могло имѣть значеніе для современнаго изслѣдователя и по весьма удовлетворительной полнотѣ данныхъ, собранныхъ, очевидно, съ любовью, тщаніемъ и осторожностью. Подобную же тему и около того же времени обработалъ Дамастъ изъ Сигея, ученикъ Гелланика ³⁹⁾. Трактатъ его носилъ названіе „περὶ ποιητῶν καὶ σοφιστῶν“ и по всей вѣроятности заключалъ въ себѣ уже обзоръ не одной только поэтической, но и въ ту пору еще юнсей и немногочисленной прозаической литературы ⁴⁰⁾. Авторъ пользовался при этомъ довольно свободно историческимъ матеріаломъ, собраннымъ его предшественниками, особенно же Гекатэемъ милетскимъ и Гелланикомъ ⁴¹⁾. Столь же общій характеръ имѣло и произведеніе Критія, составившаго въ гексаметрахъ нѣчто вродѣ критическаго обзорѣнія греческой поэзіи. Ученикъ софистовъ и самъ поэтъ,—Критій, естественно, стоялъ преимущественно на почвѣ эстетической оцѣнки продуктовъ поэтическаго творчества ⁴²⁾, но безъ всякаго сомнѣнія стихотворному трактату его не чуждъ былъ и историческій моментъ ⁴³⁾. А въ

³⁸⁾ C. Müller's Frgmm. N. Gr. II, 23; IV, 653.

³⁹⁾ Виламовицъ (Hermes. XI p. 292 sq.) и Нисе (ibid. XXIII p. 80 sq.) считаютъ Гелланика современникомъ Эукидида, опираясь на frg. 78, 80. Philochor. frg. 120.

⁴⁰⁾ Подъ словомъ „σοφιστῶν“ въ заглавіи названнаго сочиненія Дамаста К. Мюллеръ разумѣетъ философовъ-софистовъ (II, 65), Зенгебушъ—музыкальныхъ композиторовъ (Dissert. I, 163), Бергкъ—прозаическихъ писателей (Gr. Ltgsch. I, 265, прим. 4). Мы склоняемся на сторону послѣдняго мнѣнія.

⁴¹⁾ Agathemerus I, 1: Δαμάστῃς ὁ Κιττιεύς (scr. ὁ Σιγαιεύς) τὰ πλεῖστα ἐκ τοῦ Ἐκαταίου μεταγράψας περίπλου ἐγραψε. Срв. Dionys. Hal. A. R. I, c. 72 (ар. Müller. II, pp. 64, 66).

⁴²⁾ Образецъ такой оцѣнки представляетъ фрагментъ, сохранный у Аэнея (XIII p. 600 d, e) и относящійся къ Анакреонту. Сужденіе Критія объ Архилохѣ см. Aelian V. N. X, 13.

⁴³⁾ Самое обзорѣніе историко-литературнаго матеріала, вѣроятно, располагалось у Критія въ хронологическомъ порядкѣ, для чего конечно нѣкоторымъ подспорьемъ могли служить хронологическія изысканія Гелланика и Дамаста (срв. Dionys. Hal. A. R. I, 72). По поводу важнѣйшаго въ этомъ отношеніи изъ трудовъ Гелланика,—хроникки жрицы Геры,—см. теперь Niese въ Hermes XXIII, стр. 80 сл.

изслѣдованійхъ, принадлежащихъ слѣдующимъ поколѣнιάмъ, этотъ моментъ уже становится рѣшительно преобладающимъ.

Къ сожалѣнiю, скудость данныхъ заставляетъ насъ здѣсь ограничиваться почти одною только номенклатурою. Да и номенклатура эта по необходимости представляетъ рядъ важныхъ пробѣловъ, на восполненiе которыхъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакой надежды. Въ самомъ дѣлѣ, исторiя нашей науки вплоть до временъ александрийскихъ, относительно ученой литературы которыхъ мы нѣсколько лучше освѣдомлены, въ сущности не располагаетъ ничѣмъ кромѣ разрозненныхъ именъ, которыя, словно одинокия вѣхи, обозначаютъ направлениe историко-литературныхъ изслѣдованiй въ Греции лишь самымъ общимъ образомъ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть здѣсь сочинениe Праксидаманта, относившееся, правда, болѣе непосредственно къ исторiи музыки, но, какъ музыка у древнихъ, искони была неразрывно связана съ поэзiею и орхестикою въ качествѣ сопровожденiя танцевъ, пѣнiя и декламации, то безъ сомнѣнiя касавшееся также и исторiи этихъ искусствъ ⁴⁴⁾. При этомъ я позволю себѣ высказать убѣжденiе, что другiе музыканты-теоретики, какъ напр. Эпигонъ амбракiйскiй, Агеноръ митиленскiй, Эратоклъ и проч., часто цитируемые Аристоксеномъ, разумѣется, подобно Праксидаманту, также не всегда держались въ тѣсныхъ предѣлахъ чисто теоретическихъ изслѣдованiй и въ своихъ произведенiяхъ часто сталкивались съ фактами исторiи музыки и связанныхъ съ музыкою поэтическихъ формъ. Тоже должно сказать и о довольно обширной литературѣ, посвященной вопросу о греческихъ празднествахъ,

---

⁴⁴⁾ Harpocr. v. Μουσικός: περὶ δὲ Μουσίου Ἀριστόξενοῦ ἐν τοῖς Πραξιδαμαντίαις φησὶν, ὅτι οἱ μὲν ἐκ Θράκης εἰρήκασι τὸν ἄνδρα εἶναι, οἱ δὲ ἀττόχουσα ἐξ Ἑλευσίνος; Срв. Suid. s. v. χιζέιν. На основанiи этихъ свидѣтельствъ можно предполагать, что Праксидаманту принадлежалъ трактатъ „περὶ μουσικῶν“ или „περὶ ποιητῶν καὶ μουσικῶν“, потребовавшiй дополненiй или опроверженiй со стороны Аристоксена (Ionsius Scr. hist. ph. I, 76).

торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и мусическихъ агонахъ.

Можно смѣло утверждать, что ни въ какой другой области изслѣдованій историческаго характера ученый въ древней Греціи не располагалъ такимъ богатымъ матеріаломъ, не чувствовалъ подъ собою столь твердой почвы, какъ именно въ области вопросовъ, связанныхъ съ исторіею агонистики. Вездѣ, гдѣ только существовали значительные агоны гимнические (ἄγῶνες γυμνικοί или ἄθλοι) или мусические (ἄ. μουσικοί),—а существовали они въ большинствѣ греческихъ политій,—велись официальные списки побѣдителей, имѣлись специальные календари, ставились памятники съ краснорѣчивыми надписями, слагались легенды. Въ архивахъ такихъ святилищъ, какъ напр. храмъ Аполлона въ Дельфахъ, знаменитые олимпійскіе храмы и проч., антикваріи могъ найти бездну драгоцѣннѣйшихъ историческихъ документовъ, сюда относящихся, а въ художественныхъ собраніяхъ, принадлежавшихъ этимъ святилищамъ, хранились роскошныя къ нимъ иллюстраціи въ видѣ разнообразныхъ «анаѳемъ». Въ текстахъ древнихъ писателей упоминаются „τὰ τῶν Δελφῶν ὑπομνήματα“ ⁴⁵⁾, „τὰ Ἡλείων ἐς τοὺς Ὀλυμπιονίκας γράμματα“ ⁴⁶⁾, „ἡ τῶν Παναθηναίων γράφη ἡ περὶ τοῦ μουσικοῦ ἄγῶνος“ ⁴⁷⁾ и т. п. Все это вмѣстѣ съ анаѳематическими эниграммами представляло надежный историческій матеріалъ, и изслѣдователи старины, хоть по словамъ Плутарха и поздно ⁴⁸⁾, однако не преминули къ нему обратиться и имъ воспользоваться.

Рядъ трактатовъ на тему о мусическихъ агонахъ открываетъ собою извѣстное сочиненіе логографа Гелланика

⁴⁵⁾ Plut. Sol. c. 11. Срв. Ranke De Aristoph. vit. (Arist. Plut. ed. Thiersch. 1830), p. 135 sqq.

⁴⁶⁾ Paus. VI, 2, 1; VI, 13, 6, V, 8, 3.

⁴⁷⁾ Plut. de mus. VIII.

⁴⁸⁾ Plut. Num. 1: τοὺς μὲν οὖν χρόνους ἐξακριβῶσαι χαλεπὸν ἐστὶ, καὶ μάλιστα τοὺς ἐκ τῶν Ὀλυμπιονικῶν ἀναγομένους, ὧν τὴν ἀναγραφὴν ὁψὲ φασὶν Ἰππίαν ἐκδοῦναι τὸν Ἡλείων, ἀπ' οὗθενδὲς ὁρμώμενον ἀναγκαίου πρὸς πίστιν.

„Καρνεοῖναι“ (или „Κρναῖναι“), заключавшее въ себѣ перечень побѣдителей на карнейскихъ состязаніяхъ въ Спартѣ, — другими словами, исторію музыкально-поэтической дѣятельности Терпандридовъ ⁴⁹⁾. Намъ извѣстны далѣе по имени изъ числа произведеній этого рода разсужденіе Ферекида леросскаго [ол. 81] „περὶ τῶν Διονύσου ἑορτῶν“ ⁵⁰⁾, трактаты Гиппія элейскаго „Ὀλυμπιονικῶν ἀναγραφή“, Андрона галикарнасскаго „περὶ θυσίων“ ⁵¹⁾, Габрона „περὶ ἑορτῶν καὶ θυσίων“ и мн. др. Вращаясь преимущественно въ области религіозныхъ древностей, миѳологій и исторіи искусствъ, изслѣдователи эти не могли, конечно, не затрогивать также и исторію эпоса, драмы и мелоса, развитіе которыхъ шло рука объ руку съ развитіемъ агонистики, и успѣли собрать богатый запасъ преданій, фактовъ и личныхъ наблюденій, послужившихъ впослѣдствіи матеріаломъ для перипатетиковъ, коимъ принадлежали, повидимому, самыя крупныя работы по предмету греческой геортологіи.

Уже въ списокѣ сочиненій самого Аристотеля, главы перипатетической школы, мы находимъ относящіеся сюда титулы: Ὀλυμπιονῖναι α, Πυθιονῖναι μουσικῆς α, Πυθικός α, Πυθιονικῶν ἑλεγχοὶ α, νῖναι Διονυσιακαί α, περὶ τραγῳδιῶν α, διδασκαλίαι α (Diog. L. V, 26). Каково бы ни было взаимное отношеніе трактатовъ, означенныхъ этими титулами, — другими словами, составлялъ ли каждый изъ нихъ самостоятельное цѣлое, или же напр. „διδασκαλίαι“ были частью

⁴⁹⁾ Срв. Schol. Aristoph. Avv. 1403; Athen. XIV p. 635 e. По свидѣтельству Аеенея, Гелланикъ дважды обработалъ свое сочиненіе о карнейскихъ состязаніяхъ, — стихами и прозою.

⁵⁰⁾ Мнѣніе Липсіуса (Quaestt. logographicae. Ind. lectt. Lips. 1885/6), будто Ферекидъ леросскій былъ моложе Эратосеена, стоитъ совершенно особнякомъ.

⁵¹⁾ Слѣдуетъ упомянуть honoris causa сочиненіе подъ тѣмъ же заглавіемъ, принадлежавшее извѣстному жрецу и чудотворцу Эпимениду критскому (Diog. L. I, 112). Быть можетъ, Амелесагоръ халкедонскій также имѣетъ право быть здѣсь поименованнымъ (срв. Müller Frgm. h. Gr. II p. 21). — Насколько дѣйствительно имѣли отношеніе къ исторіи литературы сочиненія разныхъ авторовъ, озаглавленные „περὶ θυσίων“, „περὶ ἑορτῶν“ и т. п., о томъ яснѣе всего свидѣлствуютъ напр. фрагменты Сосибія (ар. Müller. II p. 626 sq.) и Филохора (Natalis Comit. Mythol. I, 9 p. 36; цит. Müller. Frgm. h. Gr. I p. 413).

книги „περὶ τραγῳδίων“ (К. Мюллеръ), а „Ποθικῶν μουσικῶν“—частью сочиненія „Ποθικῶν ἑλεγχῶν“, приведеннаго въ списокъ вторично подъ заглавіемъ „Ποθικός“ (Целлеръ),— во всякомъ случаѣ нельзя предполагать, что это были только своды готовыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ официальныхъ документовъ,—голые перечни побѣдителей въ состязаніяхъ и ихъ конкурентовъ, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ. Это, во первыхъ, несогласно съ общимъ характеромъ ученыхъ работъ Аристотеля, который, по справедливому замѣчанію Бергга, никогда не останавливался на одномъ накопленіи эмпирическаго матеріала; во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что, по всей вѣроятности, поименованные труды были предприняты Аристотелемъ прежде всего въ интересахъ историко-литературнаго изслѣдованія, какъ подготовительные этюды къ его большому трактату „περὶ ποιητῶν“ ⁵²⁾. Въ нихъ, несомнѣнно, наряду съ поло-

⁵²⁾ Трактатъ „περὶ ποιητῶν“, состоявшій изъ трехъ книгъ, упоминается у Діогена лаэртскаго (V, 22) и въ двухъ анонимныхъ біографіяхъ Аристотеля (ар. Menag. Diog. p. 202; ар. Buhl. Arist. I p. 54), изъ коихъ одна приписываетъ ему форму діалога. По мнѣнію Эггера (Essai sur l'histoire de la critique chez les Grecs. Paris. 1887. p. 184), это было не что иное, какъ продолженіе и распространеніе „дидакалій“; напротивъ Гейтцъ (Die verlorenen Schriften des Aristoteles. Leipz. 1865 стр. 174 сл., 255 сл.), считающій „дидакаліи“ за простые реестры именъ и титуловъ („blosse Aufzeichnungen rein äusserlicher Umstände“), совершенно отрицаетъ существованіе какой бы то ни было связи между ними и названнымъ трактатомъ. Что касается нашего сужденія, то мы не видимъ возможности согласиться съ Гейтцомъ. Кромѣ элемента статистическаго въ „дидакаліяхъ“, несомнѣнно, заключался и элементъ критическій, на что мы имѣемъ ясное указаніе (см. стр. 18 прим. 55). По нашему убѣжденію, это былъ не просто каталогъ, но серьезная обработка эпиграфическаго матеріала, рядъ официальныхъ записей (ἀρχαρχαί), приведенныхъ въ систему, проверенныхъ и объясненныхъ на основаніи частныхъ изысканій. Трудъ этотъ, очевидно, долженъ былъ служить къ уясненію различныхъ вопросовъ исторіи аттической драмы, которая для Аристотеля составляла предметъ весьма долгаго и всесторонняго изученія. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ „дидакаліи“ работою, въ извѣстной мѣрѣ подготовившею какъ трактатъ историческаго содержанія „περὶ ποιητῶν“, такъ даже и теоретическое сочиненіе „ποιητικόν“, до насъ въ искалѣченномъ видѣ дошедшее. Подобнаго воззрѣнія держится между прочимъ и Гольмъ въ послѣднемъ изъ вышедшихъ томовъ своей „Исторіи Греціи“ (III), называющій еще болѣе опредѣленно дидакаліи „eine auf Dokumente gegründete Theatergeschichte“ (стр. 490).

жительными результатами архивных розысканий неминуемо должны были найти мѣсто и тѣ или нынѣ рѣшенія разнаго рода критическихъ вопросовъ, — касательно принадлежности сомнительныхъ произведений, ихъ точныхъ заглавій, ихъ хронологіи и т. п. Что въ самомъ дѣлѣ было такъ, о томъ свидѣтельствуешь одинъ варіантъ вышеприведеннаго списка, въ которомъ значитъ: „Ολυμπιονίκας, βιβλίον α, ἐν ᾧ Μέναιχμον ἐνίκησεν“ [Ἀριστοτέλης] (Anonym. Menagii). К. Мюллеръ замѣчаетъ: «ea (Anonymi verba) ita intelligo, ut Aristotelem in descriptione ludorum Olympicorum et in constituenda serie victorum adhibuisse statuam simile opus Menaechni, ita ut notaret, quae minus recte Menaechnus posuisse videretur»⁵³⁾.

Особенно важное значеніе имѣли, повидимому, «дидаскаліи», къ которымъ въ послѣдствіи не переставали обращаться, какъ къ первостепенному источнику, Дикѳархъ, Гераклідъ, Каллимахъ, Эратосѳенъ, Аристофанъ византійскій⁵⁴⁾ и проч. Какъ явствуетъ изъ немногихъ ссылокъ на это произведение, встрѣчающихся въ древнихъ схоліяхъ (ad Aristoph. aves v. 281), словаряхъ (Phot. s. v. ὄνου σκιά) и т. п., можно полагать, что въ «дидаскаліяхъ» Аристотеля были сведены и снабжены критическимъ комментариемъ⁵⁵⁾ документальныя свидѣтельства, касавшіяся хронологіи аттической драмы и отчасти мелоса. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что уже и при Аристотелѣ историко-литературное преданіе зачастую оказывалось далеко неполнымъ, а иногда и просто на-просто ложнымъ, и что за исключеніемъ несовершенныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, сдѣланныхъ Гелланикомъ и Дамасомъ (ср. стр. 13 прим. 43),

⁵³⁾ Frgm. h. Gr. II p. 182.

⁵⁴⁾ О дидаскаліяхъ см. U. Köhler въ Mittheil. des deutschen archäologischen Instituts in Athen, III; Richter Prol. ad Aristoph. Vesp. p. 13 sqq; Heitz op. cit. p. 255 sq; A. Krebs „Didaskalia“ (Dictionn. des antiquités par Daremberg et Saglio p. 167). У Кребса приведена полная библиографія этого запутаннаго и интереснаго вопроса.

⁵⁵⁾ Срв. напр. Schol. ad Aristoph. aves v. 1379: Δίδυμος μὲν κύκλον, ἐπεὶ κυκλίων ἀσμάτων ποιητὴς ἐστὶ (ὁ Κινησίαις), κυλλὸν δέ, ἐπεὶ χυλὸς ἐστὶν... ὁ δὲ Ἀριστοτέλης ἐν ταῖς Διδασκαλίαις ὁμοφροῦναι.

никто дотолѣ не предпринималъ точныхъ хронологическихъ изысканій съ цѣлью установить неразрывную связь между одиночными фактами исторіи литературы, то намъ нетрудно будетъ оцѣнить заслугу великаго стагирита, впервые взявшагося за рѣшеніе этой задачи. Его «дидаскаліи» должны были внести опредѣленный, надежный принципъ въ ту область знанія, гдѣ до сихъ поръ дѣйствительность сплеталась съ вымысломъ, недочетъ въ фактическихъ данныхъ свободно пополнялся созданіями досужей фантазіи и произволъ царилъ въ самой группировкѣ наличнаго матеріала.

Ученики Аристотеля съ успѣхомъ продолжали его розысканія. Къ его «дидаскаліямъ» и «никамъ» (Νῆξι) по содержанію и общему характеру примкнули трактаты Теофраста „περὶ ἑορτῶν“, Дикѣарха „διδασκαλίαι“, „περὶ Διονυσιακῶν ἁγώνων“, „περὶ ἁγώνων μουσικῶν“, „Παναθηναϊκός“, „Ὀλυμπιακός“, Гераклида понтійскаго „περὶ μουσικῆς“, „συναγωγὴ τῶν ἐν μουσικῇ“, „περὶ τῶν τριῶν τραγωδοποιῶν“, Гіеронима родоскаго „περὶ τῶν κίθαρῶδων“ и мн. др. Въ перипатетической школы исторія агонистики также стала возбуждать интересъ: Филохоръ посвятилъ специально аѳинскимъ состязаніямъ огромный трудъ „περὶ τῶν Ἀθηνῆσι ἁγώνων“ (въ 17 книгахъ); ему же приписываются изслѣдованія: „περὶ ἑορτῶν“, „περὶ θυσίων“, „περὶ χαθαρμῶν“; Аристоксенъ помимо общаго сочиненія по исторіи музыки („περὶ μουσικῆς“ въ 4-хъ кн.) писалъ „περὶ αὐλῆτῶν“ и „περὶ τραγωδοποιῶν“; Дуриду самосскому принадлежало сочиненіе „περὶ ἁγώνων“, Тимѳею тавромениту — „Ὀλυμπιονῆται“, Демону — „περὶ θυσίων“, Истру — „περὶ ιδιότητος ἄθλων“, „μελοποιοί“ и проч. ⁵⁶⁾.

Независимо отъ такихъ геортологическихъ изслѣдованій, имѣвшихъ, разумѣется, лишь косвенное отношеніе къ исторіи литературы въ собственномъ смыслѣ слова, кругъ занятій вопросами этой послѣдней не переставалъ расширяться.

⁵⁶⁾ См. у К. Мюллера второй реестръ (index titulorum, IV, p. 679 sqq.) подъ словами: περὶ ἁγώνων, π. ἑορτῶν, π. θυσίων, π. μουσικῶν съ соотвѣтствующими ссылками. Срв. также Krause Olympia p. XI sqq.

Съ этими вопросами должны были столкнуться между прочимъ и весьма многочисленные въ древней Греціи изслѣдователи исторіи человѣческихъ открытій и изобрѣтеній. Пытливый умъ грека рано сталъ углубляться въ изысканіе причины всего существующаго, и не было ничего, что онъ не старался бы такъ или иначе возвести къ своему первоисточнику. Онъ устанавливалъ генеалогическія связи между богами народной религіи, искалъ общаго праотца для многочисленныхъ греческихъ племенъ, интересовался возникновеніемъ отдѣльныхъ городскихъ общинъ, святилищъ и культовъ, старался открыть имена изобрѣтателей разнаго рода искусствъ и техническихъ производствъ, объяснить генетически происхожденіе предметовъ повседневнаго употребленія и самыхъ ихъ названій и т. п. Каждый фактъ, каждое явленіе, каждая вещь составляли для грека *posterius*, досадно дразнившее его фантазію неотвязнымъ вопросомъ: каково же было *prius*? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ явилась мало по малу цѣлая серія трактатовъ «объ открытіяхъ» (*περί εὐρημάτων*). Въ нихъ повѣствовалось напр. о томъ, что первый корабль былъ построенъ и спущенъ на море ливійцемъ Атлантомъ, а первая свирѣль сдѣлана фригійцемъ Сатиромъ, что употребленіе ремня въ кулачномъ бою (*μάχυντες πυκτιχοί*) введено было впервые Аминомъ, царемъ Бебриковъ, а краска для волосъ придумана Медеею, что религіозные обряды (*τὸ θρησκευεῖν*) обязаны своимъ происхожденіемъ Фракійцамъ (*Θράκες*), что астрологіей стали прежде всѣхъ заниматься египтяне, что обработку желѣза и мѣди изобрѣли идѣйскіе дактилы, что быкъ впервые запряженъ въ плугъ уроженцемъ Аттики Эпименидомъ, что строить башни первые стали Киклоны и проч., и проч.⁵⁷⁾. Выходить, стало быть, что не было такой области, которой не затрогивали бы эти трактаты, и само собою разумѣется, что и область исторіи литературы они не оставляли въ сторонѣ. Гдѣ возникъ алфавитъ и какъ онъ сдѣлался достояніемъ

⁵⁷⁾ Срв. Lobbeck *Aglaoph.* I p. 168. .

грековъ, кто былъ изобрѣтателемъ той или другой поэтической формы, кому принадлежало то или иное изреченіе, — всѣ эти и подобныя задачи охотно брались разрѣшить авторы изслѣдованій „περὶ εὐρημάτων“. Древнѣйшимъ изъ такихъ авторовъ, намъ извѣстнымъ, былъ Симонидъ Генеалогъ, племянникъ соименнаго лирика. За нимъ слѣдовали историки Эфоръ и Филохоръ, Филархъ, Эфиппъ, Филостефанъ, Кидиппъ, Антифанъ, Аристодемъ и Скаммонъ, Аристотель и перипатетики Теофрастъ, Гераклидъ понтійскій, Стратонъ и мн. др. ³⁸⁾. Къ сожалѣнію, богатая и своеобразная литература эта погибла безвозвратно, и мы не могли бы даже составить себѣ о ней болѣе или менѣе ясное представленіе, если бы случайно не сохранились краткіе экскерпты изъ названныхъ писателей, сдѣланные Плиніемъ и Климентомъ александрійскимъ ³⁹⁾.

Съ Аристотеля начинается новая пора для нашей науки. Всѣ болѣе раннія работы первыхъ піонеровъ ея были оставлены позади историко-литературными трудами великаго философа, соединявшими глубину, серьезность и основательность съ строгою методичностью. Его «Поэтика» (περὶ ποιητικῆς) и «Реторика» (περὶ ῥητορικῆς) представляютъ собою теоретическія сочиненія, опирающіяся на всестороннѣйшее изученіе исторіи греческой поэзіи и прозы, и предполагаютъ цѣлый рядъ подготовительныхъ изслѣдованій въ этой области. Какъ извѣстно, эти изслѣдованія, каковы напр. συναγωγή τεχνῶν (трактатъ, посвященный исторіи ораторскаго искусства), συναγωγή τέχνης τῆς Θεοδέκτου (курсъ лекцій по предмету реторики, изданный Θεοδέκτῳ), προβλήματα Ὀμηρικά, ἀπορήματα ποιητικά, περὶ ποιητῶν (обширное сочиненіе по исторіи поэзіи, въ 3-хъ книгахъ), упомянутыя выше διδασκαλίαι и проч., либо вовсе не дошли до насъ, либо уцѣлѣли въ видѣ ничтожныхъ и уже значительно искажен-

³⁸⁾ K. Müller Frgm. hist. Gr. IV, index II s. v. περὶ εὐρημάτων; Uppenkamp op. cit. p. 14 sqq.

³⁹⁾ Clem. Alex. Strom. I, 74 p. 132 S (ap. Müller. IV p. 490); Plin. H. N. VII, 37.

ныхъ фрагментовъ, разсѣянныхъ главнымъ образомъ по различнымъ схоліямъ; тѣмъ не менѣ историкъ обязанъ остановиться на этихъ титулахъ и фрагментахъ, ибо здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ источникомъ, изъ котораго ближайшіе послѣдователи Аристотеля черпали и фактическія данныя, и методическія указанія, и, главное, живой интересъ къ подобнаго рода изысканіямъ. Безъ этого могущественнаго стимула, можно сказать навѣрное, историко-литературныя запятія въ Греціи никогда не приняли бы тѣхъ обширныхъ размѣровъ, какихъ они достигаютъ въ третьемъ столѣтіи до Р. Х., во времена діадховъ, когда на поприщѣ нашей науки вослѣдъ за перипатетиками Теофрастомъ, Деметріемъ фалерскимъ, Дикзархомъ, Фаніемъ, Гераклидомъ понтійскимъ, Хамэлеонтомъ, Праксифаномъ, Мегаклидомъ и др. выступаютъ свѣтила грамматическихъ школъ Александріи и Пергама, — Эратосѣенъ, Каллимахъ, Кратетъ, Антигонъ каристійскій, Гермиппъ и проч. Сочиненія общаго характера и монографіи, посвященныя вопросамъ частнымъ, критическіе трактаты, біографіи поэтовъ, философовъ, ораторовъ, музыкантовъ, ученыхъ, толковые каталоги, хрестоматіи, хронологическія розысканія, полемическіе памфлеты, — все это сразу наводняетъ книжный рынокъ, дотолѣ довольно бѣдный товаромъ этого рода. Намѣчаются серьезныя научныя цѣли, ставятся и отчасти рѣшаются вопросы первостепенной важности, ведется самое кропотливое собраніе матеріала, вспоминаются полузабытыя имена, дѣлаются интересныя обобщенія. Цѣлый летонъ ученыхъ занимается изслѣдованіемъ гомеровскаго вопроса и выдѣляетъ изъ себя школу такъ называемыхъ «хоризонтовъ» съ Ксенономъ и Гелланикомъ во главѣ, которые, шествуя по пути, намѣченному Главкомъ и др. ⁶⁰⁾,

⁶⁰⁾ Изъ схолій къ Эврипиду можно заключить, что Главкъ отрицалъ принадлежность „Кипрій“ Гомеру (Schol. Eurip. Necub. 41: ὁ τῷ Κῶπρις καὶ ποιήσας φησὶν—ὡς Γλαῦκος γράφει). Сомнѣніе въ достовѣрности преданія, приписывавшаго одному поэту весь эпическій циклъ, зародилось впрочемъ и до Главка, и уже логографъ Гелланикъ, повидному, сталъ интересоваться вопросомъ о подлинныхъ авторахъ поэмъ этого цикла. Геродотъ считалъ не только „Кипріи“, но и „Эпигоновъ“ чуждыми Гомеру. Оукпидъ отно-

стараятся доказать, что не только поэмы киклическаго эпоса, Маргитъ и гимны не могутъ быть приписаны Гомеру, но и самая Одиссея чужда ему. Другіе (Мегаклидъ?) пытаются примѣнить приемы той же разлагающей критики къ обширному циклу стихотвореній гесіодическихъ. Ликофронъ, Эратосѣенъ, Эвфроній подвергаютъ тщательному изслѣдованію вопросъ о подлинности драматическихъ произведеній, приписываемыхъ комикамъ. Подобныя же изысканія производятся и въ области трагедіи, различныхъ видовъ лирики, исторіи, философій.

Можно сказать безошибочно, что всей суммой нашихъ свѣдѣній по части внѣшней исторіи греческой литературы мы обязаны тому научному движенію, которое развилось въ школѣ Аристотеля и мало по малу увлекло прочихъ ученыхъ. Важнѣйшіе источники наши, какъ-то—словари Гарпократіона, Свида, Гесихія, Фотія, паросская хроника (*Chronicon Parium*), хроника Евсевія, разрозненные свидѣтельства схолій, спеціальныя трактаты вродѣ псевдо-плутархова „*περί τῶν δέξα ῥητόρων*“ или извѣстной книги Діогена лаэртскаго, случайно сохранившіяся біографіи,—все это восходитъ, какъ къ своему первоисточнику, къ тѣмъ историко-литературнымъ трудамъ, которые явились плодами этого движенія ⁶¹⁾. Тѣмъ печальнѣе, что нынѣ мы должны довольствоваться лишь жалкими фрагментами богатѣйшей ученой литературы, имъ созданной, — фрагментами, зачастую совершенно неважными и несущественными. И еслибы кто пожелалъ по этимъ обломкамъ воссоздать исторію ученыхъ студій, нами здѣсь

силъ къ автору Иліады и Одиссеи только гимны, Аристотель—Маргита, а Платонъ, какъ кажется, отвергалъ и эти стихотворенія, какъ псевдо-гомеровскія, признавая только Иліаду и Одиссею достойными имени Гомера.

⁶¹⁾ Нѣсколько преувеличиваетъ однако Фолькманъ значеніе историко-литературныхъ трактатовъ Аристотеля, считая напр. его сочиненіе (диалогъ?) „*περί ποιητῶν*“ за непосредственный источникъ большей части находящихся у Свида біографій греческихъ поэтовъ древнѣйшаго періода (R. Volkman Quaestiones de Suidae biographicis. Bonn. 1861. p. 16 sqq.). См. Heitz op. cit. p. 177.

бѣгло очерченныхъ, въ болѣе цѣльной, яркой и полной картинѣ, то ему потребовались бы для того недюжинныя дивинаторныя способности.

Задача настоящаго сочиненія несравненно скромнѣе. Мы остановимъ свое вниманіе на дѣятельности лишь одного изъ тѣхъ тружениковъ науки, которые подвизались на поприщѣ историко-литературныхъ изслѣдованій въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за смертью Аристотеля. Труженикъ этотъ — Каллимахъ, болѣе извѣстный, правда, въ качествѣ поэта, нежели въ качествѣ ученаго, хотя и самая поэзія его отмѣчена печатью изумительной энциклопедической учености, снискавшей ему прозвище «непогрѣшимаго» (ἄπτωτος).

Впрочемъ мы не безъ намѣренія и не случайно выбрали предметомъ своего разсужденія именно его: онъ можетъ считаться представителемъ александринизма вообще и того направленія, которому подчинялись историко-литературныя занятія александрійской эпохи, — въ частности. Одинъ изъ ученыхъ, посвятившій дѣятельности Каллимаха серьезную и интересную диссертацию, справедливо говорить: «Callimachus vere est Alexandrinus; et omnes notae, quibus signantur hujus aetatis et regionis ingenia, in eo et in scriptis ejus mirum in modum expressae videntur» ⁶²⁾.

Эпиграфъ 1.

(Къ стр. 3 сл.).

Роль Писистрата въ исторіи гомеровской критики.

Немногимъ болѣе полувѣка тому назадъ открытіе неизвѣстныхъ доголдъ греческихъ текстовъ побудило Фр. Ричля приняться за подробное разсмотрѣніе вопроса объ участіи Писистрата въ дѣлѣ исправленія гомеровскихъ поэмъ. Ричль строго взвѣсилъ достоинство прямыхъ и косвенныхъ пока-

⁶²⁾ E. Thionville. De arte Callimachi poetae. Parisiis. 1855. р. 27.

заній, даваемыхъ на этотъ счетъ нашими источниками, и почерпнулъ изъ нихъ твердое убѣжденіе, что заслуги Писистрата по отношенію къ гомеровской критикѣ составляли въ древности общепризнанный, непререкаемый фактъ и что, если ни Геродотъ, ни Фукидидъ, ни Платонъ, ни Аристотель ни единымъ словомъ не обмолвились на счетъ писистратовой рецензій, то изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что они о ней ничего не знали. Такое молчаніе ихъ для него вполне объяснялось тѣмъ, что Писистратъ и его сотрудники въ сущности были не творцами гомеровскихъ поэмъ, какъ законченнаго цѣлаго, а лишь восстановителями утраченнаго съ теченіемъ времени единства стихотвореній, въ чемъ де согласны всѣ писатели древности. Кромѣ того врядъ ли и были въ состояніи названные авторы оцѣнить по достоинству всю важность аттической рецензій. „Wie konnten sie“,—разсуждалъ Ричль,—„sie und andere in ähnlichen Fällen, in ihrer Zeit stehend, alle Zeichen der Zeit verstehen, den sichern Massstab für das Bedeutsame und Untergeordnete auf geistigem Gebiete besitzen, das Bedürfniss einer wissbegierigen Nachwelt berechnen?“ (Opp. philol. p. 42 sqq.). Ричль не смутился тѣмъ, что за неизмѣнимъ болѣе раннихъ свидѣтельствъ ему пришлось въ настоящемъ случаѣ опираться свои выводы на свидѣтельства относительно позднія. Онъ понималъ, что поздняя дата, если и понижаетъ нѣсколько ихъ цѣну, то все же отнюдь не уничтожаетъ ея совершенно. Въ виду всего этого онъ не заподозрилъ достовѣрности преданія и призналъ сообщеніе схолий о коммисіи Писистрата не за досужій вымыселъ грамматиковъ, а за дѣйствительный историческій фактъ. Этого мало,—писистратовъ текстъ, по его мнѣнію, сталъ какъ бы вульгатою (war gleichsam die Vulgate geworden) и легъ въ основаніе критическихъ работъ знаменитыхъ александрійскихъ справщиковъ, всегда принимавшихъ за исходный пунктъ установленную коммиссіею редакцію. Правда, самый списокъ гомеровыхъ твореній, изготовленный при Писистратѣ, тогда уже не существовалъ, но въ ихъ распоряженіи находились такъ наз. *χοινὰ*, *χοινότερα ἐκδόσεις*, прямо или посредственно помешія отъ этого списка (ibid. p. 50 sqq.).

Съ тѣхъ поръ, какъ мысли эти были высказаны въ сочиненіи названнаго ученаго „Die alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemäern und die Sammlung der Homerischen Gedichte durch Pisistratus“, протекло слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ,—*grande aevi spatium!*—и, хотя новыхъ открытій, способныхъ пролить свѣтъ на затронутый Ричлемъ вопросъ, за это время не было сдѣлано никакихъ, однако сужденія изслѣдователей по сему предмету нынѣ въ корень измѣнились. Послушаемъ напр., что говоритъ А. Лудвигъ,—ученый, которому конечно никто не откажетъ ни въ глубокомъ и всестороннемъ знакомствѣ съ гомеровскимъ вопросомъ, ни въ критическомъ талантѣ, ни въ надлежащей осмотрительности. „По моему разумѣнію“,—читаемъ мы у него (Aristarch, I, стр. 10),—„при нынѣшнемъ состояніи нашихъ средствъ совершенно безплодно стараніе опредѣлить тотъ первоисточникъ, изъ котораго могли произойти прямо или косвенно всѣ до-аристарховскія изданія Гомера; по крайней мѣрѣ слѣдовало бы хотъ отказаться отъ насильственнаго вовлеченія противорѣчиваго мнѣя о „редакціи Писистрата“ въ такую область, гдѣ онъ рѣшительно не имѣетъ права гражданства“. Въ другомъ мѣстѣ Лудвигъ высказывается еще рѣзче: „съ 1862 года“, заявляетъ онъ, „столь нѣкогда блестящая звѣзда писистратовой редакціи, если и не совершенно погасла, то все же померкла почти до

полнаго затмѣнія. Въ означенномъ году появилась въ Rhein. Mus. N. F. XVII стр. 481 слл. статья Лерса „Zur Homerischen Interpolation,“ безнадежно и окончательно изгнавшая всю писистратову комиссію съ ея изданіемъ Гомера въ неистощимую волшебную область литературныхъ легендъ. Съ тѣхъ поръ комиссія эта потеряла великое значеніе и для критики текста... Обращать еще теперь вниманіе при критикѣ гомеровскаго текста на „рецензію Писистрата,“ какъ на важный источникъ искаженія, изъ котораго можно было бы систематически извлекать пользу (eine ernsthafte und systematisch auszubeutende Fehlerquelle), значило бы вмѣсто здоровой критики возвышать на степенъ принципа критическую неразборчивость (Akrisie)“ (ibid. II p. 391, 404).

Если не съ такою рѣзкостью, то все же въ томъ же неблагоприятномъ смыслѣ судятъ о значеніи Писистрата и его пресловутой комиссіи въ исторіи гомеровскаго текста и многіе другіе новѣйшіе изслѣдователи, какъ напр. Нутцгорнъ (Die Entstehung d. Hom. Gedichte, стр. 16 слл.), Мадвингъ (въ предисловіи къ соч. Нутцгорна, стр. VIII), Монро (у Магаффи), Фолькманнъ (Gesch. u. Kritik d. Wolf'schen Prolegomena, Lpzg. 1874. стр. 315 слл.), I. Тенпферъ (Quaestt. Pisistrateae. Dorp. 1886. p. 124 sq.), А. Шейндлеръ (Zeitschr. f. d. österr. Gymn. 1887. VII p. 517), у насъ—Русскій (къ вопросу о такъ наз. аттицизмахъ въ гомеровскомъ языкѣ. Каз. уч. Зап. 1890, IV стр. 1 сл.) и проч. Самъ Вилламовицъ-Мѣллендорффъ, основательно отстаивающій важность той роли, которая выпала на долю Аенна въ судьбѣ гомеровскаго преданія, считаетъ сообщеніе нашихъ источниковъ о литературной дѣятельности Писистрата не болѣе, какъ легендою. Столь же отрицательной точки зрѣнія придерживается и К. Зиттль. Но съ особенною безпощадностью относится къ сказанію о Писистратѣ Флахъ, посвятившій этому вопросу цѣлое изслѣдованіе (Pisistratos u. seine litterarische Thätigkeit. Tübingen. 1885).

Флахъ повторяетъ сомнѣнія своего учителя Лерса (вышеназв. соч.) и старается подкрѣпить ихъ силу нѣкоторыми новыми соображеніями касательно самаго происхожденія нашихъ извѣстій объ аеннской рецензіи. Онъ задается цѣлью доказать не только, что авторы, сообщающіе намъ о литературной дѣятельности Писистрата, черпали свои свѣдѣнія на этотъ счетъ изъ позднихъ источниковъ, но что источники эти были къ тому же недостоверны, живы, тенденціозны. По его словамъ, нѣтъ ни одного извѣстія о писистратовомъ собраніи гомеровскихъ стихотвореній, которое бы не могло быть возведено прямоли или косвенно къ Кратету изъ Малла и пергамской школы кратетейцевъ (стр. 15). Но пергамскіе ученые, распространяя такіе легендарныя извѣстія, дѣйствовали по личнымъ мелочнымъ побужденіямъ зависти и недоброжелательства: они видѣли въ сообщеніи объ аеннской комиссіи одно изъ средствъ умалить и обезцѣнить заслуги ненавистныхъ имъ александрійскихъ ученыхъ въ дѣлѣ исправленія текста гомеровскихъ поэмъ (стр. 26). Имъ поэтому не было дѣла до того, лежалъ ли въ основаніи сообщенія этого дѣйствительный историческій фактъ, или тенденціозный вымыселъ: они встрѣтились съ нимъ въ сочиненіяхъ мегарскихъ историковъ,—Діевхида, Гереея и др.,—и для своихъ цѣлей воспользовались имъ, не подвергнувъ его серьезной критической провѣркѣ. Что же касается названныхъ мегарскихъ писателей, то послѣдніе, вѣроятно, опирали свое сообщеніе на какія нибудь старыя мѣстныя легенды,

возникшія на почвѣ враждебныхъ отношеній между Аѳинами и Мегарою и обвинявшія Писистрата въ систематической фальсификаціи гомеровскаго текста въ угоду аѳинскимъ и въ ущербъ мегарскимъ интересамъ. Съ теченіемъ времени легенды эти разукрасились новыми подробностями и мало по малу сложились въ комплексъ сказаній объ аѳинской комиссіи и писистратовой библіотекѣ (стр. 27—32). Такимъ образомъ позитивной силы свидѣтельства Діевхиды, Героя и др. отнюдь имѣть не могли,—это было напротивъ наглое измышленіе мегарянъ (eine dreiste Erfindung der Megarer), не представляющее для насъ ровно никакого значенія. На самомъ дѣлѣ Писистратъ никогда не былъ справщикомъ и собирателемъ гомеровыхъ поэмъ, никогда не производилъ ревизіи ихъ текста и не вставлялъ въ послѣдній никакихъ самодѣльныхъ стиховъ, а вульгата александрійскихъ ученыхъ восходитъ къ аѳинскимъ экземплярамъ пятого и четвертаго столѣтія, коихъ происхожденіе намъ вполне неизвѣстно и не можетъ быть опредѣлено (стр. 41).

Всѣ заключенія эти, по мнѣнію Лудвига, болѣе цѣнны, нежели все остальное, что было написано по вопросу о Писистратѣ послѣ Лерса (Ludwich op. l. II, p. 404). Мы имравѣ поэтому придавать имъ большое значеніе и во всякомъ случаѣ обязаны считаться съ ними. Стоять на сторонѣ прежняго воззрѣнія, совершенно поколебленнаго, повидимому, новѣйшими изслѣдованіями, теперь уже невозможно безъ всякой оговорки, и въ подкрѣпленіе тѣхъ положеній, съ которыми читатель встрѣтился у насъ выше (стр. 3 сл.), мы видимъ себя вынужденными привести здѣсь нѣкоторые свои критическія соображенія.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить, что именно въ преданіи о Писистратѣ и о его комиссіи способно породить сомнѣніе и недовѣріе,—внутренняя ли неправдоподобность сообщаемого этимъ преданіемъ факта, или же самая недоброкачественность нашихъ источниковъ? Другими словами,—подозрительно ли само по себѣ допущеніе, что въ огражденіе цѣлости текста лучшихъ народныхъ эпическихъ стихотвореній, въ особенности же и преимущественно передъ другими—поэмъ Гомера, въ Аѳинахъ въ VI стол. до Р. Х. могъ быть сдѣланъ рядъ правительственныхъ мѣропріятій, или же такое допущеніе только потому и должно быть отвергнуто, что въ основаніи его лежатъ совершенно ненадежныя свидѣтельства?

Обыкновенно съ этимъ связываютъ также и другой вопросъ, затронутый недавно въ русской литературѣ г. Рузскимъ (въ указ. статьѣ): носятъ ли текстъ гомеровскихъ стихотвореній на себѣ какой либо примѣтный отпечатокъ аттическаго вліянія и настолько ли силенъ этотъ отпечатокъ, чтобы можно было вообще признать за Аѳинами дѣятельную роль въ установленіи и сохраненіи той редакціи обѣихъ поэмъ, въ которой онѣ намъ извѣстны?

Мы знаемъ положительно, что на величайшемъ изъ аѳинскихъ праздниковъ,—панаѳенейскомъ,—вплоть до позднѣйшихъ временъ существовалъ обычай рапсодической речитаціи исключительно гомеровскихъ стихотвореній и что обычай этотъ восходилъ, по общему мнѣнію образованныхъ аѳинянъ, къ глубокой старинѣ (Lysurg. c. Leosc. 102: οὕτω γὰρ ὑπέλαβον ὁμῶν οἱ πατέρες σπουδαῖον εἶναι ποιητὴν ὥστε νόμον ἔθεντο καὶ ἐκάστην πεντητηρίδα τῶν Παναθηναίων μόνου τῶν ἄλλων ποιητῶν ῥαψωδεῖσθαι τὰ ἐπη. Срв. Preudoplat. Hipparch. p. 228 B; Aelian. V. H. VIII, 2). Пользовался ли Гомеръ такимъ же предпочтеніемъ гдѣ нибудь и въ другомъ мѣстѣ Греціи,

объ этомъ свѣдѣній мы не имѣемъ, но позволительно думать, что, еслибы помянутое обыкновеніе не составляло особенной, отличительной черты однихъ только панаѳеней, то Инкуртъ въ прив. м. сдѣлалъ бы на то какое либо указаніе. Выходитъ, стало быть, что для Аѳинъ уже въ силу требованій сакрального ритуала было существенно важно имѣть авторизованный списокъ гомеровскихъ пѣсенъ, подобно тому какъ въ послѣдствіи, когда обстоятельства вынудили аѳинское правительство допустить на діонисовыхъ празднествахъ повтореніе классическихъ пѣсень стараго репертуара, оказалось существенно важнымъ и необходимымъ изготавить авторизованный списокъ произведеній трехъ величайшихъ аттическихъ трагиковъ. Говоря такимъ образомъ, мы конечно далеки отъ мысли считать этотъ списокъ возстановленіемъ гомеровскаго текста въ совершенно точномъ соответствіи съ оригиналомъ, успѣвшимъ уже значительно пострадать отъ произвола рапсодовъ и неточности списателей: для этого было бы потребно знакомство съ приемами дипломатической критики, коего мы отнюдь не смѣемъ предположить для столь ранней эпохи; но мы можемъ разумѣть здѣсь установленіе аѳинской вульгаты, т. е. нормальнаго текста, обезпечивавшаго до извѣстной степени дальнѣйшее сохраненіе и неизмѣнность преданія въ предѣлахъ Аѳинъ.

Что касается вопроса о времени, къ которому можно было-бы приурочить возникновеніе подобной вульгаты, то естественнѣе всего думать, что оно либо совпадало со временемъ организаціи панаѳенейскаго мусическаго агона, либо-же непосредственно слѣдовало за нимъ. Если чѣмъ либо скорѣе всего могли быть вызваны серьезныя заботы правительства о собраніи и приведеніи въ порядокъ допущенныхъ къ публичной рецитациі въ городѣ эпическихъ стихотвореній, то, разумѣется, не столько идеальнымъ стремленіемъ имѣть въ городскомъ архивѣ наиболѣе исправный экземпляръ произведеній лучшаго національнаго поэта, сколько ясно сознанію необходимости, практическимъ расчетомъ. Быть можетъ, помытка Солона упорядочить рапсоδικескую рецитацию Иліады въ Бравронѣ (если только вообще короткую замѣтку Гесіхія s. v. *Βραχρονίαις· τὴν Ἰλιάδα ἥδον ραψωδοῖ ἐν Βραχρόνι τῆς Ἀττικῆς* мы вправѣ толковать въ такомъ смыслѣ, какъ толкуеть ее Бергкъ Gr. Lgsch. I стр. 499; однако см. Volkmanн Gesch. u. Kritik der Wolfschen Prolegomena, стр. 309) повела къ обнаруженію слабыхъ сторонъ ходячаго преданія и вызвала потребность въ пересмотрѣ текста гомеровскихъ стихотвореній (срв. выше стр. 5, прим. 10 и 11). Быть можетъ также, что и независимо отъ сомнительныхъ распоряженій Солона на этотъ счетъ, — распоряженій, о которыхъ не сообщаетъ намъ кромѣ Діогена лаэртскаго никто, ни даже Плутархъ, столь подробно трактующій въ своей біографіи Солона о его различныхъ законахъ и мѣропріятіяхъ, — заботливость и предусмотрительность самого учредителя мусическихъ состязаній на панаѳенейскомъ празднествѣ создала условія и нашла средства, потребныя для изготавленія полнаго списка поэмъ Гомера. Какъ-бы то ни было, списокъ этотъ приходится отнести къ VI стол. до Р. Х., т. е. къ той именно порѣ, къ которой относятъ его и наши источники.

Соображенія чисто теоретическаго характера не обнаруживаютъ такимъ образомъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи о работахъ, предпринятыхъ аѳинскимъ правительствомъ въ VI в. до Р. Х. съ цѣлью изготавленія провѣреннаго экземпляра гомеровскихъ стихотвореній. Существовали объективныя основанія, въ силу которыхъ такія работы въ то время яв-

лись желательными и, пожалуй, даже необходимыми. И въ такой мѣрѣ фактъ, передаваемый этимъ извѣстiемъ, самъ по себѣ возможенъ и правдоподобенъ, что Флакхъ, отрицающій со всею силою и энергiею своего краснорѣчiя существованiе писистратовой рецензiи, засвидѣтельствованное древними авторами, счелъ себя вынужденнымъ допустить существованiе рецензiи солоновой, никѣмъ и нигдѣ не засвидѣльствованное. Вотъ его подлинныя слова: „dass diese Exemplare (т. е. „die *κοινὰ*, auf denen die alexandrinischen Philologen fussten und naturgemäss fussten mussten“), direct oder indirect mit jener durch Solon angefertigten Sammlung und Redaction in Zusammenhang standen, wird nicht zu leugnen sein, dass sie aber irgend wie von einer Rezension des Peisistratos abhängig gewesen sind, die niemals existiert hat, wird in das Gebiet des Märchens verwiesen werden müssen“ (op. I. p. 37).

Уже это одно обстоятельство способно заставить усомниться въ справедливости мнѣнiя представителей отрицательной критики. Въ самомъ дѣлѣ, если внутреннихъ несообразностей разсматриваемое нами допущенiе въ себѣ не заключаетъ, то отчего-бы и не повѣрить относящимся сюда показанiямъ древнихъ писателей буквально? Такъ-ли ужъ подлинно недостоверны, живы и тенденцiозны наши источники, какъ кажется Флаку и др.? Неужели историку ничего не остается, какъ совершенно пренебречь ими?

Древнѣйшее датированное свидѣтельство о предпрiятии Писистрата встрѣчаемъ у Цицерона de orat. III, 34: Sed ut ad Graecos referam orationem, quibus carere hoc quidem sermonis genere non possumus (nam ut virtutis a nostris, sic doctrinae sunt ab illis exempla petenda), septem fuisse dicuntur uno tempore, qui sapientes et haberentur et vocarentur. Hi omnes praeter Milesium Thalen civitatibus suis praefuerunt. Quis doctior eisdem illis temporibus aut cuius eloquentia litteris instructior fuisse traditur quam Pisistrati? qui primus Homeri libros confusos antea sic disposuisse dicitur, ut nunc habemus. Non fuit ille quidem civibus suis utilis, sed ita eloquentia floruit, ut litteris doctrinaque praestaret. Само собою понятно, что Цицеронъ всѣ эти свѣдѣнiя объ учености Писистрата, о его краснорѣчiи и о реставрацiи гомеровскаго текста не изъ пальца высосалъ, какъ говорятъ нѣмцы, но почерпнулъ изъ живаго преданiя, всѣмъ въ его время извѣстнаго, на что, очевидно, указываетъ и самый тонъ приведеннаго отрывка съ фигурою риторическаго вопроса „quis doctior etc.“ и съ дважды вставленною въ рѣчь ссылкой на общую молву (dicitur, traditur). По мнѣнiю Дюнцера (Homerische Abhandlungen. Leipz. 1872. стр. 16 сл.), его непосредственнымъ источникомъ было сочиненiе Дикзарха Βίος Ἑλλάδος (критику этого взгляда см. у Фолькманна, op. I. p. 348 sqq.). Флакхъ напротивъ убѣжденъ, что Цицеронъ всѣ свои свѣдѣнiя о древнѣйшихъ судьбахъ гомеровыхъ поэмъ и о литературной дѣятельности Писистрата почерпнулъ изъ пергамскихъ источниковъ черезъ посредство стоиковъ, — напр. Посидонiя, котораго онъ слушалъ въ Родосѣ и который былъ ученикомъ извѣстнаго кратетейца Панэтiя (цит. соч. стр. 3 сл.). Наконецъ, существуетъ еще одно предположенiе, высказанное уже Велькеромъ (Er. Cycl. I стр. 361), — именно, что, быть можетъ, всѣ наши свидѣтельства о писистратовой рецензiи, не исключая конечно и цicerонова, основываются на стихотворной надписи, которая будто-бы находилась на аѣннской статуѣ Писистрата. Вотъ эта надпись:

τρίς με τυραννήσαντα τοσαυτάκις ἐξεδίωξε
 ὁῦμος Ἀθηναίων καὶ τρίς ἐπηγάγετο,
 τὸν μέγαν ἐν βουλῇ Πεισίστρατον, ὃς τὸν Ὅμηρον
 ἤθροισα σποράδην τὸ πρὶν ἀειδόμενον.
 ἡμέτερος γὰρ καὶνος ὁ χρύσεος ἦν πολίτης,
 εἴπερ Ἀθηναῖοι Σμόρναν ἀπακίσσαμεν.

При сличеніи этого текста съ вышеприведеннымъ отрывкомъ изъ трактата de oratore, дѣйствительно, нельзя не замѣтить между ними большого сходства въ выраженіяхъ. Слова Цицерона „libros confusos antea disposuisse dicitur“ представляютъ буквальное соотвѣтствіе четвертому стиху эпиграммы, а то, что онъ говоритъ о писистратовой „eloquentia“ (срв. также Cic. Brut. VII, 27), о которой мы изъ другихъ источниковъ ничего не знаемъ, по всей вѣроятности, имѣеть въ своемъ основаніи греческій эпитетъ τὸν μέγαν ἐν βουλῇ, своеобразно истолкованный нашимъ ораторомъ. Въ виду широкой извѣстности, которою, повидимому, пользовалась въ древности надпись (до насъ дошла она въ двухъ біографіяхъ Гомера [четвертой и пятой], у Тзетза Exeg. Iliad. ed Herm. p. 8, въ „Anecdota“ Беккера и въ палатинской антологіи XI, 442), немудрено, что ее знали и въ Римѣ, и Цицеронъ могъ воспользоваться ею, если и не непосредственно, то напр. хотя бы черезъ посредство того сходя (Villois. II, 182), который заключаетъ въ себѣ, по замѣчанію самого Флаха, „парафразу эпиграммы“ (стр. 7, прим. 23). Выходитъ такимъ образомъ, что, если въ самомъ дѣлѣ источниками Цицерона были сочиненія, вышедшія изъ школы Кратета, какъ желательно Флаху, то они поспособствовали лишь его знакомству съ текстомъ надписи, которая однако едва-ли возникла въ Пергамѣ и врядъ ли была продуктомъ стихотворныхъ упражненій кратетейцевъ.

Вопросъ о происхожденіи писистратовой эпиграммы принадлежитъ къ числу темныхъ и спорныхъ. Авторъ пятого жизнеописанія Гомера утверждаетъ, что она была помѣщена на статуѣ тиранна въ Аѣинахъ. Въ палатинской антологіи она включена въ число σκωπτικά. У Беккера (Anecd. II p. 766) ей предшествуютъ слова: φέρεται δὲ ἐπιγράμματα εἰς τὸν Πεισίστρατον σποράδασαντα συναγαγεῖν τὰ Ὀμήρου τοιοῦτον. Большинство изслѣдователей признаетъ это стихотвореніе за чисто эпидейктическое произведеніе, возникшее либо въ александрійскія времена (Volkmann, стр. 355), притомъ уже послѣ 200 г. до Р. X. (Flach, стр. 6; срв. также Рузскій, стр. 5), либо даже еще позже, въ первое христіанское столѣтіе (Wilamowitz Hom. Unters. стр. 235, прим.; Töpffer Qu. Pisistr. p. 124), и только Велькеръ (Er. Cycl. стр. 360) и Бергкъ (Gr. Lg. I, стр. 448, прим. 17) мнрятся съ возможностью того показанія, которое даетъ Vita Hom. V, и относятъ нашу эпиграмму—первый довольно неопредѣленно вообще „къ тѣмъ временамъ, когда Аѣны стали наравнѣ со многими другими городами доискиваться чести слыть мѣсторожденіемъ Гомера“, а второй приблизительно ко времени послѣ пелопоннесской войны *). Въ самой надписи объективныхъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было-бы, хотя гадательно, установить ея дату, не усматривается никакихъ, если не прини-

*) Не мѣшаетъ впрочемъ замѣтить, что Унгеръ (Die Regierungen des Pisistratus, N. Jahrb. f. Philol. 1883, стр. 383 сл.) также трактуетъ эпиграмму не какъ опирающееся на сомнительныя данныя упражненіе какогонибудь грам-

мать въ расчетъ послѣдняго стиха ея „εἴπερ Ἀθηναῖοι Σμύρναν ἀποκίσταμεν“. Что же касается этого стиха, которому придавали значеніе хронологическаго показателя Дюнтцеръ и Фолькманъ (ук. м.), то преданіе о заселеніи Смирны іонійцами изъ Эфеса, слышавшаго за аѳинскую колонію, встрѣчается, правда, въ доступныхъ намъ памятникахъ значительно позже Геродота, который о немъ, видимо, ничего не знаетъ (I, 148 сл.),—именно у Страбона (XIV, 633 сл.) и ретора Арпстиды (срв. К. О. Мюллеръ Hist. de la littér. gr. trad. par Hillebrand, I p. 85); однако я полагаю, что Страбонъ свое сообщеніе о двойной колонизаціи Смирны (сперва іонійской, потомъ эолійской) почерпнулъ не у кого иного, какъ у того-же автора, на котораго онъ самъ въ предшествующихъ этому сообщенію строкахъ ссылается и который далъ ему свѣдѣнія и вообще о возникновеніи іонійскаго додеканѳа на берегу Малой Азіи, т. е. у Ферекіда Генеалога, и, стало быть, во времена архидамовой войны, когда процвѣталъ названный писатель и когда Геродотъ находился еще въ живыхъ, притязанія Аѳинъ на заселеніе Смирны уже существовали. Такимъ образомъ terminus post quem, который мы выравъ установить для эпиграммы, не прибѣгая къ произвольнымъ комбинаціямъ и натяжкамъ, отодвигается очень глубоко въ древность, вплоть къ 81-й ол., и въ сущности утрачиваетъ для насъ въ данномъ случаѣ какое бы то ни было значеніе.

Обращаясь къ самому содержанію памятника, мы должны прежде всего отмѣтить ту черту, что заключающаяся въ немъ похвала Писистрату имѣетъ въ виду собственно только прославленную мудрость послѣдняго (μέγας ἐν βουλήῃ срв. βουλᾷς), въ частности проявившуюся въ собраніи разрозненныхъ пѣсень Гомера, и, значитъ, безъ всякаго ущерба для республиканскихъ чувствъ могла исходить отъ тѣхъ самыхъ аѳинянъ, которые съ другой стороны чтли въ Гармодіѣ и Аристогонѣвъ возстановителей поправной тиранніи свободы и считали особеннымъ для человѣка отличіемъ, если его статуя стояла рядомъ съ извѣстною группою тиранноктоновъ. Suum cuique tribuere было ходячимъ правиломъ древности, и бывали случаи, что граждане, не ладившіе со своимъ государствомъ и даже иногда подвергавшіеся тягчайшимъ судебнымъ преслѣдованіямъ со стороны правительства, тѣмъ не менѣе за свои литературныя или иныя заслуги удостоивались отъ потомства почетныхъ статуй. Мы знаемъ напр., что, по весьма достовѣрнымъ свидѣтельствамъ (Aristot. Eth. N. III, 1; Aelian. V. H. V, 19 и др.), Эсхилъ нѣкогда былъ привлеченъ къ суду въ родномъ городѣ по обвиненію въ нечестіи (γρᾶν ἄσεβειας), что онъ едва при этомъ избѣжалъ побиенія камнями (λιθοβολία) и, какъ говорятъ, счелъ во всякомъ случаѣ за лучшее удалиться изъ Аѳинъ, гдѣ не могъ ужиться въ ладу съ согражданами (οὕτε γὰρ Ἀθηναίοισι συνέβαιν' Αἴσχυλος Aristoph. Ran. v. 807), и однако это не помѣшало аѳинянамъ около 110 ол., по предложенію оратора Дикурга, воз-

матика въ эпидейктическомъ родѣ, а какъ важный историческій источникъ, хотя и приурочиваетъ ее ко времени послѣ Аристарха. Наоборотъ Вилламовицъ не признаетъ за нею никакой цѣны и заявляетъ съ чисто лахманновскою рѣзкостью: „die kindliche Vorstellung, dass dies wirklich auf einer athenischen Statue gestanden hätte, hat doch nur für die Leute Werth, die niemals in die Anthologie hineingesehen haben“.

двинуть ему бронзовую статую. Мы знаем также о существовании не одной статуи известного своею жестокостью и деспотизмом сиракузского тирана Діонисія старшаго, много разъ изваяннаго (срв. Dio Chrysostom. or. 37 [Corinth.] p. 460), несмотря на то, что люди, воодушевленные панэллинскимъ патріотизмомъ, гнушались имъ, какъ злодѣемъ и варваромъ, и въ 384 г. на олимпійскомъ празднествѣ его ѳеорія подверглась даже открытому нападенію со стороны грековъ, видѣвшихъ въ немъ такого же опаснаго врага свободы, какимъ былъ въ ихъ глазахъ персидскій царь (срв. Diod. Sic. XIV, 109). Нужды нѣтъ, что мы не можемъ точно указать, кто и по какому побужденію ставилъ эти статуи въ Сиракузахъ и другихъ городахъ,—достаточно того, что онѣ существовали долго послѣ сверженія діонисіевой династіи *) чествуемая, быть можетъ, изъ признательной памяти о человѣкѣ, котораго военныя и государственныя заслуги все же цѣнились впоследствии очень высоко и притомъ людьми, подобными Публию Сципіону (срв. Polyb. XV, 35; также Plut. de sera num. vind. VII). Впрочемъ, что касается статуи Писистрата, то она могла служить украшеніемъ какой либо частной бібліотеки, — такъ какъ было въ обычаѣ въ бібліотекахъ и музеяхъ помѣщать изображенія прикосновенныхъ къ литературѣ и наукѣ лицъ (K. O. Müller Handb. d. Archäol. d. Kunst. 3-te Aufl., стр. 728 и 730, прим. 5), — или же, что также возможно, служила дополненіемъ къ какой нибудь группѣ и, стало быть, не имѣла самостоятельнаго значенія. Таковою могла быть напр. группа древнѣйшихъ эпиковъ, стихотворенія которыхъ Писистратъ собиралъ и приводилъ въ порядокъ (срв. Welcker. Ер. Cycl. стр. 360 сл.), либо группа семи мудрецовъ, наряду съ которыми аѳинскій тиранъ, безъ сомнѣнія, отнюдь не случайно фигурируетъ и въ приведенной выше цитатѣ изъ Цицерона (de orat.). Изображенія семи мудрецовъ, какъ извѣстно, существовали въ Греціи въ пору преобладанія иконическаго направленія въ искусствѣ: одна группа подобного содержанія вышла изъ мастерской Лисиппа, авторомъ другой былъ, можетъ быть, Аристодемъ, и можно считать общепризнаннымъ, что къ греческимъ оригиналамъ той же поры слѣдуетъ возводить и римскія изображенія Біанта, Періандра и прочихъ мудрецовъ, найденныя въ 1780 г. въ Тиволи, на виллѣ Кассія (Visconti Iconogr. gr. pl. IX sq. Baumeister Denkm. стр. 314 и 1287).

Можно слѣдовательно подыскать τὰ εἰκότα, въ силу которыхъ монументальное происхожденіе нашей эпиграммы не покажется столь неправдоподобнымъ, какъ думаетъ Флахъ (ор. I. p. 5, adn. 17). Формальныя ея несовершенства также ничего не говорятъ противъ того допущенія, которое мы готовы сдѣлать. Положимъ, что слова τρίς ἐπηγάγετο и τοσαύτης ἐξεδίωξε неясны и могутъ вести къ недоразумѣнію, но ихъ можно понять и такъ, какъ поняты они Бергкомъ и Тѣнферомъ (ук. мм.); положимъ далѣе, что относительное предположеніе δὲ ἡθροισα присоединено къ предыдущему нѣсколько неуклюже (ungefäß), что ἡμέτερος, послѣ того какъ въ ст. 2 обь аѳинянахъ шла рѣчь въ третьемъ лицѣ **), звучитъ странно, что вы-

*) Діонъ Хрисостомъ передаетъ, что при всеобщемъ уничтоженіи статуй сиракузскихъ тиранновъ были пощажены только статуи Гелона и Діонисія старшаго.

**) Не обличаетъ-ли это словно бы неумѣстное ἡμέτερος аттическое происхожденіе самого поэта?

раженіе *καὶ τοὺς ὁ χρῶσταις* слишкомъ изысканно и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ блѣдно (все это возраженія Дюнтцера ук. м.), — что же этимъ доказывається? только то, что авторъ эниграммы былъ плохой стихотворецъ, какихъ всегда и вездѣ бывало множество. Усматривать въ такихъ признакахъ руку ученаго грамматика („sapit totum epigramma studia grammaticorum“ Töpffer l. l.) и на основаніи ихъ относить памятникъ къ тѣмъ позднимъ временамъ, когда собственно эниграмма, какъ особый поэтический родъ, достигла уже вавысшаго своего процвѣтанія, на мой взглядъ по меньшей мѣрѣ удивительно.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, я настаиваю только на двухъ пунктахъ, а именно, — 1) что писистратова эниграмма могла возникнуть внѣ предѣловъ вліянія пергамской школы и раньше самаго возникновенія этой школы и 2) что въ ней слышенъ отголосокъ стариннаго аттическаго преданія о какихъ то современемъ полузабытыхъ заслугахъ Писистрата по части сохраненія гомеровскихъ поэмъ. Другой отголосокъ того же преданія слышится въ извѣстномъ, много разъ цитованномъ и съ давнихъ поръ обсуждаемомъ мѣстѣ изъ псевдо-платонова діалога „Гиппархъ“, гдѣ говорится о порядкѣ рецитациі гомеровскихъ стихотвореній на панаѳенейскомъ агонѣ (р. 228, В). Неизвѣстный авторъ діалога, принадлежавшій, несомнѣнно, къ кругу сократовцевъ и жившій не позже IV стол. до Р. Х. (см. Volkmanн op. l. p. 300), зналъ, очевидно, кое что объ этихъ заслугахъ, хотя и не позаботился о точномъ разграниченіи того, что было сдѣлано Писистратомъ, отъ того, что принадлежало Писистратидамъ. Ничто, разумѣется, не принуждаетъ насъ вѣрить ему во всѣхъ подробностяхъ. Но въ основаніи обоихъ свидѣтельствъ явно лежитъ нѣкій общій источникъ, оба они явно заключаютъ въ себѣ зерно исторической истины, оба въ томъ, что въ нихъ существенно, сходятся съ вышеприведенными теоретическими соображеніями и представляютъ желанное дополненіе къ тексту ликурговой Леосгатеа. Нельзя принимать показанія ихъ безусловно, но и нельзя цѣликомъ отвергать ихъ, — слѣдуетъ лишь удовольствоваться показаніемъ тѣмъ общими очертаніями историческаго факта, который въ нихъ содержится.

Полиѣе и опредѣленнѣе говорятъ объ участіи Писистрата въ дѣлѣ установленія гомеровской вульгаты фрагменты мегарскихъ антикваріевъ Гереея и Діевхида. Изъ этихъ фрагментовъ мы узнаемъ не только о томъ, что Писистратъ дѣйствительно занятъ былъ исправленіемъ ходячаго текста гомеровскихъ поэмъ (въ подлинникѣ употреблено выраженіе *φωτίζειν*), но и что онъ внесъ въ этотъ текстъ нѣчто свое, интерполировалъ стихотворенія Гомера, частью расширилъ, частью измѣнилъ ихъ содержаніе въ угоду аѳинскимъ пристрастіямъ, вкусамъ и интересамъ (K. Müller Frgm. H. Gr. IV pp. 388, 6; 426, 1). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, когда жили и дѣйствовали названные мегарскіе писатели, но по крайней мѣрѣ относительно одного изъ нихъ, именно Діевхида, можно съ вѣроятностью предполагать, что его *ἀρχή* принадлежала порѣ до вачала македонскаго періода греческой исторіи (Гутшмидъ, Флахъ, Виламовицъ), и, слѣдовательно, по времени свидѣтельство его, пожалуй, отнюдь не моложе приведенныхъ выше свидѣтельствъ Ликурга и Псевдо-платона. Какъ-же слѣдуетъ намъ оцѣнить его? По мнѣнію Флаха, — ровно ни во что: Діевхидъ служитъ выразителемъ общемегарской ненависти къ Аѳинамъ и сознательно или безсознательно клеветаетъ на Писистрата, котораго обвиня-

нить въ подлогѣ ему было тѣмъ легче, что Писистратъ запятналъ себя дружбою съ Ономакритомъ, завѣдомымъ поддѣльщикомъ. Аѳиняне когда то въ доказательство правъ своихъ на островъ Саламинъ ссылались на стихи изъ Илиады. Мегарянамъ, имѣвшимъ также притязанія на этотъ островъ и почитавшимъ его своимъ достояніемъ, не оставалось ничего иного, какъ заподозрить подлинность самыхъ стиховъ, и мегарскіе патриоты не усумнились сдѣлать Писистрата козлицемъ отпущенія, такъ какъ Солонъ, этотъ образецъ честности и справедливости, обвинить въ подлогѣ было-бы неправдоподобно (стр. 29 сл.).

„А лишь только въ нѣсколькихъ историческихъ источникахъ“, раз-
виваетъ Флахъ далѣе свою мысль, „за Писистратомъ утвердился репута-
ція фальсификатора литературныхъ памятниковъ (eines litterarischen Fälschers), то позднѣйшіе ученые могли пойти и далѣе... Его сдѣлали ответ-
ственнымъ за цѣлыя книги, которыя онъ будто бы вставилъ въ поэмы Го-
мера и которыхъ раньше въ этихъ поэмахъ не было, какова напр. „До-
лонія“... Въ самое же недавнее время пришлось даже прочесть, что, разъ
Писистратъ сдѣлалъ вставки въ гомеровскій текстъ, то ему необходимо
приписать и рецензію текста, какъ будто бы тираннъ не могъ просто рас-
порядиться, чтобы въ его придворной канцеляріи писцы переписали со-
лоновъ экземпляръ (?) и внесли въ списокъ нѣсколько самодѣльныхъ до-
бавленій, безъ всякой надобности для этой цѣли самолично пересматривать
и на филологическихъ основаніяхъ (!) устанавливать текстъ“ (стр. 30—31).

Я не стану толковать здѣсь о томъ, насколько такъ называемыя „ат-
тическихъ интерполяціи“ суть дѣйствительно интерполяціи и кто, когда и
съ какою цѣлью внесъ ихъ въ текстъ: это къ задачѣ нашей не относится
и завело бы насъ слишкомъ далеко, безъ нужды увеличивъ объемъ этого
и безъ того длиннаго отступленія *). Замѣчу только, что генезисъ преданія
о писистратовой рецензій, какъ объясняетъ его намъ Флахъ, для меня со-
вершенно непонятенъ. Если подлинно Солонъ, а не Писистрату, принадле-
жала редакція гомеровскаго текста, то почему бы на Солонъ же не воз-
ложить и всю ответственность за тѣ вставки, которыя потомствомъ были
въ этомъ текстѣ обнаружены? Вѣдь онъ былъ главнымъ героемъ саламин-
скаго дѣла, онъ же, если вѣрить Плутарху, и сомнительными цитатами
изъ Илиады сумѣлъ практически воспользоваться въ защиту аѳинскихъ
притязаній (Plut. Sol. X). Правда, Писистратъ состоялъ въ числѣ его дру-
зей и пособниковъ (Plut. Sol. VIII), но въ качествѣ самостоятельнаго дѣ-
лателя на историческомъ поприщѣ выступилъ гораздо позже, — послѣ того какъ
вопросъ о Саламинѣ былъ давно порѣшенъ. Что сообщенія Діевхиды и Гереля
о намѣренныхъ искаженіяхъ гомеровскихъ пѣсенъ въ солоново время вообще
представляютъ собою вздорный вымыселъ, быть можетъ, созданный мегаря-
нами подъ вліяніемъ патриотическихъ тенденцій, — съ этимъ я охотно готовъ
согласиться, но никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что этотъ вымыселъ
былъ, такъ сказать, зерномъ, изъ котораго выросла приукрашенная позднѣй-
шими писателями древности и новѣйшими учеными сага о писистратовой ре-

---

*) Можно между прочимъ сослаться на интересныя и глубоко содержа-
тельныя разъясненія Виламовица по этому предмету, — разъясненія, которыя не
во всѣхъ подробностяхъ правильны, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ самаго пол-
наго вниманія (см. *Nom. Untersuch.* стр. 243 сл.).

цензиі. Я убѣжденъ, что рассказы мегарскихъ антикваріевъ могли встрѣтить довѣріе лишь въ той средѣ, гдѣ сохранялась память о стараніяхъ Писистрата собрать и обезнечить отъ дальнѣйшей порчи и забвенія древніе поэтическіе тексты, — память о работахъ его коммиссіи, о его библіотекѣ. Живое преданіе обо всемъ этомъ было тою почвою, на которой развилась впослѣдствіи легенда о тенденціозныхъ интерполяціяхъ, пристегнутая затѣмъ къ нему, какъ одна изъ украшающихъ подробностей. Были и въ Аѣнахъ благоразумные люди, которые относились къ ней скептически (αὐτοὶ δ' Ἀθηναῖοι τὰτα μὲν οἴονται φλυαρίαν εἶναι καὶ. Plut. Sol. X); но мы не знаемъ, простирался-ли ихъ скепсисъ на то, что собственно слѣдуетъ считать въ занимающемъ насъ вопросѣ главнымъ, основнымъ и существеннымъ, и, судя по категорическому тону нашихъ свидѣтельствъ, склонны рѣшительно утверждать противное.

Въ непосредственной зависимости отъ Діевхида, Герей и другихъ мегарскихъ историковъ стояли, по словамъ Флаха, и тѣ представленія о возникновеніи аѣнской вульгаты, которыя господствовали въ Пергамѣ и затѣмъ какимъ то образомъ (подробности не важны) сообщились Іоанну Тзетзу, познакомившему съ ними и насъ въ своихъ „Пролегоменахъ“ къ Аристофану.

Когда имѣешь дѣло съ показаніями поздняго автора, какъ въ настоящемъ случаѣ, то совершенно естественно желаніе открыть тѣ источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія, и этимъ путемъ квалифицировать добротность послѣднихъ. Нельзя поэтому не одобрить попытку отыскать соединительныя звенья между свидѣтельствомъ византійскаго грамматика и фрагментами мегарскихъ писателей, за которыми остается почтенное старшинство почти на полторы тысячи лѣтъ. И честь первой попытки въ этомъ направленіи принадлежитъ Флаху цѣликомъ, хотя сходную съ нимъ мысль раньше и высказалъ уже мимоходомъ Виламовицъ-Мёллендорфъ (Horn. Unters. стр. 261, прим. 25); жаль только, что основанія, на которыхъ Флахъ утверждаетъ свою гипотезу, крайне шатки и ненадежны. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что Тзетзъ черезъ руки Асклепіада мирлейскаго или Аѣендора Кордиліона (чтеніе на поляхъ рукописи Ἀθηνοδόρου ἐπὶ κλην Корδουλίωνι удостоверяетъ Штудемундъ Philolog. т. 46, стр. 12), познакомился съ историко-литературными фактами, истинность которыхъ была кратетейцами признана, а значеніе въ виду соперничества Пергама съ Александріей до невѣроятности раздуто; гдѣ же однако ручательство, что для Кратета и его школы исходнымъ пунктомъ при этомъ служили именно Діевхидъ, Герей и прочіе мегарскіе историки и антикваріи, а не какой либо чисто аттическій источникъ? Отъ Герей и Діевхида сохранились только тѣ отрывки, которые трактуютъ объ интерполяціяхъ; между тѣмъ у Тзетза, являющагося, по Флаху, нынѣ репрезентантомъ пергамской доктрины, объ интерполяціяхъ нѣтъ ни полслова, да и въ остальномъ онъ и мегарскіе историки расходятся совершенно. Такъ напр. онъ ничего не упоминаетъ о рецензиі гесиодовскихъ стихотвореній, которую, повидимому, зналъ Герей (Plut. Thes. 20), хвалитъ рачительность и усердіе Писистрата и умалчиваетъ о какой бы то ни было роли Солона въ исторіи гомеровскихъ поэмъ, — Солона, который, по Діевхиду (Diog. L. I, 57), „μᾶλλον Ὀμήτρον ἐφώτισεν ἢ Πισίστρατος“, — наконецъ говоритъ о дѣятельности цѣлой коммиссіи, тогда какъ во фрагментахъ мегарскихъ историковъ о коммиссіи нѣтъ и рѣчи. Такимъ образомъ данныхъ для сближенія въ сущности не

оказывается никаких, и тезисъ, составляющій основную мысль брошюры Флаха, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, при скудости наличнаго матеріала признать не только недоказаннымъ, но и недоказуемымъ.

Интересно впрочемъ а priori разслѣдовать, насколько вообще правдоподобно предположеніе, будто всѣ наши свѣдѣнія объ аѳинской рецензій гомеровскаго текста обязаны своимъ происхожденіемъ фикціямъ, созданнымъ съ одной стороны Мегарою изъ ненависти и зависти къ Аѳинамъ, а съ другой—Пергамомъ изъ ненависти и зависти къ Александріи. Я только что высказалъ убѣжденіе, что обвинять Солона или Писистрата въ интерполяціяхъ, въ сознательномъ искаженіи традиціоннаго текста гомеровыхъ и гесиодовыхъ поэмъ, въ излишнемъ расширеніи ихъ содержанія и т. п.,—а только эти и подобныя обвиненія и могла выставить Мегара,—было возможно лишь при томъ условіи, если существовали общезвѣстные спеціально аѳинскіе списки названныхъ поэмъ и если возникновеніе этихъ списковъ общимъ мнѣніемъ приурочивалось ко временамъ Солона и Писистрата. Только въ этомъ единственномъ случаѣ сказанныя обвиненія могли претендовать на какое бы то ни было довѣріе. А что они все же пользовались довѣріемъ въ извѣстныхъ кругахъ, о томъ свидѣлствуютъ Страбонъ (IX 394, 10), Евстаѳій, нѣкоторые схоли. Такимъ образомъ вражда и зависть могли поработать надъ готовыми данными исторіи и прибавить къ нимъ нѣчто мифическое и легендарное,—дополнить и исказить сохраненное народною памятью преданіе посредствомъ произвольныхъ наслоеній и наростовъ. Допустимъ же, что это искаженное преданіе дошло до ученыхъ Александріи и Пергама, и пергамскіе грамматики въ пику своимъ александрійскимъ соперникамъ, съ презрѣніемъ его отвергшимъ*), съ радостью за него ухватились. Спрашивается, какъ могли они его утилизировать? Флахъ увѣряетъ, что, благодаря этому преданію, для нихъ открывалась возможность умалить заслуги александрійцевъ, смирить гордость послѣднихъ,—„Alexandria und seine litterarischen Einrichtungen und Bestrebungen zu demüthigen“. Пожалуй, мы не прочь этому повѣрить, но пусть намъ сперва докажутъ, что александрійскіе ученые приписывали себѣ самимъ все то, что въ преданіи приписывалось Писистрату. Послѣднему по-

---

*) Собственно говоря, мы имѣемъ право утверждать только одно,—именно, что до Аристарха включительно александрійскіе критики, повидимому, не придавали серьезнаго значенія обвиненіямъ въ намѣренныхъ интерполяціяхъ, введеннымъ на Солона и Писистрата, а потому и не искали въ этихъ обвиненіяхъ одной изъ такъ назыв. „Fehlerquellen“. Что аѳетезы Зенодота II, 533—555 и Аристарха II, 558 стояли внѣ всякой зависимости отъ аѳетезы Діевхида и его мотивовъ, это съ достаточною убѣдительною показалъ А. Лудвигъ (Did. 223; Aristarch. II, 595 сл.) противъ Виламовица (срв. Hom. Unters. 239 сл.). Но признавали ли александрійцы аѳинскую рецензію гомеровскаго текста независимо отъ сказанныхъ обвиненій, какъ историко-литературный фактъ, какъ первое звено въ длинной цѣпи тѣхъ историко-литературныхъ трудовъ, главнымъ предметомъ которыхъ былъ Гомеръ и его поэмы, или же совершенно отвергали ея существованіе, этого мы не знаемъ. „Bleiben wir uns nur immer bewusst, wie lückenhaft unsere Kenntniss der Alexandrinischen Kritik ist, so dass aus der blossen Nichterwähnung nur unter ganz besondern Umständen ein sicherer Schluss zu ziehen ist“ (Düntzer Hom. Abhandl. 27).

ставлялось въ заслугу τὸ ἀξιοῦσθαι τὸν Ὅμηρον σποράδην τὸ πρῶν ἀειδόμενον, и въ этомъ заключалось существенное и главное. Какъ бы мы ни представляли себѣ состояніе гомеровскаго текста до Писистрата (а извѣстно, какія на этотъ счетъ существуютъ разногласія), все таки остается яснымъ, что за нимъ признавалось первенство въ дѣлѣ упорядоченія этого текста. Если признаніе такого первенства за кѣмъ либо, кто не принадлежалъ къ кругу александрійскихъ ученыхъ, могло быть непріятно послѣднимъ, то вѣдь во всякомъ же случаѣ они должны были признать его, если не за Писистратомъ, то за Антимахомъ, на котораго самъ Аристархъ часто ссылался (А 298, 424, 598. α 85. Е 461. Ν 60. Ψ 870), за Эврипидомъ, за Аристотелемъ или, наконецъ, за невѣдомыми издателями τῶν κατὰ πόλεως. Но въ томъ то и дѣло, что разница между заслугами аѳинской коммиссіи съ одной стороны и заслугами александрійскихъ справщиковъ Гомера—съ другой древними хорошо понималась: тотъ самый Свида, который сохранилъ намъ между прочимъ одно изъ свидѣтельствъ о литературной дѣятельности Писистрата и его пособниковъ (s. v. Ὅμηρος; срв. s. v. Ὀρφεύς), въ статьѣ о Зенодотѣ категорически называетъ этого послѣдняго πρῶτον τῶν Ὅμηρον διορθωτῶν. Писистратъ не могъ, стало быть, умалить значеніе Зенодота и Аристарха, подобно тому какъ и въ наше время Димитрій Халькондизъ не помрачилъ славы Имануила Беккера и Авг. Наука,—и пергамские ученые, я полагаю, врядъ ли на этотъ счетъ могли обманываться....

Впрочемъ, въ видѣ уступки современные противники преданія о литературной дѣятельности Писистрата готовы согласиться съ тѣмъ, что и оно имѣетъ нѣкоторую историческую цѣну. Такъ А. Лудвигъ пишетъ (op. l. II p. 423): „wenn die Tradition der Alten für die vorliegende Frage überhaupt etwas beweist, so ist es jedenfalls dies, dass die Dichtungen nicht erst in Peisistratischer Zeit, sondern schon viel früher, auch nicht zum ersten Male in Attica und im altattischen Alphabet aufgezeichnet wurden“. Подобнымъ же образомъ Флахъ видитъ въ нашемъ преданіи нѣчто такое, что путемъ искаженія и произвольнаго привнесенія вымышленныхъ подробностей развилось изъ воспоминаній о соловыхъ мѣропріятіяхъ, дѣйствительно имѣвшихъ цѣлью упорядочить и сохранить отъ порчи гомеровскій текстъ (стр. 20, 22 и passim); Колонъ же, по Флаху, опирался при этомъ на спартанскій экземпляръ поэмъ (ibid.), возникшій „sehr frühzeitig und vielleicht sehr bald nach Lykurgos, jedenfalls schon zur Zeit der ersten musikalischen Katastasis durch Terpander“ (стр. 16 сл.). Вслѣдъ за Флахомъ Гольмъ формулируетъ положительный результатъ, къ которому, по его мнѣнію, приводитъ разсмотрѣніе писистратовой легенды, слѣдующимъ образомъ: „Sollten wir nicht, спрашиваетъ онъ, mit Hülfe der verdienstlichen Schrift des Herrn Flach zu dem Resultate kommen, dass das gelehrte Alterthum das Verdienst der Einführung Homers in Griechenland dem Staate zugeschrieben hat, der zuerst der bedeutendste und glänzendste war, nämlich Sparta, und das Verdienst der Ordnung der Gedichte demjenigen, der dann seit Solon an die Spitze der geistigen Bildung Griechenlands trat, nämlich Athen, und dass man dann einfach das, dessen wahre Urheber man nicht wusste, an die drei Männer gegeben hat, die Athen im 6. Jahrh. leiteten: Solon, Peisistratos und Hipparchos? Wenn wir statt der Namen der Personen ihre Städte und ihre Zeiten setzen, so kommen wir der Wahrheit vielleicht nahe“ (Wochenschr. f. klass. Philol. 1888. № 1. Sp. 5 f.).

Я не безъ опредѣленной цѣли приводилъ всѣ эти выдержки въ подлинникъ и не могу между прочимъ не выразить своего удивленія по поводу того обстоятельства, что у Флаха доселѣ, послѣ изслѣдованій Э. Мейера, Виламовица, Низе и др., Ликургъ все еще является историческою персонаю и легенда о немъ принимается за нѣчто дѣйствительное и достовѣрное. Это тѣмъ болѣе удивительно, что по отношенію къ преданіямъ о Писистратѣ тотъ же ученый обнаружилъ самый непримиримый скептицизмъ. А между тѣмъ почти за годъ до появленія его брошюры Виламовицъ съ большою убѣдительною разъяснилъ въ своихъ „Homerische Untersuchungen“ ту связь, которою соединена ликургова легенда съ преданіями о Солонѣ и Писистратѣ: она, утверждаетъ Виламовицъ, есть не что иное, какъ дублетъ этихъ послѣднихъ (стр. 268),—и, если, быть можетъ, онъ ошибается, считая ея авторомъ или древнѣйшимъ сторонникомъ (Vertreter) Діевхида (стр. 274), то во всякомъ случаѣ можно думать, что создана была эта легенда по типу названныхъ аеинскихъ сказаній и какъ бы въ противовѣсъ имъ. Я полагаю даже, что скудость болѣе древнихъ свидѣтельствъ о литературной дѣятельности Писистрата и его комиссіи въ значительной степени обусловлена вліяніемъ саги о Ликургѣ и его роли въ дѣлѣ распространенія гомеровскихъ стихотвореній на греческомъ континентѣ. Ликургъ получилъ лично отъ самого Гомера экземпляръ его пѣсенъ и привезъ съ собою это сокровище съ острова Хиоса, гдѣ видѣлся съ поэтомъ, въ Спарту,—такъ повѣствовали уже Эфоръ и Тимей. По другой версіи преданія спартанскій законодатель во время своихъ путешествій самъ изготвилъ полный списокъ гомеровскихъ поэмъ и такимъ образомъ первый ознакомилъ съ ними во всей полнотѣ континентальную Грецію, гдѣ дотолѣ извѣстны были лишь отрывки великой эпопеи. Если жъ такъ, то что же оставалось дѣлать Писистрату и его товарищамъ? Въ чемъ заключалась ихъ заслуга? Въ отвѣтъ на это люди, чувствовавшіе влеченіе къ доризму и его главной представительницѣ—Спартѣ, съ полнымъ правомъ могли презрительно пожимать плечами. Въ ихъ глазахъ преданіе о дѣятельности аеинской комиссіи не должно было заслуживать вниманія, и они могли не упоминать о немъ даже тогда, когда къ тому представлялся законный поводъ.

Серьезное ожесточеніе, съ которымъ сторонники оспариваемаго мною взгляда ведутъ полемику съ защитниками нашего преданія, находятъ свое объясненіе и оправданіе въ общемъ направленіи современной историографіи. Однимъ изъ главныхъ отличій послѣдней служить лихорадочная погоня за новымъ научнымъ матеріаломъ,—архивнымъ и археологическимъ. А по мѣрѣ открытія новыхъ памятниковъ,—дипломатическихъ, эпиграфическихъ, нумизматическихъ, эпистолографическихъ, археологическихъ и проч., и проч.,—естественно, является потребность внести и соотвѣтственные поправки и дополненія въ наличный запасъ нашихъ свѣдѣній о временахъ минувшихъ. Зачастую на основаніи вновь найденныхъ источниковъ приходится отказываться отъ того, во что съ молодыхъ ногтей привыкъ непреложно вѣрить. Зачастую предметы, лица, событія, обслѣдованные и обсужденныя, казалось бы, самымъ основательнымъ и всестороннимъ образомъ, благодаря какой нибудь неожиданной находкѣ, вдругъ предстаютъ передъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи. Поневоѣ критическій взглядъ обостряется, и историкъ становится менѣ довѣрчивъ къ показаніямъ литературныхъ памятниковъ. Онъ съ особеннымъ предпочтеніемъ

останавливается поэтому на источникахъ официального характера, каковы напримѣръ по большей части древнія надписи, государственные акты, частные юридическіе документы и т. п. Традиція все болѣе и болѣе теряетъ кредитъ въ его глазахъ, и, чѣмъ отдаленнѣе времена, о которыхъ она повѣствуетъ, тѣмъ болѣе строгую мѣрку прилагаетъ онъ къ ней при опредѣленіи степени ея достовѣрности. Лишь только вступаетъ онъ въ эту область, почва начинаетъ колебаться у него подъ ногами. Онъ невольно ищетъ опоры и находитъ ее въ скептицизмѣ, подчасъ довольно неумѣренномъ. „Для древнѣйшихъ эпохъ“, говоритъ одинъ изъ молодыхъ представителей того поколѣнія историковъ, о которомъ идетъ рѣчь, „мы должны довольствоваться лишь общими картинками, — опираясь притомъ не столько на литературную традицію, сколько на данныя археологін, топографін, діалектологін, а также заключа—сь большою, конечно, осторожностью — отъ послѣдующаго къ предыдущему“ (А. И. Покровский. Новыя явленія въ области разработки древне-греч. ист. См. „Историч. Обзор.“ I, стр. 187; срв. тамъ же на стр. 174 сл. сравнительную оцѣнку надписей и литературной традиціи, какъ историческихъ источниковъ).

Что касается личнаго нашего отношенія къ этимъ научнымъ вѣяніямъ, то оно, я полагаю, изъ предшествующаго изложенія достаточно выяснилось. Совершенно признавая неизмѣримо важное значеніе данныхъ языковѣднія, археологін, эпиграфики и топографін для возстановленія фактовъ исторіи древности, мы однако считаемъ опаснымъ и излишнимъ выбрасывать за бортъ, какъ ненужный и вредный балластъ, рядъ менѣе точныхъ и согласныхъ между собою историческихъ показаній въ силу преувеличеннаго мнѣнія о тенденціозности и субъективизмѣ античныхъ писателей. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ скептиковъ, которые изъ боязни возвести на степень историческаго факта какой нибудь продуктъ мнѣотворящей дѣятельности народа стремятся по возможности стѣснить и безъ того тѣсные хронологическіе предѣлы древне-греческой исторіи, и считаемъ одною изъ почтенныхъ и интересныхъ задачъ изслѣдователя усердное стремленіе открыть и подъ покровомъ мнѣическихъ подробностей и тенденціозныхъ искаженій черты исторической дѣйствительности. При тщательномъ критическомъ изученіи источниковъ литературнаго преданія, при надлежащей осмотрительности и правильности методическихъ пріемовъ и на этомъ пути можно придти къ такимъ же прочнымъ и надежнымъ результатамъ, какъ и въ области эпиграфическихъ и архивныхъ розысканій....

Какъ сказано, въ нѣкоторую связь съ вопросомъ о рецензін Писистрата и Ономакрита приводится вопросъ объ аттицизмахъ въ гомеровскихъ поэмахъ. „Въ самомъ дѣлѣ“, читаемъ въ поименованной выше статьѣ г. Рузскаго, „если аттическая редакція текста имѣла мѣсто при Писистратѣ, а тѣмъ болѣе позже, въ эпоху высшаго разцвѣта аѳонскаго гения, какъ хотятъ Вилламовицъ и Сейсъ, слѣдовательно въ эпоху, близкую къ блестящимъ временамъ Перикла, то, несомнѣнно, она должна была прежде и больше всего отразиться на языкѣ поэмъ, который воспринялъ бы тогда много чисто аттическихъ элементовъ“ (стр. 2).

Къ сожалѣнію, намъ по самому свойству темы нашей не приходится теперь входить въ ближайшее рассмотрѣніе этого интереснаго вопроса; тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ сдѣлать на этотъ счетъ здѣсь нѣ-

сколько замѣчаній самаго общаго характера, прежде чѣмъ возвратимся снова къ прерванному изложенію хода историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи.

Начнемъ съ того, что, по нашему мнѣнію, проникновеніе аттическихъ элементовъ въ гомеровскій текстъ могло происходить вообще лишь медленно и туго, такъ какъ сила традиціи достаточно ограждала неприкосновенность древнѣйшей языковой основы эпическихъ стихотвореній. Безсознательное подновленіе гомеровскаго искусственнаго говора, служившаго долго литературнымъ органомъ грековъ и до позднѣйшихъ временъ оставшагося таковымъ для нѣкоторыхъ поэтическихъ родовъ (срв. Ludwig Aristarch, II, стр. 454 сл.), конечно, нельзя отрицать, но оно началось не сразу, и первый спеціально аѳинскій экземпляръ поэмъ, приготовленный трудами писистратовой комиссіи, навѣрное былъ лишенъ той аттической окраски, которая потомъ сообщалась при послѣдовательномъ списываніи безчисленнымъ позднѣйшимъ копіямъ съ него. Самый составъ комиссіи до нѣкоторой степени обезпечивалъ дѣлность формальной стороны стихотвореній: Ономакрить былъ, правда, родомъ изъ Аѳинъ, но хорошо освоился съ языкомъ древнѣйшей гѳератической поэзіи грековъ и слылъ знатокомъ ея, такъ что едва ли могъ погрѣшнить въ непроизвольномъ модернизированіи гомеровскаго эпоса; товарищи его, Орфей и Зонпръ, были доряне,—первый изъ Кротоны, второй гераклеотъ,—и, если могли привнести въ текстъ стихотвореній какія либо діалектическія примѣсы, то отнюдь не аттическія. Къ тому же древне-аттическое нарѣчіе сравнительно мало отличалось отъ древне-іоническаго фона поэмъ Гомера, и лексическія и грамматическія особенности послѣднихъ заключали въ себѣ немного такого, что для аѳинянина временъ Писистрата звучало бы чѣмъ то чуждымъ и страннымъ. Иное дѣло—тогда, когда, по выраженію Зиттля, Аѳины „стали Лейпцигомъ греческихъ книгопродавцевъ“, когда во всѣ концы греческаго міра начали расходиться списки гомеровскихъ поэмъ, изготовленные аѳинскими писцами,—притомъ изготовленные нерѣдко поспѣшно и небрежно. Тогда, конечно, традиціонный текстъ долженъ былъ значительно пострадать отъ постороннихъ примѣсей и искаженій и получить замѣтную аттическую окраску. Но не слѣдуетъ забывать, что людьми серьезными и свѣдущими вродѣ Антимаха, Эврипида и др. отъ времени до времени предпринимался новыя, частныя рецензіи этого текста, и въ немъ, благодаря имъ, восстанавливались, вѣроятно, многія изъ вытѣсненныхъ аттицизмами старыхъ эпическихъ формъ. Кромѣ того въ противобѣсъ аѳинскимъ экземплярамъ гомеровскихъ поэмъ,—на сторонѣ копъ, разумѣется, продолжало оставаться численное превосходство,—существовали, какъ мы знаемъ, и нныя помѣстныя изданія Гомера (αἱ κατὰ πόλεις), совершенно свободныя отъ аттицизмовъ, и я не думаю, чтобы онѣ вовсе не воздѣйствовали на исправленіе иныхъ аѳинскихъ списковъ. Этѣмъ объясняется, по моему, то сравнительно весьма небольшое количество чисто аттическихъ примѣсей, присутствіе которыхъ въ текстѣ Иліады и Одиссеи засвидѣтельствовано дошедшими до насъ схоліями и открыто анализомъ новѣйшихъ ученыхъ: все заставляетъ думать, что въ распоряженіи александрійскихъ критиковъ находились экземпляры наименѣ искаженные, а, стало быть, и наименѣ пострадавшіе отъ аттическихъ подновленій (см. ниже прим. 80).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Музей и библіотека Лагидовъ въ Александріи *).

Ученая дѣятельность Каллимаха тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ двумя всемірно-извѣстными образовательными учрежденіями эллинизованнаго Египта,—александрійскимъ музеемъ и библіотекою Лагидовъ: Каллимахъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ музея и даже главою цѣлой школы ученыхъ, здѣсь дѣйствовавшихъ (*οἱ Καλλιμαχέιοι*), а въ перечнѣ лицъ, послѣдовательно завѣдывавшихъ библіотекою, имя его также стояло на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Невозможно, стало быть, разсматривать его дѣятельность, не касаясь исторіи названныхъ учреждений. Это значило бы оторвать нашего писателя отъ той почвы, которая дала жизнь всѣмъ его произведеніямъ ⁶³).

---

*) Глава эта съ весьма значительными перемѣнами и сокращеніями была напечатана въ видѣ отдѣльной статьи въ философскомъ отдѣлѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ (1890, ноябрь), а нѣкоторая часть ея—въ „Журналѣ Министерства Народ. Просв.“ (1890, декабрь) подъ названіемъ: „Замѣтка къ тексту Страбона“.

⁶³) Считаю нелишнимъ указать на литературу вопроса (курсивомъ напечатаны заглавія тѣхъ сочиненій, которыми авторъ при составленіи этой главы имѣлъ возможность пользоваться): *L. Neocorus (Kuster) Diatribe de Museo Alexandrino (Gronov. thes. antiq. gr. vol. VIII)*; Just. Lipsius *De bibliothecis syntagma (opp. III)*; Keilhacker *De Museo Alexandrino (Leips. 1698)*; Gerischer *De Museo Alexandr. ejusque δωρεαῖς et δωροῖς (Leips. 1750)*; I. Ph. Crollii *Oratio de Alexandr. Museo (1721)*; Bonamy *Dissertation sur la bibliothèque d'Alexandrie (Mém. de l'Acad. des B. L. Tom. IX. 1731)*; *Manso Briefe üb. das alte Alexandrien (Vermischte Schriften Leipz. 1801)*; Beck [C. D.] *Specimen historiae bibliothecarum Alexandr. (Leipz. 1779)*; *его же De philologia seculi Ptolemaeorum*

Александрійскій музей и птолемеева библіотека были дѣломъ одного и того же лица и находились въ близкомъ соотношеніи другъ съ другомъ. Если мы даже согласимся не придавать никакого значенія,—на что, повидимому, имѣемъ полное право,—словамъ анонимнаго біографа Аполлонія родосскаго, позволяющимъ видѣть въ библіотекѣ собственность или принадлежность музея ⁶⁴); если, далѣе, мы взвѣсимъ надлежащимъ образомъ то немаловажное обстоятельство, что и самыя сферы управленія обоими учрежденіями были совершенно различны, безусловно независимы одна отъ другой и подчинены разнымъ лицамъ,—то все же тысячами нитей связывали музей съ библіотекою, тысячи отношеній возникали и непрерывно поддерживались между членами одного и распорядителями другой, и есть полное основаніе думать, что и съ самаго начала, по идеѣ учредителя, музей и библіотека должны были быть частями одного организма, должны были содѣйствовать достиженію однѣхъ и тѣхъ же цѣлей.

(Lips. 1818); Heyne *De genio seculi Ptolem.* (Opusc. academ. vol. I. Gotting. 1785 pp. 76 sqq.); St.-Croix статьи въ *Magasin encyclopédique* (IV, 11; V, 3, 4); Petit-Radel *Recherches sur les bibliothèques anc. et modernes* (Paris. 1819); Reinhard Ueb. die jüngsten Schicksale der alexandr. Bibliotheken (Götting. 1792); Drumann *De rebus Ptolemaeorum* (Lips. 1821); Dedel *Dissert. de hist. crit. Bibl. Alex.* (L. Bat. 1823); Pinzger *Alexandrien unter den Ptolemäern* (Liegn. 1835); Parthey *Das alexandrinische Museum* (Berl. 1838); Klippel Ueb. das alexandr. Museum (Gotting. 1838); Ritschl *Opusc. philol.* I pp. 1—237; Bernhardt въ *Berl. Jahrb. für wissenschaftliche Kritik* (1838, December); Backmann *Primordia Musci Alexandrini* (Helsingf. 1840); Seemann *De primis sex bibliothecae Alexandr. custodibus* (Essen. 1859); Hannak *Das Museum und die Bibliotheken in Alexandria* (Wien. 1867); Thionville *De arte Callim. poetae* p. 10 sqq.; A. Becker *Das alex. Museum* (Progr. Schleiz. 1868); *εἰς ἃς Charikles* (1877) II, стр. 160 сл.; Demetriades 'Ιστ. δοκίμιον τῆς 'Αλεξάνδρ. βιβλιοθήκης (Авинны, 1871); H. Göll *Das gelehrte Alterthum* (Leipz. 1870. Сmp. 139 сл.); Weniger *Das alex. Mus.* (Berl. 1875). Кромѣ того см. Preller (Hall. Jahrb. für deutsche Wissenschaft u. Kunst. 1838. nr. 142), Heffter (Zeitschr. für Alterthumswiss. 1839), Becker-Teuffel (*Pauly's Realencycl. s. v. Bibliotheca*), Baumstark (*ibid. s. v. Museum*), Sprengel (*Ersch u. Gruber's Encycl. s. v. „Alexandrinische Schule“*), Robiou (*Dictionn. des antiqq. par Daremberg et Saglio s. v. Bibliotheca*); Couat *La poésie alexadrine sous les trois premiers Ptolemées* (Paris. 1882).

⁶⁴) Τινὲς δὲ φασιν, ὅτι ἐπανήλθεν (Apollonius) εἰς 'Αλεξάνδρειαν καὶ αὐτὸς ἐπιθεξάμενος εἰς ἄχρον εὐδοκίμησε· ὡς καὶ τῶν βιβλιοθηκῶν τοῦ Μουσείου ἀξιωματῆραι αὐτόν. Apoll. Rhod. Argon. ex recogn. R. Brunckii I, p. IX sq.

Это были, несомненно, цѣли столько же научныя, сколько и политическія ⁶⁵). Онѣ соотвѣтствовали тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Александръ Великій, когда онъ повсюду на побѣдоносномъ пути своемъ по отдаленнымъ странамъ востока основывалъ новые города и поселенія, долженствовавшіе съ тѣхъ поръ сдѣлаться разсадниками эллиническаго просвѣщенія среди народовъ варварскихъ. Музей представлялъ собою въ сущности учрежденіе въ такой же мѣрѣ интернаціональное, какъ и эти очаги эллинизма. Онъ призванъ былъ стать посредникомъ между наукою востока и запада. Подчиненный съ внѣшней стороны надзору лица, принадлежавшаго къ жреческой коллегіи, онъ, естественно, долженъ былъ напоминать египтянамъ сацердотальныя школы ихъ отечества ⁶⁶), тогда какъ грекъ въ академической сво-

⁶⁵) Срв. Matter op. l. I p. 68 сл.; Droysen Hist. de l'Hellénisme trad. par Bouché-Leclercq, III (1885) p. 49. Напрасно Тіонвилль (ук. соч. стр. 13 сл.), Egger (Aristarque, Revue des deux mondes, 1846, 1 fevr., p. 465 sq.) и др. старались вопреки этому мнѣнію провести ту мысль, что учредителемъ музея не руководили никакія инныя побужденія кромѣ желанія затмить славу аттическихъ школъ блескомъ академіи александрійской. Если осуществленіе и не вполне соотвѣтствовало первоначальной идеѣ, то не слѣдуетъ забывать, что оно принадлежало уже не самому учинателю.

⁶⁶) Couat (La poésie alexandrine) говоритъ: „La direction du Musée était confiée, comme dans les musées de la Grèce, à un grand prêtre“ (стр. 16). Это несовсѣмъ точно. Завѣдываніе музеемъ въ Александріи было присвоено высшему духовному сановнику, который именуется въ одной греческой надписи временъ императора Іадріана „ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης“ и главною функціею котораго въ до-римскій періодъ было отправление вновь учрежденнаго культа Александра и Птолемеевъ, сопричисленныхъ (быть можетъ, отчасти и по примѣру египетскихъ фараоновъ) къ лику боговъ. Онъ принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ „σοληγνεῖς“, т. е. лицъ перваго ранга, и состоялъ при особѣ государя въ качествѣ его секретаря или эпистолографа. „Epistolographi“,—читаемъ у Франца (CIG. I. I.),—„ut apud Seleucidas (Polyb. XXXI, 3, 16), ita apud Ptolemaeos summa post regem auctoritas fuit. Solebat is regi in consilio adessee et certe in rebus sacris videtur fuisse quodam modo ἀποκράτωρ“. Это была, стало быть, особа, занимавшая высокій офиціальныи постъ. Ничего подобнаго не видимъ въ знаменитыхъ аѳинскихъ „музеяхъ“, каковыми были между прочимъ музеи Платона и Теофраста (срв. Diog. Laërt IV с. 1; V, с. 2, 39). Отправление культа музъ въ этихъ святилищахъ науки отнюдь не требовало участія лицъ, облеченныхъ непремѣнно жреческимъ саномъ; нѣтъ,—оно лежало на обязанности того, кто стоялъ во главѣ

бодѣ, царившей въ стѣнахъ этого заведенія, легко могъ узнать нравы аѳинскаго лица. По выраженію Филострата, это была трапеза, радушно призывавшая къ себѣ безъ различія всѣхъ людей, выдающихся своими дарованіями (τράπεζα Αἰγυπτία συγκαλοῦσα τοὺς ἐν πάσῃ τῇ γῇ ἑλλογίμους. Philostr. Vita Dionysii). И какъ широкая научная и литературная дѣятельность немислима безъ соотвѣтствующаго ученаго аппарата, то необходимымъ дополненіемъ къ музею явилась богатѣйшая библіотека, въ которой наряду съ продуктами греческаго генія впервые нашли мѣсто и произведенія восточныхъ литературъ.

До сихъ поръ остается спорнымъ вопросъ, къ какому именно времени должно отнести возникновеніе этихъ двухъ учреждений ⁶⁷⁾. Свидѣтельства нашихъ источниковъ разроз-

---

учрежденія, подобно тому какъ отправленіе культа семейнаго лежало на обязанности главы семейства. Срв. по этому поводу разсказъ Аѳенія о перипатетикѣ Ликонѣ (XII р. 546 d—f); см. также статью Виламовица „Die rechtliche Stellung der Philosophenschulen“ въ четвертомъ томѣ его „Philologische Untersuchungen“, стр. 263 слл. Особенно поучительно въ этомъ отношеніи знаменитое завѣщаніе Эпиктеты, сохранившееся въ одной оерской надписи и съ вѣроятностью приурочиваемое къ концу III-го или началу II-го стол. до Р. Х. Эпиктета выстроила въ память двухъ умершихъ своихъ сыновей *μοῦσῶν*, снабдила его всѣмъ потребнымъ для отправленія культа музъ и близкихъ ей покойниковъ аппаратомъ и учредила религиозное общество (*τὸ κοινόν*), на обязанности котораго лежало поддерживать этотъ культъ. Жрецомъ музъ и героевъ, по смыслу завѣщанія, не могъ быть никто кромѣ старшаго въ родѣ по прямой линіи, и ему же должно было принадлежать и предсѣдательство въ собраніяхъ общества (см. Roscher Mythologisches Lexicon, ст. 2530 слл., гдѣ указана и относящаяся къ вопросу о названномъ памятникѣ литература). Что музеи ученые и философскіе по существу не отличались въ своей внѣшней организаціи отъ тѣхъ *ἑῷασι*, въ основаніи которыхъ лежалъ семейный культъ,—это теперь можно считать достаточно твердо установленнымъ. Каждый изъ нихъ представлялъ цѣлое, отдѣльные члены котораго связаны были между собою не только единствомъ научныхъ и литературныхъ интересовъ, но и узамъ общаго почитанія дорогихъ мертвецовъ, каковыми являлись для нихъ покойные учредители и дѣятели музеевъ. Такимъ образомъ и Птолемѣи пользовались поклоненіемъ въ александрійскомъ музеѣ по праву его основателей, т. е. въ качествѣ такъ называемыхъ „*ἡρώεσται*“ (срв. *κοινὸν τῶν ἡρώεστων* на о. Родосѣ, на карійскомъ берегу, въ Атикѣ и проч. Roscher *ibid.*).

⁶⁷⁾ Что основаніе библіотеки и учрежденіе музея не были раздѣлены между собою большимъ промежуткомъ времени, что то и другое было

ненны, темны и противорѣчивы. Не давая точныхъ, категорическихъ указаній, они оставляютъ широкое поле для догадокъ и предположеній. Такъ, по словамъ однихъ, истиннымъ основателемъ библіотеки и музея былъ Птолемей Сотеръ⁶⁸⁾. Другіе напротивъ отодвигаютъ ихъ возникновеніе къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Филадельфа,—къ тому періоду, когда второй представитель династіи Лагидовъ, уже удручаемый недугами старости, искалъ забвенія и утѣшенія въ занятіяхъ наукою и литературою⁶⁹⁾. Третьи наконецъ,

задумано и выполнено одновременно,—въ этомъ нѣтъ причины сомнѣваться. Simon de Magistris, приписывавшій организацію книжнаго собранія первому, а музея—второму изъ Птолемеевъ (у Parthey ук. соч. стр. 46), сколько мнѣ извѣстно, не приобрѣлъ въ ученой литературѣ сильныхъ сторонниковъ. Его мнѣніе, повидимому, было склоненъ принять Зеemannъ (ук. соч. стр. 9); но приведемъ на этотъ счетъ слова Баумштарка (ук. м.): „wenn die in der Bibliothek gesammelten und fortan zu sammelnden Bücher verstanden und erklärt werden sollten, so waren auch Männer von Rang herbeizuziehen, welche diese bibliothekarischen Schätze zu bearbeiten und den Gewinn ihrer Forschungen als eigene Fachgelehrsamkeit auf eine Schule zu vererben hatten, was nicht besser geschehen konnte, als wenn man ihnen Sicherheit der Existenz und zugleich einen Vereinigungspunkt gewährte, wie das Museum war“.

⁶⁸⁾ Въ такомъ смыслѣ можно истолковать одно мѣсто изъ сочиненій Плутарха: Non posse suav. vivi sec. Epic. XIII, 3 εἰ δὲ Πτολεμαῖος ὁ πρῶτος συναγαγὼν τὸ μουσεῖον τοῖς συνέτυχε τοῖς καλοῖς καὶ βασιλικοῖς παραγγέλλασιν, ἀρ' οὐκ ἂν εἴπε κτε'. („Comme Plutarque désigne toujours par le seul nom de Πτολεμαῖος le premier Ptolémée, et par leur surnom les autres Ptolemées qu'il lui arrive de citer, Philadelphie par exemple, il est certain qu'il a bien voulu nommer ici Ptolémée Soter“. Couat p. 12). Срв. также Plut. de coh. ira IX. Сюда же относятся, далѣе, свидѣтельства св. Иринея, Климента александрійскаго, Θεοδора (Praef. in Psalm.) [ссылки см. у Matter I, 76], Свида (s. v. Ζηρόδοτος) и Псевдо-аристея (см. Herwig De Demetrii Phalerei scriptis. Rinteln. Progr. 1890. p. 27 sq.).

⁶⁹⁾ Таковы Синкеллъ и Юлій Африканъ; опредѣляющее основаніе библіотеки очень позднюю дату, именно—132 олимпіадою, незадолго до смерти Филадельфа; съ ними согласно показаніе Евтропія, по словамъ котораго библіотека была организована въ тридцатый годъ царствованія Птолемея II (точные ссылки у М. Мейера Opusc. asiat. I p. 80 sq.). Нѣсколько раньше возникла она по Евсевію ap. Hieronym. Chron. II p. 350: „Ol. 125,1 Ptolemaeus Philadelphus Judaeos in Aegyptio captivos libertate donavit. Regia quoque munera Hierosolyma ad Eleazarum pontificem submisit deditque operam, ut Judaeorum libri ex hebraica ad graecam linguam transferrentur eosdemque in Alexandrina bibliotheca a se congesta posuit“. Въ одной категоріи съ названными авторами должны быть упомянуты также Страбонъ и Эліанъ, хотя слова послѣднихъ менѣе опредѣ-

приписывая основаніе бібліотеки Филасьдѣлѣу, приурочиваютъ однако его къ самому началу царствованія этого монарха, когда Деметрій фалерскій, вскорѣ подвергнувшійся опалѣ и изгнанію, находился еще въ Александріи и былъ въ силѣ при дворѣ ⁷⁰). Хронологическіе предѣлы, устанавливаемые всѣми этими разнообразными показаніями, обнимаютъ, стало быть, болѣе нежели полвѣка (305—246).

Многое заставляетъ насъ склониться на сторону мнѣнія, приведеннаго подъ первую рубрику. Что оба учрежденія возникли по почину перваго Птолемея, на это, мнѣ кажется, дано непререкаемое указаніе главнымъ образомъ въ тѣхъ текстахъ, которые сообщаютъ намъ о прикосновенности къ дѣлу Деметрія фалерскаго. Заподозривать справедливость такого сообщенія мы не имѣемъ ровно никакого права; съ другой стороны думать, что Деметрій могъ дѣйствовать при Филасьдѣлѣ въ періодъ самостоятельнаго правленія его, не позволяютъ тѣ обстоятельства, о которыхъ рассказываетъ Гермиппъ (ар. Diog. L. V, 78). Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно Деметрій при жизни Сотера интриговалъ въ пользу сыновей Эвридики противъ Филасьдѣлѣа, то послѣдній, хорошо объ этомъ знавшій, врядъ ли могъ долго сохранить за со-вѣтникомъ и другомъ своего отца его прежнее почетное и вліятельное положеніе и поручить ему дѣло, требовавшее многихъ лѣтъ спокойной и непрерывной работы. Напротивъ, преданіе говоритъ, что, лишь только умеръ Птолемеѣ I, преемникъ его тотчасъ же отдалъ приказъ схватить его зло-

ленны: Strab. p. 789 ὁ Φιλὰδελφὸς ἐπικληθεὶς φιλιστωρῶν καὶ διὰ τὴν Ἀσθενείαν τοῦ σώματος διαγωγὰς Ἀεὶ τινὰς καὶ τέρψεις ζητῶν καινοτέρας. Aelian. V. H. IV, 25: μουσικώτατον δὲ λέγουσι καὶ Πτολεμαῖον γενέσθαι τὸν δεύτερον καὶ αὐτὸν νοσήσαντα.

⁷⁰) Это было во время совместнаго правленія Сотера и Филасьдѣлѣа. По примѣру Анатолія ар. Euseb. Hist. Eccles. VII, 32 возникновеніе александрійской бібліотеки относили къ этой порѣ Lipsius, Petavius (Denis Petau), Is. Vossius, Riecioli и Bonamy (Баумштаркъ ук. м.); срв. Clinton Fasti Hell. III p. 380: the μουσεῖον and the library, which Philadelphus founded, are mentioned by Athen. V p. 203 e. Both these were probably founded in the beginning of his reign. Опору для себя такое мнѣніе должно было бы найти въ свидѣтельствахъ Іоанна Тзетза (Prolegg. ad Aristoph.) и неизвѣстныхъ авторовъ плавтинскаго схолія и фрагмента „περὶ χωμωδίας“.

получнаго клеврета и отправить въ ссылку въ Верхній Египетъ, гдѣ тотъ уже въ 283 г. умеръ отъ укушенія змѣи (ὁπρωττων ὑπ' ἀσπίδος τὴν χεῖρα δηχθεὶς τὸν βίον μεθῆκε. Негтірр.). Другимъ не менѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служить сказаніе о семидесяти толковникахъ, приписывающее инициативу перевода библіи на греческій языкъ все тому же Деметрію фалерскому. Допустимъ, что въ этомъ сказаніи переводъ еврейскихъ священныхъ книгъ смѣшивается съ основаніемъ библіотеки и музея; положимъ, что то и другое приурочивается въ немъ ко временамъ Филадельфа, когда Деметрія уже не было и въ живыхъ; положимъ наконецъ, что самая достовѣрность сказанія давно подвергнута сомнѣнію,—все это такъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ М. Мейеръ ⁷¹⁾, отчего же не другаго кого, а именно Деметрія поставила тенденціозная традиція во главѣ предпріятія? Не говоритъ ли это до очевидности ясно въ пользу того, что аѳинскому изгнаннику принадлежала важная роль въ исторіи просвѣтительныхъ учрежденій Александріи? Не естественно ли предположить, что, перемѣшавъ времена и измѣнивъ даже самыя обстоятельства, память потомства сохранила однако въ неприкосновенности имя главнаго дѣйствующаго лица?

Но помимо этихъ есть еще и другія соображенія, въ силу которыхъ основателемъ музея и библіотеки долженъ былъ быть именно Сотеръ. Храбрый полководецъ, развившій свои военные таланты подъ знаменами Александра, тонкій политикъ, осторожный и благоразумный правитель,—Птолемей Сотеръ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и глубоко и всесторонне образованнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ окружать себя учеными, поэтами и философами, гордился дружбою съ Зенодотомъ и Эвклидомъ, поддерживалъ дѣятельную переписку

---

⁷¹⁾ M. Meyeri Opusc. academ. vol. I p. 79, adn. 26: neque vero propterea quod narratio de origine illius interpretationis in numerum fabularum referenda est, credibile Demetrii nomen temere fictum esse, quidni aliud finxerunt, si Demetrii ne fuit quidem ea provincia?

съ Теофрастомъ ⁷²⁾, снаряжалъ экспедиціи съ научными цѣлями и не безъ успѣха выступилъ наконецъ самъ на поприщѣ литературы съ «Исторією Александра В.», — добросовѣстнымъ и дѣльнымъ трудомъ, выгодно отличавшимся отъ множества другихъ произведеній на ту же тему отсутствіемъ баснословія и романическихъ прикрасъ. Располагая громадными средствами и одушевленный любовью къ умственнымъ занятіямъ, онъ, естественно, могъ желать, чтобы Александрія обладала всѣми потребными для такихъ занятій внѣшними условіями и чтобы тѣ даровитые писатели, художники и мыслители, которыхъ привлекали къ его двору собственно лишь его личныя свойства, въ этихъ благопріятныхъ условіяхъ могли найти для себя и объективное побужденіе къ болѣе продолжительному пребыванію въ стѣнахъ новой столицы Египта. Птолемѣй Сотеръ хорошо сознавалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ оружіе македонянъ раздвинуло предѣлы Греціи на всю переднюю Азію и сѣверо-восточную Африку, Аѣины лишились своего значенія. Рѣдкія выгоды географическаго положенія въ самомъ центрѣ той обширной монархіи, которую Александръ завѣщалъ «достойнѣйшему», преимущества превосходнѣйшей морской станціи на пути торговыхъ сношеній Греціи съ варварскимъ востокомъ, внѣшняя безопасность отъ вражескихъ нападеній,—все это обеспечивало за Александріей право на первенство среди тѣхъ городовъ, которые теперь хотѣли соперничать съ Аѣинами и въ матеріальной силѣ, и въ богатствѣ духовной жизни. Ни Пелла, ни Антиохія, ни Пергамъ, ни Апамея не могли равняться съ нею ни въ какомъ отношеніи. Городъ на Средиземномъ морѣ, при устьѣ Нила, у самаго входа въ богатѣйшую вильскую долину, сразу ставшій громаднымъ

⁷²⁾ Объ отношеніяхъ Птолемѣя I-го къ различнымъ свѣтиламъ греческой литературы и науки см. Geieri De Ptolemaei Lagidae vita (Halis Sax. 1838) p. 68 sqq.; Pauly's Realencyclopädie VI, стр. 188 сл.; See-manн ук. соч. стр. 7 сл. На его радужный призывъ охотно стекались въ Александрію такія лица, какъ Стратонъ,—по Плутарху (adv. Colot. XIV, 3) „τῶν ἄλλων Περικατητικῶν ὁ κορυφαίωτάτος“,—Θεόδωρ ὁ Ἀθηναῖος, Діодоръ Κρόνος, Стильпонъ и проч.

складочнымъ пунктомъ, куда Аравія высылала свои пряности, Индія и Цейлонъ—свои драгоцѣнныя ткани, Африка—свое золото и слоновую кость, Испанія—свое серебро, Македонія—свой строевой лѣсъ, острова Архипелага—свое вино, материковая Греція—свои гончарныя издѣлія, маслины и оливковое масло, Кипръ—свою мѣдь и т. д.,—такой городъ, кишѣвшій разноплеменнымъ населеніемъ, не могъ не сдѣлаться средоточіемъ оживленныхъ культурныхъ вліяній между сталкивавшимися здѣсь націями и, стало быть, долженъ былъ представлять благодарную почву для самой широкой научной, литературной и художественной дѣятельности ⁷³⁾. Попытка создать здѣсь новыя Аѳины, которыя бы затмили своимъ блескомъ славу Аѳинъ Перикла, отнюдь не была безразсуднымъ предпріятіемъ: могучая сила вещей благопріятствовала планамъ Птолемеевъ, а будущее до извѣстной степени оправдало ихъ ожиданія. Притомъ въ самомъ началѣ попытка эта встрѣтила поддержку въ такомъ человѣкѣ, который и по своей образованности, и по уму, и по политической опытности былъ наиболѣе пригоденъ для дѣла, задуманнаго уже Сотеромъ. Я разумѣю Деметрія фалерскаго.

Можно полагать, что мысль о музеѣ и библіотекѣ зародилась въ головѣ Сотера прежде, нежели онъ сошелся съ Деметріемъ фалерскимъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что только съ переселеніемъ этого послѣдняго изъ Аѳинъ въ Александрію она созрѣла, окрѣпла и стала близиться къ осуществленію. Ко времени этого переселенія во внѣшней политикѣ Египта наступило затишье. Въ 294 г., съ восшествіемъ Деметрія Полиоркета на македонскій престолъ, окончилась многолѣтняя кровопролитная борьба діадховъ изъ-за наслѣдія Александра, и, если спустя шесть лѣтъ деспотическій образъ дѣйствій новаго правителя Македоніи вызвалъ противъ него цѣлую коалицію, къ которой примкнулъ и Птолемей, то дѣло это было рѣшено однимъ походомъ, и съ

---

⁷³⁾ Живо и увлекательно начертана картина торговыхъ сношеній Александріи у Мансо въ его „писъмахъ“ (II, стр. 381 сл.).

низложеніемъ безпокойнаго авантюриста ничто уже болѣе не грозило нарушить миръ. Мысли престарѣлаго Лагида, утомленнаго продолжительною войною, могли теперь спокойно обратиться къ вопросамъ внутренней политики. Онъ приблизилъ къ себѣ Деметрія фалерскаго, къ которому питалъ особое уваженіе, какъ къ ученику Теофраста и другу Менандра, и, если вѣрить Эліану, сдѣлалъ его первымъ своимъ совѣтникомъ по дѣламъ управленія страной ⁷⁴). Выборъ, конечно, былъ сдѣланъ какъ нельзя болѣе удачно. «Заслуга, которую Деметрій здѣсь, вдалекѣ отъ своей родины, оказалъ человѣчеству»,—говоритъ Юл. Шварцъ,—«значительно превзошла по важности въ культурномъ отношеніи все то, что сдѣлало для человѣчества аѳинское народное правительство съ момента вступленія Поліоркета въ Аѳины вплоть до временъ владычества римскихъ деспотовъ вродѣ Гадріана или Марка Аврелія; ибо Деметрій фалерскій въ высокой мѣрѣ содѣйствовалъ тому сліянію греческой образованности съ образованностью египетскою, вавилонскою и іудейскою, которому вся западно-европейская культура обязана своимъ происхожденіемъ» ⁷⁵).

Нужно замѣтить, что то была пора, когда придавали особенное значеніе политическимъ теоріямъ и въ литературѣ существовало немало полуфилософскихъ, полуисторическихъ трактатовъ «о государствѣ», «объ управленіи», «о законодательствѣ» и т. п., посвященныхъ авторами либо Александру, либо кому нибудь изъ его преемниковъ ⁷⁶). Осо-

⁷⁴) Aelian V. Н. III, 17: ἐν Αἰγύπτῳ δὲ συνὼν τῷ Πτολεμαίῳ (Δημήτριος) νομοθεσίας ἤρξε.

⁷⁵) Jul. Schwarcz Die Demokratie. I (Leipz. 1884), стр. 556.

⁷⁶) Какъ далеко восходили начала этой „политической“ литературы и какъ широки были ея размѣры, видно изъ списковъ Henkel'a (Studien zur Gesch. der griech. Lehre v. Staat. 1872) и Jul. Schwarcz'a (Critik der Staatsformen des Aristoteles [1890], Anhang). Послѣдній вводитъ въ кругъ писателей, занимавшихся вопросами политики и права, Гераклита, Демокрита, Архелая, Эмпедокла, Архита, Продика, Гиппия, Критія, Антисфена и др. и думаетъ, что ихъ то именно и слѣдуетъ разумѣть подъ ἑνὶ и τοῖς въ безыменныхъ ссылкахъ на предшествующую литературу у Аристотеля. Самъ Аристотель, говорятъ, написалъ специально для Александра, въ то время еще юноши, трактатъ „περὶ βασιλείας“: Pseudo-

бенно возбуждали къ себѣ живой интересъ вопросы политики и права вообще въ школѣ перипатетиковъ. Отсюда вышло множество извѣстныхъ «политіографовъ» (οἱ πολιτειογράφοι), и самъ Деметрій фалерскій, громадная эрудиція котораго обнимала и реторику, и грамматику, и исторію, и философію, и науки военныя и политическія, не чуждъ былъ литературѣ этого рода и слылъ авторомъ нѣсколькихъ обширныхъ трактатовъ, затрогивавшихъ различныя стороны государственной жизни ⁷⁷). Немудрено, что, какъ передаетъ Плутархъ, онъ дѣйствительно подалъ своему державному покровителю совѣтъ собирать и изучать сочиненія, трактующія о государствѣ. «Книги», говорилъ онъ, «имѣютъ больше смѣлости

Ammonii vita Arist. τῷ δ' Ἀλεξάνδρῳ καὶ περὶ βασιλείας ἔγραψεν ἐν ἐνὶ μονοβίβλῳ παιδεύων αὐτὸν ὅπως δεῖ βασιλεύειν [ap. Rose Aristot. Pseudepigraph. n° XIV frgm. 1 (69)]. Срв. vit. Arist. Marc. (ibid.). Нѣсколько позже написано было другое сочиненіе— „Ἀλέξανδρος ἡ ὑπὲρ ἀποικίων“, содержание котораго вращалось вокругъ вопроса ὅπως δεῖ τὰς ἀποικίας ποιεῖσθαι [ibid. XV frgm. 1 (71)]. По словамъ Плутарха (adv. Colot. с. XXXII) отъ Ксенократа самъ Александръ потребовалъ для себя политическихъ указавій. Въ числѣ произведеній Теофраста кромѣ обращеннаго къ Кассандру разсужденія „περὶ βασιλείας“ приводятся: „περὶ τῆς ἀρίστης πολιτείας“, „πολιτικά“ въ шести кн., „πολιτικά ἑξή“ въ четырехъ кн., „νόμοι“ въ двадцати четырехъ кн., „περὶ παιδείας βασιλέως“ и проч. Само собою разумѣется, что трактаты эти, имѣвшіе зачастую цѣлью поучать правителей, отличались въ большинствѣ случаевъ тенденціозностью и произвольнымъ толкованіемъ фактовъ исторіи и данныхъ міеологіи. Въ мнѣяхъ искали объясненія и оправданія для существующихъ порядковъ или же основанія для ихъ замѣны чѣмъ либо инымъ. Срв. Porphyg. de Abstin. II, 33 (Hercher): ἐγὼ δὲ τὰ μὲν κεκρατηκότα παρ' ἑκάστοις νόμιμα λύσων οὐκ ἔρχομαι. οὐ γάρ μοι περὶ πολιτείας νῦν πρόκειται λέγειν. „Ergo“, заключаетъ отсюда Шнейдевинъ, „muneris erat τῶν πολιτειογράφων—τὰ κεκρατηκότα παρ' ἑκάστοις νόμιμα λύσαι,—h. e. ex fabulosa potissimum aetate repetere, unde instituta et disciplinae civitatum originem habuissent“ (Heraclidis politiarum quae exstant rec. et comment. instr. Schneidewin. Gotting. 1847, p. VII).

⁷⁷) Сюда относились его сочиненія: „περὶ πολιτικῆς“, „περὶ νόμων“ („in hoc libro Dem. aut de variis legibus aliarum civitatum aut universe de legibus exposuisse videtur“. Herwig op. l. p. 17), „ὑπὲρ τῆς πολιτείας“, „περὶ δημαγωγίας“, „περὶ τῆς Ἀθήνησι νομοθεσίας“ и проч. Вѣрный принципамъ политики мира, отстанваемой, какъ извѣстно, перипатетиками, Деметрій писалъ также и „ο мирѣ“ („περὶ εἰρήνης“), гдѣ между прочимъ указывалъ на примѣры Ликурга, сумѣвшаго создать сильное государство на пути мирныхъ преобразованій (οὐδεμιᾶς ἀψάμενον πολεμικῆς πράξεως ἐν εἰρήνῃ καταστήσασθαι τὴν πολιτείαν). Насколько такая мирная политика была симпатична и самому Сотеру, можно судить со словъ Курція De gest. Alex. M. IX, 33.

высказывать государямъ правду, нежели даже ихъ друзья» ⁷⁸). И очень можетъ быть, что Сотеръ, давно лелѣявшій мысль объ основаніи библіотеки въ Александріи, нашелъ для себя въ этомъ совѣтѣ ближайшій поводъ къ ея осуществленію. Какъ бы то ни было, онъ облекъ Деметрія полномочіемъ собирать отовсюду рукописи, не щадя ни усилій, ни средствъ, и преданіе увѣряетъ, что уже къ концу царствованія перваго Птолемѣя Деметріемъ было приобрѣтено для него до 200000 свитковъ.

Свитки эти, добывавшіеся изъ разныхъ рукъ и зачас-
тую стоившіе баснословныхъ денегъ, сперва не имѣли осо-
баго, спеціально для нихъ предназначеннаго помѣщенія. Для
сохраненія ихъ долго довольствовались кладовыми, куда они
безъ разбора сваливались и гдѣ знатоки книжнаго дѣла,
такъ называемые грамматикки, подвергали весь наличный
матеріалъ тщательному разсмотрѣнію и распредѣляли книги
по отдѣламъ и рубрикамъ (*χωρίζοντες*). Лишь по мѣрѣ возрас-
танія литературной коллекціи Птолемѣевъ стала все живѣе
и живѣе ощущаться потребность въ особомъ зданіи, дол-
женствовавшемъ служить книгохранилищемъ, и, кажется, не
ранѣе, какъ при Птолемѣѣ II Филадельфѣ отдѣленъ былъ
для этой цѣли большой корпусъ въ Брухін, составлявшій
часть дворцовыхъ построекъ и, по всей вѣроятности, распо-

---

⁷⁸) Plut. Apophthegm. (M. p. 189, D): *Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς Πτολεμαίῳ τῷ βασιλεῖ παρήγει τὰ περὶ βασιλείας καὶ ἡγεμονίας βιβλία κτᾶσθαι καὶ ἀναγιγνώσκειν. ἃ γὰρ οἱ φίλοι τοῖς βασιλεῦσιν οὐ θαροῦσι παρῖνεῖν, ταῦτα ἐν ταῖς βιβλίαις γέγραπται.* Кстати по поводу той роли совѣтника государева, въ которой выступаетъ въ нашихъ источникахъ Деметрій при особѣ Птолемѣя I, позволю себѣ здѣсь высказать свою догадку, что упоминаемое Диогеномъ лаэртскимъ сочиненіе Деметрія Πτολεμαίως было не историческаго и не хвалебнаго содержанія, какъ обыкновенно думаютъ, а скорѣе представляло нѣчто вродѣ докладной записки или проекта рекомендуемыхъ авторомъ мѣропріятій и преобразованій, т. е. относилось въ разрядъ такъ наз. *λόγων συμβουλευτικῶν*. Существованіе подобнаго произведенія въ числѣ оставленнаго Деметріемъ литературнаго наслѣдія только и могло, по моему мнѣнію, дать поводъ позднѣйшимъ фальсификаторамъ къ составленію такихъ документовъ, какъ напр. извѣстное подложное письмо Деметрія къ Птолемѣю, приводимое у Иосифа Флавія, Евсевія и Псевдо-Аристея.

ложенный неподалеку отъ музея ⁷⁹⁾. Этотъ корпусъ со всѣми сокровищами, въ немъ собранными, подчиненъ былъ вѣдѣнію одного лица, совмѣщавшаго въ своей особѣ функцію бібліотекаря со многими другими весьма сложными, трудными и отвѣтственными функціями. Въ его распоряженіи находился цѣлый штатъ слугителей. Одни изъ нихъ подъ его наблюденіемъ вели реестры всѣмъ новымъ приобрѣтеніямъ бібліотеки и такимъ образомъ подготавливали матеріалъ для раціональнаго каталога ея; другіе занимались оцѣнкою и разсмотрѣніемъ манускриптовъ, поступавшихъ въ правленіе бібліотеки отъ книгопродавцевъ и комиссіонеровъ; третьи изготовляли копіи съ такихъ сочиненій, которыхъ нельзя было прибрѣсти за деньги въ полную собственность ⁸⁰⁾; четвертые наблюдали за поддержаніемъ необходимаго порядка въ помѣщеніяхъ корпуса, за сохраненіемъ рукописей отъ моли, червей, сырости и т. п., за удобнымъ размѣщеніемъ ихъ въ шкапахъ и на полкахъ; пятые завѣдывали частью экономической и т. д. Словомъ, это былъ довольно сложный механизмъ, въ которомъ бібліотекарю принадлежала роль движущей пружины. И какъ его многообразная дѣятельность требовала весьма солидной ученой подготовки, то неудивительно, что въ должности этой по большей части состояли члены музея. Самъ государь выбиралъ изъ ихъ числа лицо, наиболѣе способное по его мнѣнію съ пользою занимать мѣсто бібліотекаря, и это лицо сохраняло всѣ свои полно-

---

⁷⁹⁾ См. Souat p. 4, 14. Дворцовыя постройки занимали почти цѣлую треть всего города.

⁸⁰⁾ Распорядители александрійской бібліотеки стремились не только къ прибрѣтенію рукописей вообще, но и преимущественно къ прибрѣтенію рукописей оригинальныхъ или наилучше выправленныхъ и провѣренныхъ. Съ этою цѣлью они нерѣдко отдавали въ замѣну старыхъ манускриптовъ новыя, самымъ тщательнымъ образомъ изготовленные копіи содержащагося въ этихъ манускриптахъ текста (*καὶ αἱ χάρται, καὶ αὐτὶ γραφαί*) съ прилатою вдобавокъ значительной суммы денегъ. Подобнымъ образомъ прибрѣтенъ былъ напр. отъ аѳинянъ ликурговъ экземпляръ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида въ правленіе Филадельфа (Beck) или одного изъ Эвереттовъ (Heyne, Dedel, Parthey, Matter etc. Cf. Galen. Comment. II in Hippocr. lib. III. Epidem.—Tom. V p. 411 ed. Basil.).

мочія до самой смерти ⁸¹⁾. Такъ наслѣдовали другъ другу Зенодотъ, Каллимахъ, Эратосѣенъ, Аполлоній родосскій, Аристофанъ византійскій и Аристархъ ⁸²⁾.

По размѣрамъ своимъ вновь организованная библіотека Птолемея должна была превзойти всѣ извѣстныя до того времени крупныя собранія книгъ. Передъ ея колоссальностью должны были отступить на задній планъ не только столь нѣкогда славныя библіотеки Эврипида, Эвемдема, Эвклида, Никократа и др., но и едва ли не самая обширная въ древности коллекція рукописей, принадлежавшая Аристотелю. Самая эта коллекція, о богатствѣ которой мы можемъ уже отчасти судить по богатству и разнообразію цитатъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Аристотеля, вошла современемъ, какъ интегральная часть, въ составъ библіотеки Лагидовъ. Говорять, что Аристотель завѣщалъ ее ученику своему Теофрасту, а Теофрастъ—Нелею скепсійскому, который перевезъ ее на свою родину, въ Троаду, а впослѣдствіи продалъ Птолемею Филадельфу ⁸³⁾. Безъ сомнѣнія это было самое цѣнное и

⁸¹⁾ Любопытный анекдотъ, сообщаемый Витрувіемъ объ Аристофанѣ византійскомъ, свидѣтельствуетъ о строгости тѣхъ требованій, которыя предъявлялись въ Александріи къ кандидатамъ на должность библіотекаря. Пусть въ этомъ анекдотѣ отъ перваго слова до послѣдняго все—голый вымыселъ: знаменательно уже то, что подобныя вымыслы могли создаваться, циркулировать въ обществѣ и находить вѣру. См. Vitruv. VII praef.

⁸²⁾ Деметрій фалерскій, повидимому, не былъ библіотекаремъ въ официальномъ смыслѣ этого слова. „Doch kaum darf man von einem Verzeichnisse der Bibliothekare reden, wenn man bedenkt, dass in einem Zeitraum von 400 Jahren, von Ptolemäus Lagi bis auf Trajan, uns nur 8 Namen von Vorstehern der alexandrinischen Bibliothek, und darunter mehrere zweifelhafte, aufbehalten sind“ (Parthey op. I. p. 70).

⁸³⁾ Athen. I p. 3: ἤν δέ, φησί, καὶ βιβλίων κτήσις αὐτῷ (τῷ Λαρχονσίῳ) ἀρχαίων Ἑλληνικῶν τοσαύτη, ὥς ὑπερβάλλειν πάντας τοὺς ἐπὶ συναγωγῇ τεθραυμασμένους.... Ἀριστοτέλην τε τὸν φιλόσοφον καὶ τὸν τὰ τοῦτου διατηρήσαντα βιβλία Νηλέα παρ' οὗ πάντα φησὶ προάμενος ὁ ἡμετέρος βασιλεὺς Πτολεμαῖος, Φιλάδελφος δὲ ἐπὶ κλήν, μετὰ τῶν Ἀθήνηθεν καὶ τῶν ἀπὸ Ῥόδου εἰς τὴν κλήν Ἀλεξάνδρειαν μετέγαγε. Втеченіе своей долгой жизни Аристотель, жилище котораго Платонъ не даромъ же называлъ въ шутку „οἶκος ἀναγνώστου“ (Ammoni vita Arist. ap. Westermann Vitarum scriptores gr. minores, p. 398), непрерывно обогащалъ новыми приобрѣтеніями свое собраніе книгъ, пользуясь поддержкою со стороны вѣнценоснаго ученика и, какъ во всемъ, слѣдую строго опредѣленному плану и методу (Strabo XIII p. 608: πρῶτος ὧν ἔσμεν

капитальное изъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ александрийскими библіофилами, но оно не могло удовлетворить ихъ жажду новыхъ погупокъ. Старанія ученыхъ, которымъ Птолемѣи поручили веденіе этого дѣла, принесли свои плоды. До сихъ поръ монополія книжной торговли принадлежала Аѳиняамъ и съ недавняго времени Родосу, который сумѣлъ воспользоваться удобствомъ своего положенія на рубежѣ между Греціею и Левантомъ и въ періодъ борьбы Аѳинъ съ Филиппомъ македонскимъ расширилъ до небывалыхъ размѣровъ свои коммерческія связи ⁸⁴). Теперь Александрія явилась опасною соперницею. Она скоро сдѣлалась приманкой для книгопродавцевъ. Сюда стали отовсюду стекаться библіографическія рѣдкости и новинки, отсюда во всѣ концы древняго міра расходились списки наиболѣе интересныхъ и требуемыхъ публикою литературныхъ произведеній. Коль скоро рѣчь шла о книгѣ, можно было питать увѣренность, что всякое новое предложеніе здѣсь будетъ принято. По свидѣтельству Галена, всѣ судохозяева, пристававшіе къ александрійской гавани, какова бы ни была ихъ торговая спеціальность, обязаны были привозить съ собою рукописи. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если ко временамъ Цезаря количество свитковъ, хранимыхъ въ Брухіи, возросло до семисотъ тысячъ ⁸⁵).

συναγαγὼν βιβλία καὶ διδάξας τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ βασιλεὺς βιβλιοθήκης σύνταξιν). Число его собственныхъ произведеній, цѣликомъ перешедшихъ вмѣстѣ съ остальною коллекціею во владѣніе наслѣдника, простиралось до 400 книгъ (βιβλία) или, по другому счету, до 445270 στίχοι (Westermann op. l. p. 402; Diog. L. V, 27). Филадельфу впрочемъ досталась не вся библіотека великаго стагирита: сочиненія самого Аристотеля и Теофраста были, повидимому, удержаны Нелеемъ въ свою пользу или же проданы въ неполныхъ спискахъ. Такъ по крайней мѣрѣ заставляютъ думать свидѣтельства Страбона (XIII, 608 сл.) и Плутарха (Sull. 26); срв. также Athen. V, p. 214. См. Zeller Pholos. d. Griech. II, 2², стр. 80 слл. съ указаніями на литературу вопроса.

⁸⁴) См. въ предыдущемъ прим. цитату изъ Аѳеней. Pauly Realencycl. VI, 1 стр. 489 сл.

⁸⁵) Aul. Gell. VI (VII), 17: Ingens postea numerus librorum in Aegypto ab Ptolemaeis regibus vel conquisitus vel confectus est ad millia ferme voluminum septingenta. Срв. Ammian. XXII, 16. Впрочемъ, показанія древнихъ

Рядомъ съ бібліотекою росъ, развивался и ширился музей. Какъ показываетъ самое названіе этого учрежденія, это было святилище музъ, подъ сѣнью котораго должна была процвѣтать наука, культивируемая самыми видными ея представителями, коимъ здѣсь отъ щедротъ просвѣщенныхъ монарховъ предоставлены были все жизненные удобства и полная свобода научныхъ и литературныхъ занятій. Въ наше время дѣлались самыя разнообразныя попытки подыскать подходящую аналогію для этого знаменитаго созданія Птолемеевъ. Bonamy и Matter сравнивали александрійскій музей съ парижскою академіею наукъ, Prideaux—съ лондонскою, Heune—съ болонскою (*scientiarum et artium institutum Bononiense*) или каирскою, Crollius—съ цвейбрюкенскою гимназіею, Hody и Mahaffy—съ университетомъ оксфордскаго типа ⁸⁶⁾. «Но», замѣчаетъ по этому поводу Партей, «если кто хочетъ составить себѣ ясное представленіе о музеѣ, то для этого прежде всего необходимо отрѣшиться отъ такихъ идей новѣйшаго времени: это не была ни гимназія, ни академія, ни «литературный питомникъ» (*Treibhaus der Litteratur*), но ученое учрежденіе съ совершенно особенною организаціею,—учрежденіе, которому нынѣ мы не можемъ противопоставить ничего подобнаго и въ которомъ съ античною свободою происходили научныя занятія и велось преподаваніе» ⁸⁷⁾.

Разумѣется, образцемъ въ настоящемъ случаѣ послужили извѣстные «музеи» Аѳинъ, гдѣ давно уже слово *μουσείον* получило значеніе высшей школы, посвященной задачамъ «мусическаго» воспитанія. Въ этомъ именно зна-

---

на счетъ максимальнаго количества книгъ въ александрійской бібліотекѣ весьма разнорѣчны. См. Parthey стр. 76 сл., Ritschl стр. 27 сл. и у насъ ниже.

⁸⁶⁾ Mahaffy *Alexander's empire*, 4 ed. (Lond. 1889): the Museum and library were in the strictest sense what we should now call an University, and one, too, of the Oxford type, where learned men were invited to take Fellowships and spend their learned leisure close to observatories in science, and a great library of books (p. 142).

⁸⁷⁾ Parthey стр. 60 сл.

ченіи могъ употребить это слово между прочимъ одинъ комикъ въ примѣненіи къ самимъ Аѳинамъ, составлявшимъ нѣкогда для всей Греціи центръ высшей научной и художественной дѣятельности, — какъ-бы школу ея (τὸ τῆς Ἑλλάδος μουσεῖον. Athen. V p. 187 d.); въ этомъ же смыслѣ Филостратъ называлъ «музеемъ» всю Іонію, а Эвнапій именовалъ Лонгина *ἐμφυλὸν καὶ περιπατοῦν μουσεῖον* ⁸⁸). Такое фигуральное употребленіе названія легко оправдывалось тѣмъ, что при нѣкоторыхъ святилищахъ музъ издавна составились болѣе или менѣе значительныя книгохранилища ⁸⁹), при другихъ происходили мусическіе агоны ⁹⁰). И когда Платонъ, перенесшій преподаваніе философій изъ гимназіи Академа въ собственный домъ, выстроенный неподалеку отъ этой гимназіи, приобщилъ къ нему храмъ въ честь музъ и далъ всему институту названіе «музея» ⁹¹), то въ этомъ случаѣ онъ отнюдь не былъ новаторомъ: онъ слѣдовалъ уже успѣвшему до извѣстной степени установиться обычаю, и еще раньше его, повидимому, пифагорейцы обозначали тѣмъ же именемъ мѣста своихъ ученыхъ засѣданій ⁹²). По смерти своего основателя платоновскій музей вмѣстѣ съ библіотекою его сдѣлался достояніемъ его школы, и, какъ прежде въ

⁸⁸) Baumstark l. l.

⁸⁹) Капище музъ на Геликонѣ имѣло, повидимому, при себѣ библіотеку или по крайней мѣрѣ въ его архивѣ наряду съ оффиціальными документами хранились и произведенія литературы, напр. стихотворенія Гесіода, а въ посвященной музамъ рощѣ при этомъ капищѣ находились статуи многихъ литературныхъ дѣятелей (Paus. IX 29 sq.).

⁹⁰) Срв. Gronovius l. c.; A. Reisch De musicis Graecorum certaminibus pp. 57, 106. Особеннымъ блескомъ отличались мусическія состязанія при помянутомъ въ предыдущемъ прим. геликонскомъ музеѣ (срв. Paus. l. c.; Athen. XIII, 561 e.; XIV, 629 a; Plut. Amatorius lib., 1); къ этимъ состязаніямъ относится нѣсколько надписей, въ которыхъ фигурируютъ передъ нами въ качествѣ увѣнчанныхъ наградами побѣдителей *ποιητής προσοδίου, αλπιστής, ἐπὶ ποιητής, ῥαψωδός, αὐλητής, αὐλωδός, κιθαριστής, κιθαρῳδός, σατύρων ποιητής, ὑποκριτής παλαιᾶς τραγωδίας, ὑποκριτής παλαιᾶς κωμωδίας* (Reisch l. c.; также *ibid.* p. 120 sq.).

⁹¹) Diog. L. IV, 1: *Χαρίτων τ' ἀγάλας ἀνέθηκεν ἐν τῷ Μουσείῳ, τῷ ὑπὸ Πλάτωνος ἐν Ἀκαδημίᾳ ἰδρυθέντι.*

⁹²) Diog. L. VIII, 15: *Μεταποντινοί γε μὴν τῇ μὲν οἰκίᾳ αὐτοῦ (Πυθαγόρου) Δῆμητρος ἱερὸν ἐχάλου, τὸν στενωπὸν δὲ Μουσεῖον.*

немъ преподавалъ Платонъ, такъ теперь преподавали въ немъ и завѣдывали его святынею послѣдовательно Спевсиппъ, Ксенократъ и т. д. Подобнымъ образомъ школа Аристотеля обладала своимъ музеемъ. Теофрастъ на собственные средства приобрѣлъ въ Аѳинахъ обширный участокъ земли съ садомъ, застроилъ его зданіями, специально приспособленными къ нуждамъ преподаванія и научныхъ занятій, украсилъ эти зданія подобающими мѣсту произведеніями скульптуры и живописи и завѣщалъ своимъ ученикамъ, какъ общую и неотчуждаемую ихъ собственность, которою они могли пользоваться въ интересахъ знанія и прогресса.

Александрійскій музей, по всей вѣроятности, воздвигнутъ былъ ближайшимъ образомъ по типу музея перипатетиковъ, который своею обширностью и богатствомъ отдѣлки превосходилъ, повидимому, всѣ прочія учрежденія этого рода. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Деметрій фалерскій, бывший ученикомъ и другомъ Теофраста, имѣлъ, естественно, возможность ближе ознакомиться именно съ этимъ музеемъ, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ, и даже, какъ утверждаютъ, при сооруженіи его самъ оказывалъ значительную матеріальную поддержку строителю ⁹³). Дѣйствительно, многое въ планѣ музея александрійскаго, насколько онъ намъ вообще извѣстенъ, напоминаетъ школу Теофраста, хотя, правда, въ подробностяхъ замѣтна и разница, насколько вообще можетъ быть замѣтна разница между частнымъ учрежденіемъ и учрежденіемъ государственнымъ, принятымъ и выполненнымъ на средства богатѣйшей казны. Мы постараемся, придерживаясь вездѣ въ точности показа-

---

⁹³) Diog. L. V, 39: λέγεται δ' αὐτὸν καὶ ἴδιον κήπον σχεῖν — — Δημ. τοῦ Φαληρέως τοῦτο συμπράξαντος. Глаголь *συμπράσσειν* имѣть довольно общее значеніе. Я полагаю, что дѣло идетъ здѣсь не только о содѣйствіи, въ которомъ Теофрастъ въ качествѣ метэка и основанный имъ *σύλλογος* могли нуждаться со стороны правительственнаго лица, когда имѣлось въ виду приобретение земельной собственности въ предѣлахъ Атики (срв. Wilamowitz Antigonos v. Karystos, стр. 269), но и о денежной субсидіи, въ которой конечно не могъ отказать перипатетической школѣ такой горячій приверженецъ ея, какъ Деметрій фалерскій.

ній нашихъ источниковъ и не давая воли фантазій, зачастую увлекавшей большинство прежнихъ изслѣдователей этого заманчиваго предмета въ область гаданій и произвольныхъ построеній, опредѣлить здѣсь эти черты сходства и различія.

Знакомство наше съ музеемъ Теофраста основывается преимущественно на завѣщаніи послѣдняго, приведенномъ in extenso у Діогена лаэртскаго (V, 51 sqq.). Изъ него явствуется, что въ предѣлахъ владѣній, отказанныхъ знаменитымъ авторомъ «Характеристикъ» своимъ товарищамъ и ученикамъ, состояли слѣдующія зданія и предметы: 1) святилище музъ (τὸ μουσεῖον, τὸ ἱερόν) съ алтаремъ (βωμός) и священными изображеніями этихъ богинь, наряду съ которыми, по волѣ завѣщателя, должны были быть поставлены статуи Аристотеля и Никомаха, а, можетъ быть, въ силу того же обычая «геронизированія» умершихъ (ἀγερῶζειν), и статуя самого Теофраста; 2) по крайней мѣрѣ два портика (τὸ στωϊδίων τὸ πρὸς τῷ μουσεῖῳ καὶ ἡ κατὰ στωά; 3) садъ (κῆπος) съ аллеями для прогулокъ (περίπατος); 4) нѣсколько прилежавшихъ къ саду жилыхъ строеній (αἱ οἰκίαι αἱ πρὸς τῷ κήπῳ), гдѣ членамъ товарищества, организованнаго владѣльцемъ мѣста, предоставлялось сообща жить и философствовать, такъ какъ приходило сюда на время для научныхъ занятій не всегда и не каждому было удобно (ἐπειδὴ περ οὐ δυνατόν πάνιν ἀνθρώποις ἀεὶ ἐπιδημεῖν). Навѣрное присоединялись къ этому, какъ части названныхъ строеній, такъ наз. экседры, т. е. просторныя, открытыя залы для чтенія и ученыхъ бесѣдъ, и сисситіи или общія столовыя, гдѣ происходили братскія трапезы участниковъ товарищества: первыя были непременною принадлежностью всѣхъ мѣстъ, служившихъ сборищами философовъ, реторовъ и иныхъ представителей ученой и литературной дѣятельности ⁹⁴⁾, а вторыя также являлись безусловною необходимостью для общества, сложившагося на почвѣ религіознаго культа и

⁹⁴⁾ Vitruv. V, 11: constituuntur in tribus porticis exedrae spatiosae, habentes sedes, in quibus philosophi, rhetores reliquique qui studiis delectantur sedentes disputare possint.

обязаннаго въ опредѣленные дни совершать установленныя жертвоприношенія съ ихъ неизмѣннымъ заключительнымъ актомъ,—общеою пирушкою членовъ ⁹⁵⁾).

Что касается фондовъ, которыми располагалъ музей Теофраста, то, повидимому, будущность его не была обезпечена со стороны учредителя извѣстною денежною суммою: кромѣ земельного участка, застроеннаго примѣнительно къ потребностямъ школы разнаго рода зданіями, и немногочисленной движимости, обозначенной въ завѣщаніи какъ собственность самихъ богинь-покровительницъ учрежденія (ἀναθήματα), Теофрастъ не оставилъ больше своему музею ничего. Существованіе товарищества зависѣло такимъ образомъ всецѣло отъ добровольныхъ пожертвованій, очередныхъ повинностей (λειτουργίαι) и членскихъ взносов (συμβολαί) ⁹⁶⁾. Весь инвентарь,—рабы, мебель, ковры, посуда, книги,—принадлежалъ не общинѣ, но составлялъ личное достояніе тѣхъ, которые стояли во главѣ ея, и не подлежалъ закону неотчуждаемости ⁹⁷⁾. Во главѣ же музея,—въ качествѣ, такъ сказать, предсѣдателя общества,—пожизненно оставалось лицо, или прямо указанное и реко-

⁹⁵⁾ „Dass die Philosophenschulen nicht nur die Geburtstage ihrer Stifter feierten, sondern sich auch dazu verstanden, zu Ehren anderer Personen Opfertage mit gemeinsamen Festmahlzeiten anzusetzen, das zeigten bereits die Bestimmungen in dem Testamente Epikurs. Von Antigonos Gonatas wissen wir, dass er den athenischen Philosophenschulen eine Summe überwies, um dafür zu Ehren seines verstorbenen Sohnes Halkyoneus jährlich die Halkyoneia zu feiern“ (Roscher, p. 2535). Впрочемъ, общія трапезы въ торжественныхъ случаяхъ, когда требовалась особая пышность обстановки и собраніе оказывалось многочисленно обыкновеннаго, могли происходить и не въ музеѣ. Срв. Athen. XII, 548 a: ὁ δὲ Λύκων ὑπ' ἀλαζονείας καὶ ἐν τῷ ἐπιφανεστάτῳ τῆς πόλεως τόπῳ, ἐν τῇ Κόνωνος οἰκίᾳ, εἶχεν εἰκοσίκλινον οἶκον, ὃς ἦν ἐπιτῆδειος αὐτῷ πρὸς τὰς ὑποδοχάς.

⁹⁶⁾ См. Athen. XII, 547 e, f.

⁹⁷⁾ Стратонъ завѣщалъ Ликону свою библіотеку и различную домашнюю утварь (τὰ βιβλία πάντα, πλὴν ὧν αὐτοὶ γεγράφμεν, καὶ τὰ σκεύη πάντα κατὰ τὸ συσσίτιον καὶ τὰ στρώματα καὶ τὰ ποτήρια. Diog. L. V, 62) не какъ будущему схолярху (онъ указываетъ на него, какъ на своего преемника, лишь въ видѣ совѣта товарищамъ и предположительно), но какъ другу и ученику. Подобнымъ образомъ и Теофрастъ отказалъ свои книги Нелею, а весь домашній скарбъ (τὰ οἰκηματικά σκεύη) частью вольноотпущеннику Помпилу, частью же предназначилъ къ продажѣ.

мендованное въ завѣщаніи его непосредственнаго предшественника, или же выбранное членами музея изъ цѣлаго ряда лицъ, перечисленныхъ въ этомъ завѣщаніи ⁹⁸⁾). Въ зависимости отъ такого предсѣдателя находились далѣе другіе магистраты, вѣдавшіе вмѣстѣ съ нимъ хозяйственную часть и помогавшіе ему при отправленіи священныхъ обрядовъ культа ⁹⁹⁾).

Выходитъ, стало быть, что музей перипатетиковъ представлялъ собою родъ общежитія, интернатъ, подчиненный особому уставу, состоявшій въ вѣдѣніи своей магистратуры и подъ эгидою религіи, которая связывала тѣснѣйшими узами его членовъ, и преслѣдовавшій серьезныя научныя цѣли. Ничего подобнаго не нашли бы мы въ болѣе древніе періоды исторіи Греціи. По смыслу солонова законодательства каждый гражданинъ обязанъ былъ посвящать все свои силы, способности и знанія государству, дѣламъ общественнымъ, оставляя свои частныя дѣла и личные интересы на послѣднемъ планѣ ¹⁰⁰⁾). Эгоистическое удаленіе въ кругъ частной

⁹⁸⁾ Срв. у Діогена лаэртскаго завѣщанія Стратона и Ликона.

⁹⁹⁾ Номенклатуру, сюда относящуюся, см. у Аеенея прив. м.

¹⁰⁰⁾ Проф. О. Г. Мищенко говоритъ: „что на самомъ дѣлѣ древнегреческія государства не были всепожирающими молохами, въ которыхъ личность гражданина существовала лишь постольку, поскольку она служила орудіемъ для достиженія цѣлей всего государства, лучшимъ свидѣтельствомъ этого является вся совокупность доставшагося намъ наслѣдія древнихъ грековъ: ихъ поэзія, пластическое искусство, философія, точныя науки и проч. Ни теоретическое знаніе древнихъ грековъ, ни художественные мотивы и образы ихъ далеко не исчерпываются идеей государства или служеніемъ ему“ (Ж. М. Н. Пр. 1890. XII, стр. 330). Если имѣть въ виду древнѣйшій періодъ времени, предшествовавшій тому перелому, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, то я позволю себѣ съ этимъ не согласиться и вкратцѣ повторю здѣсь то, что высказывалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ своихъ очеркахъ „Изъ исторіи греческой этики“ (журн. „В. и Раз.“ 1886). По моему убѣжденію, теоретическія опредѣленія древнихъ мыслителей, на которыя ссылается далѣе почтенный авторъ приведенной тирады, были составлены совершенно въ духѣ греческаго народа и не являлись чѣмъ то вроде „bubbles of the water“, какъ говоритъ шекспировскій Банко. Грекъ прилѣплялся къ отчизнѣ съ тою же исключительностью, съ какою онъ отдавался своей семьѣ, и преслѣдовалъ интересы роднаго города съ тѣмъ же и даже большимъ рвеніемъ, съ какимъ защищалъ честь отеческаго дома и отстаивалъ неприкосновенность семейнаго права. Въ его глазахъ разрывъ съ отчиз-

жизни безусловно порицалось, и тѣ, которые пытались сохранить нейтральное положеніе въ борьбѣ партій, не принимая въ ней активнаго участія, подвергались даже атиміи, т. е. лишенію гражданскихъ правъ¹⁰¹). Однако уже вскорѣ послѣ пелопоннесскихъ войнъ начинается въ Греціи изсякновеніе этого духа общественности. Все чаще и чаще встрѣчаются примѣры открытаго заявленія правъ личности, рѣзкіе протесты противъ подчиненія личности идеѣ государства. Коренное измѣненіе условій политической жизни,

ною былъ равносильнъ разрыву съ семьей, съ религіею предковъ, со всѣмъ, что людямъ свято и дорого. Враговъ своей родины онъ почиталъ своими личными врагами, въ интересахъ ея—и только въ нихъ однихъ—находилъ существенный мотивъ для дѣятельности индивидуальной. Оттого всякій дѣятель,—будь то поэтъ, врачъ, философъ, реторъ, ученый, художникъ,—именовался *δημοουργός*, т. е. работникомъ государственной общины (*δῆμος*). И это не пустые слова,—совѣсть народа строго осуждала всякіе себялюбивые, личные мотивы въ дѣятельности, посвященной обществу, какъ отступленіе отъ этической нормы, какъ „*βρις*“, какъ проявленіе нравственной испорченности. Это воззрѣніе проходитъ черезъ всю греческую литературу. То духовное наслѣдіе, которое досталось намъ отъ древнихъ грековъ, разумѣется, слагается изъ произведеній отдѣльныхъ единицъ, но нигдѣ въ отдѣльныхъ единицахъ сознаніе того, что онѣ суть малая часть великаго цѣлаго, не достигало такой ясности и раздѣльности, какъ въ древней Греціи. Никто здѣсь не смѣлъ противопоставить государству свое „я“, свою индивидуальность. И самое яркое свидѣтельство въ пользу такого утвержденія я вижу между прочимъ въ тѣхъ слабыхъ успѣхахъ, которыхъ достигла у грековъ музыка, наиболѣе субъективное изъ всѣхъ искусствъ. Стѣсненная правительственнымъ контролемъ, скованная установленными формами, музыка,—эта могущественная выразительница личныхъ ощущений и душевныхъ эмоцій,—вплоть до временъ упадка эллинизма довольствовалась лишь подчиненною ролью и не имѣла самостоятельнаго значенія. Да и въ области образовательныхъ искусствъ безграничное господство пластическаго стиля, отсутствіе сильной экспрессіи, неподвижность и холодность, строгая законмѣрность отношеній между цѣлымъ и частями, математическая опредѣленность формы,—всѣ черты, указывающія на подавленность личныхъ элементовъ,—знаменуютъ именно золотой вѣкъ художественнаго развитія въ Греціи, періодъ процвѣтанія. А что касается поэзии, то, какъ смотрѣли на свою миссію сами греческіе поэты, видно намъ изъ слѣдующихъ словъ Аристофана: „*τοῖς μὲν γὰρ παιδαρίοισιν ἔστι διδάσκαλος ὅστις πράζει, τοῖς ἡβώσι δὲ ποιηταί, πάντο δὲ δὲ χρηστά λέγειν ἡμᾶς*“ (Ran. v. 1055). Вездѣ такимъ образомъ проступаетъ идея общественной пользы, во имя которой каждый долженъ былъ трудиться, внося въ свою дѣятельность совершеннѣйшую чистоту помысла, совершеннѣйшее безкорыстіе побужденій.

¹⁰¹) Plut. Sol. 20; Gell. II, 12. Aristot. 'Αἶ. πολ. VIII sub fin. (Kenyon).

наступающее послѣ херонейской битвы, довершаетъ разрывъ между обществомъ, какъ политическимъ цѣлымъ, и индивидуальностью. Случаи удаленія людей съ арены государственной дѣятельности въ болѣе тѣсную сферу частной жизни мало по малу теряютъ характеръ исключительности, становятся все болѣе обычными и перестаютъ разсматриваться какъ преступленіе. Такое удаленіе совершаетъ наконецъ и наука, оставляющая городскія площади, гимназіи и открытые портики, чтобы замкнуться въ предѣлы частныхъ школъ. Эсotericическое преподаваніе заступаетъ мѣсто прежнихъ публичныхъ лекцій и диспутовъ. Возникаютъ болѣе интимныя связи между главою школы и его учениками. Совмѣстные занятія приводятъ къ совмѣстной жизни, которая отличается тѣмъ болѣею замкнутостью, чѣмъ подозрительнѣе становится общественное мнѣніе, желающее подчинить дѣятельность философовъ и реторовъ государственному контролю ¹⁰²).

---

¹⁰²) Въ 306 г. нѣкій Софоклъ, сынъ Амфиклида, родомъ изъ сунійскаго дема, успѣлъ провести законъ, поставившій философское преподаваніе въ Аѣннахъ въ прямую зависимость отъ воли сената и народнаго собранія. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Діогенъ лаэртскій: „τοιοῦτος δ' ὢν [ὁ Θεόφραστος], ὁμῶς ἀπεδήμησε πρὸς ὀλίγον καὶ οὗτος καὶ πάντες οἱ λοιποὶ φιλόσοφοι, Σοφοκλέους τοῦ Ἀμφικλείδου νόμον εἰσενεγκόντος, μηδὲνα τῶν φιλοσόφων σχολῆς ἀρῆγείσθαι, ἀν μὴ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ὁδῶν· εἰ δὲ μὴ θάνατον εἶναι τὴν ζημίαν. ἄλλ' αὖτις ἐπανήλθον εἰς νέωτα, Φίλωνος τὸν Σοφοκλέα γραψαμένου παρανόμων. ὅτε καὶ τὸν νόμον μὲν ἄκυρον ἐποίησαν Ἀθηναῖοι, τὸν δὲ Σοφοκλέα πέντε ταλάντοις ἐζημίωσαν χάθ' ὅσον τε τοῖς φιλοσόφοις ἐψηφίσαντο, ἵνα καὶ Θεόφραστος κατέλθαι καὶ ἐν τοῖς ὁμοίοις εἴη (V, 38; срв. Pollux IX, 42). Это была первая попытка правительственнаго вѣдательства въ дѣло преподаванія, вызвавшая, какъ видно, уже въ слѣдующемъ году сильный протестъ со стороны Фидона, который и добился, несмотря на краснорѣчивую оппозицію Демохара, совершенной отмѣны стѣснительнаго постановленія. Въ сущности постановленіе это было противно самому духу аѣинскаго законодательства. „Аѣнны“, говоритъ Эрнстъ Курціусъ, — „первое государство, которое осмѣлилось посматрѣть на свободное развитіе человѣка, какъ на лучшую подготовку гражданина. Полагаясь на природное влеченіе къ знанію и на силу традиціи, регулировавшей тѣлесное и духовное развитіе молодежи, правительство воздерживалось отъ всякаго вторженія въ дѣло, которое разсматривалось, какъ дѣло семейное. Поэтому не было принудительнаго обученія, не было официально признанныхъ учебныхъ плановъ, и солонъ законъ относительно образованія въ сущности сводился къ тому положенію, что, между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ безусловное почтеніе къ родителямъ вѣнялось дѣтямъ въ непремѣнный долгъ, въ Аѣн-

Наука обособляется, и между ея областью съ одной стороны и зыбкимъ поприщемъ политическихъ интересовъ—съ другой воздвигается высокая преграда. Она созываетъ подъ свои знамена дѣятелей, которые во имя ея отрекаются отъ всего, чѣмъ нѣкогда всецѣло поглощена была жизнь грека,—отъ функций гражданина, отъ участія въ борьбѣ политическихъ партій и въ рѣшеніи жгучихъ вопросовъ дня. Эти люди бѣгутъ отъ праздной сутолоки утратившихъ свое значеніе народныхъ собраній въ уединеніе ученаго кабинета, гдѣ собираютъ вокругъ себя лишь немногихъ друзей, подобно имъ ради высшихъ интересовъ теоретическаго знанія отказавшихся отъ практической дѣятельности. Возникаютъ ученые кружки, сближающіе между собою на почвѣ научныхъ изслѣдованій людей самыхъ различныхъ политическихъ убѣжденій. Эпикуръ провозглашаетъ «тщету всѣхъ людскихъ стремленій въ устроеніи своего общежитія, въ исканіи политическаго и общественнаго идеала, выводитъ гражданина изъ государства, взираетъ съ презрѣніемъ даже на семейный союзъ», а «его вѣрный ученикъ и сожитель Метродоръ жестоко издѣвается надъ всякими политическими предпріятіями, надъ событіями первостепенной важности той эпохи, надъ походами Эпаминонда, въ которыхъ онъ видитъ только проявленіе безумія человѣческаго» ¹⁰³). Духъ партикуляризма, духъ узкой партійности и племенной исключительности мало по малу уступаетъ тенденціямъ космополитическаго характера. И въ тотъ самый моментъ, когда «стоя» подыскала теоретическую фор-

---

нахъ только тѣ родители имѣли право ожидать отъ дѣтей почтенія, которые дали дѣтямъ соответственное ихъ положенію образованіе“ (E. Curtius „Alterthum und Gegenwart“). Но, если вообще сфера народнаго просвѣщенія въ Аѳинахъ стояла внѣ всякой зависимости отъ правительства, то философское преподаваніе въ школахъ, подобныхъ музею Теофраста, „садамъ“ Эпикура, академіи Платона и проч.,—тѣмъ болѣе: это были *ἱεῖαι*, религиозныя корпораціи, и покушеніе на ихъ свободу и безопасность, сдѣланное Софокломъ, было дѣйствительно *παράνομον*. Срв. Wilamowitz Antigon. v. Karystos, стр. 270 слл.

¹⁰³) Слова проф. Ю. А. Кулаковскаго („Философъ Эпикуръ и вновь открытыя его изреченія“ Кіевъ. 1889).

мулу для этихъ новыхъ тенденцій¹⁰⁴⁾, онѣ нашли и реальное выраженіе въ александрійскомъ музеѣ.

Александрія стала новымъ отечествомъ для цѣлой фаланги греческихъ поэтовъ, философовъ, реторовъ и ученыхъ, явившихся сюда изъ разныхъ концовъ эллинскаго міра на зовъ Птолемѣя Лага и его преемниковъ. Что привлекало ихъ здѣсь? Ничего кромѣ богатыхъ ученыхъ средствъ, которыми располагалъ этотъ городъ,—ничего кромѣ возможности безвозбранно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ. То было время, когда извѣстное положеніе «ubi bene, ibi patria» успѣло уже занять мѣсто въ кодексѣ общепризнанныхъ практическихъ истинъ. Подъ гостепріимною кровлею музея мирно стали уживаться граждане искони соперничавшихъ между собою греческихъ общинъ, позабывъ о всякихъ политическихъ счетахъ. И если между членами коллегіи могло существовать и дѣйствительно существовало соперничество, то, конечно, единственно только на поприщѣ ученой и литературной дѣятельности.

Говоря объ Александріи въ той части своего сочиненія, которая посвящена Египту, Страбонъ удѣляетъ нѣсколько строкъ музею Птолемеевъ и описываетъ это учрежденіе слѣдующимъ образомъ: τῶν δὲ βασιλείων μέρος ἐστὶ καὶ τὸ Μουσεῖον, ἔχον περίπαιτον καὶ ἐξέδραν καὶ οἶκον μέγαν, ἐν ᾧ τὸ συσσίτιον τῶν μετεχόντων τοῦ Μουσείου φιλολόγων ἀνδρῶν. ἔστι δὲ τῇ συνόδῳ ταύτῃ καὶ χρήματα κοινὰ καὶ ἱερεὺς ὁ ἐπὶ τῷ Μουσείῳ τεταγμένος τότε μὲν ὑπὸ τῶν βασιλέων, νῦν δ' ὑπὸ Καίσαρος¹⁰⁵⁾.

Немногія строки эти, важныя для насъ, какъ сообщеніе челоѣка, писавшаго на основаніи автопсіи, представляютъ въ сущности бѣглую замѣтку ученаго туриста, для котораго вопросъ о музеѣ имѣлъ третьестепенное значеніе. Страбонъ

¹⁰⁴⁾ Plut. de Alex. s. virt. s. fort. or. I, 6. Срв. также извѣстные афоризмы Марка Аврелія: ζῆσον—ὡς ἐν πόλει τῷ κόσμῳ, ὁ κόσμος ὡτανεὶ πόλις, ἄνθρωπον πολίτην ὄντα πόλεως τῆς ἀνωτάτης ἢς αἱ λοιπαὶ πόλεις ὥσπερ οἰκίαι εἰσὶν (Zeller III, 1², стр. 277 сл.).

¹⁰⁵⁾ Strab. XVII p. 794. См. ссылку на „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1890, XII, въ началѣ этой главы.

упоминаетъ объ этомъ учрежденіи, потерявшемъ уже въ его время обаяніе прежней славы, лишь вскользь, мимоходомъ, какъ объ одной изъ многихъ достопамятностей описываемаго города. Отсюда—нѣкоторая неполнота и неясность приведеннаго свидѣтельства. Въ самомъ дѣлѣ, какое представленіе о музеѣ можно составить на основаніи страбоновыхъ словъ? Было ли это сооруженіе, предназначенное для совмѣстной жизни ученыхъ, состоявшихъ въ званіи членовъ музея, или же только какъ бы присутственное мѣсто, гдѣ происходили ученныя бесѣды и диспуты и велось преподаваніе? Какъ понимать выраженіе «οἶκος μέγας»? Былъ ли это отдѣльный покой, родъ обширной столовой,—«der für die gemeinschaftlichen Mahlzeiten bestimmte grosse Saal» (Parthey), «une salle qui se distinguait par son étendue et qu'on appelait la grande maison», «une salle à manger» (Matter), или же это былъ цѣлый домъ, одно изъ помѣщеній котораго было отведено подъ общую столовую?

Я склоняюсь на сторону послѣдняго пониманія и предлагаю читать въ приведенномъ текстѣ: καὶ οἶκον μέγαν, ἐν ᾧ καὶ τὸ συσσίτιον. Я полагаю, что въ страбовомъ описаніи περίπατος и ἐξέδρα суть, такъ сказать, мѣста отправления оффиціальной миссіи членовъ музея,—мѣста ихъ занятій. Какъ во всякой греческой гимназій философское преподаваніе сосредоточивалось именно въ открытыхъ портикахъ, въ аллеяхъ парка (περίδρομίδες, περίπατοι) и т. п., и какъ впослѣдствіи въ извѣстныхъ философскихъ школахъ Аѳинъ περίπατος и ἐξέδρα были любимыми мѣстами ученыхъ бесѣдъ главы школы со своими учениками,—такъ и въ александрийскомъ музеѣ, устроенномъ по готовому шаблону названныхъ школъ, части эти функционировали въ качествѣ лекторіи и зала засѣданій. Напротивъ, οἶκος μέγας, о которомъ говоритъ далѣе Страбонъ, представлялъ собою строеніе, имѣвшее болѣе частный характеръ. Здѣсь обитали члены музея; здѣсь же, можетъ быть, имѣли мѣстопробываніе и тѣ магистраты коллегіи, на обязанности которыхъ лежало завѣдываніе экономическою частью, веденіе счетовъ, храненіе

казеннаго инвентаря ¹⁰⁶⁾ и т. п.; здѣсь наконецъ находилась и общая столовая (τὸ συσσίτιον),—одна или даже нѣсколько комнатъ, гдѣ на счетъ Птолемеевъ сервировался обѣдъ для членовъ ученой коллегіи. Страбонъ могъ отмѣтить въ своемъ описаніи эту часть жилыхъ апартаментовъ въ виду той широкой извѣстности, которою пользовалась пресловутая «ἡ ἐν Μουσείῳ σίτησις».

Выходитъ такимъ образомъ, что слово συσσίτιον въ нашемъ текстѣ должно означать не «совмѣстную трапезу», но «мѣсто трапезы». Подобное значеніе это слово имѣетъ у Платона Legg. p. 762 C: πρῶτον μὲν δὴ καθ' ἐκάστους τοὺς τόπους εἶναι ξυσσίτια ἐν οἷς κοινῇ τὴν διαίταν ποιητέον ἅπασιν». Срв. также id. Critias p. 112 B.

Сообразно съ этимъ я думаю, что александрійскій музей былъ такимъ же интернатомъ, какимъ былъ и его прототипъ,—музей Теофраста. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли возможно допускать, что учрежденіе это представляло собою, такъ сказать, родъ обширнаго ученаго кабинета или лабораторіи, гдѣ каждый членъ коллегіи могъ найти лишь потребныя для его ученыхъ работъ пособія и откуда онъ, какъ только дѣловой день кончался, долженъ былъ тотчасъ же удалиться. Не слѣдуетъ забывать, что члены музея были собственно гости своихъ державныхъ покровителей, что многіе изъ нихъ пріѣзжали въ Египетъ не надолго, какъ напр. Менедемъ, Тимонъ и др., и что самый музей, по словамъ Страбона, былъ частью дворца,—частью, разумѣется, специально предназначенною для этихъ гостей, которымъ Птолемѣи желали предоставить всѣ необходимыя жизненные удобства и полную свободу занятій. Примѣръ пифагорейцевъ, перипатетиковъ, эпикурейцевъ, жившихъ вмѣстѣ въ своихъ музеяхъ,

¹⁰⁶⁾ Въ еерскомъ музеѣ экономъ носилъ названіе ἀρτογίης, секретарь и архиваріусъ—γραμματοφύλαξ (SIG. II, 1 p. 361). Въ музеѣ Теофраста лицо, завѣдывавшее сисситіями, именовалось ὁ ἐπὶ τῆς ἐδοσμίης; существованіе протоколиста (γραμματεὺς) и казначея (ταμίης), хотя и не подтверждается прямыми свидѣтельствами нашихъ источниковъ, однако также представляется вѣроятнымъ. Подобныя должности и названія были, конечно, и въ Александρίи (ταμίη упоминаются у Аэеня XI p. 493).

также не могъ, конечно, остаться безъ вліянія на Птолемѣя Лага и Деметрія фалерскаго, которые тѣмъ скорѣе должны были подумать объ устройствѣ общежитія при александрійскомъ музеѣ, что члены послѣдняго были чужестранцами, не имѣвшими въ Египтѣ осѣдлости.

Къ этому можно присоединить и еще одно замѣчаніе. Какъ извѣстно, Тимонъ фліунтскій, побывавшій при дворѣ Птолемѣя II, посвятилъ александрійскому музею и его порядкамъ злую эпиграмму, сохраненную намъ Аѳенеемъ ¹⁰⁷⁾. Здѣсь онъ сравниваетъ учрежденіе это съ клѣткою, въ которой непрерывно грызутся между собою нѣсколько бумагомарателей (βιβλιαχοὶ χαρακῆται). Выраженіе *τάλαρος*, употребленное въ этомъ случаѣ Тимономъ, очевидно, могло имѣть отношеніе лишь къ постоянному, а никакъ не временному пребыванію ученыхъ въ музеѣ,—иначе оно не имѣло бы смысла, и вся соль эпиграммы потеряла бы свою силу. Нѣтъ сомнѣнія, что не столько ученый задоръ, сколько именно видимая зависимость отъ милостей правителя, на изживеніи котораго члены музея проживали, могла быть антипатична знаменитому силлографу, который потому то и не захотѣлъ остаться въ Александріи ¹⁰⁸⁾, несмотря на все настоянія Филадельфа.

Музей занималъ мѣсто въ ряду тѣхъ построекъ, которыя располагались вдоль Большаго Порто (*Portus major*), къ западу отъ мыса Лохія, и въ своей совокупности составляли обширный кварталъ дворцовыхъ зданій ¹⁰⁹⁾. Съ внѣшней

¹⁰⁷⁾ Athen. I p. 23: ὅτι τὸ Μουσεῖον ὁ Φιλίστιος Τίμων, ὁ συλλογράφος, *τάλαρόν* που φησὶν, ἐπισκώπτων τοὺς ἐν αὐτῷ τρεφόμενους φιλοσόφους, ὅτι ὡσπερ ἐν πανάγρῳ τινὶ σιτοῦνται, καθάπερ οἱ πολυτιμότετοι ὄρνιθες·

πολλοὶ μὲν βόσκονται ἐν Αἰγύπτῳ πολυφύλῳ
βιβλιαχοὶ χαρακῆται, ἀπείριτα θηριόωντες
Μουσείων ἐν *τάλῳ*.

¹⁰⁸⁾ Matter (op. l. I p. 92), дѣлая подобное же замѣчаніе, прибавляетъ: „l'institution elle même en manquait, si ses membres ne se réunissaient au Musée que pour y manger, discuter et se promener“.

¹⁰⁹⁾ Для болѣе точнаго описанія музея у насъ положительно нѣтъ данныхъ. Мы можемъ составить себѣ извѣстное представленіе о немъ главнымъ образомъ на основаніи Витрувія, который въ своемъ трактатѣ:

стороны онъ долженъ былъ представлять красивое сооруженіе, увѣнчанное куполомъ, украшенное, какъ большинство памятниковъ древне-греческой архитектуры, колоннадою и окруженное разнаго рода службами, дворами, парками, садами и проч., что все вмѣстѣ, разумѣется, имѣло весьма внушительный видъ и солидные размѣры ¹¹⁰⁾. При этомъ заботливость Птолемеевъ снабдила музей всею, что было необходимо для удовлетворенія тѣхъ требованій, какія могъ въ то время предъявить къ подобному учрежденію ученый изслѣдователь. Великій Александръ, истратившій до восьмисотъ талантовъ на собираніе научныхъ матеріаловъ для Аристотеля и заставившій служить этой благородной цѣли до тысячи человекъ ¹¹¹⁾, подалъ примѣръ, не оставшійся безъ подражанія. Птолемѣи пошли по его слѣдамъ и сумѣли создать въ Александріи рядъ самыхъ благопріятныхъ условій для дальнѣйшаго преуспѣянія науки, поднятой на небывалую дотолѣ высоту всеобъемлющимъ гениемъ названнаго философа. Они устроили анатомическій кабинетъ, въ которомъ работали со своими учениками Герофилъ и Эрасистратъ, эти достойные послѣдователи Гиппократъ и Діокла каристійскаго, творцы семіотики. Они собрали въ садахъ музея богатѣйшую коллекцію рѣдкихъ растений и всевозможныхъ видовъ животнаго царства ¹¹²⁾, послужившую для естествен-

„de cavis aedium s. atriis, de alis, tablino et peristylis, de tricliniis, oecis, exedris, pinacothecis et eorum dimensionibus“ etc. (VI, 3) указываетъ на нѣкоторые подходящія сюда черты. Но картина, составленная изъ этихъ чертъ, во всякомъ случаѣ будетъ свободною композиціею.

¹¹⁰⁾ „An kühlen Springquellen unter dichtbelaubten Bäumen darf kein Mangel sein in einer Stadt wie Alexandrien, deren mittlere Temperatur nicht weit von +17° R. ist“. (Parthey, op. l. p. 54).

¹¹¹⁾ Plin. H. N. VIII, 16, 17; Athen. IX p. 398 e.: ὁκτακόσια γὰρ εἰληφέναι τάλαντα παρ' Ἀλεξάνδρου τὸν Σταγειρίτην λόγος ἔχει, εἰς τὴν περὶ τῶν ζώων ἱστορίαν.

¹¹²⁾ Птолемѣи II, лично интересовавшійся изученіемъ природы, организовалъ нѣсколько охотничьихъ экспедицій въ южный Египетъ вплоть до Эѳіопіи, и экспедиціи эти значительно расширили кругъ географическихъ, этнографическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній. Strab. XVII p. 789; Athen. V p. 200 f, 201 a sqq.; особенно Diodor. Sic. III, 36: ὁ γὰρ δευτέρως Πτολεμαῖος περὶ τε τὴν τῶν ἐλεφάντων κυνηγίαν φιλοτιμηθεὶς καὶ τοῖς τὰς παρὰ δόξους εἴρηαι τῶν ἀλκιμωτάτων ζώων ποιοῦμένοις μεγάλαις

но-историческихъ работъ Стратона. Они сдѣлали все, чтобы облегчить производство астрономическихъ наблюдений, и дали возможность Аристиллу, Тимохариту, Аристарху самосскому, Конону, Гиппарху и др. обогатить астрономію цѣлымъ рядомъ важныхъ открытій. Они не переставали содѣйствовать успѣхамъ народовѣдѣнія и землеописанія путемъ снаряженія специальныхъ ученыхъ экспедицій въ чужія страны ¹¹³). Наконецъ, они затрачивали несмѣтные денежные средства на приобрѣтеніе литературныхъ сокровищъ, предприняли переводъ на греческій языкъ важнѣйшихъ памятниковъ письменности востока ¹¹⁴) и тѣмъ немало способствовали разработкѣ вопросовъ исторіи, въ области которой здѣсь подвизались такіе писатели, какъ Маневонъ, Тимагенъ, Филонъ, Апіонъ, Гермиппъ и др.

Словомъ александрійскій музей былъ истиннымъ храмомъ науки, культъ которой отпирался здѣсь коллегіею лицъ

ἀπονέμων δωρεάς, πολλὰ δὲ χρήματα δαπανήσας εἰς ταύτην τὴν ἐπιθουμίαν, ἐλέφαντάς τε συχνοὺς πολεμιστάς περιποιήσατο, καὶ τῶν ἄλλων ζώων ἀξεωρήτους καὶ παραδόξους φύσεις ἐποίησεν εἰς γνώσιν ἐλθεῖν τοῖς Ἕλλησι; *ibid.* с. 37, 42. *Plin. H. N. VI* с. 21. Данныя, сообщаемыя этими и нѣкоторыми другими авторами (напр. Арріаномъ, Артемидоромъ и др.), едва ли позволяютъ считать вмѣстѣ съ Бернгарди (*Grundr. der gr. Lit.* I² стр. 451) соответствующія рубрики въ сочиненіяхъ Клиппеля, Партея и Маттера за „unbegründete Hypothesen“ и „Phantasien“.

¹¹³) Потребныя для географическихъ справокъ карты и глобусы, разумѣется, имѣлись въ одномъ изъ портиковъ учрежденія. Подобныя „πίνακες ἐν οἷς αἱ τῆς γῆς περίοδοί εἰσιν“ упоминаются въ завѣщаніи Теофраста (*Dig. L. 1. l.*). Они были въ употребленіи у грековъ уже со временъ Анаксимандра.

¹¹⁴) Свидѣтельства древности относительно предпринятыхъ Птолемѣями переводовъ съ иностранныхъ языковъ на греческій чрезвычайно разнорѣчны, и здѣсь не мѣсто пускаться въ критику ихъ. Страбонъ упоминаетъ о переводѣ хронологическихъ и астрономическихъ трактатовъ египетскихъ ученыхъ. Евсевій и св. Епифаній привлекаютъ сюда не только литературу Египта, но и важнѣйшія произведенія письменности индусовъ, персовъ, эламитянъ, вавилонянъ, ассирянъ, финикянъ, евреевъ и римлянъ. Что персидскія книги дѣйствительно были переведены, на это указываетъ одно мѣсто у Плинія (*H. N. XXX 1, 4*). См. *Ritschl Corollarium disputationis de bibl. alex.* p. 42 (противъ него *Preller Jahrb. f. class. Philol.* 1836 стр. 170; въ пользу Ричля—*Droysen Hellenism. III*, стр. 50, прим.).

съ громкою извѣстностью въ ученѣмъ мірѣ и былъ обезпеченъ богатѣйшими матеріальными средствами.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, каковы были эти средства. Страбонъ говоритъ объ этомъ предметѣ довольно глухо. Изъ его словъ явствуется только, что учрежденіе располагало какими то особыми денежными суммами ¹¹⁵⁾, составлявшимися, вѣроятно, частью изъ доходовъ съ опредѣленной собственности, которая могла быть утверждена за музеемъ уже его основателемъ Птолемеемъ I-мъ, частью же изъ денежныхъ взносовъ, поступавшихъ въ кассу музея отъ получавшихъ въ немъ свое образованіе юношей (ἐπιχειροῦντες). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что складчины между членами коллегіи, характеризующей каждый такъ называемый ἔρχνος, здѣсь не бывало. Ассигнованныя суммы были весьма значительны: ихъ доставало и на ремонтъ зданій, и на пополненіе ученыхъ коллекцій, и на содержаніе многочисленнаго штата прислуги, и на расходы по устройству общаго стола для членовъ музея, и на жалованье этимъ членамъ, труды которыхъ всегда исправно и щедро оплачивались ¹¹⁶⁾. При томъ это были суммы постоянныя, регулярныя, и въ години самыхъ жестокихъ бѣдствій музеевъ продолжали ими располагать. Иначе было бы совершенно непонятно, какъ могъ онъ, несмотря на всѣ превратности судьбы, просуществовать около шести столѣтій, вплоть до 273 г. нашей эры, когда весь Брухій былъ превращенъ въ

¹¹⁵⁾ Strab. I. c. ἔστι δὲ τῇ συνόδῳ καὶ χρήματα κοινά. Подобнымъ образомъ существованіе еерскаго музея по завѣщанію Эпиктеты было обезпечено суммою въ 3000 драхмъ: Α 24 слл. δομέν τῷ κοινῷ τοῦ ἀνδρείου δραχμαὶς τρισχίλιας [ἐς conj. В. Keil Hermes 1888 стр. 295 прим.] πάλαιον, ἀπὸ οὗ συναχθήσονται.

¹¹⁶⁾ Извѣстный анекдотъ о Сосибіѣ (у Аееня XI р. 493 f.) свидѣтельствуетъ о томъ, что члены александрійскаго музея получали опредѣленное жалованье и у казначеевъ учрежденія хранились особые для этого списки ихъ (τὰ βιβλία ἐν οἷς αἱ ἀναγραφαὶ εἰσι τῶν τὰς συντάξεις λαμβανόντων). Суммы, выплачиваемыя ученымъ, иногда бывали громадны. Такъ Страбонъ, бывшій однимъ изъ воспитателей Филадельфа, получилъ отъ отца его 80 талантовъ (Diog. L. V, 58). Эвергетъ I ассигновалъ Панарету, ученику Аркесилая, 12 талантовъ въ годъ (Athen. XII р. 552 с.).

грудю развалинъ солдатами Авреліана, осадившаго Александрію.

Какъ сказано выше, во главѣ музея стоялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей жречества, который въ надписяхъ императорскихъ временъ именуется «ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης». Этотъ духовный сановникъ занималъ такимъ образомъ положеніе президента коллегіи (ἀρχων, ἐπιστάτης) и, слѣдовательно, соответствовалъ еерскому ἐπίσκοπος. Въ его распоряженіи, быть можетъ, находился небольшой штатъ лицъ, помогавшихъ ему при отправленіи требуемаго культомъ чина, — нѣчто вродѣ еерскихъ ἐπιμήνιοι, — и вѣдавшихъ сообща съ нимъ все, что относилось къ святилищу музъ и обоготворенныхъ Птолемеевъ (οἱ ἡρώεσται)¹¹⁷). Неизвѣстно подлинно, пользовался ли онъ при этомъ дѣйствительнымъ вліяніемъ и на дѣла музея, или же главенство его было только номинальнымъ и представляло собою одну изъ тѣхъ почетныхъ должностей, съ которыми обыкновенно не соединяется никакихъ фактическихъ правъ и обязанностей. Последнее можетъ казаться довольно вѣроятнымъ въ виду того непосредственнаго участія, какое принималъ въ судьбахъ музея сами Птолемѣи, его фактическіе ἀρχοντες. Весьма естественно, что ихъ прямое вмѣшательство во всѣ дѣла, касавшіяся этого учрежденія, до значительной степени ограничивало свободу дѣйствій его официалаго предсѣдателя и низводило послѣдняго на уровень простаго подручника державныхъ покровителей александрійской ученой коллегіи. Этимъ объясняется, быть можетъ, и то обстоятельство, что источники наши сохранили намъ, — и

¹¹⁷) Ἐπίσκοπος въ еерскомъ музеѣ и самъ принималъ непосредственное участіе въ жертвоприношеніи, какъ явствуетъ изъ словъ надписи [F 20]: ὅστις θυσιᾷ τὰς θυσιάς. Предполагать здѣсь ошибку, какъ дѣлаетъ В. Keil l. c., врядъ ли основательно. — Догадку нашу относительно существованія въ музеѣ александрійскомъ кромѣ верховнаго жреца, предсѣдателя коллегіи, подручныхъ младшихъ жрецовъ, соответствующихъ вышеупомянутымъ ἐπιμήνιοι, подтверждаетъ, быть можетъ, Artemidor. Ephes. ap. Marcian. Heracl. in Geogr. min. ed. Hudson I p. 62 (цит. Parthey): καὶ μετ' ἐκείνων Ἡρακλεσιόνης ὃν βῆτα ἐκδέσαν οἱ τοῦ μουσείου προστάτοντες.

то случайно,—единственное только имя изъ длиннаго списка жрецовъ, стоявшихъ во главѣ музея втеченіе нѣсколькихъ столѣтій ¹¹⁸⁾),—обстоятельство, которое было бы по меньшей мѣрѣ странно, если бы жрецы эти въ исторіи учрежденія играли существенно важную роль.

Впрочемъ, если такая роль и не была ихъ удѣломъ, то прикосновенность ихъ къ музею во всякомъ случаѣ имѣла большое вліяніе на его положеніе. Во первыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ качествѣ эпистолографовъ они занимали въ ряду близкихъ къ особѣ государя лицъ первое мѣсто,—были его совѣтниками, министрами и секретарями (срв. Franz. C. I. G. III, 2 pp. 289 sq., 307 sq.). Во вторыхъ, какъ лица, облеченныя духовнымъ саномъ, они сообщали музею нѣкоторый религіозный авторитетъ. Ихъ присутствіе въ составѣ членовъ учрежденія какъ бы выдвигало на первый планъ его назначеніе служить высшимъ органомъ культа музъ, поклоненіе которымъ всегда связано было съ поклоненіемъ высшимъ божествамъ греческаго пантеона. Если вспомнимъ, какъ сильно было вліяніе жречества въ Египтѣ, какую широкую область вообще занимали религіозные вопросы въ духовной жизни египтянъ, то само собою возникнетъ предположеніе, что, быть можетъ, именно въ виду этого Птолемѣи съ самаго начала рѣшили поставить высшее ученое учрежденіе страны подъ протекторатъ духовной особы. Со свойственною имъ ловкостью они воспользо-

¹¹⁸⁾ Это имя—Л. Ю. Вестинъ: ἀρχιερεὶ Ἀλεξανδρεῖς καὶ Αἰγύπτου πάσης Λευκίῳ Ίουλίῳ Οὐεστεινῷ καὶ ἐπιστάτῃ τοῦ Μουσείου καὶ ἐπὶ τῶν ἐν Ῥώμῃ βιβλιοθηκῶν ῥωμαϊκῶν τε καὶ ἐλληνικῶν καὶ ἐπὶ τῆς παιδείας Ἀθριανοῦ ἐπιστολεῖ τοῦ αὐτοῦ αὐτοκράτορος (C. I. Gr. 5900). Вслѣдъ за Летроннемъ всѣ изслѣдователи на основаніи этой надписи полагали, что упоминаемый въ ней первосвященникъ Александрѣи и всего Египта при Птолемѣяхъ былъ непременно изъ грековъ, а въ періодъ римскаго владычества—изъ римлянъ. Но это не болѣе, какъ домыслъ, и заключеніе отъ временъ Гадріана ко временамъ македонскимъ построено на шаткомъ основаніи. Самый титулъ духовнаго лица, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, врядъ ли звучалъ въ III стол. до Р. X. такъ, какъ онъ приведенъ въ надписи: централизація культа въ Египтѣ есть, по всей вѣроятности, уже дѣло римскихъ императоровъ, значительно расширившихъ компетенцію александрійскаго первосвященника. См. Wilcken Hermes XXII стр. 1 сл., XXIII стр. 601 сл.

вались для этой цѣли существовавшимъ въ Греціи обычаемъ апофеоза умершихъ, —обычаемъ, столь близко напоминавшимъ извѣстное почитаніе такъ наз. «ка» въ Египтѣ ¹¹⁹⁾. Культы Софокла, Платона, Аристотеля, Эпикура, Фэника съ его семьею и мн. др., локализованные въ учрежденныхъ этими лицами или ихъ наслѣдниками музеяхъ ¹²⁰⁾, представляли нѣчто такое, къ чему легко могъ примкнуть культъ великаго Александра и Птолемеевъ въ музеѣ александрійскомъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что обязанности президента въ послѣднемъ могъ исполнять не непременно грекъ, а и эллинически образованный египтянинъ, —и это тѣмъ скорѣе, что въ Египтѣ наука культивировалась преимущественно кастою жрецовъ, искони призванныхъ въ этой странѣ служить хранителями всѣхъ сокровищъ знанія. Во первыхъ, подобное допущеніе вообще ничуть не противорѣчило бы духу принятой Лагидами политики, а во вторыхъ, —оно вполне оправдывалось бы и стародавнимъ египетскимъ установленіемъ, въ силу котораго жрецами умершихъ царей должны были быть знатнѣйшіе и заслуженнѣйшіе изъ представителей жречества въ странѣ. Что же касается внутреннихъ пренятствій, то ихъ оно также, пожалуй, не встрѣтило бы. Та нетерпимость, съ которою нѣкогда относились египтяне ко всему не-египетскому, чужеземному, мало по малу стала терять свой острый характеръ уже со временъ сантской династіи и наконецъ подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній съ греками совсѣмъ исчезла. вмѣстѣ съ тѣмъ и на религію египтянъ

¹¹⁹⁾ E. Meyer Gesch. des Alterthums. I (1884), § 64.

¹²⁰⁾ О музеѣ Софокла см. Westermann Vitarum scriptt. gr. p. 128: *φησὶ δὲ καὶ Ἰστὸς—αὐτὸν—ταῖς Μούσαις εἶχον ἐκ τῶν πεπαιδευμένων συναγωγῶν*: подробности о его культѣ см. Roscher Lexic. p. 2536 sqq. —Культъ Платона *ibid.* p. 2534 sq.; Wilamowitz Antigou. p. 279 sqq. —Объ Аристотелѣ срв. выше стр. 59 сл. Эпикуръ въ своемъ завѣщаніи вмѣнялъ въ обязанность наслѣдникамъ своимъ правильно совершать въ опредѣленные сроки тризну по немъ, по его родителямъ и брату, причемъ мѣстомъ собраній, производившихся съ этою цѣлью, служили, разумѣется, его „сады“ (*κῆπος* 'Επικούρου), къ которымъ мы до извѣстной степени выравъ примѣнять наименованіе „музея“. —Фэникъ—супругъ Эпиктеты.

легъ замѣтный отпечатокъ той теокрасіи, дѣйствию которой въ разсматриваемую эпоху вообще подверглись вѣрованія всѣхъ древнихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, произошелъ коренной переворотъ. Если прежде нигдѣ съ такою рѣзкостью не проявлялись расовыя противоположности и племенные особенности, какъ именно на почвѣ религіозныхъ отличій, то теперь этого уже не было. Теперь Гадесъ могъ переселиться изъ Синопы въ Александрію и подъ новымъ именемъ «Сераписа» получать здѣсь поклоненіе и отъ египтянъ, и отъ грековъ ¹²¹). Представители самыхъ различныхъ народностей могли теперь соединяться въ стѣнахъ одного и того же храма и чествовать однихъ и тѣхъ же боговъ. Родственные культы сближались и отождествлялись, косныя формы священнаго ритуала модифицировались ¹²²). Такимъ образомъ врядъ ли египетскій жрецъ при столь измѣнившихся обстоятельствахъ могъ почестъ чѣмъ то для себя предосудительнымъ, чѣмъ то несогласнымъ со своимъ достоинствомъ почетное предсѣдательство въ греческомъ музеѣ. Невозможно думать, что подъ гнетомъ персидскаго владычества жреческая каста въ Египтѣ ничего не забыла и ничему не научилась. Съ другой стороны Птолемѣи хорошо понимали, что эта каста продолжала еще сохранять свое вліяніе на массу населенія, и потому не упускали изъ виду ничего, чтобы привлечь на свою сторону столь могущественную политическую силу. Они возвратили жречеству многія изъ его прежнихъ привилегій, жертвовали на надобности

---

¹²¹) Plut. de Is. et Osyr. c. 28. Въ торжественной процессіи перенесенія статуй бога участвовали грекъ Тимоѳей и египтянинъ Манеѳонъ.

¹²²) Дройзенъ (L'hellénism. III p. 48) указываетъ на два яркіе примѣра, сюда относящіеся. Со времяъ македонскаго владычества при древнемъ храмѣ Сераписа и Исиды въ Мемфисѣ появляются гіеродулы—женщины,—институтъ, дотогдѣ отсутствовавшій въ египетскомъ культѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу атрибутовъ этихъ божествъ прибавляется корзина (καλυκας), прямо заимствованная изъ аттическаго поклоненія Деметрѣ, въ обрядахъ которой названный атрибутъ занимаетъ видное мѣсто.—„Jusque dans l'intérieur des temples où étaient gardées les collections de livres sacrés, on voit des Grecs occuper certaines fonctions religieuses“ (Egger Hist. de la critique, p. 382).

мѣстнаго культа громадныя суммы денегъ изъ собственной казны ¹²³⁾ и поддерживали дружескія связи съ наиболѣе вліятельными и видными представителями класса служителей алтаря. Многія свѣтила египетской науки дѣлали для нихъ историческія розысканія въ храмовыхъ архивахъ и имъ посвящали свои ученые трактаты ¹²⁴⁾. Что же мудренаго, если нѣкоторые изъ этихъ свѣтилъ стали ближе къ основанному Птолемѣями ученому учрежденію и числились даже въ списокъ его президентовъ?

Назначеніе завѣдующаго музеемъ лица всегда зависѣло отъ государей Египта и внослѣдствіи, какъ большая часть ихъ правительственныхъ функцій, перешло къ римскимъ императорамъ въ качествѣ неотъемлемаго права послѣднихъ. Какъ вездѣ на востокѣ, ἀρχιερωσύνη была пожизненною, а слѣдовательно и завѣдываніе музеемъ, вѣроятно, было таково же. Подобнымъ образомъ, какъ мы видѣли, до самой смерти своей оставался безсмѣннымъ и главный бібліотекаръ въ Александріи. Самый порядокъ опредѣленія на должность президента ученой коллегіи намъ, къ сожалѣнію, ближайшимъ образомъ неизвѣстенъ. Вилькенъ утверждаетъ, что при Птолемѣяхъ въ Египтѣ царила весьма беззастѣнчивая симонія, причѣмъ жреческія мѣста распредѣлялись между претендентами посредствомъ продажи съ публичнаго торга, — порядокъ, удержавшійся затѣмъ и въ римскія времена ¹²⁵⁾. Примѣнялся ли тотъ же принципъ и въ нашемъ случаѣ, или же на этотъ счетъ существовали особыя правила, — будетъ,

¹²³⁾ Птолемей Сотеръ ассигновалъ на погребеніе Аппса 50 талантовъ серебра. Птолемей Филадельфъ лично посѣтилъ Ѳивы и воздвигъ нѣсколько храмовъ въ честь египетскихъ божествъ.

¹²⁴⁾ Fabricius (Bibl. Gr. I, p. 99 sq.) упоминаетъ „Μελάμπωδος ἱερογραμματέως περί παλμῶν μαυτικῇ πρὸς Πτολεμαίου βασιλέα“. „Melampus initio libelli plures se libros Ptolemaeo obtulisse ex arcanis columnis descriptos et excerptos significat his verbis: ὅσα μὲν ταῖς ἔμπροσθεν βίβλοις, κράτιστε βασιλεῦ Πτολεμαίε, συνέγραψά σοι ἐκ τῶν ἀδύτων στήλων τὰ τέρατα σημειωσάμενος καὶ τὰ σύμβολα συνέγραψα, ἐπεὶ δὲ καὶ νῦν ἀπέστειλάς μοι συγγράψασθαι σοι περί τῶν γινόμενων παλμῶν ἐν τοῖς μέλεσι τῶν ἀνθρώπων“ κтѣ.

¹²⁵⁾ Wilcken Kaiserliche Tempelverwaltung in Aegypten (Hermes. 1888 стр. 594 сл.).

можетъ быть, видно тогда, когда наконецъ появятся въ печати самые тексты, на которые ссылается названный ученый. Покаместъ можно лишь замѣтить, что вообще обычай продавать жреческія мѣста, о которомъ изъ древнихъ авторовъ упоминаетъ Діонисій Галикарнасскій, былъ довольно широко распространенъ въ Греціи во времена политической зависимости ея отъ македонянъ, какъ то несомнѣнно доказывается цѣлымъ рядомъ вновь найденныхъ надписей ¹²⁶⁾; но позволительно сомнѣваться, чтобы Птолемѣи слѣдовали этому выгодному обычаю даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о назначеніи полномочнаго министра и государственнаго секретаря, каковымъ былъ «ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας» ¹²⁷⁾.

Что касается числа постоянныхъ членовъ музея, то врядъ ли оно когда либо было ограничено извѣстнымъ штатомъ. При Сотерѣ оно, повидимому, не превышало пятнадцати, но, по мѣрѣ того, какъ померкала слава прочихъ школъ Греціи, приливъ свѣжихъ ученыхъ силъ въ Александрію все болѣе и болѣе возрасталъ. Не всѣ впрочемъ изъ членовъ музея оставались въ немъ навсегда. Многіе пріѣзжали въ Египетъ на непродолжительное время и лишь временно занимали почетное мѣсто среди ученой александрійской коллегіи. Другіе имѣли несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Птолемеевъ и подвергались изгнанію, либо же при-

¹²⁶⁾ О продажѣ жреческихъ мѣстъ Dion. Hal. R. A. II, 21. Надписи, сюда относящіяся, см. у Hugo Herbrecht De sacerdotii apud Graecos emptione venditione (Strassburg. 1885). Двѣ изъ нихъ—халкедонскія, одна—галикарнасская, одна—изъ окрестностей г. Kallatis, одна—изъ Эрперъ, двѣ—съ острововъ Андра и Микона. Наиболѣе содержательна надпись эриперейская. Изъ нея мы узнаемъ, что купля производилась не только взрослыми, но и несовершеннолѣтними, что цѣны колебались между 10 и 4610 драхмами, что въ случаѣ смерти лица, откупившаго мѣсто, право преемства могло быть вновь перепродано (срв. Bruchmann Philol. Anz. XVI p. 435 sqq.), что установленныя пошлины при совершеніи акта продажи взимались въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ той суммѣ, на которую произведена была сдѣлка, и т. п.

¹²⁷⁾ Это впрочемъ, вѣроятно, не устранило для лица, назначеннаго на этотъ постъ, необходимости уплатить при вступленіи въ должность извѣстную сумму денегъ, заносившуюся въ ту графу государственныхъ поступленийъ, которая обозначалась названіемъ τὸ τελεσσινόν (срв. C. I. G. 4697, 16).

нуждены были покидать Александрію, потому что не умѣли поладить со своими учеными товарищами. Иные, несмотря на всѣ успія и проски, никакъ не могли добиться чести быть принятыми въ число постоянныхъ членовъ музея. Вообще по всему можно заключить, что, если въ самомъ началѣ двери этого учрежденія были широко раскрыты для всѣхъ представителей литературы и науки, то мало по малу доступъ къ нему сдѣлался значительно труднѣе и всецѣло зависѣлъ отъ державной воли августѣйшаго покровителя музея. Личные вкусы и склонности лица, занимавшаго престолъ Птолемеевъ, повидимому отражались на составѣ покровительствуемой ими коллегіи. Такъ напр. Сотеръ отдавалъ явное предпочтеніе философамъ, и при немъ гедонизмъ Аристиппа имѣлъ въ Александріи двухъ представителей въ лицѣ Θεодора и Гегесія, а школы академиковъ и перипатетиковъ ренрезентировались Менедемомъ и Стратономъ. Какъ извѣстно, онъ приглашалъ также къ своему двору Теофраста и мегарейца Стильпона,—обоихъ безъ успѣха. Филадельфъ напротивъ особенно благоволилъ къ поэтамъ и грамматикамъ и изъ числа первыхъ успѣлъ привлечь въ музей такіе таланты, какъ Филетъ косскій, Каллимахъ, Теокрытъ, Аратъ и др. На поприщѣ грамматики при немъ подвизались Зенодотъ, Сосибій, Дуридъ и (правда, временно) Зонъ *ὁ μὲν ῥωμαῖστις*. Преемники Филадельфа (Эвергетъ I, Филонаторъ, Филометоръ) снова возвратили философіи подобающее ей мѣсто въ музеѣ, и мы видимъ при нихъ въ стѣнахъ этого учрежденія Панарета, Сфера, Мнесистрата, Сатира и мн. др. Птолемей VII былъ страстнымъ приверженцемъ критико-филологическаго направленія, и въ его царствованіе безплодныя словопренія по поводу критическихъ трудностей не только поглощали время и силы ученыхъ музея, но вошли въ моду и при самомъ дворѣ. Клеопатра (мать Птолемая VIII) покровительствовала географическимъ и естественно-историческимъ изысканіямъ и т. д.

Временемъ процвѣтанія музея былъ вѣкъ Птолемая II. Въ эту пору коллегія насчитывала въ числѣ своихъ членовъ,

по самому осторожному разсчету современныхъ изслѣдователей, никакъ не менѣ пятидесяти человѣкъ, а, можетъ быть, и гораздо больше ¹²⁸). Къ тому же составъ ея былъ блестящій: достаточно указать на Каллимаха и Теокрита, на Зенодота и Сосибія, на Герофила и Эрасистрата, на Аристилла, Тимохарита и Конона, не говоря уже о многихъ другихъ менѣ даровитыхъ дѣятеляхъ науки и литературы. И, если въ этой большой семьѣ не всегда царилъ миръ, не всегда молчали темныя побужденія и мелкія страсти, какъ свидѣтельствуешь разрывъ, происшедшій между Каллимахомъ и Аполлоніемъ, то въ ней все же никогда не терялась память о той великой цѣли, которую должно было преслѣдовать созданное Птолемѣями учрежденіе, и все, что только было замѣчательнаго и выдающагося въ ученой и художественной литературѣ александрійскаго періода, вышло изъ стѣнъ музея.

Было бы очень интересно знать, въ чемъ состояли обязанности членовъ музея и какъ протекали обычныя ихъ занятія. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ недостаточно ясенъ, и мы не можемъ даже утверждать съ полною увѣренностью, существовала ли опредѣленная программа, регулировавшая эти занятія, или же они были совершенно свободны, неподчинены никакому плану, никакой системѣ. Отрывочныя показанія источниковъ нашихъ сводятся въ общемъ къ весьма скудному количеству положительныхъ данныхъ, почти не допускающихъ возможности собрать отдѣльныя черты въ одну мало-мальски цѣльную картину дѣловаго дня александрійскихъ ученыхъ. Такъ напр. мы знаемъ, что въ музеѣ помимо самостоятельной разработки науки шло преподаваніе, читались лекціи; но было ли чтеніе такихъ лекцій обязательно для всѣхъ членовъ учрежденія, или же оно предоставлялось на добрую волю каждаго изъ нихъ,—совершенно неизвѣстно. Мы знаемъ только, что слава александрійской

¹²⁸) Parthey (Das alexandr. Mus. стр. 58) доводитъ ихъ число до почтенной цифры ста человѣкъ. Matter (op. c. I, p. 102) останавливается на половинѣ этой цифры, да и половину принимаетъ за maximum.

ученой коллегіи гремѣла далеко за предѣлами Египта и что на приманку этой славы въ столицу Птолемеевъ стекались толпы любознательной молодежи со всѣхъ сторонъ, — изъ Азіи и съ европейскаго запада. Возможно, что для слушателей разныхъ возрастовъ существовали и разные курсы, такъ что, въ то время какъ самые юные ученики проходили элементы науки ¹²⁹⁾, ихъ старшіе товарищи подѣ опытнымъ руководствомъ своихъ наставниковъ справлялись уже съ болѣе сложнымъ учебнымъ матеріаломъ. При этомъ, повидимому, рядомъ съ дѣленіемъ на группы по возрасту существовало и дѣленіе по спеціальностямъ или, какъ бы мы теперь выразились, по факультетамъ: одни постунали въ музеи, имѣя главнымъ образомъ въ виду изучать медицину и науки естественныя, для другихъ существенный интересъ заключался въ грамматическихъ и діалектическихъ упражненіяхъ, въ филологической критикѣ и экзегетикѣ, третьи желали заниматься преимущественно философіей и т. д. Такимъ образомъ лѣтونیя этого учрежденія могла бы назвать намъ длинный рядъ именъ, изъ которыхъ одни принадлежали школѣ Каллимаха (*οἱ Καλλιμαχείοι*) или Аристарха (*οἱ Ἀριστάρχαιοι*), другія связывались съ именемъ Герофила (догматисты) или Эрасистрата (эмпирики), третьи примыкали къ Эвклиду и т. п.

Преподаваніе велось въ тѣхъ формахъ, какія успѣли установиться въ аѳинскихъ философскихъ школахъ, т. е. либо въ формѣ живой бесѣды на научныя темы, либо же, какъ это было въ обычаѣ у перипатетиковъ, учитель излагалъ свой предметъ догматически, а слушатели записывали его лекціи. Къ этому присоединялось объясненіе литературныхъ памятниковъ, съ давнихъ поръ считавшееся могущественнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ, такъ какъ этическое толкованіе поэтовъ должно было останавливать вниманіе юношей на общихъ вопросахъ практической морали и такимъ образомъ готовить ихъ къ философскимъ занятіямъ. Гомеръ, Гесіодъ, Фоклидъ, Θεογνίδης и другіе пред-

¹²⁹⁾ См. Couat op. c. p. 17.

ставители эпоса и дидактической поэзии служили матеріаломъ для совмѣстнаго чтенія и давали обильную пищу для самыхъ разнообразныхъ толкованій, диспутовъ и разсужденій. Можно безъ преувеличенія сказать, что эти экзегетическія упражненія возведены были учеными музея на степень основнаго предмета преподаванія и частныхъ занятій. Повидимому, устраивались даже особыя засѣданія членовъ съ цѣлью разрѣшенія общими силами разнаго рода экзегетическихъ трудностей, и оживленныя пренія затягивались нерѣдко на цѣлые часы. Со свойственною натурѣ грека пытливостью толкователи никогда не удовлетворялись прямымъ, непосредственнымъ значеніемъ словъ, но старались отыскать въ нихъ самый глубокий, затаенный смыслъ и дать имъ самое широкое и общее объясненіе. Вещи ничтожныя и безразличныя казались этѣмъ придиричивымъ критикамъ загадочными и полными сокровенныхъ намековъ, случайныя противорѣчія въ текстѣ принимались за намѣренныя и т. п. Какъ было женское имя Ахилла въ то время, когда онъ въ женской одеждѣ скрывался между дочерьми Ликомеда? Отчего Гомеръ начинаетъ свою Иліаду словомъ «гнѣвъ»,—словомъ, составляющимъ дурное предзнаменованіе? Какъ могъ сынъ Пріама Антифонть, мѣтившій въ Аякса, попасть дротикомъ въ Левка, тогда какъ воины Одиссея отнюдь не могли стоять рядомъ съ воинами саламинскими? Отчего въ знаменитомъ каталогѣ кораблей Бэотія поставлена на первомъ мѣстѣ? Какъ могъ Посейдонъ произвести на свѣтъ такого безобразнаго сына, какъ циклопъ Полифемъ? Какимъ образомъ голова Горгоны могла находиться въ одно и то же время въ аду и на эгидѣ Зевса? Эти и подобные вопросы считались серьезными научными проблемами, требующими подробнаго разъясненія, и вызывали горячіе дебаты. Тенерь мы смѣемся надъ такими безплодными и безцѣльными умствованіями, но въ эпоху александрійской учености къ нимъ относились, какъ къ серьезному занятію. Гомеровскіе вопросы признавались оселкомъ, на которомъ можно было изодрить свои критическія способности, свой діалектическій талаптъ, свою

силу логическаго сужденія. Сосибій напр. приобрѣлъ громкую извѣстность тѣмъ, что путемъ простой перестановки словъ устранилъ нѣкоторыя трудности изъ текста Иліады. Софистъ Зоилъ съ другой стороны прославился своимъ умѣньемъ изъ ничего создавать неодолимые критическія затрудненія и видѣть непримиримыя противорѣчія тамъ, гдѣ непредубѣжденный читатель находилъ все въ совершенномъ порядкѣ. Громоздились томы на томы, комментаріи росли не по днямъ, а по часамъ, и увлеченіе энстатическою филологіею распространялось, какъ повальная болѣзнь.

Не всѣ впрочемъ и въ самомъ музеѣ раздѣляли это увлеченіе. Было немало разсудительныхъ грамматиковъ, предпочитавшихъ бесполезнымъ ухищреніямъ энстатики серьезную разработку науки о языкѣ и его формахъ, о сочетаніи словъ въ предложеніи, о слогаудареніи, объ отличіяхъ стихотворныхъ размѣровъ и проч. Они задумывались надъ тѣмъ, господствуетъ ли въ языкѣ шаткій и неопредѣленный принципъ, или же строгая послѣдовательность и закономерность, и для разрѣшенія этого вопроса съ неутомимымъ прилежаніемъ и изумительною настойчивостью собрали большой запасъ интересныхъ наблюденій. Они занялись также вопросомъ о происхожденіи человѣческой рѣчи, объ элементахъ слова, какъ чего то средняго между мыслимымъ и сущимъ, и объ отношеніи слова къ мысли. Они успѣли широко разработать выставленную первоначально стойками теорію падежей, установить основныя категоріи синтаксиса и утвердить довольно удачную терминологію, перешедшую черезъ посредство римлянъ и къ намъ. Цѣлый рядъ трактатовъ лексикологическаго содержанія, изслѣдованій въ области метрики и просодіи, ученыхъ разсужденій на темы философской грамматики, сборниковъ и полемическихъ памфлетовъ былъ нагляднымъ результатомъ ученой дѣятельности этой школы «техниковъ» (τεχνικοί), какъ ихъ тогда называли.

Но не менѣе почтенны и, пожалуй, еще болѣе многочисленны были и работы «критиковъ» (κρίτικοί),—людей, посвятившихъ все свое вниманіе исправленію испорченнаго

текста древнихъ литературныхъ памятниковъ и установленію правильнаго чтенія ихъ. Чтобы назвать здѣсь лишь самыя значительныя имена, укажу на труды Зенодота эфесскаго, Аристофана византійскаго, Аристарха самоѳракійскаго и ихъ учениковъ. Во всеоружіи глубокаго знанія формальной стороны языка и обширныхъ антикварныхъ свѣдѣній, одушевляемые горячею любовью къ дѣлу и твердою увѣренностью въ правильности своихъ методическихъ приѣмовъ, эти ученые не оставили въ сторонѣ ни одного мало-мальски выдающагося поэта древности и много разъ провѣрили тексты Гомера, Гесіода, главнѣйшихъ лириковъ, трагиковъ и комиковъ. Какъ изумительны были размѣры дѣятельности этихъ неутомимыхъ тружениковъ науки, видно напр. изъ того, что Аристарху приписывалось до 800 свитковъ однихъ комментаріевъ и что кромѣ того ему принадлежало еще изрядное количество отдѣльныхъ монографій, имѣвшихъ частью положительный, частью полемическій характеръ. Онъ оставилъ послѣ себя до сорока учениковъ, которые отличались такою же плодотворностью и съ такимъ же рвеніемъ, какъ и ихъ наставникъ, защищали принципы своей школы. Одинъ изъ послѣдователей его направленія, по имени Дидимъ, дѣйствовалъ уже при Цицеронѣ и былъ авторомъ болѣе 3500 отдѣльныхъ сочиненій по разнымъ вопросамъ грамматики. Со свойственною школѣ Аристарха всесторонностью онъ затронулъ всѣ отдѣлы этой обширной дисциплины и напослѣдокъ, какъ говорить, даже самъ позабылъ многія изъ своихъ произведеній (βιβλιολάθας), — такъ они были разнообразны и многочисленны.

Но кромѣ филологовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова подъ сѣнью музея плодотворно дѣйствовали и многіе медики, математики и испытатели природы. Александръ ф. Гумбольдтъ говоритъ: «Послѣ того какъ втеченіе столькихъ вѣковъ, вплоть до самой той поры, когда на этомъ поприщѣ мощно выступилъ Аристотель, явленія природы, ускользая отъ зоркихъ наблюденій, въ своемъ истолкованіи были подчинены исключительному господству спекуляцій, произволу темныхъ гаданій и шаткихъ гипотезъ, теперь стало прояв-

латься болѣе высокое уваженіе къ эмпирическому знанію. Стали изслѣдовать и очищать тотъ матеріаль, которымъ обладали; натурфилософія, менѣе смѣлая въ своихъ умозрѣніяхъ и фантастическихъ построеніяхъ, вступила на вѣрный путь индукціи и приблизилась наконецъ къ пытливому эмпиризму» ¹³⁰⁾). И въ этомъ нельзя не видѣть отчасти и вліянія той культурной среды, въ которой отнынѣ продолжается разработка научныхъ вопросовъ. По справедливому замѣчанію Геллвальда, несмотря на греческія имена и греческій языкъ, въ александрійскомъ музеѣ царить уже иной, не-греческій духъ, а въ жилахъ дѣйствующихъ здѣсь ученыхъ течетъ по большей части чужая, не-греческая кровь. По части точныхъ наукъ греки всегда уступали своимъ восточнымъ сосѣдямъ, и теперь конечно не безъ воздѣйствія со стороны послѣднихъ стали обнаруживать вкусъ и интересъ къ этой области ¹³¹⁾).

Помимо преподавательской и ученой дѣятельности, развивавшейся въ самыхъ стѣнахъ музея, многіе изъ его членовъ несли обязанности хранителей различныхъ коллекцій и смотрителей разныхъ вспомогательныхъ учреждений, съ нимъ болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ. Къ числу такихъ учреждений принадлежали напр. ботаническій и зоологическій сады, анатомическій кабинетъ, обсерваторія и знаменитая библіотека.

---

¹³⁰⁾ Humboldt Kosmos.

¹³¹⁾ Hellwald Culturgesch. in ihrer natürlichen Entwicklung (2 Aufl. Augsburg. 1876). I, стр. 415: „Erst mit dem Museum beginnt, was man die griechische Wissenschaft zu nennen pflegt. Aber weder die griechischen Namen der daraus hervorgegangenen Gelehrten, noch die griechische Sprache, worin sie ihre Schriften abfassten, dürfen darüber täuschen, dass wir hier keinem wirklichen Hellenenthume mehr gegenüber stehen. So wie in der Kunst griechischer Geist allmählig auch die ägyptischen Künstler beseelte; so war ägyptische Priesterweisheit der Born, aus dem die alexandrinischen Hellenen sich Begeisterung tranken. Dazu rollte in ihren Adern vielfach fremdes Blut. Und dass in der That die uralte hamitische Cultur, welche zuerst die Welt mit festem Maasse und Gewicht beschenkt, es war, deren Wissensschätze in das Alexandriner Museum so mächtig hineinragten, darauf weist gerade die vorzugsweise Pflege der exacten,—mathematischen und physikalischen,—Wissenschaften hin, worin die früheren Griechen von allen übrigen Culturvölkern namhaft überflügelt wurden“.

Собственно говоря, въ Александріи было двѣ библіотеки. Одна изъ нихъ, о которой мы упоминали выше, находилась въ Брухії и отличалась колоссальными размѣрами; другая была много бѣднѣе, состояла по большей части изъ дублетовъ первой и предназначалась, вѣроятно, для практическихъ цѣлей преподаванія. Она занимала помѣщеніе въ кварталѣ Ракотисъ, въ Серапееѣ, и развилась, повидимому, изъ архива, находившагося при этомъ храмѣ ¹³²). Основаніе ея приписывали тому же правителю, просвѣщенная дѣятельность котораго оставила и въ исторіи музея яркіе и неизгладимые слѣды,—Птолемѣю II Филадельфу, и въ шутку называли эту малую библіотеку дочерью большой. Кромѣ того впоследствии возникла еще библіотека въ Себастееѣ. О ней мимоходомъ упоминаетъ Филонъ, но Векк не признаетъ за нею самостоятельнаго значенія и отождествляетъ ее съ тою, которая находилась въ Брухії ¹³³).

Что касается устройства, плана и размѣровъ зданія этой послѣдней, то мы совершенно лишены какихъ бы то ни было указаній на этотъ счетъ. Страбонъ въ вышеприведенномъ сообщеніи своемъ о музеѣ обходитъ библіотеку молчаніемъ. Приходится такимъ образомъ, какъ это и дѣлало до сихъ поръ большинство изслѣдователей, занимавшихся нашимъ вопросомъ, комбинировать отрывочныя черты, свойственныя древнимъ библіотекамъ вообще, и данныя, почерпаемыя изъ позднѣйшихъ источниковъ, приурочивать *mutatis mutandis* къ александрійскимъ временамъ. Таковыми источниками на сей разъ оказываются Витрувій, Плиній, Авлъ-Геллій, Исидоръ,

¹³²) При каждомъ греческомъ храмѣ обыкновенно состоялъ архивъ, въ которомъ кромѣ официальныхъ бумагъ и документовъ иногда хранились и нѣкоторыя цѣнныя рукописи. Такъ напр. въ Эфесѣ при храмѣ Артемиды берегалось сочиненіе Гераклита „*περί φύσεως*“, въ Навкратисѣ по преданію—стихотворенія Гомера и т. п. Название этого рода архивовъ было *βιβλιοφυλάκιον*,—слово, встрѣчающееся, впрочемъ, не раньше александрійскихъ временъ (въ переводѣ семидесяти толковниковъ); см. Egger Callimaque considéré comme bibliographe (Annuaire de l'association pour l'encouragement des études gr. 1876. p. 70, n. 2).

¹³³) Срв. Parthey op. cit. p. 65.

нѣкоторые памятники искусства, находки, сдѣланныя въ Геркуланѣ и въ окрестностяхъ Аѳинъ ¹³⁴), и проч.

Показанія Витрувія вдвойнѣ заслуживаютъ вниманія: во первыхъ, какъ заявляетъ и онъ самъ, произведеніе его цѣликомъ опирается на греческіе источники, и, вѣроятно, все то, что онъ говоритъ о библіотекахъ, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; во вторыхъ, правила, которыя онъ устанавливаетъ, вполне соответствуютъ тому, что намъ вообще извѣстно о сооруженіяхъ общественной пользы въ древней Греціи, гдѣ архитекторы всегда обращали серьезное вниманіе на выборъ мѣстности, на положеніе отдѣльных частей корпуса относительно странъ горизонта и т. п. ¹³⁵). Мы, стало быть, можемъ безъ оговорокъ воспользоваться слѣдующимъ мѣстомъ изъ его сочиненія «*de architectura*»: «спальни и библіотеки», говоритъ онъ, «должны быть обращены на востокъ; ихъ назначеніе требуетъ утренняго свѣта; къ тому же въ библіотекахъ свитки не будутъ въ такомъ случаѣ плѣсневѣть. Ибо въ тѣхъ изъ нихъ, которыя обращены на югъ или на западъ, свитки повреждаются отъ червей и сырости, такъ какъ влажные вѣтры, получая доступъ въ помещеніе (*advenientes*), производятъ и питаютъ червей, а также распространяютъ сырыя испаренія, покрывающія папирусы плѣсенью» ¹³⁶). Съ цѣлью предохраненія отъ порчи свитки зачастую вкладывались въ кожаные футляры (*διφθέραι, membrae*) и, если они составляли отдѣльныя части одного

¹³⁴) Къ числу подобныхъ находокъ относится инвентаръ библіотеки, открытый въ Пирѣѣ и относящійся къ первому до-христіанскому столѣтію (сообщ. Hirschfeld въ *Archäol. Zeit.* за 1874). — Художественныхъ памятниковъ, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ, очень немного: см. Daremberg et Saglio *Dictionn.* p. 708, Baumeister *Denkm.* подъ словами „Bibliotheken“, „Bücher“, „Briefe“, „Schreibgerät“, „Schreibmaterialien“.

¹³⁵) Parthey p. 66. — Срв. Vitruv. VI, I: *uti constitutio mundi ad terrae spatium inclinatione signiferi circuli et solis cursu disparibus qualitatibus naturaliter est collocata, ad eundem modum etiam ad regionum rationes coelique varietates videntur aedificiorum debere dirigi collocationes... Ita quod ultro natura laedit, arte erit emendandum.*

¹³⁶) VI, 4. Срв. также I, 2: *item naturae decor erit, si cubiculis et bibliothecis ab oriente lumina capientur.*

сочиненія, то связывались въ пачку или помѣщались въ особыхъ ведрообразныхъ ящикахъ, содержавшихъ въ себѣ иногда до десяти рукописей (*νάρθηκες, ναρθήκια, scrinia*). Такого рода ящики особенно удобны были для рабочихъ кабинетовъ и школъ, позволяя ученымъ и учащимся имѣть постоянно подъ рукою небольшой ассортиментъ самонужнѣйшихъ справочныхъ книгъ и руководствъ. Въ библіотекахъ, разумѣется, свитки располагались въ шкапахъ (*ἀποθήκαι, armaria*). Эти шкапы снабжены были горизонтальными полками и закрывались посредствомъ двустворчатой двери.

Александрійская библіотека состояла изъ нѣсколькихъ обширныхъ аппартаментовъ. Какъ извѣстно, въ 1752 г. въ Геркуланѣ было найдено небольшое частное собраніе рукописей, числомъ около 1700 свитковъ, и однако оно занимало цѣлую комнату, по четыремъ стѣнамъ которой и по срединѣ стояли шкапы, наполненные манускриптами. Сколько такихъ свитковъ хранилось въ Брухін въ цвѣтущую пору, — доподлинно не знаемъ, но во всякомъ случаѣ сотни тысячъ, и можно ли сомнѣваться въ томъ, что Птолемѣи сумѣли достойнымъ образомъ обставить эту громадную коллекцію и что предназначенное ими для нея зданіе отличалось и удобствомъ, и просторомъ, и красотою? Возможно, что залы, гдѣ располагались книжные шкапы, были украшены статуями великихъ писателей и нныхъ знаменитостей ¹³⁷⁾. Къ этимъ заламъ примыкали помѣщенія, въ которыхъ производилась перениска, сортировка и каталогизація рукописей, и комнаты, служившія обиталищемъ многочисленнаго штата слугъ и помощниковъ главнаго библіотекаря (*βιβλιοφύλαξ*). Кромѣ того, такъ какъ Птолемѣи предоставили свое собраніе книгъ въ общественное пользованіе, то не было, вѣроятно, недостатка и въ такихъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ бы могли безвозбранно происходить занятія постороннихъ посѣтителей.

¹³⁷⁾ Обычай украшать различными статуями библіотечныя залы часто упоминается у писателей, и, я полагаю, онъ древнѣе, нежели то кажется Плинію, который недоумѣваетъ, кому приписать его начало, — Лагидамъ или Атталидамъ. Plin. H. N. XXXV, 2. — См. Daremberg Diction. p. 708, p. 44.

Мы только что коснулись спорнаго вопроса о томъ, какими цифрами выражалось богатство александрійской библіотеки. На основаніи указанныхъ выше свидѣтельствъ Авла Геллія и Амміана Марцеллина обыкновенно принимаютъ, что, когда при Цезарѣ большая часть ея сдѣлалась жертвою пламени, она заключала въ себѣ до семисотъ тысячъ свитковъ. Само по себѣ число это не можетъ внушать никакихъ подозрѣній. Вѣсьма извѣстно, какъ громадна была литературная производительность древнихъ народовъ, какъ сравнительно нечасты были свитки большого объема и какъ много дублетовъ должно было накопиться съ теченіемъ времени въ птолемеевой коллекціи при той системѣ собиранія книгъ, которая практиковалась въ Александріи и въ Пергамѣ. Однако нельзя сказать, чтобы, останавливаясь на приведенной цифрѣ, изслѣдователь чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Дѣло въ томъ, что наряду съ неустоять и другія, несравненно меньшія, и вполнѣ естественно вмѣстѣ съ Партеемъ предполагать, что сожалѣніе о невозвратимой потерѣ погибшихъ въ огнѣ сокровищъ легко могло повести къ значительнымъ преувеличеніямъ при опредѣленіи ихъ количества, — тѣмъ болѣе, что количество это непрерывно возрастало и отнюдь не представляло постоянной величины. Изъ ближайшихъ по времени къ катастрофѣ писателей ни одинъ не обмолвился относительно этого предмета ни словомъ, а тѣ поздніе авторы, показанія которыхъ намъ осталось теперь сличать и взвѣшивать, какъ то: Іосифъ Флавій, Епифаній, Кедренъ, Евсевій, Исидоръ, Синкелль и проч., не опираются ни на одно мало-мальски авторитетное имя и вмѣсто всякой ссылки на источникъ довольствуются въ данномъ случаѣ ничего не выражающимъ «ὥς τινές φασιν».

Поэтому, не отрицая и не утверждая того, что максимальная сумма книгъ въ александрійской библіотекѣ при послѣднихъ Птолемеехъ могла дѣйствительно выражаться числомъ 700,000, мы обратимся къ свидѣтельству, проливающему свѣтъ на состояніе этого книгохранилища во времена

Филадельфа,—въ тѣ времена, когда учрежденіе поступило въ вѣдѣніе Каллимаха.

Свидѣтельство это заключается въ известномъ фрагментѣ тзетзовыхъ «Пролегомень къ Аристофану». Вотъ оно: „ὁ γὰρ ῥηθεὶς βασιλεὺς Πτολεμαῖος [ὁ Φιλάδελφος]—ἐπεὶ διὰ Δημητρίου τοῦ Φαληρέως καὶ γερουσίων ἑτέρων ἀνδρῶν δαπάναις βασιλικαῖς ἀπανταχόθεν τὰς βίβλους εἰς Ἀλεξάνδρειαν ἤθροισεν, δυσὶ βιβλιοθήκαις ταύτας ἀπέθετο, ὧν τῆς ἐκτὸς μὲν ἦν ἀριθμὸς τετρακισμύριαι δισχιλῖαι ὀκτακόσιαι, τῆς δ' ἔσω τῶν ἀνακτόρων καὶ βασιλείου βιβλῶν μὲν συμμίκτων ἀριθμὸς τεσσαράκοντα μυριάδες, ἀπλῶν δὲ καὶ ἀμिशγῶν βιβλῶν μυριάδες ἐννέα, ὡς ὁ Καλλιμάχος νεανίσκος ὧν τῆς αὐτῆς ὑστέρως μετὰ τὴν ἀνόρθωσιν τοὺς πίνακας αὐτῶν ἀπεγράψατο“ [H. Keil p. 117]. Числа, здѣсь приведенныя, безъ измѣненія повторяются и въ плавтовомъ схолиѣ, и въ отрывкѣ анонима „περὶ κωμωδίας“ (Ritschl Opp. p. 124).

Много было сдѣлано попытокъ съ цѣлью объяснить значеніе употребленныхъ въ этихъ текстахъ терминовъ „βίβλοι σύμμικτοι“ („συμμιγεῖς“, «*volumina commixta*») и „βίβλοι ἀπλᾶ καὶ ἀμι[σ]γεις“ («*volumina simplicia et digesta*»). Въ самомъ дѣлѣ, терминологія эта включаетъ въ себѣ много темнаго и запутаннаго,—тѣмъ болѣе, что во всей греческой литературѣ кромѣ одного мѣста у Плутарха нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея примѣненія; но и въ этомъ мѣстѣ (Anton. 58) слова „βιβλία ἀπλᾶ“ столь же мало понятны, какъ и у Тзетза. Подходящее объясненіе могли-бы дать намъ только «Списки» (πίνακες) Каллимаха, которому, по смыслу тзетзовыхъ словъ, принадлежало и самое раздѣленіе рукописей на «простыя» и «смѣшанныя»; но отъ каллимаховыхъ «Списковъ», какъ известно, уцѣлѣли лишь ничтожныя отрывки, не дающіе на этотъ вопросъ никакого отвѣта.

Ричль перечисляетъ всѣ толкованія, какія, по его мнѣнію, допускаются нашими загадочными терминами. Устраняя совершенно различіе между папирусами, исписанными только съ одной стороны, и такъ называемыми „ὀπισθόγραφοι“, а равно между единоличностью автора и множественностью его произведеній, онъ устанавливаетъ слѣдующій рядъ возможностей: 1) подъ „βίβλοι σύμμικτοι“ можно разумѣть всю

массу собранныхъ въ библіотекѣ литературныхъ произведеній со включеніемъ въ эту массу и дублетовъ; наоборотъ „βιβλοι ἀπλᾱι“ составили-бы въ такомъ случаѣ тотъ остатокъ, который получится по устраненіи дублетовъ; 2) первое выраженіе можно также понимать въ смыслѣ обозначенія общей суммы книгъ (иначе—частей), а второе—въ смыслѣ обозначенія суммы названій; 3) „βιβλος σύμμιχτος“ есть списокъ, заключающій въ себѣ нѣсколько небольшихъ произведеній одного или многихъ авторовъ (Miscellaneorolle), „βιβλος ἀπλᾱι“ — манускриптъ, содержащій только одно произведение; 4) въ четвертую рубрику относится толкованіе, опирающееся на различіе между монографіями („μόνοβιβλος“), коихъ все содержаніе укладывалось въ предѣлы одного свитка, и большими сочиненіями, состоявшими изъ нѣсколькихъ частей, а потому и нѣсколькихъ свитковъ; 5) различіе между такими рукописями, на изготовленіе которыхъ былъ употребленъ одинъ листъ папируса, и такими, которыя представляли соединеніе нѣсколькихъ листовъ, наложенныхъ одинъ на другой и прикрѣпленныхъ къ одной и той же налѣ, можетъ дать основаніе для новаго, —счетомъ, пятаго толкованія; наконецъ 6) сумма возможностей, повидимому, исчерпывается, если къ сказанному присоединить, что въ видахъ удобства перевозки совершенно различныя, ничѣмъ не связанныя между собою рукописи ради сохраненія мѣста могли быть свернуты въ одинъ толстый свитокъ; къ такимъ свиткамъ можно было бы примѣнить названіе „βιβλοι σύμμιχτοι“, разумѣя подъ послѣднимъ совокупность нѣсколькихъ „ἀπλᾱι“; но самъ Ричль указалъ на серьезныя возраженія, которыя какъ-бы сами собою противопоставляются этому искусственному толкованію ¹³⁸⁾.

Сравнивая между собою всѣ перечисленныя попытки разгадать значеніе таинственныхъ терминовъ, нетрудно отдать рѣшительное предпочтеніе первой изъ нихъ, какъ дѣлаетъ и самъ Ричль, и понять слова Тзетза въ томъ смыслѣ, что

¹³⁸⁾ Ritschl Opusc. p. 21 sq.

при Каллимахъ александрійское книгохранилище заключало въ себѣ 400,000 свитковъ, изъ коихъ за исключеніемъ многочисленныхъ дублетовъ при каталогизированіи библіотеки въ титульные списки было занесено только 90,000. «Это объясненіе», говоритъ Биртъ, «повидимому, представляетъ различныя внѣшнія преимущества. Оно дѣлаетъ понятнымъ, почему число «смѣшанныхъ» рукописей (συμμιγείς) во столько разъ больше числа «несмѣшанныхъ» (ἀπλᾶι). Оно далѣе, повидимому, можетъ отвѣтить на вопросъ, почему соответствующее различіе не было примѣнено и къ рукописямъ второй, меньшей библіотеки (Serapeumsbibliothek): вѣдь она именно заключала въ себѣ только дубликаты первой. Наконецъ, изъ него же явствуетъ, почему объ отдѣльномъ библіотекаріатѣ для этой второй коллекціи книгъ, хранившейся въ Серапее, намъ ничего неизвѣстно»¹³⁹). Всѣ такія, какъ выражается Биртъ, «внѣшнія» преимущества дѣйствительно снискали принятому Ричлемъ объясненію почти всеобщее признаніе со стороны ученыхъ специалистовъ и утвердили за нимъ теперь въ литературѣ окончательное господство.

Но нельзя не смутиться тѣми трудностями, которыя возникаютъ при такомъ пониманіи тзетзовыхъ терминовъ. «Всякая σύμμιξις», читаемъ у Бирта, «означаетъ только соединеніе предметовъ, различныхъ по роду; наоборотъ выраженіе Каллимаха, если оно указывало на присутствіе дублетовъ въ числѣ книгъ, должно было бы въ силу этого заключать въ себѣ указаніе именно на однородность послѣднихъ; этою однородностью ихъ долженъ былъ бы обуславливаться выборъ термина... Тоже самое, естественно, относится и къ противоположному выраженію ἀμιγείς или ἀμισεγείς. Съ другой стороны еще менѣе возможно назвать свитки, оставшіеся за выдѣленіемъ всѣхъ дублетовъ, „βιβλοὶ ἀπλᾶι“. Отдѣльный экземпляръ, рядомъ съ которымъ нѣтъ другаго однороднаго, такъ и называется отдѣльнымъ, а не простымъ, — *singulare*, а не *simplex*, καὶ τ' ἔν, а не ἀπλοῦν»¹⁴⁰).

¹³⁹) Birt Das antike Buchwesen, стр. 486.

¹⁴⁰) Тамъ же, стр. 487.

Къ этимъ соображеніямъ присоединяются еще и другія. Чѣмъ напр. объяснить такое непомѣрное скопленіе дублетовъ въ александрійской библіотекѣ при самомъ началѣ ея существованія? Было-ли оно случайнымъ результатомъ дѣятельности книгособирателей, или же одною изъ ея цѣлей, ея руководящимъ принципомъ? Последнее мало вѣроятно въ виду того, что, какъ мы знаемъ, не требованія филологической критики древнихъ текстовъ, которыя одни могли бы оправдать стремленіе къ приобрѣтенію однихъ и тѣхъ же произведеній въ столь большомъ количествѣ экземпляровъ, а нѣчто совсѣмъ другое стояло на первомъ планѣ для Птолемея Сотера и его пособника Деметрія фалерскаго, когда они приступили къ составленію библіотеки; первое же также весьма сомнительно, ибо свидѣтельствовало бы о непростительной небрежности и отсутствіи всякаго серьезнаго разсчета, плана, системы со стороны лица, стоявшаго во главѣ предпріятія и, безъ сомнѣнія, завѣдывавшаго ассигнованными на сей предметъ суммами. При этомъ число 90,000, должествующее означать по смыслу ричлева толкованія не количество произведеній или, точнѣе, названій, а лишь сумму свитковъ, изъ коихъ многіе могли приходиться на долю одного произведенія, кажется намъ весьма небольшимъ. И, если можно относиться съ недо вѣріемъ къ тому, что александрійская библіотека при самомъ началѣ своемъ заключала въ себѣ почти полмилліона рукописей ¹⁴¹⁾, то, по моему, еще удивительнѣе было бы, когда бы всѣ усилія Деметрія фалерскаго, Зенодота и Каллимаха не привели ни къ чему кромѣ загроможденія библіотеки сотнями тысячъ одинаковыхъ экземпляровъ при относительно ничтожномъ количествѣ названій. Это имѣло бы нѣкоторый смыслъ, еслибы учрежденіе Лагидовъ преслѣдовало коммерческія, а не образовательныя

---

¹⁴¹⁾ „Referent hat obenein das starke Wunder, dass Alexandria schon in seiner jugendlichen Periode eine halbe Million Bücher besessen, noch durch keine Analogie zu rechtfertigen vermocht; und so liegt am nächsten die Zahl quadringenta für verdorben zu halten“ (Bernhardy въ Berl. Jahrb. für wissensch. Kritik. 1838, December).

цѣли. И даже допуская, что публичная библіотека, каковою была александрійская, необходимо должна была имѣть въ наличности значительный ассортиментъ дублетовъ въ удовлетвореніе потребностей читающей публики, мы все же находимъ отношеніе, устанавливаемое нашими текстами, слишкомъ неравнымъ.

По мнѣнію Бернгарди, правильнѣе третье изъ выше приведенныхъ толкованій: βίβλοι ἀπλᾶι (simplices) суть такія рукописи, въ которыхъ заключается одно цѣльное или часть одного цѣльнаго сочиненія, а συμμιγῆς (commixtae)—такія, которыя содержатъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ произведеній. При этомъ, какъ и Шнейдевинъ, къ нему примкнувшій, Бернгарди имѣлъ въ виду такъ наз. codices miscellanei и представлялъ себѣ βίβλος именно въ формѣ кодекса,—вещь, для каллимаховой эпохи невозможная. Биртъ внесъ въ пониманіе названныхъ ученыхъ необходимую поправку и истолковалъ βίβλοι συμμιγῆς въ смыслѣ «смѣшанныхъ свитковъ», Mischrollen, volumina miscellanea,—на подобіе того экземпляра въ этомъ родѣ, который былъ найденъ въ Геркуланѣ (№ 1418 ed. Oron.)¹⁴²⁾. Колоссальное неравенство между количествомъ этихъ смѣшанныхъ рукописей (400,000) и болѣе нежели вчетверо меньшимъ числомъ рукописей простыхъ (90,000) Биртъ попытался объяснить при помощи гипотезы, въ силу которой вплоть до временъ Филаделфа въ Греціи безусловно царила или по крайней мѣрѣ значительно преобладала система длинныхъ свитковъ (Grossrollensystem), только при Каллимахѣ вытѣсненная противоположною системою¹⁴³⁾. А то невѣроятно-большое количество

¹⁴²⁾ Bernhardt ibid.; Schneidewin Götting. gelehrte Anzeigen (1840. II. Стр. 952). Keil у Рича (Opuscul. p. 228 sqq.); Birt стр. 487 слл.

¹⁴³⁾ Birt стр. 490: „Es hält angesichts jenes Verdicts gegen das μέγχι βιβλίον schwer sich der Vorstellung zu erwehren, dass die Erfindung oder doch gewiss die erste planmässige Anwendung des Kleinrollensystems und des Buchtheilungsprinzips diesem Kallimachos zufällt und dass er selbst es war, der die redactionelle Arbeit der Theilung für viele der alten Schriftsteller übernahm“. Въ этомъ, быть можетъ, и есть доля правды; но для того, кто принимаетъ гипотезу Бирта, я рѣшительно не вижу непо-

отдѣльныхъ произведеній (по его счету—1.248,000), какое мы, принимая подобную гипотезу, должны неминуемо предположить въ александрійской библіотекѣ въ разсматриваемую эпоху, онъ сократилъ до минимума путемъ весьма своеобразной теоріи.

Теорія эта заключается въ слѣдующемъ. Для того, чтобы представить себѣ процессъ составленія птолемеева собранія книгъ, надобно, утверждаетъ Биртъ, совершенно отрѣшиться отъ нынѣшнихъ воззрѣній на это дѣло. Администрація библіотеки Лагидовъ дѣйствовала безъ всякаго плана, безъ всякой определенной программы. Дѣло шло объ удовлетвореніи каприза всемогущаго повелителя, о приобрѣтеніи рукописей въ возможно большемъ числѣ, о превращеніи Александріи въ громадный книжный рынокъ, который бы сдѣлалъ подрывъ книжной торговлѣ Аѳинъ, Родоса и другихъ мѣстъ, — «ein Engrosverfahren, wie es sich nur die üppige Laune eines orientalischen Despoten einfallen lassen konnte». При такихъ условіяхъ, разумѣется, покупка манускриптовъ должна была производиться безъ разбора, безъ квалификаціи товара, и въ александрійскомъ складѣ громоздились одна на другую рукописи не въ десяткахъ, а въ сотняхъ экземпляровъ. Это безпорядочное и мелочное стремленіе довести количество при-

---

средственной необходимости дѣлать изъ нея тотъ выводъ, который онъ дѣлаетъ. Мы видѣли уже, что лица, завѣдывавшія александрійскою библіотекою,—конечно, не безъ внушенія со стороны самихъ Птолемеевъ,—преимущественно стремились къ приобрѣтенію если не автографовъ, то по крайней мѣрѣ наилучше выправленныхъ, наиболѣе тѣсно съ автографами связанныхъ списковъ. Можно было бы такимъ образомъ предположить, что книгопродавцами и коммиссіонерами въ виду этой тенденціи александрійскихъ книгособирателей чаще всего и въ наибольшемъ количествѣ доставлялись имъ рукописи старыя, возникшія именно въ то время, когда дѣйствительно господствовало „das altmodische Grossrollensystem“,—рукописи, которыя составляли библіографическую рѣдкость и потому цѣнились высоко. Незачѣмъ, стало бытъ, думать, будто система короткихъ свитковъ и дѣленія большихъ сочиненій (независимо отъ содержанія ихъ, но лишь въ видахъ удобства) на „книги“ возникла не раньше времени Филадельфа: что въ александрійской библіотекѣ „несмѣшанныхъ“ свитковъ оказалось меньше, чѣмъ „смѣшанныхъ“,—это могло бы просто объясняться тѣмъ предпочтеніемъ, которое здѣсь отдавалось рукописямъ стариннымъ и подлиннымъ передъ новѣйшими списками.

обрѣтенныхъ свитковъ до такой внушительной цифры, которая бы возбудила всеобщее удивленіе, по Бирту, составляло единственный принципъ дѣятельности Птолемеевъ по устройству ихъ знаменитаго книгохранилища. Потому, не довольствуясь громадными на этотъ предметъ затратами, они не переставали увеличивать свои книжные запасы еще и перепискою имѣвшихся въ наличности произведеній. Последнее Биртъ доказываетъ ссылкой на слова Геллія: *ingens... numerus librorum a Ptolemaeis regibus vel conquisitus vel confectus est* (VI, 17) ¹⁴⁴).

Однако ни эта теорія, навѣянная, быть можетъ, презрительнымъ отзывомъ Сенеки о библіофильскихъ тенденціяхъ Птолемеевъ, въ которыхъ римскій философъ не видѣлъ ничего кромѣ прихоти царскаго тщеславія, ни принятое Биртомъ толкованіе терминовъ „βιβλοι συμμιγείς“ и „β. ἀπλᾶι“ не могутъ считаться вполне удовлетворительными. Я нахожу положительно неправдоподобнымъ рисовать себѣ александрійскихъ книгособирателей въ образѣ какихъ то невѣжественныхъ и суетныхъ библіомановъ, поставившихъ своею ближайшею цѣлью накопить какъ можно больше исписанной бумаги. Слова Тзетза: „δαπάναις βασιλικαῖς ἀπανταχόθεν τὰς βιβλους εἰς Ἀλεξάνδρειαν ἤθροισεν“ нельзя понимать такъ, какъ понимаетъ ихъ Биртъ, толкующій выраженіе „τὰς βιβλους“ въ смыслѣ: «alle Exemplare, deren man habhaft wurde». Членъ τὰς имѣетъ здѣсь обособляющее, действительное значеніе: имѣются въ виду не всѣ свитки, какіе только можно себѣ представить, а лишь потребные свитки,—не тѣ, какіе подъ руку попадутся, а тѣ, которые составляютъ предметъ желанія и поисковъ ¹⁴⁵). Въ такомъ же самомъ смыслѣ ниже (въ томъ же текстѣ) сказано: ἡ συναγωγὴ τῶν βιβλίων = собираніе [потребныхъ для опредѣленной цѣли] книгъ, составленіе книжной коллекціи. И дальше: „τότε δὲ συνηθροισμένων ἀπασῶν τῶν βιβλίων τῶν Ἑλληνίδων καὶ ἑθνους παντὸς καὶ σὺν

¹⁴⁴) Birt, стр. 391 сл.

¹⁴⁵) Спр. Krüger Griech. Sprachlehre⁵, I, 2 стр. 94, § 50, 2 прим. 4.

αὐταῖς τῶν Ἑβραίων, ἐκείνος“ хтѣ. Никому, конечно, не вспа- деть на умъ понимать эти слова такъ, что въ концѣ кон- цовъ во всей подлунной не осталось ни одного греческаго или еврейскаго манускрипта, который бы не попалъ въ руки книголюбиваго царя: рѣчь идетъ, очевидно, о полнотѣ александрійской библіотеки со стороны не количественнаго, а качественного ея содержанія.

Вообще нельзя думать, что библіотекари въ Алексан- дріи дѣйствовали безъ всякаго плана. Они были не первыми піонерами въ дѣлѣ составленія книжнаго собранія. Не поми- ная уже о древнѣйшихъ попыткахъ этого рода, укажемъ на Платона, Аристотеля, Теофраста. Живой примѣръ этихъ людей былъ передъ глазами у Деметрія фалерскаго и первыхъ Птолемеевъ, и они не могли имъ не пользоваться. А все, что мы знаемъ о названныхъ философахъ, отнюдь не по- зволяетъ предполагать, будто они собирали книги не мето- дически. Объ Аристотелѣ Страбонъ прямо выражается: πρῶτος ὧν ἴσμεν συναγαγὼν βιβλία καὶ διδάξας τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ βασιλέας βιβλιοθήκης σύνταξιν (XIII, 54). Конечно, πρῶτος можетъ означать въ этой фразѣ только то, что великій стагирить былъ первымъ человѣкомъ, положившимъ въ основаніе своей коллекціи книгъ твердый принципъ, и что библіотека его была первымъ научно организованнымъ со- браніемъ. Что касается Платона, то и онъ, разумѣется, собиралъ книги не зря, но съ выборомъ, о чемъ свидѣтель- ствуютъ Тимонъ, Дуридъ, Гераклидъ и др., и даже не оста- навливался передъ серьезными матеріальными затрудненіями, когда дѣло шло о пріобрѣтеніи какого нибудь рѣдкаго и малодоступнаго, но необходимаго для него сочиненія ¹⁴⁶).

Да и странно было бы думать иначе. Кто же не зна- етъ, какимъ хламомъ были зачастую завалены книжныя лавки? То время, когда книги пріобрѣтались только для пополненія пустыхъ мѣстъ въ шкапахъ и на полкахъ,— время, осмѣянное Лукіаномъ, Ювеналомъ и др., было еще

¹⁴⁶) Wilamowitz Antigon. v. Karystos, стр. 284 слл.

далеко. Въ александрійскомъ музеѣ, навѣрное, не оказалось бы недостатка въ людяхъ, которые во благо науки, покровительствуемой Птолемѣями, сумѣли бы удержать ихъ отъ вреднаго увлеченія, еслибы въ пылу ненасытной страсти къ увеличенію своихъ рукописныхъ сокровищъ они дѣйствительно подчасъ преступали мѣру и непроизводительно тратили средства на приобрѣтеніе лишнихъ экземпляровъ такихъ сочиненій, которыя въ библіотекѣ были уже представлены достаточнымъ количествомъ списковъ. Безспорно, на первыхъ порахъ, когда въ удовлетвореніе внезапно открывшагося на этотъ предметъ спроса книги потекли въ Александрію массами, въ царское книгохранилище въ Брухін попало не мало лишняго, негоднаго и поддѣльнаго. Могло быть иногда и такъ, что, хотя въ наличности здѣсь и имѣлось уже нѣсколько экземпляровъ одного какого-нибудь произведенія, но вдругъ представлялся случай приобрѣсти особенно цѣнный по своей древности или полнотѣ списокъ его, и этотъ списокъ прибрѣтался. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, руководящимъ принципомъ дѣятельности александрійскихъ библіотекарей накопленіе дублетовъ быть не могло. Время Птолемеевъ было какъ разъ тѣмъ временемъ, когда при подавляющей массѣ литературнаго наслѣдія, доставшагося грекамъ отъ предковъ, особенно живо стала ощущаться потребность разобратся въ этой массѣ, опознаться въ ней, отдѣлать пшеницу отъ плевелъ. Образовательныя учрежденія Лагидовъ должны были въ высокой мѣрѣ способствовать рѣшенію этой задачи, и, какъ одно изъ нихъ, — музей, — не было съ самаго начала пенсіономъ или богадѣльнею, во что превратилось впоследствии, такъ и другое, — библіотека, — представляло собою нѣчто большее, нежели только депо исписаннаго папируса: въ совокупности съ прочими научными коллекціями, собранными въ Александріи, оно заключало въ себѣ необозримый аппаратъ пособій и матеріаловъ, необходимыхъ для ученой и литературной дѣятельности членовъ музея, и было обязано своимъ происхожденіемъ не «капризу восточнаго деспота», а широкому пониманію потребностей вѣка и горячей любви

къ просвѣщенію, — качествамъ, которыми существенно характеризуются первые два представителя птолемеевой династіи.

Насколько ошибается Биртъ, предполагая, что для правильного пониманія принциповъ, лежавшихъ въ основаніи александрійскаго книгособиранія, слѣдуетъ совершенно отрѣшиться отъ воззрѣній нашего времени, — на это весьма краснорѣчиво указываетъ существованіе цѣлой литературы, посвященной практическимъ вопросамъ библіотечнаго дѣла и восходящей своими корнями именно ко временамъ непосредственныхъ учениковъ Аристотеля. Не говоря о значительно позднѣйшихъ продуктахъ этой литературы вроде трактатовъ Дамофила „περὶ ἀξιοκρητῶν βιβλίων“, Филона изъ Библа „περὶ κτήσεως καὶ ἐκλογῆς βιβλίων“, Телефа пергамскаго „βιβλιακὴ ἐμπειρία“ и т. п., я назову здѣсь напр. Артемона, написавшаго „περὶ συναγωγῆς βιβλίων“ и „περὶ βιβλίων χρήσεως“ (последнее сочиненіе по крайней мѣрѣ въ двухъ книгахъ, срв. Athen. XV р. 694 а.). Этотъ Артемонъ былъ родомъ изъ Кассандріи, принадлежалъ, повидимому, къ школѣ перипатетиковъ и первый сдѣлалъ попытку собрать письма Аристотеля, которыя и издалъ въ восьми книгахъ ¹⁴⁷). Коллекція эта постепенно пополнялась и ко временамъ Андроника достигла почтеннаго объема 20 книгъ, изъ чего мы вправѣ заключить, что Артемонъ жилъ и дѣйствовалъ раньше Андроника. Болѣе тѣсно его дата опредѣляется приписываемою ему у Аеенея ссылкой на Діонисія Скитобрахіона (Athen. XII р. 515 е.), коего онъ могъ быть, слѣдовательно, младшимъ современникомъ. Что вообще между нимъ и школою Аристотеля существовала нѣкоторая связь, — это легко усмотрѣть даже изъ тѣхъ скудныхъ фрагментовъ, которые дошли до насъ. Въ одномъ изъ нихъ, напр., онъ выступаетъ передъ нами съ дикѣарховымъ дѣленіемъ пѣсенъ на три класса. Какъ бы то ни было Артемонъ, очевидно, принадлежалъ къ числу первыхъ лите-

---

¹⁴⁷) См. Rose Aristot. pseudepigraph. стр. 588; Джемалуддинъ [157 Wenr.] вмѣсто Артемона называетъ нѣкоего Арета (цит. Zeller Philos. d. Griech. II, 2², стр. 44 прим.). Отрывки, которые можно приписать этому автору, см. у Мюллера (F. H. Gr.), стр. 342 слл.

ратурныхъ представителей того убѣжденія, что, какъ при собираніи книгъ, такъ и въ пользованіи ими необходимо слѣдовать опредѣленному плану. Такое убѣжденіе могло воспитаться въ школѣ Аристотеля, естественно, подъ вліяніемъ ея учителя, составлявшаго, какъ мы видѣли, свою библіотеку методически, и несомнѣнно, что оно раздѣлялось и Сотеромъ, и его руководителемъ Деметріемъ фалерскимъ. Въ музеѣ оно выразилось трудами многихъ ученыхъ, занимавшихся сравнительною оцѣнкою древнихъ писателей (*κρίσις τῶν ἀρχαίων*, *κρίσις τῶν ποιητῶν*). Преданіе о такъ назыв. «александрійскомъ канонѣ» составляло не болѣе, какъ его отголосокъ.

Итакъ, въ виду изложенныхъ соображеній, слѣдуетъ попытаться истолковать термины „βιβλοὶ σύμμιχτοι“ и „β. ἀμιγῆς“ иначе, пежели то дѣлаютъ Ричль и Биртъ. Мы сослались выше на справедливое замѣчаніе Бирта, что всякая *σύμμιξις* есть смѣшеніе разнородныхъ предметовъ. Представимъ же себѣ, что въ библіотекѣ Лагидовъ ко временамъ Каллимаха накопилось 400,000 самыхъ разнородныхъ манускриптовъ: здѣсь были и небольшіе трактаты и поэтическія произведенія, обнимавшіе пространство одного не слишкомъ длиннаго папируса («Kleinrollensystem»); здѣсь были и объемистыя пачки свитковъ, составлявшихъ отдѣльныя части большаго сочиненія; здѣсь имѣлись и сборники различныхъ по содержанию и по объему рукописей, прикрѣпленныхъ ради сбереженія мѣста, какъ это иногда практиковалось, по нѣскольку къ одному деревянному стержню и заключенныхъ въ одинъ футляръ; здѣсь, наконецъ, собрано было много и такихъ манускриптовъ, которые на протяженіи длинной полосы въ 700 и болѣе столбцовъ содержали цѣликомъ большія сочиненія вродѣ ѳукидидовой исторіи пелопоннесской войны или даже цѣлый рядъ отдѣльныхъ произведеній, въ своей совокупности не уступавшихъ по величинѣ ѳукидидовой исторіи. Прибавимъ къ этому, что и по качеству матеріала, и по степени древности и своей рѣдкости рукописи александрійской библіотеки были весьма разнородны: наряду съ автогра-

фами, прибрѣтенными на вѣсь золота, встрѣчались экземпляры, изготовленные царскими писцами въ самой Александріи ¹⁴⁸); среди массы свитковъ самыхъ обыкновенныхъ попадались и писа, отличавшіяся именно тѣми свойствами, которыя наиболѣе цѣнились, — шириною, тонкостью, бѣлизною и плотностью папируса, особеннымъ искусствомъ его полировки, нѣжнымъ благоуханіемъ кедра, изъ котораго былъ сдѣланъ деревянный стержень свитка, красотою почерка и т. п. Если сверхъ того будемъ помнить, что и со стороны языка не всѣ книги александрійской библіотеки были однородны, что Птолемѣи охотно прибрѣтали не одни только греческія, но и иноязычныя произведенія, то значеніе термина „βιβλοὶ σόμμιτοι“ станетъ намъ совершенно ясно и не будетъ возбуждать никакихъ недоумѣній.

Когда Каллимахъ приступилъ къ составленію своихъ «Таблицъ» или «Списковъ» (τίνξεις), т. е. рациональнаго каталога ввѣренной его попеченіямъ библіотеки, то онъ не имѣлъ въ виду описать весь ея инвентарь, — нѣтъ, онъ преслѣдовалъ болѣе историко-литературныя, нежели статистическія задачи, а потому и долженъ былъ выдѣлить изъ общей суммы 400,000 свитковъ только нѣкоторую долю подходящаго для его цѣлей матеріала. Рѣдкости, коихъ цѣнность зависѣла не столько отъ внутренняго содержанія, сколько отъ внѣшняго ихъ вида, онъ оставилъ въ сторонѣ, такъ какъ онѣ представляли интересъ лишь для библіофила,

¹⁴⁸) Въ древности существовало обыкновеніе обучать письму военно-плѣнныхъ, которыхъ затѣмъ государство употребляло въ качествѣ писцовъ въ различныхъ вѣдомствахъ: *δοῦλους εἶχον δημοσίους οἱ Ἀθηναῖοι ἀπὸ αἰχμαλώτων ποιήσαντες καὶ ἐδίδασκον τοὺτους γράμματα καὶ ἐξέπεμπον αὐτοὺς ἐν τοῖς πολέμοις μετὰ τῶν ταμιῶν καὶ τῶν στρατηγῶν, ἵνα ἀπογράφουεν τὰ ἀναλισκόμενα* (Schol. ad Demost. Olynth.-II, 19). Ничто не мѣшаетъ предположить, что переписка въ александрійской библіотекѣ производилась также обученными рабами, такъ наз. *βιβλιογράφοι*. Они изготовляли, вѣроятно, копій съ рѣдкихъ экземпляровъ собранія для выдачи постороннимъ посѣтителямъ, для второй библіотеки, находившейся въ кварталѣ Ракотидѣ, для обмѣна на новыя рукописи, для цѣлей преподаванія, происходившаго въ стѣнахъ музея, и т. п. Преданіе о прибрѣтеніи ликургева списка аттическихъ трагиковъ ироизводитъ на дѣятельность александрійскихъ переписчиковъ нѣкоторый свѣтъ.

но могли не имѣть никакого историко-литературнаго значенія или же являли собою нѣчто вродѣ нынѣшнихъ Prachtausgaben наряду съ обыкновенными списками тѣхъ же самыхъ сочиненій. Такимъ образомъ рукописи, которыя онъ подвергъ своему разсмотрѣнiю, были, во первыхъ, простыя (ἀπλᾶ, simplicia): ихъ внутреннiя достоинства приковывали вниманiе ученаго въ большей мѣрѣ, нежели ихъ наружный видъ ¹⁴⁹⁾. Съ другой стороны были устранены манускрипты иноязычныя (не-греческiе), въ оцѣнкѣ которыхъ Каллимахъ могъ быть некомпетентенъ ¹⁵⁰⁾, и, само собою разумѣется, всѣ дублеты, частью намѣренно собранныя въ библиотекѣ, частью случайно туда попавшiе. Стало быть, описанiю подлежали, во вторыхъ, только исключительно греческiя рукописи безъ примѣси (ἀμιγῆς, digesta) постороннихъ, не-греческихъ, и притомъ въ разбивку, по сочиненiямъ, независимо отъ того, были ли эти сочиненiя по нѣскольку соединены въ сборники (volumina miscellanea, Mischrollen), или нѣтъ ¹⁵¹⁾. При такомъ переборѣ матерiала внѣ размо-

¹⁴⁹⁾ „ἀπλοῦς“ противопоставляется не только „διπλοῦς“, „τριπλοῦς“ и проч., но оно есть также противоположность всего искусственнаго (срв. напр. ἀπλοὶ τρόποι), изысканнаго (напр. ἀπλοσχῆμων), прикрашеннаго, поддѣльнаго (срв. прозванiе Антисѣена ἀπλοκύν, Diog. L. VI, 13). Такiя изданiя, какъ знаменитая „Ilias in usce“, никомѣ образомъ не могутъ быть названы ἀπλᾶ. Я не хочу сказать, что это чудо каллиграфiи нужно приурочить къ александрийскимъ временамъ, но искусство аѳинскихъ и александрийскихъ перенписчиковъ, безспорно, было очень велико и способно производить всевозможныя кунштюки, рассчитанныя на прихотливый вкусъ завзятыхъ библиофиловъ. Возможно притомъ, что и подлинность произведенiй также входила, какъ одинъ изъ признаковъ, въ составъ понятiя „βιβλοι ἀπλᾶ“.

¹⁵⁰⁾ О присутствiи иноязычныхъ сочиненiй въ собранiи Птолемеевъ,—какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ,—есть помимо Тзетза и плавтинскаго схоли нѣсколько свидѣтельствъ. Срв. напр. Syncell. p. 271 Dale: ὅς [Πτ. Φιλᾶδελφός] πάντων Ἑλλήνων τε καὶ Χαλδαίων Αἰγυπτίων τε καὶ Ῥωμαίων τὰς βιβλους συλλεξάμενος καὶ μεταφράσας τὰς ἀλλογλώσσους εἰς τὴν Ἑλλάδα γλώσσαν μυριάδας βιβλίων ἰπέθετο. Важенъ, разумѣется, не буквальный смыслъ этого текста, а общее указанiе, въ немъ заключающееся. [Срв. прим. 114].

¹⁵¹⁾ Если напр. смѣшанный свитокъ заключалъ въ себѣ нѣсколько произведенiй, изъ коихъ каждое могло бы составить и отдѣльную книгу (βιβλος), то, я полагаю, въ счетъ шло столько книгъ, сколько можно было выдѣлить изъ этого свитка.

трѣнія по разнымъ причинамъ осталось 310,000 нумеровъ, а подлежащихъ занесенію въ списки оказалось 90,000.

Предлагаемое толкованіе, какъ намъ кажется, не представляетъ тѣхъ неудобствъ, съ которыми сопряжены толкованія Ричля и Бирта, и за неимѣніемъ лучшаго мы рѣшаемся на немъ остановиться. Во всякомъ случаѣ оно показываетъ, что рядъ возможностей Ричлемъ не исчерпанъ совершенно и что кромѣ допущенныхъ имъ комбинацій есть по крайней мѣрѣ еще одна ¹⁵²).

Общее число свитковъ, имѣвшихъ въ александрійской библіотекѣ, не разъ пытались выразить съ помощью болѣе понятной намъ формулы,—въ страницахъ и томахъ современныхъ изданій. Такъ, по І. Шмидту, при Цезарѣ библіотека Лагидовъ заключала въ себѣ приблизительно около 30—40,000 нашихъ томовъ in folio, страницъ въ 900 каждый; по Маттеру, ея содержимость можно приравнять къ матеріальному объему нынѣшней библіотеки въ 150,000 томовъ различнаго формата. Было бы гораздо интереснѣе, хотя бы аннотативно, опредѣлить количество названій или отдѣльныхъ произведеній, вошедшихъ въ ея составъ. Къ сожалѣнію, это неисполнимо. Приходится удовольствоваться лишь общимъ замѣчаніемъ, что литературная производительность древнихъ народовъ по своимъ размѣрамъ во всякомъ случаѣ не уступала нынѣшней и что преданія сохранили намъ изъ древне-греческой исторіи, особенно изъ временъ послѣ-классической полиграфіи, не мало поразительныхъ примѣровъ писательской плодовитости. Всѣмъ извѣстны цифры, коими выражалась продуктивность греческихъ драматурговъ: одному Софоклу приписывалось 123 пьесы, не считая нѣсколькихъ элегій и пѣановъ; 57 поэтовъ средней комедіи въ своей совокупности произвели 617 пьесъ; новые комики были плодовитѣе, и изъ нихъ Менандру принадлежало 108, Дифилу—100, Филемону—97 произведеній. Въ области

¹⁵²) О новомъ толкованіи Dziatzko (Rhein. Mus. 46, стр. 349 слл.) см. въ прибавленіяхъ.

прозы историки, ораторы и философы особенно отличались производительностью: Филохоръ напр. оставилъ послѣ себя не меньше 20 отдѣльныхъ сочиненій, распадавшихся не менѣе, чѣмъ на 60 книгъ; за Демосѣеномъ древніе признавали 65 рѣчей, не считая другихъ его мелкихъ работъ, за Исократомъ—около 60, за Лисіемъ—233, а со включеніемъ подложныхъ—даже 425; съ имепемъ Платона дошло до насъ 42 діалога, 13 посланій и нѣсколько такъ наз. *бροι*,—почти все, что приписывала ему уже и древность, а Аристотелю, если вѣрить показанію Діогена лаэртскаго, принадлежало 146 самостоятельныхъ трактатовъ, т. е. въ общей сложности до 400 книгъ. Приведенныя цифры и имена выхвачены мною на удачу, они представляютъ подборъ совершенно случайный и отличаются отрывочностью, но, ссылаясь на нихъ, я имѣлъ въ виду только напомнить, что измѣрять литературное наслѣдіе, доставшееся александрійской эпохѣ отъ предшествовавшихъ временъ, слѣдуетъ не иначе, какъ десятками тысячъ отдѣльныхъ произведеній, и что въ библіотекѣ Птолемеевъ при общемъ ея составѣ въ 400,000 свитковъ число дублетовъ могло и не выражаться такими несообразно большими цифрами, какъ это часто допускается ¹⁵³⁾.

* * *

Александрійскій музей просуществовалъ втеченіе слишкомъ полутысячелѣтія и даже въ пору упадка и запусканія не вполне утратилъ еще все обаяніе прежней славы. Въ годину борьбы отжившихъ, разлагающихся началъ античной жизни съ новыми, христіанскими вѣяніями здѣсь продолжала кипѣть неустанная работа мысли, и, когда христіанство было возведено на степень государственной религіи, сила традиціи оказалась настолько несокрушимой, что и ученость христіанская утвердилась здѣсь же, въ

¹⁵³⁾ По свидѣтельству Свиды, въ частной библіотекѣ грамматика Энафродита, не заключавшей въ себѣ, безъ сомнѣнія, дублетовъ, имѣлось 30 т. рукописей, притомъ самыхъ рѣдкихъ и избранныхъ. [Энафродитъ жилъ и дѣйствовалъ во времена Нерона].

Александріи, сохранившей за собою всеми признанную репутацію всемірнаго культурнаго центра.

Первый ударъ цвѣтущему состоянію музея былъ нанесенъ Птолемеемъ VII (около 145 г. до Р. Х.), дикимъ и жестокимъ тираномъ. Рядомъ безмысленныхъ и несправедливыхъ казней онъ произвелъ такую панику въ стѣнахъ ученаго учрежденія, что началось повальное бѣгство его членовъ изъ Александріи. Грамматики, философы, математики, музыканты, живописцы, медики наводнили острова Средиземья и греческій континентъ и подъ гнетомъ нужды стали продавать свои знанія по самой дешевой цѣнѣ. Правда, со смертью гонителя музей снова заселился; но прошло столѣтіе, и надъ нимъ стряслась опять бѣда. Въ Александрію явились римскія войска. Произошелъ мятежь черни; корабли римлянъ, стоявшіе въ гавани, были сожжены; огонь перешелъ на корабельныя верфи и хлѣбныя магазины и охватилъ зданіе бібліотеки. Большая часть ея сокровищъ погибла въ пламени. Когда впослѣдствіи Антоній возмѣстилъ убыль на счетъ нергамской коллекціи, то онъ все же не могъ пополнить всѣхъ потерь, и многія рѣдкости исчезли безвозвратно.

Впослѣдствіи, подобно Антонію, Августъ также обнаружилъ интересъ къ великому созданію Птолемеевъ и сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы книги хранились отнынѣ въ помѣщеніяхъ выстроеннаго въ его честь рядомъ съ музеемъ святилища,—Себастея. Но преемники Августа не раздѣляли его заботъ объ александрійскомъ книгохранилищѣ, какъ равно и о прочихъ воспитательныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ египетской столицы. Лишь при Адріанѣ музей пользовался короткимъ временемъ высочайшаго покровительства и процвѣтанія. Авреліанъ разорилъ до основанія весь Брухій (въ 273 г. послѣ Р. Х.), и ученая collegія этого квартала съ печальными остатками бібліотеки перекочевала къ Серапею, который унаслѣдовалъ отъ музея его славу и его членовъ и оставался любимую резиденціею дѣятелей науки вплоть до византійскихъ временъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Каллимахъ и его „Таблицы“ (ΠΙΝΑΚΕΣ).

Кто, подобно намъ, занять вопросомъ объ историко-литературныхъ трудахъ Каллимаха, для того разобраться въ пестрой путаницѣ хронологическихъ показаній, даваемыхъ на этотъ счетъ нашими источниками, существенно важно и необходимо,—хотя бы въ его планы и не входило представить подробное жизнеописаніе названнаго свѣтила александрійской учености. Поэтому настоящую главу своего сочиненія мы прямо начинаемъ съ опредѣленія времени, когда жилъ и дѣйствовалъ Каллимахъ.

Но по самому свойству свидѣтельствъ, долженствующихъ служить для насъ при этомъ исходною точкою, такое опредѣленіе стоитъ въ прямой и безусловной связи съ установленіемъ хронологическихъ терминовъ и для другихъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей, коихъ знакомцемъ, другомъ, современникомъ, учителемъ или преемникомъ Каллимахъ слылъ и именовался. Таковы Зенодотъ, Аратъ, Теокрытъ, Эратосѣенъ, Аристофанъ византійскій и др.

Общими чертами время жизни Каллимаха опредѣляетъ Свидя въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего словаря. Изъ этого источника мы узнаемъ, что знаменитый александрійскій грамматикъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ при Птоломѣѣ Филадельфѣ (ἐπὶ δὲ τῶν χρόνων ᾗν Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου), однако захватилъ и царствованіе его преемника, Птолемея Эвергета (καὶ παρῑτείνε μέχρι τοῦ Εὐεργέτου κληθέντος Πτολε-

μαίου), который вступилъ на престолъ въ 247/6 г. ¹⁵⁴). Съ этимъ совершенно согласно и показаніе Авла Геллія, относящаго время процвѣтанія и наивысшей славы нашего ученаго къ той порѣ, когда возгорѣлась первая пуническая война, т. е. ко второй четверти III-го до-христіанскаго столѣтія ¹⁵⁵). Къ сожалѣнію, нигдѣ не встрѣчаемъ мы только болѣе близкихъ и точныхъ датъ, какъ относительно времени рожденія и смерти Каллимаха, такъ и относительно его ученой и литературной дѣятельности. Такія даты возможно установить лишь посредственнымъ путемъ, пользуясь отчасти глухими намеками на лица и событія современности, попадающимися тамъ и сямъ въ сочиненіяхъ самаго Каллимаха, отчасти же бѣглыми замѣчаніями, разсѣянными въ бѣдныхъ историческимъ матеріаломъ біографіяхъ его сподвижниковъ и учениковъ.

Но этотъ «посредственный путь», само собою разумѣется, не безъ неудобствъ и не безъ опасностей: намеки легко истолковать превратно; читая между строкъ, легко прочитывать больше того, сколько въ дѣйствительности авторомъ сказано; а комбинируя случайныя, вскользь брошенныя замѣчанія біографовъ и схолиастовъ съ цѣлью восполненія пробѣловъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ, почти неизбѣжно попасть въ лабиринтъ непримиримыхъ противорѣчій.

Возьмемъ для примѣра слѣдующее обстоятельство. Въ каллимаховомъ гимнѣ къ Аполлону разсказывается между прочимъ о чудесномъ участіи этого бога въ дѣлѣ основанія Кирены. «Фэбъ», повѣствуетъ поэтъ, «плодородную родину мою указалъ Батту и, обернувшись ворономъ, какъ надеж-

¹⁵⁴) Въ текстѣ Свида явная ошибка: ρκζ вм. ρλγ. Въмѣстѣ съ А. Герке (Alexandrinische Studien, Rhein. Mus. 42, стр. 613, прим. 2) я отвергаю всю вторую часть фразы (Ὀλυμπιάδος δὲ ρκζ, ἧς κατὰ τὸ δευτερον ἔτος ὁ Εὐεργέτης Πτολεμαῖος ἤρξατο τῆς βασιλείας).

¹⁵⁵) Aul. Gell. XVII, 21: „Anno deinde post Romam conditam quadringentesimo ferme nonagesimo, consulibus Appio Claudio cui cognomentum Caudex fuit, Appii illius Caeci fratre, et M. Fulvio Flacco, bellum adversus Poenos primum coeptum est. Neque diu post Callimachus poeta Cyrenensis Alexandriae apud Ptolemaeum regem celebratus est“.

ный вождь, повелъ за собою народъ при его вступленіи въ Либію. Онъ же клятвенно обѣщалъ дать стѣны нашимъ царямъ. Авѣдъ Аполлонъ всегда сдерживаетъ свои клятвы» ¹⁵⁶). Вслѣдъ за схолиастомъ, поясняющимъ слова „ἡμετέροις βασιλεῦσιν“ въ приведенномъ мѣстѣ словами „τῷ Πτολεμαίῳ“, комментаторы подразумѣвали подъ «царями», о которыхъ говоритъ Каллимахъ, двухъ Птолемеевъ, — Филадельфа и Эвергета ¹⁵⁷). Толкуя наше мѣсто въ этомъ смыслѣ, они приурочивали самое написаніе гимна къ тому времени, «когда Кирена, еще при жизни Птолемея Филадельфа, была обезпечена за Птолемеемъ Эвергетомъ, благодаря предстоявшему тогда браку его съ Береникою, дочерью Маги» ¹⁵⁸), или даже ко времени совмѣстнаго царствованія обоихъ названныхъ Птолемеевъ, послѣ присоединенія Кирены ¹⁵⁹). На самомъ дѣлѣ текстъ гимна не даетъ никакого права помѣчать это стихотвореніе столь поздней датою и нисколько не вынуждаетъ насъ признавать небывалый фактъ совмѣстнаго правленія Филадельфа и Эвергета: ненужно особенной прозорливости, чтобы слова „ἡμετέροις βασιλεῦσιν“ отнести просто къ полумионическимъ царямъ начального періода исторіи Кирены и такимъ образомъ сразу отнять у нихъ значеніе хронологическаго показателя. Можно только удивляться, что это сдѣлано лишь въ самое недавнее время, — сперва А. Герке (въ его «Александрійскихъ этюдахъ»), а потомъ Э. Маассомъ (въ журн. *Hermes*, XXV [1890], стр. 410 сл.), сумѣвшими не поддаться искушенію видѣть намеки тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ ¹⁶⁰).

¹⁵⁶) Callim. h. II v. 65—68.

¹⁵⁷) Впрочемъ, Шпангеймъ понималъ слова „ἡμετέροις βασιλεῦσιν“ шире, относя ихъ къ Птолемеемъ вообще, изъ коихъ уже Сотеръ могъ считаться повелителемъ Кирены. Срв. его примѣчаніе въ изданіи Эрнести (II, p. 121).

¹⁵⁸) Couat *Poésie alex.* p. 43. [Смерть Маги Куа по прежнему датируетъ 258 годомъ, слѣдуя разсчету Thrige; но срв. Gercke *Rhein. Mus.* 42 стр. 262 сл.].

¹⁵⁹) O. Richter *Kallimachus Hymnen auf Zeus und Apollo, zwei Momente im Leben des Ptolemaeus Philadelphus.* Guben. 1871. Стр. 11.

¹⁶⁰) Въ каллимаховыхъ схоліяхъ при словѣ „βασιλεῖ“ (h. II, v. 26) читаемъ: τῷ Πτολεμαίῳ τῷ Εὐεργέτῃ. διὰ δὲ τὸ φιλόλογον αὐτὸν εἶναι, ὡς ἔστιν τιμᾶ. Это замѣчаніе кроетъ въ себѣ основной источникъ ошибки. Герке

Что касается хронологических противорѣчій, къ которымъ приводитъ сличеніе различныхъ мѣстъ у біографовъ и схолиастовъ, то нѣкоторые изъ нихъ весьма существенны, и всѣ изслѣдователи занимающаго насъ вопроса, начиная съ Партея, Ричля, Бернгарди, Клинтона, Зеемана, Вейхерта, Меркеля, Кейля и др. и кончая Бушемъ, Линке, Куа, Герке, Ранновымъ и Зуземилемъ, считали своею обязанностью по-сильно содѣйствовать устраненію этой трудности. Мы въ свою очередь остановимъ вниманіе читателя на данныхъ, сюда относящихся, и постараемся съ полною объективностью выяснитъ, какъ великъ въ дѣйствительности запасъ положительныхъ свидѣтельствъ о Каллимахѣ, заключающихся въ нашихъ источникахъ ¹⁶¹).

Изъ всѣхъ писателей александрійскаго періода мы наилучшимъ образомъ освѣдомлены объ Аратѣ, и, какъ показанія пяти дошедшихъ до насъ жизнеописаній его въ общемъ согласны между собою, то, стало быть, даты, устанавливаемые этими жизнеописаніями, мы вправѣ считать заслуживающими довѣрія. Примемъ же эти даты за точку отсрѣвленія.

Аратъ, сообщаетъ намъ его біографы, жилъ при Антигонѣ Гонатѣ и Птолемѣѣ Филадельфѣ ¹⁶²), и время его про-

(Alex. Studien, Rhein. Mus. 44, стр. 254) справедливо говоритъ: „was den Scholiasten bewogen hat, diesen König für den dritten Ptolemäer zu erklären, ist nicht zu sagen; jedenfalls enthält diese Notiz für uns keinen genügenden Anhalt den Hymnus zu datiren, dessen etwaige politische Veranlassung wir ebenfalls nicht kennen“. Susemihl (Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit. Leipz. 1891) относитъ аполлоновъ гимнъ либо къ 263 г. до Р. Х., либо къ 248/7 (см. I, стр. 361).

¹⁶¹) Казалось бы, странно увѣрять въ своей объективности, когда дѣло идетъ о вопросахъ, подобныхъ настоящему; но въ какой мѣрѣ возможно даже и въ рѣшеніи этого вопроса стать въ зависимость отъ предвзятой мысли, о томъ можетъ свидѣтельствовать примѣръ Буса (Busch De bibliothecariis Alexandrinis qui feruntur primis. Schwerin. 1884).

¹⁶²) Westermann p. 53, 40: γέγονε δ' ὁ Ἄρατος καὶ Ἀντίγονον τὸν τῆς Μακεδονίας βασιλέα, ὃς ἐπεκλείτο Γονατᾶς. 54, 71: Ἀντίγονος γὰρ, ᾧ συνεγένετο Ἄρατος, κατὰ τὸν πρῶτον καὶ δεύτερον γέγονε Πτολεμαῖον. 56, 5: ἐν τοῖς χρόνοις ἐγένετο κατὰ Φιλάδελφον τὸν βασιλέα. 60, 10: σχολάσας δ' ὁ Ἄρατος Περσείῳ τῷ φιλοσόφῳ Ἀθήνῃσι καὶ συνελθὼν αὐτῷ εἰς Μακεδονίαν μεταπεμφθέντι ὅπ' Ἀντιγόνου καὶ παρελθὼν εἰς τὸν Ἀντιγόνου καὶ Φίλας γάμον καὶ εὐδοκμήσας τὸ λοιπὸν τοῦ χρόνου διέτριψεν ἐκεῖσε. 61, 5: γεγονώς ἐν τῇ ῥῆδι ὀλυμπιάδι, ὅτε ἦν Ἀντίγονος βασιλεὺς Μακεδονίας, — ὁ Γονατᾶς κληθεῖς. καὶ συνῆκε τε αὐτῷ καὶ παρ' αὐτῷ ἐτελεύτησε.

цвѣтанія совпадало съ разцвѣтомъ славы Александра этольскаго, Баллимаха, Антагора родосскаго, математика Никандра и Персея философа, котораго Аратъ слушалъ въ Аѳинахъ и съ которымъ вмѣстѣ онъ явился ко двору Гоната, чтобы присутствовать при бракосочетаніи послѣдняго. Кромѣ того Филеть косскій и Менандръ также еще находились въ живыхъ по крайней мѣрѣ въ началѣ его ученой и литературной дѣятельности ¹⁶³). Нѣкоторое время онъ проживалъ при дворѣ Антиоха сирійскаго, сына Селевка ¹⁶⁴), но умеръ въ Македоніи, притомъ раньше своего покровителя Антигона ¹⁶⁵). Баллимахъ считалъ Арата старше себя, хотя, повидимому, между ними разница въ лѣтахъ была незначительна ¹⁶⁶); Никандръ же колофонскій, авторъ дидактической поэмы „Θηρίαχά“, котораго нѣкоторые признавали современникомъ нашего поэта, былъ моложе его на цѣлыхъ 12 олимпіадъ ¹⁶⁷). Аратъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ философомъ Діонисіемъ гераклеотомъ ¹⁶⁸) и, можетъ быть, пользовался его наставленіями; впрочемъ, несомнѣнно, онъ ознакомился съ ученіемъ стоиковъ и непосредственно, на лекціяхъ самого Зенона, находившагося въ пору пребывания Арата въ Аѳинахъ, правда, въ преклонномъ возрастѣ, но еще продолжавшаго свои философскія студіи.

Вотъ рядъ отношеній, установленіе которыхъ позволяетъ опредѣлить крайніе термины жизни Арата. Время полного разцвѣта его силъ и таланта, — его ἀκμή, — приурочено всѣми біографами согласно къ 124 — 125 ол. Въ переводѣ на общепонятный языкъ это значитъ, что въ періодъ времени отъ 284 по 277 г. до Р. Х. онъ былъ въ возрастѣ между

¹⁶³) Сомнѣніе относительно Менандра высказано у Ричля Опп. I p. 70 et adn.

¹⁶⁴) Westermann p. 54, 60; 58, 25.

¹⁶⁵) Ibid. p. 61, 7.

¹⁶⁶) Ibid. p. 54, 74: μένεται γοῦν αὐτοῦ καὶ Καλλιμάχος ὡς πρεσβυτέρου οὐ μόνον ἐν τοῖς ἐπιγράμμασι, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς πρὸς Πραξιφάνην. Срв. p. 60, 25.

¹⁶⁷) Ibid. p. 60, 21: ὁ γὰρ Νικάνδρος ἐξ Ὀλυμπιάσι νεώτερος φαίνεται. „[Das] kann wohl nichts Anderes bedeuten, als dass Nicander erst 12 Olympiaden nach des Aratus Tode geboren sei“ (Ritschl op. l. p. 70 adn.).

¹⁶⁸) Westerm. p. 54, 57; 56, 7. Diog. Laërt. VII, 167.

30 и 40 годами ¹⁶⁹⁾. Безъ сомнѣнія онъ уже не безъизвѣстенъ былъ, какъ математикъ, философъ и поэтъ, въ тѣ памятные дни, когда Зенонъ отправилъ его вмѣстѣ съ другимъ своимъ талантливымъ ученикомъ Персеемъ въ Македонію. Это было вскорѣ послѣ того, какъ Антигонъ Гонать успѣлъ овладѣть македонскимъ престоломъ. Бракъ новаго правителя съ его племянницею Филою знаменовалъ собою вступленіе въ новую эру,—онъ долженъ былъ возвѣститъ матеріальное и духовное возрожденіе страны подъ эгидою мира, наступившаго послѣ многихъ лѣтъ несмолкаемой брани. Антигонъ старался придать этому событію именно такой смыслъ и созывалъ къ своему двору для участія въ празднествахъ лучшихъ представителей ума, знанія и искусства. Торжество украшали своимъ присутствіемъ такія знаменитости, какъ Антагоръ родосскій, Тимонъ фліунтскій и т. п. Аратъ не могъ бы примкнуть къ этой славной группѣ, еслибы онъ былъ въ то время лишь начинающимъ писателемъ. Такимъ образомъ мы не боимся предположить, что въ 272 г., когда совершилось бракосочетаніе Антигона съ Филою, ему было не менѣе сорока лѣтъ, и, стало быть, время его рожденія опредѣляется приблизительно 117-ою олімпіадою. Къ этому приводитъ и другое соображеніе. Свой важнѣйшій трудъ,--- свою астрономическую поэму,—Аратъ началъ и

¹⁶⁹⁾ Выраженія: ἀκμή, ἡκμασε, συνήκμασε—крайне неопредѣленны. Пора человѣческой жизни, имъ обозначаемая, противопоставляется молодости и старости, какъ нѣчто среднее: ἐκ τῶν νεωτάτων ἢ ἐκ τῶν γεραιότατων ἢ ἐξ ἡκμαζόντων (Plat. de rep. V, 459 B); но ἀκμή ближе къ молодости нежели къ старости: ἐν αὐταῖς ταῖς ἡμέραις у Исократа (7, 57) противопоставляется—παῖδες οὐντες. Если принять за норму аттическое дѣленіе гражданъ по возрастамъ, то ἀκμή есть приблизительно та пора, когда человѣкъ считается настолько созрѣвшимъ, что государство можетъ призвать его къ управленію болѣе отвѣтственныхъ и сложныхъ обязанностей, требующихъ вмѣстѣ и энергіи молодости, и нѣкоторой опытности и знанія жизни. Таковымъ въ Аѳинахъ напр. признавалось участіе въ совѣтѣ пятисотъ, въ народномъ судѣ и т. п. Срв. Xenoph. Mem. I, 2, 35: ἴνα τοῖνυν, ἔρη [ὁ Σωκράτης], μὴ ἀμφίβολον ἦ, ὁρίσαστέ μοι, μέχρι πόσων ἐτῶν δεῖ νομίζειν νέους εἶναι τοὺς ἀνθρώπους. καὶ ὁ Χαρίκλῆς· ὅσοι περ, εἴπε, χρόνον βουλευεῖν οὐκ ἔξεστιν, ὡς οὔπω φρονίμοις οὔσι. μηδὲ σὺ διαλέγῃς νεωτέρους τριάκοντα ἐτῶν. Въ Спартѣ съ тридцатилѣтняго возраста разрѣшалось гражданамъ посѣщать „апеллу“ (Plut. Lyc. 25). Тотъ же возрастъ требовался для участія въ собраніяхъ ахейскаго союза (Polyb. 29, 9).

окончилъ въ Македоніи, по побужденію Антигона. А что поэма эта была написана, когда авторъ ея находился въ преклонномъ возрастѣ, на то ясно указываютъ слова одного изъ его біографовъ, сообщающаго, что Каллимахъ, бывший моложе Арата и привѣтствовавшій появленіе поэмы эпиграммою, въ ту пору также уже былъ въ лѣтахъ ¹⁷⁰⁾. Впрочемъ, иначе и не могло быть: чтобы считаться современниками, хотя бы и младшими, Филета и Менандра (если только чтеніе *Μενάνδρῳ* у Вестерм. стр. 60,7 правильно), поэты наши должны были пережить значительную часть царствованія Птолемѣя Сотера, ко временамъ котораго относится *ἀρχή* названныхъ литературныхъ дѣятелей ¹⁷¹⁾.

Что касается года смерти Арата, то для опредѣленія его мы имѣемъ *terminum ante quem*, именно—135-ю олимпіаду, къ первому году которой, по вполнѣ достовѣрному счисленію Полибія, приурочивается смерть Гоната. Поэтому, начиная съ Ричли, изслѣдователи согласно помѣщаютъ искомую дату между 133 и 134 ол., и мы можемъ смѣло послѣдовать ихъ примѣру.

Читатель видитъ, что найденные нами хронологическіе предѣлы для жизни Арата неточны и гадательны; но, какъ они не встрѣчаютъ никакихъ противорѣчій въ данныхъ его біо-

¹⁷⁰⁾ Westerm. p. 60, 25. Ричль на основаніи этого мѣста ошибочно считалъ Каллимаха старше Арата (op. I p. 72), но отказался отъ такого мнѣнія (ibid. p. 148) послѣ разъясненій Бернгарди (Berl. Jahrb. f. wissenschaft. Kritik, 1838, стр. 838 сл.). Съ другой стороны Клинтонъ старался,—на нашъ взглядъ, безъ особенной необходимости,—вовсе устранить изъ приведеннаго мѣста указаніе на возрастъ Каллимаха: „The account therefore in vit. Arat. *γῆραιφ δὲ τῷ Κερηναίῳ ἐπεβόλλετο* is erroneous; and we may read *γῆραιος* [sc. Ἄρατος] *τῷ Κερηναίῳ ἐπεβόλλετο* κτλ. Aratus came between Philetas and Callimachus; in his youth he conversed with Philetas, in his old age with Callimachus“ (F. H. III p. 7).

¹⁷¹⁾ Можно присоединить еще одинъ синхронизмъ: въ седьмой идилліи Θεокрита описывается пребываніе поэта вмѣстѣ съ Аратомъ на островѣ Косѣ, гдѣ оба они подъ вымышленными именами фигурируютъ въ числѣ другихъ лицъ въ веселой пасторали. По смыслу стихотворенія, между Θεокритомъ и Аратомъ не было большой разницы въ лѣтахъ,—оба проживали на Косѣ во дни ранней молодости. См. Susemihl op. l. c. IV adn. 10. c. X adn. 8.

графіи и достаточно объясняют сопоставленіе его въ нашихъ источникахъ съ иными литературными и историческими дѣятелями въ качествѣ ихъ σύγχρονος, γυνώριμος, μαθητής и т. п., то мы и принуждены ими довольствоваться. Мало того, мы даже считаемъ себя по отношенію къ Арату въ особенно счастливомъ положеніи, такъ какъ даты, нами для него принятыя, несмотря на свою аппроксимативность, несомнѣнно, обладаютъ всѣми признаками внутренней достовѣрности ¹⁷²⁾).

Отъ Арата перейдемъ къ Каллимаху. Намъ извѣстно, что онъ былъ моложе автора «Феноменовъ», но многое заставляетъ думать, что разница въ лѣтахъ между ними была вообще невелика. Сюда между прочимъ относится слѣдующее мѣсто изъ латинской версіи аратова жизнеописанія: «factus est autem [Aratus] multum litteratus vir; testatur calimachus assistens ei ab infantia propter praxipanem» [sic] ¹⁷³⁾. Слова эти, какъ бы мы ихъ ни толковали, очевидно, кроютъ въ себѣ тотъ смыслъ, что въ молодости своей Каллимахъ и Аратъ вмѣстѣ занимались у перипатетика Праксифана, стяжавшаго себѣ въ то время славу одного изъ первыхъ грамматиковъ, и что Аратъ уже тогда поражалъ своего младшаго товарища начитанностью и обширными свѣдѣніями ¹⁷⁴⁾. Любопытный киренецъ могъ даже при случаѣ прибѣгать

¹⁷²⁾ Насколько трудна задача хронологическихъ опредѣленій въ области, подлежащей нашему разсмотрѣнію, лучше всего явствуетъ изъ словъ Бернгарди ук. м. Свою жалобу на неполноту и недостаточность нашихъ средствъ, а главное—на непримиримость имѣющихся на лицо данныхъ онъ заключаетъ такъ: „also scheint es eines Prokrustes zu bedürfen, welcher das Zuviel und Zuwenig ins Gleichgewicht zu drängen trachtete“.

¹⁷³⁾ Цитую по Вестерманну, такъ какъ, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою изданій Iriarte и Breysig'a.

¹⁷⁴⁾ Если не ошибаюсь, впервые обратилъ вниманіе на свидѣтельство латинскаго перевода аратовой біографіи,—перевода, во многомъ дополняющаго подлинникъ,—Э. Роде (Rhode, Der griech. Roman, стр. 100, прим.). При этомъ, пытаясь возстановить греческій оригиналъ нашего мѣста, онъ передаетъ „assistens“ черезъ συνών или τοσάς; я бы предпочелъ—συσχολάζων или συσχολάσας. Поправка Унгера ἐπιστάς (Susemihl—ἐπιστάτης) имѣетъ то неудобство, что предполагаетъ уже весьма значительное отступленіе переводчика отъ находившагося у него въ рукахъ текста (срв. Susemihl с. X, 10).

къ помощи и указаніямъ Арата, подобно тому какъ и послѣдній, слушая Зенона, не пренебрегалъ наставленіями своихъ талантливыхъ соучениковъ Діонисія и Персая ¹⁷⁵⁾. Во всякомъ случаѣ слова «ab infantia», представляющія, по видимому, неудачный переводъ греческаго ἐκ νέου или ἐκ νέων, указываютъ на то, что въ пору своего пребыванія въ Аѳѣ-

¹⁷⁵⁾ Примѣръ этотъ можетъ также способствовать разъясненію и другого пункта. У Свида имѣются два показанія: 1) Φιλῆτας — ἐγένετο δὲ καὶ διδάσκαλος τοῦ δευτέρου Πτολεμαίου; 2) Ζηνόδοτος — μαθητὴς τοῦ Φιλῆτα, ἐπὶ Πτολεμαίου γεροντῶς τοῦ πρώτου — τοὺς παῖδας Πτολεμαίου ἐπαίδευσεν. Уже Партей усматривалъ въ этихъ показаніяхъ противорѣчіе и съ цѣлью его устранения предполагалъ, что во второй цитатѣ разумѣется не извѣстный поэтъ и грамматикъ Филетъ косскій, а какой нибудь другой Филетъ (напр. эфесскій. Срв. Parthey op. l. p. 71). Въ недавнее время сомнѣнія Партея возобновили Couat: „Il n'est guère possible en effet, — et je m'étonne qu'on ait pu négliger cette contradiction, — que Zénodote, après avoir été le disciple de Philetas, soit devenu comme lui le précepteur des fils de Ptolémée Soter. Ajoutons que les fils de Soter, nés de plusieurs lits, étaient séparés par un assez grand nombre d'années, et que le fils de Bérénice seul, Philadelphus, disciple de Philéas, reçut une éducation complète“ (p. 33). Повидимому, соображенія эти не остались безъ вліянія и на Зуземиля (ук. соч. гл. XII, прим. 11). Что касается меня, то, признаюсь, я не усматриваю здѣсь никакого противорѣчія. Отчего Зенодотъ, старшій ученикъ Филета, не могъ впоследствии стать въ свою очередь наставникомъ его младшаго ученика, Филадельфа? Вѣдь имѣемъ же мы въ жизнеописаніяхъ Арата категорическія указанія: ἐσχόλασε Διονυσίῳ τῷ Πρακλεώτῃ, σχολάσας Περσείῳ τῷ φίλοτόφῳ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и — ἐπέχρητο Ζήνωνι, хотя Зенонъ былъ учителемъ Діонисія и Персея, а по возрасту Персей былъ, какъ кажется, ровесникомъ Арата. Правда, Куа и Зуземиль заподозриваютъ и эти свидѣтельства; но въ такомъ случаѣ можно подыскать множество другихъ аналогій. Такъ напр. Свида называетъ Эратосѣена учителемъ Аристофана византійскаго (μαθητὴν ἐπίσημον καταλιπὼν [sc. Ἐρατοσθένης] Ἀριστοφάνην τὸν Βοζάντιον), несмотря на то, что и Эратосѣенъ, и Аристофанъ были оба учениками Каллимаха. У того же Свида Продикъ кейскій и Исократъ значатся оба учениками Протагора абдерита, между тѣмъ какъ во всѣхъ біографіяхъ Исократа Продикъ фигурируетъ въ числѣ учителей послѣдняго (Suid. s. vv. Πρόδικος, Πρωταγόρας; Westerm. p. 245 sqq.). Въ біографіи Θεокрита читаемъ: ἀκουστὴς δὲ γέγονε Φιλῆτα καὶ Ἀσκληπιαδοῦ, ὃν μνημονεύει (Westerm. p. 185); но Асклепиадъ самосскій самъ былъ ученикомъ Филета (Schol. Theocr. Arg.). Не больше затрудненій представляетъ и выраженіе Свида „τοὺς παῖδας ἐπαίδευσεν“. Что оно не точно и что подъ словами „τοὺς παῖδας“ мы можемъ разумѣть одного только Птолемѣя Филадельфа, на это указалъ уже Ричль. Довольно уклончиво судить объ этомъ предметѣ Герке, но и онъ, повидимому, склоняется къ такому же мнѣнію: „Wenn Suidas sich etwas dabei gedacht hat, говоритъ онъ, hat er jedenfalls nicht an die Kinder des Philadelphos gedacht“ (Rh. Mus. 42, стр. 602, прим. 4).

нахъ наши поэты были оба молоды, что тотъ и другой переживали годы ученья. Поэтому я не думаю, чтобы различіе въ возрастѣ между ними простиралось далѣе 5—8 лѣтъ, и время рожденія Каллимаха считаю возможнымъ приурочить къ 119-й ол. (304—301 до Р. Х.). Посмотримъ, насколько согласуется эта дата съ прочими показаніями его біографовъ.

По свидѣтельству тзетзовыхъ схолій, Каллимахъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда Филадельфъ поручилъ ему завѣдываніе александрійской бібліотекою. Тотъ же Тзетзь называетъ Каллимаха и Эратосѣена ἡλικιώται, между тѣмъ такъ изъ словаря Свида явствуетъ, что Эратосѣенъ родился въ 276—273 г. до Р. Х. (ἐτέχθη δὲ ρχς ὀλυμπιάδι) ¹⁷⁶). Очевидно, что то и другое не соотвѣтствуетъ датѣ, нами только что найденной. Съ другой стороны есть много такого, что напротивъ подтверждаетъ эту дату. Такъ, по Геллію, начало каллимаховой славы надлежитъ отнести приблизительно къ концу 129-й или къ первымъ годамъ 130-й ол. Если гелліево «celebratus est» значить то же, что греческое ἤχμασε, то въ эту пору Каллимахъ находился въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ. Мы знаемъ, что по возвращеніи изъ своего путешествія по материковой Греціи, гдѣ онъ занимался у многихъ преподавателей, каковы напр. Гермократь, Праксифанъ и проч. ¹⁷⁷), онъ самъ открылъ школу въ Элевсинѣ, предмѣстьѣ города Александріи ¹⁷⁸). Я полагаю, что уже и тогда онъ врядъ ли былъ юношею; тѣмъ болѣе должно было пройти немало времени, прежде чѣмъ малоизвѣстный выходецъ изъ Кирены могъ обратить на себя

¹⁷⁶) Ritschl Opusc. I p. 200,9: νεανίαι ἦσαν Καλλιμάχος καὶ Ἐρατοσθένης; p. 206,16: Ἐρατοσθένης δὲ ὁ ἡλικιώτης αὐτοῦ (sc. Καλλιμάχου).

¹⁷⁷) Такъ какъ о Гермократѣ мы ничего не знаемъ кромѣ того, что онъ былъ уроженецъ Іаса, то и нельзя достовѣрно рѣшить, гдѣ именно учился у него Каллимахъ, — въ Аѳинахъ, Киренѣ или въ другомъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ не беремся судить, почему изъ наставниковъ и руководителей Каллимаха, которыхъ было, разумѣется, нѣсколько и къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежалъ Праксифанъ, Свида указываетъ на одного только Гермократа. Возможно, что во времена византійскаго лексикографа это еще не было ὄνομα ἄτιμον.

¹⁷⁸) Suid s. v. Καλλιμάχος.

вниманіе александрійскаго ученаго міра и получить отъ Филадельфа лестное приглашеніе стать членомъ музея. Если Каллимахъ былъ признанъ достойнымъ преемникомъ Зенодота въ трудномъ дѣлѣ завѣдыванія книжными сокровищами Птолемеевъ, то онъ долженъ былъ имѣть за собою славное прошлое. Не слѣдуетъ забывать, что должность бібліотекаря въ начальномъ періодѣ существованія царскаго книгохранилища въ Александріи, пока шла провѣрка, классификація, оцѣнка и перепись рукописей, массами поступавшихъ въ собраніе, была гораздо тяжелѣе и отвѣтственнѣе, нежели позднѣе, когда, такъ сказать, механизмъ этого учрежденія былъ совершенно слаженъ и приведенъ въ правильное движеніе. Она требовала солидныхъ знаній и опытности. Въ виду этого я думаю, что загадочное выраженіе Тзетза *„νεανίσκος ὢν τῆς αὐλῆς“* (въ плавтинскомъ схолиѣ просто «*aulicus regius bibliothecarius*») требуетъ иного толкованія, нежели то, которое обыкновенно ему дается ¹⁷⁹⁾. Что оно представляетъ собою продуктъ искаженія, это, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Не кроется ли подъ его оболочкою какой нибудь оффиціальнй титулъ, составленный напр. по образцу извѣстнаго *„ὁ περὶ τὴν αὐλὴν διάδοχος“*? Мы знаемъ, какъ много различныхъ градацій допускала іерархія военныхъ и гражданскихъ чиновъ въ Египтѣ во времена македонскаго владычества и какими сложными формами отличалась титулатура чиновниковъ дворцоваго вѣдомства при Птолемейхъ ¹⁸⁰⁾. Нельзя утверждать положительно, что члены музея или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые завѣдывали различными спеціальными отдѣлами этого учрежденія, не носили какихъ либо особенныхъ оффиціальныхъ обозначеній. Во всякомъ случаѣ, если даже, какъ предполагаетъ Бушъ, Каллимахъ не занималъ должности главнаго бібліотекаря или, можетъ быть, не сразу занялъ ее, а былъ только ассистентомъ при Зенодотѣ, то все же это, конечно, былъ зрѣ-

¹⁷⁹⁾ Напр. Couat стр. 45, Susemihl гл. XII прим. 68.

¹⁸⁰⁾ Срв. введеніе Франца къ отдѣлу египетскихъ надписей въ Corp. Inscr. Gr. (III, 2 стр. 290 слл.).

дый мужъ, какъ и другіе ученые сподвижники Зенодота (Ликофронъ и Александръ этольскій), а не чловѣкъ безъ имени въ литературѣ и въ наукѣ.

Существуетъ однако еще одно обстоятельство, въ силу котораго дата, нами установленная, можетъ быть оспариваема. Въ числѣ стихотвореній Каллимаха есть гимнъ къ Зевсу, время возникновенія котораго многое заставляетъ, повидимому, приурочить, если не къ самому году вступленія Филадельфа на престолъ, то по крайней мѣрѣ къ первымъ годамъ его царствованія. Въ этомъ гимнѣ поэтъ передаетъ миѳъ о рожденіи Зевса въ Аркадіи и о его воспитаніи на островѣ Критѣ, прославляетъ быстрое преусиѣяніе бога, еще младенцемъ таившаго въ головѣ своей великія мысли (*ἀλλ' ἔτι παιδὸς ἔων ἐφράσσαο πάντα τέλεια*) и, несмотря на юность, одолѣвшаго старшихъ братьевъ въ борьбѣ за обладаніе міромъ (*τῷ τοι καὶ γυντοὶ προτερηγένης περ ἑόντες οὐρανὸν οὐκ ἐμέγχεον ἔχειν ἐπιδαΐσιον οἶκον*), и указываетъ на высокія преимущества Зевса надъ прочими олимпійцами: компетенція каждаго изъ нихъ ограничена болѣе или менѣе тѣсными предѣлами, для власти Кронида такихъ предѣловъ нѣтъ; онъ—высшій блюститель правды, онъ царь надъ царями; между послѣдними онъ распредѣляетъ богатства и почести,—впрочемъ, распредѣляетъ не въ равномъ количествѣ. Это авторъ гимна доказываетъ на примѣрѣ своего государя, который де далеко превзошелъ другихъ: *ἑσπέριος κεῖνός γε τελεῖ τὰ κεν ἤρι νοήσῃ. ἑσπέριος τὰ μέγιστα, τὰ μείονα δ' εὖτε νοήσῃ*. Схολіастъ обязательно поясняетъ текстъ словами: „*περὶ τοῦ Πτολεμαίου ταῦτα λέγει*“; но, разумѣется, и безъ такого поясненія самый недогадливый читатель можетъ безъ труда понять, что не только мѣсто, приведенное нами въ подлинникѣ, но и все стихотвореніе есть тонкая лестъ, рассчитанная на умѣніе образованнаго правителя читать между строками. Эта лестъ была предназначена для ушей Филадельфа: не обнаруживалъ ли и онъ самъ, подобно Зевсу, чуть не съ колыбели задатки ума возвышеннаго и глубокаго? Не протекла ли и его юность, какъ это описано въ гимнѣ, среди заботливыхъ

попеченій избранныхъ воспитателей? Не одержалъ ли и онъ, какъ младшій сынъ Крона, побѣды надъ старшими братьями въ спорѣ о престолонаслѣдіи? И, какъ Зевсъ, онъ не слѣпому жребію обязанъ былъ всѣми своими усиліями, а собственнымъ усиліямъ, своимъ личнымъ дарованіямъ, своему умственному превосходству.

Каллимаховъ гимнъ, несомнѣнно, былъ написанъ по случаю какого нибудь торжества и не безъ опредѣленныхъ видовъ. Это можно было бы смѣло утверждать, судя по тону стихотворенія и по необыкновенной тщательности его обработки, даже въ томъ случаѣ, еслибы во вступительной части его и не было прямого, категорическаго указанія на предстоящія пиршественныя возліянія: *Zḡnός ἐοι τί κεν ἄλλο παρὰ σπονδῆσιν αἰεῖδεν λωῖον ἢ θεὸν αὐτὸν αἰεὶ μέγαν*. Поэтому не разъ высказывалось предположеніе, что это нѣчто вродѣ официальной кантаты, написанной ко дню восшествія на престолъ и даже по заказу двора. Въ самомъ дѣлѣ въ 285 г., когда Филадельфъ принялъ въ свои руки бразды правленія, его торжество не было еще омрачено злодѣяніями, братоубійственная распря еще не начиналась, и придворный поэтъ безъ боязни совершить безтактность могъ въ своемъ гимнѣ намекнуть на побѣду правителя надъ его старшими братьями, сыновьями Эвридики. Позже, тотчасъ послѣ трагической смерти этихъ братьевъ, такой намекъ въ праздничной пѣснѣ зазвучалъ бы оскорбительнымъ диссонансомъ и легко могъ бы утратить ароматъ искуснаго комплимента ¹⁸¹⁾. Но съ другой стороны столь ранняя дата стихотворенія совершенно опрокидываетъ всѣ наши хронологическія построенія и увлекаетъ насъ въ вихрь всевозможныхъ противорѣчій. Если Каллимахъ сочинилъ свой гимнъ къ Зевсу не позже 285 г., то годъ его рожденія отступаетъ далеко за предѣлы 119-й ол. Дворъ поручаетъ составленіе официальныхъ кантатъ не начинающимъ поэтамъ, не новичкамъ въ литературѣ, не юношамъ, а людямъ съ извѣстнымъ авторитетомъ. Положимъ,

¹⁸¹⁾ См. Couat ук. соч. стр. 200 слл.

что Каллимахъ и самъ былъ царской крови ¹⁸²⁾, что онъ могъ съ дѣтства вращаться въ высшихъ сферахъ и, такъ сказать, съ молокомъ матери всосать въ себя приемы и тонъ той особенной, придворной *courtoisie*, которая видна въ его случайныхъ произведеніяхъ, подобныхъ нашему стихотворенію; положимъ даже, что, несмотря на скромное званіе преподавателя какой то подгородней школы, онъ могъ быть рекомендованъ двору, могъ, благодаря своему знатному родству, имѣть протекцію, обезпечившую за нимъ преимущество надъ всѣми конкурентами и позволившую ему въ самомъ началѣ своего литературнаго понрища фигурировать въ качествѣ придворнаго поэта,—все же и такая комбинація сомнительныхъ вѣроятностей не лишена нѣкоторыхъ существенныхъ неудобствъ. Во-первыхъ, Каллимахъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ тогда уже выйти изъ юношескаго возраста и имѣть по крайней мѣрѣ не менѣе 25 лѣтъ, такъ какъ изъ его жизни слѣдуетъ отдѣлать нѣкоторый и притомъ не очень малый періодъ времени для его путешествій, предпринятыхъ имъ, разумѣется, не раньше 16—18 лѣтъ отъ роду и предшествовавшихъ водворенію его въ столицѣ Египта. Во-вторыхъ, относя гимнъ къ Зевсу къ самой начальной порѣ поэтическаго творчества Каллимаха, мы должны предположить уже въ первыхъ литературныхъ опытахъ этого писателя необыкновенную зрѣлость мысли, рѣдкое совершенство формы, умѣнье при богатствѣ и разнообразіи содержанія придать своему произведенію небольшіе размѣры и въ то же время не упустить изъ виду ни одной существенной черты, искусство въ группировкѣ и выборѣ мифологическихъ деталей,—словомъ, тѣ качества, которые и у болѣе талантливыхъ поэтовъ являются плодомъ продолжительной работы

¹⁸²⁾ Strab. XVII p. 837: λέγεται δὲ ἡ Κυρήνη κτίσμα Βάττου, πρόγονον δὲ τοῦτον ἑαυτοῦ φάσκει Καλλίμαχος. Срв. Callim. epigr. XXIII (21). Отецъ Каллимаха носилъ обычное въ родѣ кипренскихъ царей имя Батта. Срв. Herod. IV, 155: Λίβυες γὰρ βασιλεῖα βάττον καλέουσι. O. Schneider (Callim. II p. 687) цитуетъ L. Caecil. Minutian. Apuleius de Ortograph. p. 137 Mai: Battus—fuit et Polymnesti filius, qui Cyrenem condidit, unde Cyrenenses poëtae dicuntur Battidae.

надъ своимъ дарованіемъ и литературной опытности. Мнѣ вообще кажется, что на это обстоятельство не было до сихъ поръ обращено надлежащаго вниманія. Гимнъ къ Зевсу— произведеніе въ своемъ родѣ образцовое. Правда, онъ не носитъ на себѣ слѣдовъ непосредственнаго вдохновенія, онъ не преисполненъ истиннаго, горячаго одушевленія, но это все же и не мертворожденный плодъ кропотливой учености, какимъ его многіе считали. Тема его выбрана удачно и разработана съ изяществомъ. Авторъ уклоняется отъ подробнаго изложенія мифовъ, какъ бы предполагая въ своей публикѣ знакомство съ ними, но останавливается на ихъ объясненіи, которое клонится къ восхваленію мудрости божества, взыскавшаго своими милостями мудрѣйшаго изъ владыкъ земныхъ. Изложеніе ясно и свободно отъ тѣхъ утомительныхъ мифологическихъ прикрасъ, на которыя такъ бывали тароваты александрійскіе поэты и самъ Каллимахъ и которыми такъ затемнено пониманіе ихъ твореній. Здѣсь, можно сказать, всего въ мѣру,—и учености, и чувства, и политики ¹⁸³). Оттого наше стихотвореніе при чтеніи оставляетъ послѣ себя, пожалуй, въ большей мѣрѣ, нежели другіе гимны Каллимаха, впечатлѣніе гармоніи и стройности, если не художественности. Оно удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ эстетической критики. Такъ дебютировать, если только Каллимахъ дѣйствительно дебютировалъ зевсовымъ гимномъ, могъ лишь поэтъ недюжиннаго ума и большаго таланта. Въ умѣ, конечно, никто и не откажетъ нашему автору; но, что касается дара поэтическаго творчества, то надобно признаться, —онъ не оправдалъ въ этомъ отношеніи тѣхъ надеждъ, какія можно было бы возложить на него, еслибы, повторяю, зевсовъ гимнъ былъ однимъ изъ первыхъ его поэтическихъ опытовъ.

¹⁸³) Солат, не находя въ гимнѣ къ Зевсу никакого намека на бракъ Филадельфа съ его сестрою Арсиноєю, хотя этотъ несомнѣнно обыкновенный бракъ и могъ найти себѣ аналогію въ мифѣ о бракѣ Зевса съ Герою, заключаетъ, что самый гимнъ былъ написанъ до 266 г., когда Арсиноя стала женою своего брата. Но кто же поручится, что поэтъ вообще счелъ бы подобный намекъ умѣстнымъ въ стихотвореніи, имѣвшемъ во всякомъ случаѣ полуофициальный характеръ?

Въ виду всего этого я полагаю, что возникновеніе разсматриваемаго памятника слѣдуетъ отнести къ болѣе поздней порѣ, и есть попытки приурочить его написаніе къ 280 г. до Р. Х. Въ этомъ году Птолемей Филадельфъ освободился отъ послѣдняго изъ своихъ соперниковъ, но воспѣть тотчасъ же вслѣдъ за умерщвленіемъ Аргэя веселую пѣснь торжества и побѣды было неудобно: Аргэй былъ роднымъ братомъ правителя, и послѣдній, чтобы удержать на своей головѣ царскій вѣнецъ, долженъ былъ уже второй разъ омочить руки въ братской крови. Какъ ни была богата эпоха діадховъ и эпигоновъ примѣрами кровавой вражды между братьями, все же есть вещи, которыя можно до известной степени объяснить и даже оправдать, но которыя никакъ нельзя вѣпчать похвалами. Къ тому же, по моему разсчету, въ 280 г. Каллимахъ еще находился въ путешествіи, изъ котораго возвратился, вѣроятно, въ первой половинѣ слѣдующаго десятилѣтія. Такимъ образомъ лишь послѣ 275 года, когда время успѣло нѣсколько загладить въ памяти современниковъ мрачныя стороны кровавой распри, а поэтъ нашъ мало по малу сблизился съ кругомъ лицъ, стоявшихъ у трона, и получилъ нѣкій вѣсъ и авторитетъ, какой нибудь придворный праздникъ могъ дать ему случай написать гимнъ, въ которомъ обстоятельства живой современности были искусно облечены въ форму мифа и на событія недавняго прошлаго былъ сдѣланъ осторожный намекъ. Стихотвореніе было посвящено Филадельфу, и Филадельфъ, безъ сомнѣнія, выслушалъ его и оцѣнилъ тактъ автора, сумѣвшаго трактовать скользкій сюжетъ съ искусствомъ ловкаго царедворца ¹⁸⁴).

Пойдемъ же дальше въ своихъ хронологическихъ сопоставленіяхъ.

Что, вопреки увѣренію Тзетза, Каллимахъ былъ старше Эратосѣена, о томъ свидѣтельствуешь Свида, называющій

¹⁸⁴) Къ 285-му г. до Р. Х. относитъ зевсовъ гимнъ О. Richter op. I. p. 1 sqq. Между 280 и 275 гг. помѣщаетъ это стихотвореніе Couat (стр. 207). Герке датируетъ его 272-мъ годомъ, Зуземиль—280-мъ (Gercke Rhein. Mus. 44, стр. 257; Susemihl стр. 359).

Эратосфеена его ученикомъ ¹⁸⁵⁾. Другой его ученикъ, Аристофанъ византійскій, умершій во второй половинѣ царствованія Птолемея V Эпифана семидесяти-семилѣтнимъ старцемъ, перешелъ къ нему юношею (νέος), т. е. въ возрастѣ не рапѣ 16 лѣтъ, отъ Зенодота, у котораго учился въ дѣтствѣ (παῖς) ¹⁸⁶⁾. Всего естественнѣе предположить, что это случилось тогда, когда Зенодотъ умеръ и Каллимахъ занялъ въ музеѣ и библиотекѣ его мѣсто. Если отнесемъ смерть Аристофана приблизительно къ 147/148 ол., то начало его занятій подъ руководствомъ Каллимаха придется приурочить къ 132/133 ол., т. е. къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Филадельфа, когда нашему ученому было между 50 и 60 годами ¹⁸⁷⁾. Что

¹⁸⁵⁾ Свидя сообщаетъ намъ время рожденія Эратосфеена (126 ол.), опредѣляетъ возрастъ, котораго онъ достигъ (80 лѣтъ), слѣдовательно ео ipso устанавливаетъ и время его кончины (146 ол.) и, наконецъ, указываетъ на царствованіе Эвергета I, какъ на пору его процвѣтанія и славы (μετεπείμνηθ' ὅ ἐξ Ἀθηνῶν ὑπὸ τοῦ τρίτου Πτολεμαίου). Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы біографія этого ученаго по достовѣрности хронологическихъ опредѣленій выгодно отличалась отъ біографій другихъ александрийцевъ. Не говоря о Тзетзѣ, съ показаніями Свиды плохо мирится слѣдующее свидѣтельство Страбона: τοῦ Ζήνωνος τοῦ Κιτιεῖως ἠνωρίμος γενόμενος Ἀθῆνῃσι, τῶν μὲν ἐκείνων διαδεξαμένων οὐδενὸς μέμνηται [ὁ Ἐρατοσθένης] κтл. Зенонъ умеръ около 264 г. до Р. X. Клиппель (de mus. Alex. p. 140) дѣлаетъ догадку: „Vielleicht hörte er den Zeno von Tarsus, der um 222 blühte“; но въ 222 г. Эратосфеену было уже 54 года и въ ученики онъ не годился (срв. Seemann p. 12).

¹⁸⁶⁾ Объ отношеніяхъ Аристофана къ Зенодоту и Каллимаху Свидя s. v.: μαθητῆς Καλλιμάχου καὶ Ζηνοδότου, ἀλλὰ τοῦ μὲν [sc. Καλλιμάχου] νέος, τοῦ δὲ [Ζηνοδότου] παῖς ἦκουσε. Küster (op. l.), Куа и Бушъ относятъ слова τοῦ μὲν къ Зенодоту, а τοῦ δὲ—къ Каллимаху („quorum hunc juvenis, illum vero puer audivit“,—переводитъ первый); Вейхертъ, понимая мѣсто такимъ же образомъ, допускаетъ, что Зенодотъ былъ моложе Каллимаха; Зеemannъ считаетъ свидѣтельство Свиды невѣрнымъ и не признаетъ того, что Аристофанъ могъ быть ученикомъ Зенодота. „Nam post Wolfii Nauckii-que subtilissimas de ea re disputationes nihil habet dubitationis, quin Zenodoti maxime vestigia in Homeri carminum diorthosi secutus sit Aristophanes ejusque textum suae editionis fundum habuerit. Inde vero quam facillime error iste nasci potuerit, ut et disciplina Zenodotea usus fuisse Aristophanes crederetur, quis non videt?“ (op. l. p. 10).

¹⁸⁷⁾ Годъ смерти Аристофана подлинно неизвѣстенъ, но мы знаемъ, что катастрофа, постигшая александрийскаго грамматика при концѣ его жизни и заставившая его помышлять о бѣгствѣ изъ столицы Египта, произошла тогда, когда Эвменъ II, у котораго онъ хотѣлъ искать приубѣжища, уже царствовалъ, т. е.—послѣ 197 г. до Р. X. Поэтому слова Свиды (s. v.)

касается смерти Каллимаха, то, какъ извѣстно, онъ умеръ въ царствованіе Эвергета I,—притомъ, вѣроятно, не при самомъ вступленіи Эвергета на престолъ, какъ полагали напр. Меркель, Клиппель, Вейхертъ и Бушъ вслѣдствіе неправильнаго толкованія словъ Свида: *παρέτεινε μέχρι τοῦ Εὐεργέτου κληθέντος Πτολεμαίου κτλ.*, но во всякомъ случаѣ не раньше 135 ол. Для такого утвержденія мы имѣемъ главнымъ образомъ то основаніе, что извѣстная элегія Каллимаха *Βερενίκης πλόκαμος*,

βασιλεύοντος Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου καὶ τοῦ μετ' αὐτὸν τοῦ Φιλοπάτορος, несомнѣнно, представляютъ искаженіе и должны быть исправлены приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ предложилъ Зеemannъ (р. 16), т. е.: *„βασιλεύοντος τοῦ Φιλοπάτορος καὶ τοῦ μετ' αὐτὸν τοῦ Ἐπιφάνους*, на что указываетъ и предыдущее: *γέγονε δὲ κατὰ τὴν ῥμδ' ὀλυμπιάδα*. Последнее выраженіе, разумѣется, имѣеть въ виду время апогея славы Аристофана, и я считаю возможнымъ, что въ это время, т. е. около 144 ол., онъ уже дѣйствовалъ какъ библиотекаръ или же, въ крайнемъ случаѣ, только что вступилъ въ должность библиотекаря, какъ полагалъ еще Наукъ (*Aristoph. Byz. grammatici alex. fragmenta*. Halis. 1848. р. 4).—Допуская, что смерть знаменитаго грамматика послѣдовала между 197 и 181 г. до Р. Х. (Эпифанъ царствовалъ 205—181 г.), мы должны время его рожденія искать между 274 и 258 г. Последній изъ этихъ терминовъ обыкновенно принимается, какъ самый вѣроятный. Въ самомъ дѣлѣ, если Эратосѣенъ умеръ въ 196 г. и ему наследовалъ въ завѣдываніи александрійскимъ книгохранилищемъ не Аполлоній родосскій (см. ниже прим. 189), а Аристофанъ, имѣвшій въ то время отъ роду 62 или 64 года (срв. Suid. *προέστη τῆς τοῦ βασιλείας βιβλιοθήκης ἔτος ἄγων ἐβ* [BVE] var. *ἐδ* [прочія пси кромѣ Α, которая даетъ чтеніе *ξμ*]), то смерть этого послѣдняго должна быть приурочена къ 181 г. (resp. 183 г.), а рожденіе—къ 258 г. Но эти даты во многихъ отношеніяхъ неудобны. Прежде всего онѣ дѣлають необходимымъ предположеніе, что Зенодотъ умеръ чуть не столѣтнимъ старцемъ: чтобы быть учителемъ Филадельфа (род. 309 г. до Р. Х.), онъ долженъ былъ быть старше его по крайней мѣрѣ олимпіады на четыре, а чтобы быть наставникомъ Аристофана, хотя бы и въ его дѣтствѣ, онъ врядъ ли могъ умереть раньше 245 г. Жизнь перваго александрійскаго библиотекаря, стало быть, по этому расчету хронологически опредѣлялась бы такъ: род. (113) 114 ол., † 134 (135) ол. Такимъ образомъ Каллимахъ могъ занять его мѣсто лишь въ весьма преклонномъ возрастѣ,—лѣтъ 60 слишкомъ, уже въ царствованіе Эвергета, и оставаться во главѣ библиотеки сравнительно недолго, такъ какъ, повидному, при томъ же Эвергетѣ онъ былъ смѣненъ Эратосѣеномъ, нарочно для того вызваннымъ изъ Аѳинъ (Эвергетъ † 222 г.). Между тѣмъ уже одно составленіе „Таблицъ“ (*πίνακες*), предпринятое и исполненное Каллимахомъ, какъ естественнѣе всего думать, именно въ бытность его библиотекаремъ, требовало очень продолжительной работы, если даже допустить, что, отдавшись этому колоссальному труду, нашъ ученый уже не несъ другихъ обязанностей, связанныхъ съ достоинствомъ дѣлательнаго члена музея,—напр. обязанности преподаванія. Если Зуземиль полагаетъ, что для составленія

дошедшая до насъ въ стихотворномъ переводѣ Катулла, была написана уже послѣ похода Эвергета въ Азію и, насколько можно судить по латинской версіи, не свидѣтельствовала еще объ упадкѣ творческихъ силъ въ ея авторѣ. Что гимнъ къ Аполлону возникъ также въ царствованіе Птолемѣя III,—этого, какъ мы видѣли, доказать нельзя. Но у насъ есть одна эпиграмма (XXIII Schneider), въ которой Каллимахъ говоритъ о себѣ, какъ о сѣдовласомъ старцѣ, что побуждаетъ отнести его кончину скорѣе ко второй, нежели къ первой половинѣ царствованія Эвергета ¹⁸⁸).

„Таблицъ“ возможно принять приблизительно десятилѣтній срокъ времени (245—235), то я охотно продлилъ бы этотъ срокъ, ибо, какъ мы увидимъ, въ связи съ „Таблицами“ стояли и другія ученныя произведенія Каллимаха, возникшія, по всей вѣроятности, также въ періодъ его бібліотекарства. Съ другой стороны относить подобныя работы, требовавшія утомительныхъ, кропотливыхъ розысканій и постоянного вниманія и поражающія насъ и теперь своимъ грандіознымъ масштабомъ, къ такой порѣ его жизни, когда должна была угаснуть и энергія, и сила прежнихъ лѣтъ, несовсѣмъ правдоподобно. Конечно, не то невѣроятно само по себѣ, что Каллимахъ принялъ отвѣтственныя и сложныя обязанности бібліотекаря въ Александріи и затѣялъ каталогизировать книжное собраніе Птолемѣевъ уже въ глубокой старости: Ранке началъ свою „Weltgeschichte“, когда ему пошелъ девятый десятокъ, и все таки успѣлъ окончить значительную часть этого труда; невѣроятнымъ представляется мнѣ то, что для цѣлаго ряда александрійскихъ ученыхъ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга въ завѣдываніи бібліотекою Лагидовъ, мы должны перемѣстить, такъ сказать, ихъ „ἀκμήν“ съ середины на конецъ,—пріурочить время лучшаго разцвѣта ихъ ученой производительности не къ зрѣлымъ лѣтамъ, а къ преклонному возрасту. Въ крайности съ такимъ *pensens*’омъ приходится мириться; но, мнѣ кажется, этой крайности нѣтъ. Мы знаемъ изъ нашихъ источниковъ, что Эратосѣенъ умеръ отъ старческой немощи,—есть даже извѣстіе (у Свида), что онъ умиралъ себя голодомъ вслѣдствіе того, что лишился зрѣнія. Нѣтъ, стало быть, никакой нужды считать годъ его кончины (196 до Р. X.) годомъ вступленія Аристофана въ должность бібліотекаря,—и замѣчаніе это, сдѣланное уже Ричлемъ, напрасно Зусемиль считаетъ хитрою уверткой (*künstliche Ausflucht*), см. гл. XIV прим. 56: оно предоставляетъ намъ болѣе удобный выходъ изъ затрудненія, нежели произвольное допущеніе Виламовица, будто даты, сообщаемыя Свидай въ біографіи Эратосѣена, могутъ быть ложны и для насъ необязательны. Предполагая, что Эратосѣенъ передалъ завѣдываніе бібліотекою Аристофану лѣтъ за восемь до смерти, мы получаемъ возможность отнести рожденіе Аристофана къ 269/8 г., кончину его—къ 192/1 г., вступленіе Каллимаха въ должность бібліотекаря и смерть Зенодота—къ 254/3 г.

¹⁸⁸) Lincke (De Callim. vita et scriptis. Halle. 1862) считаетъ предѣльнымъ годомъ жизни Каллимаха 228-й, Зееманнъ—223-й, Герке—

Со смертью Каллимаха завѣдываніе александрійскою библіотекою перешло къ Эратосѣну, котораго, по обычному толкованію древнихъ свидѣтельствъ, послѣдовательно смѣнили Аполлоній родосскій, Аристофанъ византійскій и Аристархъ ¹⁸⁹). То была счастливѣйшая пора въ жизни этого учрежденія, и въ вѣнкѣ его славы ярко блещутъ имена этихъ первыхъ библіотекарей, такъ удачно выбранныхъ изъ числа членовъ музея и въ такой мѣрѣ связавшихъ свои интересы съ интересами того института, который былъ

222-й, Зуземиль—235-й, Куа—240-й. Слова Свида, дѣйствительно, указываютъ лишь на то, что Каллимахъ не дожидая до воцаренія Филопатора (139,3 ол.). Попытка Герке воспользоваться нѣкоторыми эпиграмматическими (AP. VII 317 sqq.) для установленія новыхъ синхронизмовъ окончилась неудачею, какъ скоро признался и онъ самъ (Rhein. Mus. 42 стр. 613; срв. 44 ст. 256, прим. 2) Что касается указаній на Аполлонія родосскаго (Westerm. p. 50 sq.), Филостефана изъ Кирены (Athen. VIII p. 331 d), Гермиппа (Athen. XV p. 696 e et passim), Истра (Suid. s. v. Ἴστρος), Гераклита галикарнасскаго (Strab. XIV p. 656; срв. Callim. epigr. II) и др., какъ на учениковъ, послѣдователей или друзей Каллимаха, то изъ этихъ указаній нельзя извлечь ничего для настоящей цѣли нашей, такъ какъ за исключеніемъ Аполлонія болѣе или менѣе опредѣленно датировать дѣятельность названныхъ лицъ совершенно невозможно.

¹⁸⁹) Съ недавняго времени вопросъ о томъ, кто именно наследовалъ Эратосѣну,—Аполлоній или Аристофанъ, и былъ ли вообще Аполлоній въ числѣ александрійскихъ библіотекарей, сдѣлался спорнымъ. Правда, мы имѣемъ на этотъ счетъ прямые указанія въ источникахъ: Suid. διάδοχος Ἐρατοσθένους γινόμενος [sc. ὁ Ἀπολλώνιος] ἐν τῇ προστασίᾳ τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ βιβλιοθήκης; ibid. s. v. Ἀριστῶνυμος (Ἀριστοφάνης) προέστη τῆς τοῦ βασιλέως βιβλιοθήκης μετ' Ἀπολλώνιον; Westerm. p. 51,9: τινὲς δὲ φασιν ὅτι ἐπανήλθεν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ αὐτὸς ἐκείσε ἐπιδείξαμενος εἰς ἄκρον εὐδοκίμησε, ὡς καὶ τῶν βιβλιοθηκῶν τοῦ Μουσείου ἀξιωματικὸν αὐτόν. Но достоинство этихъ свидѣтельствъ подверглось основательному подозрѣнію (Busch p. 40 sq.; Susseml. Griech.-alex. Litt.-Gesch. гл. XIV прим. 56; Gercke Rh. Mus. 44 стр. 256), и я считалъ бы себя вынужденъ вовсе исключить изъ списка это сомнительное имя, еслибы, на мой взглядъ, не заслуживало нѣкоторой доли вѣроятія предположеніе, что Аполлоній могъ состоять при библіотекѣ въ качествѣ ассистента или помощника Аристофана, своего соученика. Приведенныя мѣста, за исключеніемъ перваго, вообще представляютъ немало критическихъ затрудненій. Это—довольно неряшливо составленные экцерпты, притомъ подвергшіеся при перепискѣ очевидной порчѣ. Слова „μετ' Ἀπολλώνιον“ допускаютъ легкую поправку „μετ' Ἀπολλωνίου“. Выраженіе „τῶν βιβλιοθηκῶν—ἀξιωματικὸν αὐτόν“ необыкновенно и должно быть дополнено словами τοῦ μετέχειν или τῆς προστασίας. Во всякомъ случаѣ нельзя считать порядокъ преемства въ завѣдываніи александрійскою библіотекою твердо установленнымъ.

ввѣренъ ихъ попеченіямъ. Историко-литературныя занятія, начавшіяся въ Греціи задолго до сего, только теперь могли быть обставлены всѣми потребными для нихъ средствами и пособіями; но такія средства и пособія, какія представляло богатѣйшее книгохранилище Птолемеевъ, все таки оставались бы мертвымъ капиталомъ, если бы не нашлись лица, столь самоотверженно преданныя дѣлу изученія литературныхъ преданій греческаго народа, какъ были ему преданы Зенодотъ, Каллимахъ и ихъ ближайшіе преемники. Это были не только серьезные ученые, одушевленные жаждой знанія, но и тонкіе литературные критики, восторженные любители поэзіи, подчасъ и сами не чуждые поэтическимъ вдохновеніямъ и тѣмъ болѣе способные свое увлеченіе предметомъ сообщать и ученикамъ, явившимся въпослѣдствіи ихъ продолжателями и вѣрными послѣдователями. Первымъ александрійскимъ библіотекаремъ съ самаго начала предлежала черная и неблагодарная работа медленнаго и кропотливаго упорядоченія и постепеннаго очищенія птолемеева книгохранилища, и они не остановились передъ нею. Они постарались разобраться въ нестройной, хаотической массѣ рукописей, отовсюду собранныхъ повелителями Египта, и послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ неутомимыхъ усилій успѣли извлечь изъ этихъ рукописей съ рѣдкою полнотою и обстоятельностью обильный матеріалъ для систематической исторіи греческой литературы.

Каллимаховы „Πίνακες“ до извѣстной степени выразили собою итогъ этой предварительной работы. Въ тоже время они послужили точкою отправленія для дальнѣйшихъ частныхъ изысканій въ той же области.

Чтобы понять весь смыслъ, все значеніе этого монументальнаго труда, а равно и оцѣнить по достоинству работу Зенодота и его сподвижниковъ, уже, быть можетъ, при Сотерѣ принявшихъ за критическую провѣрку новыхъ приобрѣтеній правителя по части книгъ, нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ состояніи, въ которомъ тогда находились обращающіеся на книжномъ рынкѣ рукописи.

Мы видѣли, какъ постепенно развивалась въ Греціи книжная торговля и увеличивался спросъ на книги. Правда, намъ совершенно недостаетъ въ этомъ отношеніи точныхъ статистическихъ данныхъ, недостаетъ цифръ, съ помощью которыхъ можно было бы съ большею или меньшею наглядностью выразить *quantum* ¹⁹⁰⁾; но несомнѣнно, что уже въ до-александрійскій періодъ существовали прототины тѣхъ рьяныхъ книгособирателей, надъ которыми впослѣдствіи издѣвались Лукіанъ, Сенека, Петроній. Нѣкоторые имена мы называли въ первой главѣ, и если списокъ этихъ именъ оказался не длиннымъ, то виною тому, разумѣется, лишь отрывочность древнихъ свидѣтельствъ. Въ третьемъ столѣтіи до Р. Х. любовь къ приобрѣтенію книгъ приняла какъ бы эпидемическій характеръ. Примѣръ Птолемеевъ вызвалъ подражаніе въ Пергамѣ, Антиохіи, Пеллѣ, Сиракузахъ и прочихъ центрахъ политической власти, матеріальнаго благосостоянія и духовныхъ интересовъ. Правители и магнаты непрерывъ созидали библіотеки, и ихъ соревнованіе сообщило этому дѣлу всѣ свойства азартной игры. Если въ римскія времена патриции и разбогатѣвшіе выскочки нагромождали у себя въ домахъ цѣлыя горы книгъ, наполняли ими особые отдѣленія въ баняхъ, снабжали библіотеками свои загородныя помѣстья и виллы, то и греки александрійскаго періода не уступали имъ, и съ какимъ нибудь Италикомъ или Трималхіемъ могъ смѣло поспорить напр. Геронъ II, тиранъ сиракузскій, снабдившій даже свою знаменитую галеру кабинетомъ и библіотекою ¹⁹¹⁾.

Нетрудно уразумѣть, что лихорадочная погоня за книжными приобрѣтеніями должна была повліять и на фабрикацію рукописей. Лица, занимавшіяся послѣднею, усилили свое

¹⁹⁰⁾ Для императорскихъ временъ имѣются такіа цифры: Suid. s. v. Ἐπαφρόδιτος; Martial. 14, 190; Capitol. Gord. 18,2 (цит. Birt Buchwesen стр. 361).

¹⁹¹⁾ Athen. V. p. 207 ε τοῦτου δ' ἐφεξῆς σχολαστήριον ὑπῆρχε πεντάκλιον, ἐξ πύξου τοὺς τοίχους καὶ τὰ εὐρώματα κατεσκευασμένον, βιβλιοθήκην ἔχον ἐν αὐτῷ. Въ изготовленіи корабля, интересное описаніе котораго занимаетъ у Аевнея главы 40—43 пятой книги, принималъ участіе Архимедъ.

производство пропорціонально спросу. Но такое усиленіе необходимо повлекло за собою качественное ухудшеніе товара. Иного невозможно было и ожидать при тѣхъ средствахъ воспроизведенія текстовъ во многихъ экземплярахъ, какими располагала древность. Биртъ въ своемъ классическомъ трудѣ «О книжномъ дѣлѣ въ древности» посвятилъ нѣсколько ученыхъ страницъ вопросу объ изданіи древними авторами своихъ сочиненій въ свѣтъ (гл. седьмая), но при этомъ почти исключительно сосредоточилъ свое вниманіе на Римѣ временъ конца республики и императорскихъ, какъ бы игнорируя Грецію. Что касается этой послѣдней, то для нея мы дѣйствительно располагаемъ болѣе скуднымъ матеріаломъ, но аналогія того же Рима, питавшагося, какъ извѣстно, въ области духовной культуры греческими традиціями и подражавшаго греческимъ примѣрамъ, можетъ, конечно, въ значительной мѣрѣ вознаградить за недостатокъ прямыхъ свидѣтельствъ и дать намъ основаніе для нѣкоторыхъ вполнѣ вѣроятныхъ предположеній. Такъ, во-первыхъ, мы знаемъ о существованіи въ Римѣ цѣлаго класса обученныхъ рабовъ, такъ назыв. *librarii*, которые употреблялись въ качествѣ чтецовъ, переписчиковъ, домовыхъ секретарей и смотрителей при частныхъ библіотекахъ. У издателей, подобныхъ Аттіку или знаменитымъ Созіямъ, цѣлыя сотни такихъ «*librarii*» занимались подъ диктатъ изготовленіемъ копій съ предназначаемаго къ выпуску въ свѣтъ сочиненія, и сочиненіе это сразу поступало въ продажу въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Было ли это также и въ Греціи, или тамъ практиковался какой нибудь иной способъ изданія? Источники объ этомъ молчатъ, и потому Беккеръ утверждалъ, что въ греческомъ обиходѣ римскіе *librarii* не имѣли эквивалента, такъ какъ у грека въ домѣ рабы употреблялись лишь ради матеріальныхъ цѣлей ¹⁹²⁾. Тѣмъ

¹⁹²⁾ „Noch weniger lässt sich an abschreibende Sklaven, wie etwa die librarii in einer römischen Familie, denken; denn diese Klasse wissenschaftlich gebildeter Diener fehlt in dem griechischen Hause, wo alle Sklaven nur zu materiellen Zwecken verwendet werden, gänzlich“. Becker Charikl. II, стр. 166.

не менѣе такое утверждение по меньшей мѣрѣ нуждается въ ограниченіи, если не должно быть признано совершенно невѣрнымъ. Мы, напр., знаемъ положительно, что аѳинское государство содержало извѣстный штатъ обученныхъ рабовъ, служившихъ писцами и счетоводами въ канцеляріяхъ высшихъ военныхъ и финансовыхъ магистратовъ ¹⁹³). Въ платоновскомъ діалогѣ «Θεαίτητος» Эвклидъ въ присутствіи Терпіона приказываетъ своему рабу прочесть вслухъ записанный имъ самимъ разговоръ Сократа съ математикомъ Θεαίτητοςъ. Такіе чтецы изъ рабовъ позднѣе, въ Римѣ, носили греческое названіе «*anagnostae*»,—вѣрный признакъ того, что и повелѣсь они изъ Греціи ¹⁹⁴). Но, если были въ греческомъ домѣ рабы-чтецы,—а у Платона, очевидно, представлена въ указанномъ мѣстѣ не какая либо рѣдкая и исключительная, а напротивъ обыденная бытовая черта,—то почему бы не быть и рабамъ-писцамъ? Или, точнѣе, почему бы тѣ же чтецы не могли по указанію надобности отправлять и обязанности писцевъ? Почему бы Кефисофонтъ, слуга Эврипида, помогавшій своему господину въ его занятіяхъ ¹⁹⁵), долженъ былъ считаться единственнымъ въ своемъ родѣ? Почему бы съ развитіемъ литературной дѣятельности и съ расширеніемъ книготорговли нѣкоторые изъ сбродныхъ рабовъ (такъ наз. *χωρίς οἰκοῦντες*), имѣвшіе къ тому способности и надлежащую подготовку, не могли заниматься изготовленіемъ манускриптовъ съ коммерческими цѣлями или доставлять рукописи на заказъ частнымъ лицамъ или книгопродавцамъ? Почему бы, наконецъ, богатые книгопродавческія фирмы,—а таковыя, безъ сомнѣнія, появились уже въ домакедонскій періодъ греческой исторіи ¹⁹⁶),—не могли при-

¹⁹³) Schol. ad Demosth. Olynth. II, 19. (См. прим. 148).

¹⁹⁴) Corn. Nep. vit. Att. c. 13. in ea (sc. familia) erant pueri litteratissimi, *anagnostae optimi et plurimi librarii*. [Названію „*librarius*“ соотвѣтствуютъ по-гречески *γραμματεὺς* (срв. Plut. de nobil. 20) или *βιβλιογράφος*].

¹⁹⁵) Объ отношеніяхъ Эврипида къ Кефисофонту см. Aristoph. Ran. 1452 сл.; Acharn. 400 сл.

¹⁹⁶) На аѳинскомъ рынкѣ для книжныхъ лавокъ было отведено особое мѣсто. Срв. Pollux IX, 47. У Никофонта, одного изъ представителей

бѣгать къ дешевому труду вышколенныхъ рабовъ для списыванія сочиненій, пріобрѣтенныхъ отъ авторовъ съ цѣлью изданія? Правда, въ самомъ началѣ книжнаго дѣла въ Греціи, пока книга была предметомъ роскоши и достояніемъ немногихъ, порядокъ изданія былъ нѣсколько иной. Издателей въ нашемъ смыслѣ слова не существовало. Друзья автора или его ученики получали отъ него собственноручно изготовленный имъ списокъ сочиненія (*ἀρχέτυπον*) и снимали также собственноручно копии (*ἀπόγραφα*). Сочиненіе распространялось туго, въ тѣсномъ кругу болѣе или менѣе близкихъ къ автору лицъ,—такъ сказать, приватно, и лишь съ теченіемъ времени пріобрѣтало общую извѣстность,—если только, конечно, пріобрѣтало. Но, по мѣрѣ роста духовныхъ силъ народа, книга мало по малу становилась предметомъ насущной потребности, и вотъ, какъ таковому, въ большихъ городахъ ей начали отводить мѣсто на рынкѣ. Разумѣется, торговля сперва шла тихо, и книгопродавецъ легко могъ быть вмѣстѣ и переписчикомъ. У него былъ вмѣстѣ и складъ рукописей, новыхъ и старыхъ, иногда перекупленныхъ уже изъ десятыхъ рукъ, и мастерская для изготовленія манускриптовъ по заказу и въ запасъ. Когда же наступило такое время, что единоличныи трудъ не въ состояніи уже былъ удовлетворить спросу, то купецъ, желавшій производить операціи на большія суммы, необходимо долженъ былъ держать у себя опредѣленный штатъ переписчиковъ и переплетчиковъ. Мало того, не довольствуясь возможностью пріобрѣсти любую рукопись въ книжной лавкѣ, отличавшейся, впрочемъ, подобно нашимъ антикварнымъ магазинамъ, всегда болѣе или менѣе случайнымъ составомъ, многіе частные люди запасались и сами живою писчею машиною на подобіе римскихъ *librariæ*въ. Въ этомъ, конечно, ближе всего были заинтересованы напр. философы, ученые, риторы, литера-

---

старой комедіи, книготорговцы (*βιβλιοπώλαι*) упоминаются наряду съ продавцами сардинокъ, грушъ, фигъ, выдѣланныхъ кожъ, муки, ложекъ, ситъ и т. п., конхъ магазины располагались на торговой площади (Athen. III, 126 e).

торы, — словомъ, лица, посвятившія себя умственному труду. Последнее лучше всего подтверждается однимъ драгоценнымъ свидѣтельствомъ, которое сохранилось какъ бы нарочно для того, чтобы мы имѣли основаніе вѣрить, что все сейчасъ изложенное не романъ, не фикція, не плодъ произвольной комбинаціи разнаго рода вѣроятностей, а подлинная исторія. Свидѣтельство, о которомъ я говорю, находится у Діогена лаэртскаго. Этотъ авторъ сообщаетъ, будто, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Персей, ученикъ Зенона, былъ однимъ изъ рабовъ философа, присланныхъ къ нему Антигономъ изъ Македоніи для переписки книгъ ¹⁹⁷⁾. Положимъ, что это неправда, — текстъ Діогена все же оставляетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что такіе рабы у Зенона были и что ихъ было нѣсколько. Они, повидимому, должны были помогать ему при пополненіи обширной его библіотеки, начало которой положено было уже отцомъ философа, когда самъ онъ еще не вышелъ изъ ребяческихъ лѣтъ ¹⁹⁸⁾. Мы не боимся также предположить, что извѣстнымъ штатомъ рабовъ-переписчиковъ располагалъ и Гарпалъ, состоявшій одно время чѣмъ-то вродѣ поставщика рукописей при Александрѣ Македонскомъ ¹⁹⁹⁾, и что вообще подобный штатъ былъ безусловно необходимъ для каждаго библіофила, каковыхъ было немало въ Греціи въ періодъ, непосредственно предшествовавшій александринизму.

Тѣмъ не менѣе, допуская существованіе позднѣйшихъ librari'евъ на греческой почвѣ, мнѣ кажется, было бы оши-

¹⁹⁷⁾ Diog. L. VII, 36: μαθηταὶ δὲ Ζήνωνος πολλοὶ μὲν, ἐνδοξοὶ δὲ, Περσαῖος Δημητρίου Κιττιεύς, ὃν οἱ μὲν γινώσκον αὐτοῦ, οἱ δὲ οἰκέτην ἓνα τῶν εἰς βιβλιογραφίαν πεμπομένων αὐτῷ παρὰ Ἀντιγόνοιο.

¹⁹⁸⁾ Diog. L. VII, 31: φησὶ δὲ Δημήτριος ὁ Μάγνης ἐν τοῖς ὁμωνύμοις, τὸν πατέρα αὐτοῦ Μνασέα πολλὰκις ἅτε ἔμπορον Ἀθήνας παραγίνεσθαι καὶ πολλὰ τῶν Σωκρατικῶν βιβλίων ἀποφέρειν ἔτι παιδί ὄντι τῷ Ζήνωνι.

¹⁹⁹⁾ Plut. Alex. 8: τῶν δ' ἄλλων βιβλίων οὐκ εὐπορῶν ἐν τοῖς ἄνω τόποις Ἀρπαλὸν ἐκέλευσε πέμψαι, κακῆϊνος ἔπεμψεν αὐτῷ τάς τε Φιλίστου βίβλους καὶ τῶν Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους καὶ Αἰσχύλου τραγωιδῶν συγγὰς καὶ Τελέστου καὶ Φιλοξένου διδυράμβους. Шмитцъ ук. соч. стр. 47 сл. разъясняетъ, что пересылка книгъ, о которой здѣсь говорится, происходила въ то время, когда Гарпалъ находился подъ опаломъ у Филиппа и проживалъ въ Аѳинахъ и что подъ οἱ ἄνω τόποι слѣдуетъ разумѣть Македонію.

бочно думать, что классъ этотъ былъ и въ Греціи также многочисленъ, какъ въ Римѣ. Можно положительно утверждать, что такихъ большихъ изданій, какія предпринимались въ римскія времена, когда случалось, что книга выходила сразу въ 1000 экземпляровъ и даже болѣе, греческая практика книжнаго дѣла не знала. Книги были все еще слишкомъ дороги для того, чтобы издатель могъ рассчитывать на скорый сбытъ столь большого количества списковъ. Притомъ и книжныхъ рынковъ, которые бы могли равномерно способствовать распространенію новыхъ сочиненій въ различныхъ районахъ, первоначально было немного ²⁰⁰). Этимъ главнымъ образомъ, а не трудностью и объемистостью, слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что во времена Зенона лица, желавшія познакомиться съ твореніями Платона, принуждены были обращаться за ними къ немногимъ собственникамъ этихъ твореній и за право прочтенія уплачивать извѣстную сумму денегъ ²⁰¹). Если же напротивъ сочиненія Демокрита достигли такой распространенности, что въ платоновъ время уже не представлялось возможнымъ скупить ихъ ²⁰²), то, по всей вѣроятности, они были нѣсколько разъ переизданы; впрочемъ, уже самая затѣя Платона скупить полностью все изданіе демокритовыхъ сочиненій съ цѣлью ихъ уничтоженія свидѣтельствуетъ о томъ, что количество экземпляровъ, выпускавшихся въ продажу, первоначально не могло быть значительно. За то съ возникновеніемъ великихъ библіотекъ въ Александріи и Пергамѣ

²⁰⁰) Мы видѣли, что средоточіями книжной торговли въ до-александрійское время были Аѣнны и Родосъ. Болѣе стройная организація этого дѣла, о которой напр. говоритъ Либаній (I p. 78 Reisk.), создавалась долго и постепенно, вырабатывалась вѣками постоянной практики и была еще чужда тому времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

²⁰¹) Diog. L. III, 66: ἅπερ (разумѣются платоновы сочиненія), ὡς Ἀντίγονός φησιν ὁ Καρύστιος ἐν τῷ περὶ Ζήνωνος, νεοστὶ ἐκδοθέντα εἰ τις ἤθελεν ἀναγνῶναι μισθὸν ἐτέλει τοῖς κειτημένοις.

²⁰²) Diog. L. IX, 40: Ἀριστόξενος δ' ἐν τοῖς ἱστορικοῖς ὑπομνήμασι φησὶ Πλάτωνα θελήσαι συμπλέξαι τὰ Δημοκρίτου συγγράμματα, ὅποσα ἡδυνήθη συναγαγεῖν. Ἀμόκλαν δὲ καὶ Κλεινίαν τοὺς Πυθαγορικοὺς κολλῶσαι αὐτὸν ὡς οὐδὲν ὄφελος. παρὰ πολλοῖς γὰρ εἶναι τὰ βιβλία ἥδη.

число рабовъ-переписчиковъ должно было возрасти до большихъ размѣровъ, и производство рукописей, какъ сказано, неимоვნно усилилось.

Придаютъ обыкновенно очень большой вѣсъ намѣреннымъ обманамъ, коимъ подвергались со стороны недобросовѣстныхъ торговцевъ ревностные книгособиратели двухъ названныхъ городовъ; обманы—обманами, но было много и другаго, что могло затруднять грамматиковъ, занимавшихся при дворахъ Птолемеевъ и Атталидовъ провѣркою вновь купленныхъ манускриптовъ, и способно было сообщить ихъ работѣ высокую цѣну и огромное историко-литературное значеніе. Не надобно, во первыхъ, забывать, что большая часть обращавшихся въ продажѣ списковъ изготовлялась ремесленно и отличалась недоброкачествомъ. Рѣдки бывали такіе надежные писцы, какимъ судьба надѣлила напр. Демокрита ²⁰³). Въ большинствѣ случаевъ это былъ народъ малосвѣдущій, относившійся къ своему дѣлу довольно небрежно и вносившій въ тексты массу крупныхъ и мелкихъ ошибокъ и описокъ,—особенно тогда, когда копированіе производилось одновременно многими лицами подъ диктатъ. Жалобы на несправность рукописей идутъ черезъ всю древность. Я даже не буду доказывать этого цитатами, такъ какъ цитаты въ полномъ сборѣ читатель можетъ найти въ любомъ сочиненіи по данному вопросу. Если Лукіанъ обзываетъ книгопродавцевъ своего времени варварами по языку и круглыми невѣждами по познаніямъ (βαρβαροὶ μὲν τὴν φωνήν, ἄξύνετοι δὲ τῇ γνώσει), то нѣтъ основанія думать, что въ болѣе древнее время этотъ классъ промышленниковъ отличался болѣе высокимъ уровнемъ образованія. Еще менѣе права имѣемъ мы надѣлять высокимъ образовательнымъ цензомъ подневольныхъ переписчиковъ, работавшихъ по приказанію своихъ господъ надъ изготовленіемъ списковъ. Оттого уже довольно рано установилось обыкновеніе, прежде чѣмъ пріобрѣсти ту

²⁰³) Athen. VIII p. 354 c.: ἐν δὲ τῇ αὐτῇ ἐπιστολῇ ὁ Ἐπίκουρος καὶ Πρωταγόραν φησὶ τὸν σοφιστὴν ἐκ φορμοφόρου καὶ ἐυλοφόρου πρῶτον μὲν γενέσθαι γραφεὰ Δημοκρίτου.

или другую рукопись, отдавать ее на разсмотрѣніе специалистовъ книжнаго дѣла, которымъ поручалось опредѣлить ея годность и выправить погрѣшности текста. Но и эта мѣра въ свою очередь была небезопасна: произведенія, успѣвшія уже въ значительной степени пострадать отъ небрежности и невѣжества списателей, страдали еще и отъ произвола корректоровъ.

Однимъ изъ ближайшихъ неблагопріятныхъ для историка литературы послѣдствій такого порядка было умноженіе числа безыменныхъ сочиненій, — *ὑπομνήματα ἀδῆσποτα*. Пока не развился въ греческой публикѣ интересъ къ историческому изученію родной литературы, вопросъ объ авторствѣ для нея былъ безразличенъ: грека не столько занимала личность автора и тѣ внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ возникло то или другое литературное произведеніе, сколько самое произведеніе. Оттого для зауряднаго покупателя представляло мало интереса, чье имя стояло въ заголовкѣ той рукописи, на которой остановился въ книжной лавкѣ его выборъ: достаточно того, что книгопродавецъ прочиталъ ему изъ нея нѣсколько выдержекъ, и содержаніе ея оказалось заманчивымъ ²⁰⁴). Между тѣмъ имя, выставленное въ началѣ или въ концѣ свертка, а равно и на прикрѣпленной къ нему полосѣ пергамента (*σίλλυβος*), легко подвергалось опасности мало по малу быть стертымъ до неузнаваемости либо же и вовсе исчезнуть, такъ какъ именно эти части книги скорѣе всего уступали разрушительнымъ вліяніямъ времени и небрежнаго обращенія. Вмѣстѣ съ именемъ страдало и названіе сочиненія, зачастую возстановляемое при перепискѣ невѣрно, по памяти или по догадкѣ. Такимъ образомъ къ числу обращавшихся уже въ публикѣ анонимныхъ сочиненій присоединялось въ силу чисто случайныхъ причинъ много новыхъ либо вовсе безъ имени автора, либо съ сомнительнымъ его обозначе-

²⁰⁴) По поводу обыкновенія книгопродавцевъ читать своимъ посетителямъ вслухъ мѣста изъ книгъ, только что поступившихъ въ продажу, см. Becker II стр. 174 слл.

ніемъ ²⁰⁵). Еще чаще одно и тоже сочиненіе приписывалось различнымъ авторамъ или носило нѣсколько различныхъ заглавій. Впослѣдствіи все это доставляло немало хлопотъ изслѣдователямъ, а отчасти не перестаетъ доставлять и понынѣ. Соберемъ здѣсь ради примѣра нѣсколько относящихся къ этой категоріи древнихъ свидѣтельствъ.

1. Въ аристофановыхъ схоліяхъ Plut. 385 значится: Πάμφιλον μὲν Καλλίστρατος καὶ Εὐφρόνιος τραγωδιῶν ποιητὴν φασὶ καὶ διδάξαι Ἡρακλείδας. Τὰ δὲ λῖαν ἐπιτετηδευμένα ὑπομνήματα διστάζει, πότερος ποιητῆς (ἦν) ἢ ζωγράφος, ὃν καθ' ἡγήσασθαι φασιν Ἀπελλοῦ. Ἐν μέντοι ταῖς διδασκαλίαις πρὸ τούτων τῶν χρόνων Πάμφιλος οὐδεὶς φέρεται τραγικός. Γραφὴ μέντοι ἐστὶν οἱ Ἡρακλεῖδαι καὶ Ἀλκμήνη καὶ Ἡρακλέους θυγάτηρ Ἀθηναίουσδεδιότες, ἥτις Παμφίλου οὐκ ἔστιν, ὡς φασιν, ἀλλ' Ἀπολλοδώρου. Ὁ δὲ Πάμφιλος ὡς ἔοικε καὶ νεώτερος ἦν Ἀριστοφάνους. Эти слова схоліаста, очевидно, представляютъ собою результатъ историко-литературнаго изслѣдованія по вопросу о подлинномъ авторѣ драмы, перешедшей въ силу случайныхъ причинъ въ разрядъ произведеній, не помнящихъ родства. Какую зыбкую почву при этомъ имѣлъ подъ собою изслѣдователь, принужденный руководствоваться преданіемъ, явствуетъ изъ выраженій ὡς φασιν, ὡς ἔοικε ²⁰⁶).

2. Тамъ же Nub. 967. Παλλάδα. Ἀρχὴ ἄσματος Φρυνίχου. Ὡς [δὲ Bergk] Ἐρατοσθένης φησὶ, Φρύνιχος [δὲ] αὐτοῦ (leg. αὐτός) τούτου τοῦ ἄσματος μνημονεύει ὡς Λαμπροκλέους ὄντος. (ἔχει δὲ οὕτως Strecker) Παλλάδα περσέπολιν κτλ. Bergk Poët. Lug. III⁴ p. 555, пользуясь другою версіею схоліа, признавалъ Фриниха авторомъ одной части стихотворенія, Лампрокла же авторомъ другой его части. Но см. Strecker

²⁰⁵) Уппекампъ (стр. 82) видитъ указаніе на „levitas veterum in libris inscribendis“ въ словахъ Діогена лаэртскаго X, 26, которыя цитуетъ такъ: γέγραπται μαρτύριον ἔξωθεν ἐν αὐτοῖς (рѣчь идетъ о книгахъ Эпикюра) οὐδέν. ἀλλ' αὐταὶ εἰσὶν Ἐπικούρου φωναί. Но въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ читать μαρτύρων (вм. μαρτύριον) и αὐτοῦ (вм. αὐται), каковыя измѣненія существенно измѣняютъ и самый смыслъ приведенныхъ словъ.

²⁰⁶) Свидѣ s. v. διοίσειν остается на сторонѣ Καλλίστραта и Εὐφρονία: οὗτος (sc. ὁ Πάμφιλος) τραγωδιῶν ποιὸς ἐγένετο καὶ ἔγραψε τὰ συμβάντα τοῖς Ἡρακλεΐδαις. См. Brunn Gesch. d. griech. Künstler II стр. 132.

De Lycophrone Euphronio Eratosthene comicorum interpretibus (Griphiswald. 1884. diss.), p. 60.

3. Athen. II p. 70 a: Ἑκαταῖος δ' ὁ Μιλήσιος ἐν Ἀσίᾳ περιγῆσει, εἰ γνήσιον τοῦ συγγραφέως τὸ βιβλίον· Καλλιμαχος γὰρ Νησιώτου αὐτὸ ἀναγράφει· ὅστις οὖν ἐστὶν ὁ ποιήσας, λέγει οὕτως κτλ. Подобнымъ же уклончивымъ образомъ выражается Аѳеней и въ другихъ случаяхъ: IV p. 137 e—ὁ δὲ τοὺς εἰς Χιωνίδην ἀναφερομένους Πτωχοὺς ποιήσας κтл.; V p. 219 bc.—Ἀσπασία μέντοι ἡ σοφῇ—ἐν τοῖς φερομένοις ὡς αὐτῆς ἔπεσιν κтл.; p. 334 bc—ὁ τὰ Κύπρια ποιήσας ἔπη, εἴτε Κύπριός τις ἐστὶν ἢ Στασίνο·ς ἢ ὅστις δὴ ποτε χαίρει ὀνομαζόμενος и проч.

Сомнительнымъ легко могло сдѣлаться имя подлиннаго автора особенно тогда, если существовало нѣсколько одноименныхъ представителей одного и того же рода литературной дѣятельности или сходныхъ родовъ ея, причемъ въ лучшемъ случаѣ они отличались другъ отъ друга лишь по имени отца да по мѣсту происхожденія. Такъ напр.:

4. Suid. s. v. Κορίννα, Ἀχελωοδώρου καὶ Προκρατίας, Θηβαία ἢ Ταναγραία, μαθήτρια Μύρτιδος, ἐπωνόμαστο δὲ Μυῖα· λυρική.—Κορίννα Θεσπία, λυρική. οἱ δὲ Κορινθίαν εἰρήχασι. νομοὺς λυρικοὺς ²⁰⁷⁾.—Κορίννα νεωτέρα, Θηβαία, λυρική, ἢ καὶ Μυῖα κληθεῖσα. Срв. тамъ же сл. Μυῖα Σπαρτιάτις, ποιήτρια. ὕμνους εἰς Ἀπόλλωνα καὶ Ἀρτεμιν. Такимъ же образомъ были извѣстны два Антимаха (эпики), пять Орфеевъ (также), два Меланнипида (лирики), три Софокла (трагики), четыре Ксенофонта (историки) и проч. (срв. соотв. мѣста у Свида).

Путаница, вносимая такую одноименностью авторовъ въ исторію литературы, была настолько велика, что въ послѣднее до-христіанское столѣтіе явилась даже попытка пособить горю путемъ особаго, спеціальнаго розысканія объ одноименныхъ писателяхъ. Современникъ Цицерона, грамматикъ Деметрій изъ Магnezіи, предпринялъ обширную критическую работу περὶ ὁμωνύμων ποιητῶν καὶ συγγραφέων, изъ которой между прочимъ большой отрывокъ сохранилъ намъ Діонисій галикарнасскій (De Din. I). Примѣру Деметрія по-

²⁰⁷⁾ См. однако примѣчаніе Бернгарди къ этому мѣсту.

слѣдовали, повидимому, и другіе. По крайней мѣрѣ Свидя ссылается на нѣкогого Агресфонта, разрабатывавшаго ту же тему (ὡς Ἀγρέσφων ἐν τῷ περὶ ὁμωνύμων. Suid. s. v. Ἀπολ-
λώνιος).

5. Но, если была опасность смѣшать произведенія различныхъ писателей вслѣдствіе того, что ихъ имена звучали одинаково, то ошибочныя обозначенія родины и отеческаго имени могли дать поводъ труды одного автора почесть принадлежащими двумъ различнымъ писателямъ—одноименникамъ. Неисчислимы свидѣтельства древности, въ коихъ уцѣлѣли слѣды такихъ разногласящихъ обозначеній. Раскройте словарь Свиды, и вы найдете примѣры чуть не на каждой страницѣ: Θεόπομπος Θεοδέκτου ἢ Θεοδώρου; Ἐπίχαρμος Τιτύρου ἢ Χιμάρου; Ἴβυκος Φυτίου, οἱ δὲ Πολυζήλου, —οἱ δὲ Κέρδαντος; Ἀνακρέων, Σκυθίνου υἱός, οἱ δ' Εὐμήλου, οἱ δὲ Παρθενίου, οἱ δ' Ἀριστοκρίτου; Σαπφῶ Σίμωνος, οἱ δ' Εὐνομίου, οἱ δ' Ἐριγύου, οἱ δ' Ἐκρύτου, οἱ δὲ Σήμου, οἱ δὲ Σκάμωνος, οἱ δ' Ἐτάρχου, οἱ δὲ Σκαμανδρωνύμου; Χοίριλος Σάμιος, τινὲς δ' Ἰασέα, ἄλλοι δ' Ἀλικαρνασσία ἱστοροῦσι; Ὡλὴν Δυμαῖος ἢ Ὑπερβόρειος ἢ Λύκιος; Στησίχορος... πόλεως Ἰμέρας τῆς Σικελίας (καλεῖται γοῦν Ἰμεραῖος), οἱ δ' ἀπὸ Ματαυρίας τῆς ἐν Ἰταλίᾳ, οἱ δ' ἀπὸ Παλλαντίου τῆς Ἀρκαδίας φυγόντα αὐτὸν ἐλθεῖν φασιν εἰς Κατάνην κακῇ τελευτῆσαι καὶ ταφῆναι πρὸ τῆς πύλης, ἥτις ἐξ αὐτοῦ Στησιχόρειος προσηγόρευται. [Съ послѣднимъ срв. и другія мѣста, гдѣ рядомъ съ наименованіемъ родины писателя обозначено и позднѣйшее его мѣстопробываніе, напр. Ἀρίσταρχος Ἀλεξανδρεὺς θέσει, τῇ δὲ φύσει Σαμοθρᾶξ; Ἀπολλώνιος Ἀλεξανδρεὺς, —διατρίψας ἐν Ρόδῳ (auctor vitae I прибавляетъ: διὸ καὶ Ρόδιον ἑαυτὸν ἐν τοῖς ποιήμασιν ἀναγράφει); Athen. VI, p. 252 e Ποσειδώνιος ὁ Ἀπαμεύς, ὕστερον δὲ Ρόδιος χρηματίσας и т. п.] ²⁰⁸).

²⁰⁸) Иногда стремленіе по догадкѣ восполнить недостающее или сомнительное обозначеніе родины писателя, съ теченіемъ времени позабытой, приводило къ довольно сложнымъ комбинаціямъ. Такъ напр. Левкинпъ, слывшій ученикомъ элеатовъ и принадлежавшій къ послѣдователямъ пилзоистовъ, былъ, по указанію однихъ, родомъ изъ Элен, по другимъ—изъ Милета; а какъ Демокритъ былъ его ученикомъ, то и онъ нѣкоторыми считался милетцемъ. Наоборотъ тѣ, которые выводили Демокрита изъ Абдеры, дѣлали его учителя Левкинпа также абдеритомъ. Суще-
ство-

6. Произволъ въ обозначеніи заглавія былъ еще больше. Одно и тоже произведение зачастую именовалось различно: Athen. I p. 4 e—*ὅτι Ἀρχέστρατος ὁ Συρακούσιος ἢ Γελῶς ἐν τῇ, ὡς Χρύσιππος, ἐπιγραφομένῃ Γαστρονομίᾳ, ὡς δὲ Λυγκεὺς καὶ Καλλίμαχος, Ἦδυπαθείᾳ, ὡς δὲ Κλέαρχος, Δειπνολογίᾳ, ὡς δ' ἄλλοι, Ὁψοποιῖᾳ, ἐπικόν δὲ τὸ ποίημα* κтл. [срв. Athen. VII p. 278 a: *ὁ δὲ ὀψοδαίδαλος Ἀρχέστρατος ἐν τῇ Γαστρολογίᾳ, οὕτως γὰρ ἐπιγράφεσθαι φησι Λυκόφρων ἐν τοῖς περὶ κωμῳδίας, ὡς τὴν Κλεοστράτου τοῦ Τενεδίου Γαστρολογίαν* κтл.]. Иныя сочиненія самими авторами обозначались двояко. Такъ Платонъ на своихъ діалогахъ выставлялъ обыкновенно два названія,—*τὴν μὲν ἀπὸ τοῦ ὀνόματος, τὴν δὲ ἀπὸ τοῦ πράγματος* (Thrasyll. ap. Diog. L. III 57). Впослѣдствіи попытка объяснить подобныя параллельныя заглавія приводила къ довольно курьезнымъ заключеніямъ вродѣ слѣдующаго: arg. Theocr. I *περὶ τῆς ἐπιγραφῆς τοῦ παρόντος εἰδυλλίου· Θεοκρίτου Θύρσις ἢ ὠδὴ· τοῦτ' ἐστὶν ὁ βουλούμενος Θύρσιν ὑπογράφετω ἢ ὠδὴν* ²⁰⁹). Бывало и такъ, что свое наименованіе книга получала не отъ автора, а отъ какого либо грамматика. Если Галенъ предоставлялъ въ распоряженіе пріятелей свои рукописи, не снабдивъ ихъ ни какимъ заглавіемъ ²¹⁰), то такіе случаи извѣстны въ исторіи книжнаго дѣла и раньше. Не предназначенныя первоначально къ изданію въ свѣтъ,—подобныя „σχολικὰ ὑπομνήματα“ съ теченіемъ времени могли расходиться по рукамъ во многочисленныхъ спискахъ, попадать на книжный рынокъ и пере-

ваніе одноименныхъ городовъ въ различныхъ областяхъ могло въ свою очередь служить виною превратныхъ заключеній. Легенда о Тиртѣѣ, быть можетъ, обязана своимъ происхожденіемъ не чему иному, какъ смѣшенію двухъ Афидаѣ,—см. Steph. Byz. s. v. Ἀφιδνα.

²⁰⁹) Uppenkamp, p. 42.—Вотъ еще примѣры различныхъ обозначеній одного и того же произведенія: Athen. II, 45 ef. *Ἰπποκράτης ἐν τῷ περὶ διαίτης φησὶν, ὃ τινες μὲν ἐπιγράφουσι περὶ ὀξέων [νόσων], οἱ δὲ περὶ πτισάνης, ἄλλοι δὲ πρὸς τὰς Κνιδίας γνώμας; Schol. Pind. ad od. II Pyth. *διεστασίχεται οὐ μετρίως τοῖς πρὸ ἡμῶν· οἱ μὲν γὰρ οὐδὲ ὅλως ἐπὶ νικον αὐτὸν εἶναί φασι, Τίμαιος δὲ Συσιατήριον, Καλλίμαχος δὲ Νεμεακόν, Ἀρμῳνιος δὲ καὶ Καλλίστρατος Ὀλυμπιακόν, ἔνιοι δὲ Πυθικόν, ὡς Ἀπολλώνιος ὁ εἰδογράφος, ἔνιοι δὲ Παναθηναϊκόν.**

²¹⁰) Galen. *περὶ τῆς τάξεως τῶν ἰδίων βιβλ.* XIX p. 10 K.: *φιλοῖς ἢ μαθηταῖς ἐδίδото χωρὶς ἐπιγραφῆς ὡς ἂν οὐδὲ πρὸς ἑκδοσιν, ἀλλ' αὐτοῖς ἐκείνοις γεγρανότα, δεηθεῖσιν ὧν ἤκουσαν ἔχειν ὑπόμνημα.*

ходить въ потомство безъ всякаго надписанія, каковое лишь въ послѣдствіи такъ или иначе брались восполнить грамматики и пинакографы. Мы знаемъ напр., что еще во времена Платона гиппократовы сочиненія обращались въ публикѣ безъ обозначенія заглавій (Plat. Phaedr. 270 с.; Protag. 311 b), что многіе аристотелевскіе трактаты обязаны своими титулами позднѣйшимъ редакторамъ и т. п.²¹¹⁾. Драматическія произведенія, подвергаясь со стороны авторовъ переработкѣ, получали въ новомъ видѣ часто и новыя наименованія. Срв. Athen. XI р. 496 е — Δίφιλος Αἰρησιτεῖχει· τὸ δὲ δράμα τοῦτο Καλλιμάχος ἐπιγράφει Εὐνούχον; тамъ же, пятью строками ниже: Δίφιλος δ' ἐν Εὐνούχῳ ἢ Στρατιώτῃ, ἔστι δὲ τὸ δράμα διασκευὴ τοῦ Αἰρησιτείου. Подъ различными названіями слыли также иногда однѣ и тѣ же пьесы въ дидактикаліяхъ и въ литературѣ: срв. Soph. Ai. arg. ὅθεν καὶ τῇ ἐπιγραφῇ πρόκειται Μαστιγοφόρος, ἢ πρὸς ἀντιδιαστολὴν τοῦ Λοκροῦ. Δικαίαρχος δὲ Αἴαντος θάνατον ἐπιγράφει. ἐν δὲ ταῖς διδασκαλίαις ψιλῶς Αἴας ἀναγράφεται.

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы ясно видѣть, какъ много помимо намѣреннаго, злостнаго обмана существовало условій, въ силу которыхъ произведенія древней литературы могли попадать сперва въ разрядъ анонимныхъ, а потомъ въ категорію сомнительныхъ и подложныхъ. Зачастую и авторы, и издатели, и книгопродавцы были въ этомъ совершенно не повинны. Послѣдовательная переписка, внося порчу и искаженіе въ текстъ, не щадила и заголовка, который сверхъ того отъ времени и людской небрежности вообще страдалъ больше, нежели самая рукопись. Имена, отчества, географическія названія, титулы сочиненій—все это смѣшивалось, варіировалось и искажалось на тысячу ладовъ, и, чтобы разобратъся въ этой путаницѣ, александрійскимъ и пергамскимъ ученымъ пришлось нагромоздить томы на томы кропотливѣйшихъ изслѣдованій.

²¹¹⁾ Asclep. Trall. ad Metaph. ἵστέον δέ, ὅτι ἐπιγράφεται καὶ Σοφία καὶ Φιλοσοφία καὶ Πρώτη Φιλοσοφία καὶ Μετὰ τὰ φυσικά... καὶ Θεολογίαν δὲ καλοῦσιν αὐτήν. Название „метафизики“ дано этому сочиненію Андроникомъ.

Далѣе, всѣмъ извѣстно, насколько шатко и неопредѣленно было понятіе о литературной собственности въ древнемъ мірѣ. Авторъ часто не заботился о томъ, чтобы обезпечить за собою право на то или другое изъ своихъ произведеній, ибо не видѣлъ въ этомъ никакой надобности. Нѣкоторыя сочиненія прямо писались на заказъ, — стало быть, имѣли случайный характеръ и не предназначались для обращенія въ публикѣ,—и, разъ заказчикъ уплатилъ автору условленный гонораръ, рукопись тотчасъ же становилась его неотъемлемымъ достояніемъ. Такъ бывало напр. съ судебными рѣчами многихъ извѣстныхъ ораторовъ. Такъ какъ по смыслу аѳинскаго законодательства каждый гражданинъ долженъ былъ самолично вести свое дѣло въ судѣ и никакіе адвокаты не могли замѣщать ни истца, ни отвѣтника ²¹²⁾, то лица, не обладавшія ни достаточнымъ знаніемъ законовъ, ни надлежащимъ даромъ изложенія, принуждены были готовить свои обвинительныя или защитительныя рѣчи заранѣе при содѣйствіи и поддержкѣ со стороны опытныхъ юристовъ. Роль послѣднихъ могла ограничиваться лишь изустными наставленіями да сообщеніемъ нѣсколькихъ подходящихъ къ случаю общихъ мѣстъ, которыми кліенту предоставлялось пользоваться по мѣрѣ своего умѣнья; но перѣдко она переступала эти скромные предѣлы, и юристъ составлялъ на бумагѣ полностью либо въ болѣе или менѣе подробномъ конспектѣ требуемую рѣчь, которую затѣмъ и продавалъ заинтересованному лицу. Сдѣлки этого рода носили вполнѣ частный характеръ, совершались келейно, негласно, и если рѣчь впослѣдствіи пріобрѣтала извѣстность, какъ литературный памятникъ, то истиннаго автора ея отыскать было нелегко, да онъ и самъ зачастую отвергалъ свое участіе въ ея составленіи. Такъ напр. мы знаемъ, что Исократъ въ началѣ своей карьеры, подобно Лисію и другимъ, не брезгалъ ремесломъ «логографа»

---

²¹²⁾ Такъ назыв. *συμβουροί*, которыхъ могли привлечь къ дѣлу тяжущіяся стороны, не были адвокатами въ нашемъ смыслѣ слова, хотя иногда и получали за свое участіе въ процессѣ плату.

и, повидимому, написалъ по заказу какъ тѣ немногія судебныя рѣчи, которыя дошли до насъ, такъ и нѣсколько другихъ, обращавшихся, съ его именемъ въ древности; тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Діонисія (de Isocr. 8), пасынокъ его Афарей во исполненіе воли самого автора категорически отрицалъ принадлежность этихъ рѣчей ему. Легко представить себѣ также и другіе случаи, когда для автора являлось желательнымъ какъ нибудь скрыть или замаскировать свое имя. Знаменитый ксенофонтъ «Анабасисъ» былъ, по всей вѣроятности, однимъ изъ первыхъ псевдонимныхъ произведеній: появленіе въ свѣтъ невѣрнаго отчета объ отступленіи десяти тысячъ грековъ, написаннаго нѣкимъ Софѣнетомъ, вынудило главнаго героя этого событія выступить въ свою очередь на литературное поприще съ рѣчью *pro domo sua*, и онъ предпочелъ повести эту рѣчь о себѣ въ третьемъ лицѣ, отъ имени никому невѣдомаго Θемистогена сиракузскаго. Подобнымъ же образомъ, хотя и по совершенно инымъ побужденіямъ, греческіе драматурги ставили иногда на сцену свои произведенія подъ чужими именами. Первые свои комедіи (Δαιταλῆς, Βαβυλωνίαι, Ἀχαρνῆς) Аристофанъ поставилъ при посредничествѣ друзей своихъ Филонида и Каллистрата, согласившихся фигурировать въ качествѣ авторовъ этихъ пьесъ ²¹³). Постановку послѣднихъ своихъ произведеній онъ также поручилъ сыну своему Арароту, имя котораго было поэтому занесено въ официальные протоколы представленій и ошибочно признавалось за имя автора нѣкоторыхъ аристофановыхъ вещей еще Климентомъ александрийскимъ. Тому же Арароту, равно какъ и брату его Филиппу, приходилось, повидимому, являться передъ аѳинскою публикою также и съ произведеніями другаго комика, Эвбула,—обстоятельство, служившее въ свою очередь источникомъ многихъ ошибокъ ²¹⁴).

²¹³) См. по этому предмѣру Alb. Briel De Callistrato et Philonide sive de actionibus Aristophaneis. Berl. 1887. Также J. N. Gröbl Die ältesten Hypothesen zu Aristophanes. Dillingen. 1890 (стр. 23 сл., 26 сл.).

²¹⁴) Ath. XIII, p. 568 f. ἐν Ναννίῳ, εἰ Εὐβούλου τὸ δράμα καὶ μὴ Φιλίππου; p. 562 с. (и въ другихъ мѣстахъ) Εὐβούλος δ' ἢ Ἀραρῶς ἐν Καμπύλωνι.

Собственно говоря, во всѣхъ такихъ случаяхъ, каковы только что приведенные, псевдонимность близко граничила съ плагиатомъ. Это понимали и древніе, и тотъ самый Аристофанъ, который въ обезпеченіе успѣха первыхъ дебютовъ своего сына на сценическомъ поприщѣ позволялъ себѣ ставить подъ его именемъ собственныя пьесы, не преминулъ однако посмѣяться надъ Софокломъ, котораго также подозрѣвали въ авторствѣ драмъ, официально приписывавшихся сыну его Іофонту (Sch. Ran. v. 73; Ar. Vesp. v. 1018). Но не только Софоклъ, а и Эсхиль, и Эврипидъ не были безгрѣшны въ этомъ отношеніи,—и они дѣлились своими лаврами съ менѣе талантливыми дѣтьми, беззастѣнчиво обращавшими въ свою собственность съ согласія отцевъ творенія этихъ послѣднихъ ²¹⁵).

Вообще плагиатъ былъ въ древнихъ литературахъ явленіемъ нерѣдкимъ. Мы не станемъ касаться юридической стороны этого дѣла, а равно не будемъ въ подробности разсматривать; въ какой мѣрѣ понятія о литературной собственности въ древности разнились отъ понятій современныхъ,—насъ занимаютъ здѣсь вопросы исключительно историческаго свойства, и имъ мы удѣлимъ нѣсколько строкъ сообразно съ цѣлями и размѣрами настоящаго изслѣдованія ²¹⁶).

Въ области прозы плагиатъ обнаруживается въ Греціи съ самаго зарожденія прозаической литературы. Такъ называемые «логографы» иногда цѣликомъ вносили въ свои труды болѣе или менѣе объемистые экскерпты изъ сочиненій своихъ предшественниковъ, не находя нужнымъ ссылаться при этомъ на источникъ заимствованія. Акусилай черпалъ свой

²¹⁵) Suid. Εὐρυπίδην, υἱὸς Αἰσχύλου τοῦ τραγικοῦ, Ἀθηναῖος, τραγικὸς καὶ ἀντὶς, ὃς καὶ τοῖς Αἰσχύλου τετρακίς ἐνίκησεν. ἔγραψε δὲ καὶ οἰκεία.—Eurip. vit. (ap. Westerm. p. 134): καὶ υἱὸς κατέλιπε [ὁ Εὐριπίδης] τραῖς... νεώτερον δ' Εὐριπίδην, ὃς ἐδίδαξε τοῦ πατρὸς ἑνὶ δράματι.

²¹⁶) О псевдонимности, плагиатѣ и литературныхъ подлогахъ въ древней Греціи мы до сихъ поръ не имѣемъ обстоятельнаго изслѣдованія, не смотря на изрядное количество матеріала и интересъ предмета. Эггеръ, Шмидтъ, Кальемеръ (La propriété littéraire à Athènes. 1868), Шмидтъ, Биртъ и др. не исчерпали этого вопроса.

матеріалъ главнымъ образомъ изъ Гесіода, котораго, по увѣреніямъ позднѣйшихъ писателей, въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправилъ; Дамасть не въ мѣру воспользовался трудами Гекатѣя (Agathem. II, 7 *Δαμάστης — τὰ πλείεστα ἐκ τῶν Ἑκαταίου μεταγράψας*). Изъ первыхъ піонеровъ философской мысли также не всѣ были самостоятельны. Особенно относится это къ авторамъ различныхъ „*φιλόσοφα ἔπη*“ съ этическимъ содержаніемъ, въ коихъ многое и по самой формѣ своей принадлежало древней традиціи. Со временъ Перикла начался въ средѣ аттическихъ комиковъ рядъ взаимныхъ обвиненій въ литературномъ воровствѣ: Кратетъ поставилъ на сцену въ передѣлкѣ и съ добавленіями комедію своего современника Магнета „*Δίνυρος*“ и даже самъ не скрывалъ этого; Эвполидъ въ своей пьесѣ „*Μαρκῆς*“ цѣликомъ воспроизвелъ сюжетъ аристофановыхъ «Всадниковъ», чѣмъ вызвалъ протестъ со стороны Аристофана ²¹⁷⁾; Алексидъ присвоилъ себѣ антифанову «Антею», сдѣлавъ въ этой комедіи лишь весьма незначительныя измѣненія ²¹⁸⁾. Самые крупные представители драматической поэзіи не гнушались плагиатомъ: по увѣренію Дигзарха и автора псевдоаристотелевскихъ „*ὕπομνηματα*“, знаменитая «Медя» Эврипида представляла собою не что иное, какъ сколокъ съ пьесы того же имени, принадлежавшей малоизвѣстному трагику Неофрону ²¹⁹⁾. Значительную долю мелическихъ частей въ эврипидовыхъ трагедіяхъ молва приписывала также не самому

²¹⁷⁾ Объ этомъ трактуетъ E. Struve De Eupolidis Maricante sive de Aristophane accusatore et Eupolide plagii reo. Kiel. 1841.

²¹⁸⁾ Athen. III p. 127 b sq.: λέξω δὲ — Ἀντιφάνους παρατιθέμενος ἐξ Ἀντείας τάδε... τὸ δ' αὐτὸ τοῦτο δράμα φέρεται καὶ ὡς Ἀλέξιδος ἐν ὁλίγοις σφόδρα διαλλάττον.

²¹⁹⁾ Argum.: τὸ δράμα δοκεῖ ὑποβλέσθαι παρὰ Νεόφρονος διασκευάσας, ὡς Δικαίωχος περὶ τοῦ τῆς Ἑλλάδος βίου καὶ Ἀριστοτέλης ἐν ὑπομνήμασι. Христъ (LG. 2 Aufl. стр. 220), впрочемъ, думаетъ, что либо первая редакція эврипидовой «Медя» была ошибочно приписана позднѣйшими критиками Неофрону, либо же трагедію свою Эврипидъ поставилъ на сцену не самъ, а при посредствѣ Неофрона, взявшаго на себя обязанности и трудъ режиссера.

автору, а рабу его Кефисофонту и какому то аргосцу Тимократу ²²⁰).

Иногда въ положеніи плагиатора могъ очутиться чело-
вѣкъ, совершенно ни въ чемъ неповинный, невольно
и непредумышленно, — своеобразная черта, свойственная,
кажется, исключительно литературнымъ порядкамъ одной
древности. Такъ напр. при переходѣ манускрипта изъ рукъ
въ руки и при послѣдовательной перепискѣ его могла между
прочимъ грозить опасность смѣшать имя справщика съ
именемъ автора, равно какъ и время написанія рукописи
со временемъ ея исправленія, ибо грамматикъ, провѣрившій
и исправившій манускриптъ, обыкновенно отмѣчалъ на немъ
свое имя, а иногда обозначалъ и время своей работы ²²¹).
Мнѣ кажется, что слѣдъ такого смѣшенія замѣтенъ въ
одномъ изъ каллимаховыхъ фрагментовъ: εἰλικρινῶς δὲ τοῦ
δράματος ('Ανδρομάχης) χρόνους οὐκ ἔστι λαβεῖν. οὐ δεδίδαχται
γάρ 'Αθήνησιν. ὁ δὲ Καλλίμαχος ἐπιγραφεῖν αἱ φησι τῇ τραγῳδίᾳ
Δημοκράτην ²²²). Имя Δημοκράτην Шнейдеръ предлагаетъ
исправить въ Τιμοκράτην на основаніи вышеприведеннаго
[прим. 219] мѣста изъ эврипидова жизнеописанія, хотя,
повидимому, и самъ не придаетъ большаго значенія своей
конъектурѣ. Рихтеръ ²²³) усматриваетъ здѣсь смѣшеніе
имени автора съ именемъ протагониста, что еще менѣе
вѣроятно. Но есть возможность предположить, что Δημοκράτης
представляетъ собою именно названіе справщика, черезъ
руки котораго прошелъ одинъ изъ экземпляровъ эврипидовой
трагедіи, и тогда нѣтъ надобности увеличивать извѣстные
намъ списки греческихъ актеровъ и драматурговъ лишнимъ
загадочнымъ именемъ.

Приведемъ другой образецъ невольнаго плагиата. Еще
при жизни извѣстнаго историка Θεοπομπα съ его именемъ

²²⁰) Eurip. vit. (ap. Westerm. p. 134): οἱ δὲ τὰ μέλη αὐτῷ [Εὐριπίδῃ] φασὶ Κηρίστροφόντα ποιεῖν ἢ Τιμοκράτην Ἀργεῖον.

²²¹) Примѣры этихъ подлинсей имѣются и нынѣ.

²²²) Schol. VR ad Eurip. Androm. 446 (Schneider Callim. frg. 100^d, 26).

²²³) Proleg. in Aristoph. Vesp. 19.

былъ выпущенъ въ свѣтъ и нѣкоторое время обращался въ публикѣ памфлетъ *Τριχάρωνος*, написанный зло и несправедливо, совершенно въ стилѣ названнаго писателя, прославившагося своимъ злымъ языкомъ (*maledicentissimus scriptor. Corn. Nep. Alcib. 11*). Въ памфлетѣ этомъ доказывалось, что во всѣхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Грецію, виноваты были три государства, стоявшія во главѣ ея, — Аѳины, Спарта и Фивы. Безспорно, произведеніе такого рода могло легко повредить автору и во всякомъ случаѣ должно было ему надѣлать хлопотъ. Дѣйствительнымъ же составителемъ «Треглава» былъ, какъ оказалось, не Теопомпъ, а личный врагъ его, риторъ Анаксименъ изъ Лампсака, ученикъ Зоила.

Впрочемъ, случаевъ такого открытаго, дерзкаго подлога, разумѣется, если и повторялись, то не могли быть многочисленны. За то поддѣлки другаго рода, когда какой нибудь литературный продуктъ новѣйшей фабрикаціи выдавался за произведеніе древняго писателя съ громкимъ именемъ и широкимъ кругомъ почитателей, совершались сплошь и рядомъ. И при этомъ поддѣльщикъ могъ преслѣдовать самыя различныя цѣли. Иногда, покушаясь на подлогъ, онъ дѣлалъ это исключительно въ видахъ сообщенія нѣкотораго вѣса и авторитета своимъ литературнымъ издѣліямъ въ глазахъ читающей публики. Это, пожалуй, была своего рода «*riâ traus*», какъ выражается М. Мейеръ ²²⁴⁾, и примѣръ ея мы встрѣчаемъ уже въ глубокой древности. Знаменитый процессъ Ономакрита, уличеннаго Ласомъ герміонскимъ въ поддѣлкѣ прорицаній Мусея, представляетъ собою первое звено въ длинной цѣпи доказанныхъ фактовъ этой категоріи. Уже Геродотъ (II, 53) былъ увѣренъ, что всѣ произведенія поэтическаго творчества, имѣвшія претензію на до-гомеровское происхожденіе, на самомъ дѣлѣ возникли гораздо позже Гомера и Гесіода. Для ученыхъ александрійской школы это было неопровержимою аксіомою ²²⁵⁾. Подобнымъ же обра-

²²⁴⁾ M. Meyeri Opusc. academica, I, p. 85.

²²⁵⁾ Schol. Dion. Thrac. p. 785 Bekk.: εἰ καὶ ἱστοροῦσι τινες ποιητὰς προϋμενεῖν καὶ Ὀμήρου Μουσικόν τε καὶ Ὀρφέα καὶ Λίνον, ἀλλ' ὅμως οὐδὲν πρὸς

зомъ весьма рано было заподозрѣно многое и изъ того, что приписывалось Гомеру и Гесіоду, хотя здѣсь, конечно, нѣтъ надобности непременно предполагать намѣренный обманъ. Громкая слава такъ называемыхъ семи мудрецовъ внушила смѣлому мистификатору Лобону аргосскому мысль подъ ихъ именемъ выпустить въ свѣтъ нѣсколько тысячъ самодѣльныхъ стиховъ, и поддѣлка имѣла успѣхъ ²²⁶⁾. Пифагорейцы, составивъ подъ названіемъ «Золотыхъ Виршей» стихотворный кодексъ морали въ духѣ этического ученія своей секты, приписали авторство, ничтоже сумняшеся, самому Пифагору ²²⁷⁾. Въ александрійскія времена литературнымъ подлогомъ не брезгали нѣкоторые изъ эллинизованныхъ евреевъ, видя въ немъ одно изъ средствъ доказать превосходство еврейской культуры передъ греческою. Такъ напр. іудейскій философъ Аристобуль при Птолемѣѣ Филометорѣ издалъ обширный комментарий къ «Пятикнижію», который въ виду указанной цѣли наводнилъ множествомъ подложныхъ ссылокъ на стихи Орфея, Лиана, Гомера, Гесіода и др. ²²⁸⁾. Другой еврей неизвѣстныхъ, но во всякомъ случаѣ не слишкомъ позднихъ временъ, былъ авторомъ дидактической поэмы, ложно приписанной имъ элерику Фокилиду ²²⁹⁾. Наконецъ, третій еврей составилъ нѣсколько подложныхъ писемъ, выпу-

---

βούτερον τῆς ἱλιάδος καὶ Ὀδυσσεΐας σώζεσθαι ποιήματα. ἀλλ' ἐρεῖ τις, πῶς; ἐπεὶ γράμματα σώζονται πρεσβύτερα; καὶ φάμεν, ὅτι τὰ μὲν τούτων ἐψευσμένους ἔχουσι τοὺς χρόνους, τὰ δὲ νεωτέρων τινῶν ἐχόντων ὁμωνυμίας τῶν παλαιῶν τὰς ἐπιγραφὰς ἔχουσι.

²²⁶⁾ Hiller Die litter. Thätigkeit der sieb. Weisen. Rhein. Mus. 33, стр. 518 слл.

²²⁷⁾ На этотъ памятникъ ссылался уже Хрисиппъ у Гелл. VII, 2, 12, какъ на произведение пифагорейцевъ. Срв. Nauck Bull. de l'ac. de St. Pétr. 18, 472 слл.

²²⁸⁾ Valkenaer Diatribe de Aristobulo Judaeo (LB. 1806).—Zeller Philos. d. Griech. III, 2, 258 сл.; Bergk (Gr. L. G. IV, 534 сл.) относитъ комментарий Аристобула ко времени не раньше Августа и имя автора считаетъ подложнымъ.

²²⁹⁾ Бернайсъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ (Ueb. das phokylidiesche Gedicht. Berl. 1856) датируетъ псевдофокилидову поэму двумя хронологическими терминами,—она помѣщается ея между II стол. до Р. X. и временемъ Нерона.

ценныхъ имъ съ именемъ философа Гераклита, авторитетъ котораго долженъ былъ на этотъ разъ послужить въ подкрѣпленіе притязаній еврейскаго народа на равноправность съ чистокровными эллинами ²³⁰).

Случалось также, что влекомые чувствомъ горячаго расположенія къ извѣстному литературному дѣятелю друзья и родственники сознательно или невольно надѣляли его въ послѣдствіи чужими трудами, приписывая ему сочиненія, на самомъ дѣлѣ ему не принадлежавшія, но вышедшія изъ его школы и возникшія подъ его вліяніемъ. Такъ напр. въ число платоновыхъ твореній попало много такого, что въ дѣйствительности было написано не самимъ философомъ, а уже его учениками, между прочимъ его издателемъ Филиппомъ опунтскимъ ²³¹). Аристотель испыталъ подобную же участь: никто, быть можетъ, во всей исторіи литературы не былъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, услужливыми поклонниками награжденъ чужимъ добромъ, и въ настоящее время стоитъ даже на очереди вопросъ, не принадлежалъ ли къ этому чужому добру и пресловутый трактатъ объ аѳинскомъ государствѣ, недавно открытый и изданный, равно какъ и вообще всѣ приписанныя древностью Аристотелю „πολιτεῖαι“?..

Но, разумѣется, обманъ, производимый съ коммерческими цѣлями, ἐπ' αἰσχροκερδείᾳ, встрѣчался наиболѣе часто и проявлялся въ наиболѣе безцеремонныхъ формахъ. Свитки, номѣченные именами крупныхъ литературныхъ знаменитостей, сплошь и рядомъ оказывались совершенно ничтожными продуктами наглой поддѣлки, и потому, естественно, покупатели привыкали относиться къ товару, выставленному въ книжныхъ лавкахъ, съ большою осмотрительностью, не слишкомъ полагаясь на добросовѣстность книгопродавцевъ. Въ особенности увеличились размѣры этого рода фальсификаціи съ тѣхъ поръ, какъ началось знаменитое состязаніе Александріи съ Пергамомъ и другими культурными центрами по части соби-

²³⁰) Edm. Pfeleiderer Die pseudoheraklitischen Briefe und ihr Verfasser (Rhein. Mus. 42, стр. 153 слл.).

²³¹) Срв. Diog. Laert. III, 37; Suid. s. v. Φιλόσοφος.

ранія и приобрѣтенія рукописей. Правда, Галенъ ошибался, утверждая, что прежде, нежели возникла эта оригинальная конкуренція, такъ называемыхъ *ψευδεπίγραφα* не было ²³²); но во всякомъ случаѣ они не были до этого времени такъ многочисленны и такъ разнообразны, какъ сдѣлались впоследствии, благодаря всевозможнымъ ухищреніямъ торговцевъ, изощрившихъ свою изобрѣтательность по части литературнаго подлога до высшей степени въ виду крупныхъ выгодъ, какія этотъ промыселъ сталъ доставлять въ эпоху эпигоновъ...

Мы боимся безъ особенной необходимости увеличить размѣры этого отступленія и потому ограничимся здѣсь лишь самонужнѣйшими указаніями.

Первѣе и больше всего страдала отъ фальсификаціи рукописей достовѣрность историко-литературнаго преданія. Количество сочиненій, ложно приписанныхъ съ цѣлями скорого сбыта всѣмъ мало-мальски выдающимся писателямъ древности, было въ александрійскія времена уже такъ велико, что изслѣдованіе подлинности каждаго произведенія въ цѣломъ и въ частяхъ стало отнынѣ существеннѣйшею задачею грамматиковъ, — задачею, рѣшеніе которой отодвигало на задній планъ даже эстетическую оцѣнку достоинствъ и недостатковъ произведенія. Такъ напр. Діонисій ѳракійскій, опредѣляющій грамматику, какъ „ἐμπερίαν τῶν παρὰ ποιητῶν τε καὶ συγγραφεῶν ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ λεγόμενων“, различаетъ въ этой дисциплинѣ шесть отдѣльныхъ частей (ἀνάγνωσις, ἐξήγησις, γλωσσῶν καὶ ἱστοριῶν ἀπόδοσις, ἐτυμολογίας εὗρεσις, ἀναλογίας ἐκλογισμὸς, κρίσις ποιημάτων) и предметомъ послѣдней изъ нихъ (κρίσις ποιημάτων) считаетъ слѣдующее: κρίνει δὲ τὰ ποιήματα οὐχ ὅτι καλὰ ἐστὶν ἢ κακὰ· ποιητοῦ γὰρ ἂν εἴη τὸ τοιοῦτον· ἀλλ' ἐπειδὴ πᾶν μέτρον ὑπὸ τὴν τέχνην ἐστίν, ἀνάγκη τὸν γραμματικὸν ταῦτα πάντα διακρίνειν, εἰ τοῦ αὐτοῦ ἐστὶ ποιητοῦ (Schol. Dion. Thrac. p. 741 sq.). Хотя здѣсь рѣчь идетъ о поэзии, тѣмъ не менѣе,

²³²) Galen. in Hippocr. de nat. hom. II. T. XV. p. 105 πρὶν γὰρ τοῦ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ τε καὶ Περγᾷ γενέσθαι βασιλεῖς ἐπὶ κτήσει παλαιῶν βιβλίων φιλοτιμηθέντας, οὐδέπω ψευδῶς ἐπεγέγραπτο σύγγραμμα· λαβεῖν δ' ἀρξαμένων μισθὸν τῶν κομζόντων αὐτοῖς συγγράμματα παλαιοῦ τινος ἀνδρὸς οὕτως ἦδη πολλὰ ψευδῶς ἐπιγράφοντες ἐκόμιζον.

какъ показываютъ фрагменты пинакографовъ, несомнѣнно, что и прозаическія произведенія разсматривались съ той же критической точки зрѣнія, и вопросъ: „εἴτε γνήσιόν ἐστι τὸ σύγγραμμα, εἴτε μὴ“—стоялъ во главѣ всѣхъ другихъ.

Продуктъ подлога отличался, если можно такъ выразиться, особенною пикантною, когда мнимымъ авторомъ произведенія оказывалось лицо, извѣстное именно тѣмъ, что, несмотря на всѣ данныя для плодотворной дѣятельности на литературномъ поприщѣ, оно тѣмъ не менѣе на этомъ поприщѣ не выступало. Какъ бы ни былъ подозрителенъ критикъ, онъ все же могъ не устоять отъ искушенія считать подлинными находившіяся въ продажѣ рѣчи Перикла,—этого свѣтила ораторскаго искусства, у котораго, по выраженію комика, „πειθὼ τις ἐπεκάθειξεν ἐπὶ τοῖς χεῖλεσιν“,—или Алкивиада, не менѣе знаменитаго своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, хотя ни тотъ, ни другой не издавалъ своихъ рѣчей, да и подобное изданіе въ ихъ времена считалось еще дѣломъ предосудительнымъ ²³³). Самъ Каллимахъ совершалъ промахи въ этомъ родѣ. Такъ напр. у Аэнея XV стр. 669 d значитъ: Διονύσιος—Χαλκοῦς προσηγορεύθη διὰ τὸ συμβουλεῦσαι Ἀθηναίοις χαλκῶ νομίσματι χρῆσασθαι καὶ τὸν λόγον τοῦτον ἀνέγραψε Καλλίμαχος ἐν τῇ τῶν ῥητορικῶν ἀναγραφῇ. На самомъ дѣлѣ Діонисій, о которомъ здѣсь говорится, былъ несомнѣннымъ авторомъ лишь элегическихъ стихотвореній,

²³³) „Durch das Zeugniß des platonischen Phaidros wissen wir, dass die Abneigung gegen die Veröffentlichung von Reden auch nach dem peloponnesischen Kriege noch nicht geschwunden war. Also muss, was an der Grenze des fünften und vierten Jahrhunderts geschrieben sein soll, gleichfalls den Verdacht erregen“. Sittl LG. II, стр. 81 сл. А между тѣмъ число ораторскихъ произведеній, относимыхъ къ этой порѣ, было весьма значительно. Периклу приписывалось нѣсколько литературныхъ работъ (Cic. Brut. 7, 27; de orat. 2, 22, 93), а Свида увѣряетъ даже, что онъ и говорилъ то свои рѣчи, такъ сказать, по тетрадкѣ (πρωτὸς γραπτὸν λόγον ἐν δικαστηρίῳ εἶπε, τῶν πρὸ αὐτοῦ σχεδιαζόντων. Suid. v. Περικλῆς). Съ пнемемъ Дамона, который обучалъ Перикла музыкѣ, обращалась въ продажѣ также одна рѣчь, произнесенная будто бы имъ въ ареопагѣ въ защиту своего искусства (Philodem. mus. 4, 33 sq.). Объ Алкивиадѣ см. Cic. l. l. Всѣ политическія рѣчи Андокида также, какъ извѣстно, признаны подложными.—Срв. Sittl стр. 78 сл.; объ Андокидѣ главнымъ образомъ М. Meyer Opusc. academ. I, 74 sqq., II, 1 sqq.

коихъ фрагменты собраны у Бергка; что же касается приписанной ему въ каллимаховыхъ «Таблицахъ» рѣчи, то она, по всей вѣроятности, вышла изъ какой нибудь реторской школы и была написана просто *ῥημυσις ἐνελχ.* Подобнымъ же образомъ не было недостатка въ лицахъ, склонныхъ признать дѣйствительно сократовскими тѣ письма и стихотворенія, которыя у книгопродавцевъ слыли подъ именемъ таковыхъ, или эзоповскими тѣ басни, которыя въ продажѣ приписывались этому загадочному баснописцу.

Къ числу дерзкихъ подлоговъ этой же категоріи слѣдуетъ отнести цѣлый рядъ сборниковъ писемъ, принадлежавшихъ будто бы различнымъ болѣе или менѣе виднымъ историческимъ личностямъ и по количеству достигшихъ въ александрійскія времена уже весьма почтенной цифры. Сюда относятся напр. подложныя письма агригентскаго тиранна Фаларида, Ѳемистокла, Демокрита, Гиппократы, многихъ сократовцевъ и, какъ сейчасъ было упомянуто, самого Сократа, Пифагора и Ѳеано, Исократы, Платона и многихъ другихъ. Обычай издавать свою корреспонденцію, безъ сомнѣнія, былъ весьма поздняго происхожденія. Онъ могъ возникнуть лишь тогда, когда читающая публика стала интересоваться индивидуальною жизнью знаменитыхъ людей прошлаго, ихъ личными взглядами и убѣжденіями, ихъ частными отношеніями, ихъ идеалами и завѣтными вѣрованіями,—словомъ, тѣмъ сокровеннымъ, внутреннимъ міромъ, который чаще всего отражается именно въ перепискѣ съ избранными друзьями, съ учениками, съ партизанами и единомышленниками. Я поэтому согласенъ съ Виламовицемъ, по мнѣнію котораго первую опубликованную корреспонденцію была, вѣроятно, аристотелевская. Успѣхъ послѣдней, интересъ, возбужденный ею въ обществѣ, спросъ на другіе сборники эпистолографическаго содержанія,—все это должно было вызвать поддѣлку, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ удобнѣе было для поддѣльщика въ эпистолярной формѣ провести любую тенденцію политическаго или религіознаго хара-

ктера, безцеремонно навязавъ ее любому авторитетному имени ²³⁴).

Затрогивая внутреннюю сторону литературныхъ памятниковъ, касаясь непосредственно ихъ содержанія, поддѣлка не щадила и виѣшней ихъ стороны. Когда простой, трезвый интересъ къ чтенію, пробудившійся въ обществѣ, сталъ возрождаться мало по малу въ болѣзненную библіоманію, въ глазахъ завзятыхъ книгособирателей получили большой вѣсъ и значеніе между прочимъ и виѣшнія особенности приобрѣтаемыхъ манускриптовъ. Какъ рѣзко могли различаться между собою рукописи по красотѣ почерка, изяществу отдѣлки, чистотѣ и, наконецъ, по самому качеству писчаго матеріала,—о томъ, какъ извѣстно, въ достаточной мѣрѣ свидѣлствуютъ египетскіе папирусы, заключающіе въ себѣ рѣчи Гинерида. Впрочемъ, помимо четкости и опрятности цѣнилась и древность или, точнѣе, оригинальность рукописи. Любители гнались за приобрѣтеніемъ авторскихъ экземпляровъ, автографовъ, и нѣкоторые изъ послѣднихъ стояли въ такой высокой цѣнѣ, что книгопродавцы предпочитали не разставаться съ ними и извлекали выгоду, показывая эти рѣдкости интересующимся за деньги. Современемъ однако научились фабриковать древнія рукописи съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ нынѣ для легковѣрныхъ туристовъ въ мѣстахъ, примѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, фабрикуются предметы, имѣющіе археологическій интересъ. Съ цѣлью обмана вновь изготовленные списки клали на нѣкоторое время въ хлѣбъ, отчего измѣнялся первоначальный цвѣтъ папируса и самого письма, а потомъ для пущаго сходства слегка повреждали ихъ и выпускали въ продажу какъ рѣдкость,—какъ теперь продаютъ ингунабулы ²³⁵). Наглость поддѣльвателей и невѣжество библіома-

²³⁴) Срв. Wilamowitz-Möllendorff *Antigonos v. Karystos*, стр. 151, прим. 15. Здѣсь же справедливо указывается на настоятельную необходимость подробнаго разслѣдованія этого вопроса.

²³⁵) Dio Chrysost. Or. XXI, 12: πάντως γάρ τινι τῶν βιβλιοπωλῶν προσέσχηκας; διὰ τί δὴ τοῦτό με ἐρωτᾷς; ὅτι εἰδότες τὰ ἀρχαῖα τῶν βιβλίων σπουδαζόμενα ὡς ἄμεινον γεγραμμένα καὶ ἐν κρείττοσι βιβλίοις, οἱ δὲ τὰ φαυλότατα τῶν

новъ доходили до того, что въ императорскія времена могла разсчитывать на сбытъ рукописъ гомеровой «Одиссеи», выдаваемая за автографъ поэта!...

Разумѣется, не всѣ виды литературнаго подлога, здѣсь упомянутые, народились и практиковались въ то время, когда Сотеръ приступилъ къ созданію александрійской бібліотеки, но они, несомнѣнно, не замедлили появиться и усовершенствоваться, лишь только египетскіе правители заявили небывалый дотолѣ спросъ на книги и въ этомъ отношеніи началось пресловутое соперничество между Александріей и Пергамомъ. Такимъ образомъ не только Каллимаху и каллимаховцамъ, но и ихъ предшественникамъ при разборѣ и распредѣленіи приобретаемыхъ первыми Птолемѣями манускриптовъ по рубрикамъ неизбѣжно приходилось сталкиваться съ трудными критическими вопросами самаго разнообразнаго свойства.

Мы знаемъ, что всѣ вновь купленные рукописи были въ Александріи первоначально сложены въ кладовыхъ ²³⁶), откуда поступали на разсмотрѣніе спеціалистовъ книжнаго дѣла. Неизвѣстно, много ли было таковыхъ спеціалистовъ, занимавшихся разборомъ и сортировкой книжной коллекціи Птолемѣевъ, но, по свидѣтельству Тзетза, въ ихъ числѣ находились Зенодотъ, Александръ этольскій и Ликофронъ халкидскій. „Ἀλέξανδρος ὁ Αἰτωλὸς καὶ Λυκόφρων ὁ Χαλκιδεύς“, читаемъ у Тзетза, „μεγαλοδωρίοις βασιλικοῖς προτραπέντες Πτολεμαίῳ τῷ Φιλαδέλφῳ τὰς σκηνικὰς διωρθώσαντο βίβλους, τὰς τῆς κωμωδίας καὶ τραγωδίας καὶ τὰς τῶν σατύρων φημί.... Ἀλέξανδρος ὠρθοῦ τὰ τραγικά, Λυκόφρων τὰ κωμικά... οὗτοι μὲν τὰς σκηνικὰς διωρθώσαντο βίβλους, ὡς τὰς τῶν [λοιπῶν?] ποιητῶν ἐνεσχέψαντο Ἀρίσταρχοί τε καὶ Ζηνόδοτοι“ (ap. Ritschel. p. 199 sq.). „Τῶν Ἑλληνίδων δὲ βιβλῶν—τὰς τραγικὰς μὲν διώρθωσε [sc. ὁ Πτολεμαῖος] δι' Ἀλεξάνδρου τοῦ Αἰτωλοῦ, τὰς τῆς

νῦν καταθέντες εἰς σῖτον, ὅπως τό γε χρῶμα ὅμοια γίνηται τοῖς παλαιοῖς, καὶ προσδιαφθείροντες ἀποδίδονται ὡς παλαιά.

²³⁶) Galen. in Hippocr. I. III Epidem. p. 411: οὐ γὰρ εὐθέως εἰς τὰς βιβλιοθήκας αὐτὰ φέρειν, ἀλλὰ πρότερον ἐν οἴκοις τιτὶ κατατίθεσθαι σωρηδόν. Срв. выше стр. 52.

χωμῳδίαις δὲ διὰ τοῦ Λυκόφρονος, διὰ δὲ Ζηνοδότου τοῦ Ἐφεσίου τὰς τῶν λοιπῶν ποιητῶν“ (ibid. p. 207). На упомянутых лицахъ, по смыслу приведенныхъ текстовъ, лежало разсмотрѣніе поэтическихъ произведеній греческой литературы, причемъ задача, предлежавшая ученымъ въ этомъ случаѣ, не вполне ясно опредѣляется словомъ „διορθοῦν“. Кейль въ виду полной невозможности предположить, что Александромъ и Ликофрономъ предприняты были критическія изданія сценическихъ поэтовъ, думалъ, что работа ихъ состояла въ подробномъ ознакомленіи съ содержаніемъ отдѣльных списковъ и въ опредѣленіи степени годности и достовѣрности послѣднихъ, причемъ де имъ неоднократно представлялся случай внести разнаго рода частныя исправленія (διορθώσεις) въ заглавія и въ самый текстъ произведеній²³⁷). Но едва ли не болѣе правдоподобно было бы толковать слово „διορθοῦν“ въ смыслѣ внѣшняго приведенія въ порядокъ соответствующихъ отдѣловъ коллекціи, т. е. распредѣленія отдѣльных произведеній по классамъ и авторамъ. Трудami Зенодота и его товарищей былъ бы такимъ образомъ подготовленъ колоссальный трудъ Каллимаха постольку, поскольку сортировка рукописей по какому бы то ни было принципу дѣленія (κατ' εἶδη, κατὰ μέτρα, κατὰ στοιχεῖον) должна была необходимо предшествовать систематической ихъ каталогизаціи и толковому описанію. При этомъ все еще оставалось бы достаточно простора для критической дѣятельности, какъ видно напр. изъ указаній на обширное сочиненіе Ликофрона „περὶ χωμῳδίας“, коего цитруется девятая книга (Athen. XI p. 485 d) и въ коемъ между прочимъ разсматривались вопросы объ авторствѣ и надписаніи различныхъ піесъ,—очевидно,

²³⁷) „Vix quicquam invenias quod magis probabile dicas, quam singula volumina, ita ut congesta erant, ab illis examinata et recognita fuisse, ut quid in unoquoque contineretur, intelligerent, num ad auctorem, cujus nomen ferebat, pertineret, utrum a bono librario diligenter et polite an vitiose... scriptum esse quaererent... In illo autem negotio cum non solum titulorum, sed etiam ipsorum verborum emendandorum occasio data esset, sequitur id quoque quandam διορθώσιν fuisse“ (ap. Ritschel. p. 225).

не безъ соотношенія съ тѣми работами, которыя авторъ производилъ въ книжныхъ складахъ Птолемеевъ ²³⁸).

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ въ то время, когда Каллимахъ принялъ въ свои руки завѣдываніе александрійскою библіотекою, она была уже въ значительной степени упорядочена и имѣла видъ благоустроеннаго собранія,—иначе мысль о составленіи «Таблицъ» (πίνακες) въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были Каллимахомъ задуманы, не только не была бы имъ осуществлена, но врядъ ли даже могла и зародиться въ его головѣ. Такъ представлялъ себѣ это дѣло, очевидно, и Тзетзь, у котораго прямо значится, что Каллимахъ „ὁστέρως μετὰ τὴν ἀνόρθωσιν τοὺς πίνακας αὐτῶν [sc. τῶν βιβλίων] ἀπεγράψατο“ (ар. Ritschel. p. 206).

Сама по себѣ, впрочемъ, мысль эта не заключала въ себѣ ничего необычайнаго и вполне соответствовала живо ощущаемой потребности времени. Частныя историко-литературныя работы сходнаго типа, хотя и въ небольшомъ количествѣ, въ наличности уже имѣлись, и между прочимъ не кто иной, какъ самъ Птолемей II Филадельфъ, значился составителемъ систематическаго списка аристотелевскихъ сочиненій и одной изъ первыхъ біографій стагирскаго философа (ἀναρχαρχὴν Ἀριστοτέλους βιβλίων ποιητάμενος καὶ τὸν βίον αὐτοῦ καὶ τὴν διάθεσιν),—трудъ, вполне аналогичный предпріятію Каллимаха. Послѣдній, приступая къ толковой переписи книгъ правителя, могъ такимъ образомъ рассчитывать не только на сочувствіе и интересъ со стороны ученаго міра, но и ближайшимъ образомъ на нравственную и матеріальную поддержку со стороны верховнаго покровителя музея.

Каллимахъ воплощалъ въ себѣ типъ полиграфа своего времени и лучше всякаго другаго могъ справиться со своею трудною задачею. Онъ обладалъ изумительною начитанностью, большимъ литературнымъ опытомъ, и не было предмета, о которомъ онъ не писалъ бы стихами или прозою. Продолжительныя занятія въ библіотекѣ, съ составомъ которой онъ

²³⁸) Срв. Wachsmuth „Beitr. zu d. griech. Nationalgrammatikern“ въ Philolog. XVI, стр. 653; Strecker op. l. p. 3, 29.

близко ознакомился въ качествѣ члена музея еще до вступленія въ должность библіотекаря, дали ему возможность располагать при выполненіи своего предпріятія длиннымъ рядомъ подготовительныхъ этюдовъ, а цѣлая школа учениковъ могла доставить ему даровитыхъ и усердныхъ помощниковъ.

Посмотримъ же, что осталось намъ отъ труда, возникшаго при сказанныхъ условіяхъ, — каковы были его размѣры, планъ, содержаніе, какъ велико было его историко-литературное значеніе, наконецъ, какова была его судьба.

Было время, когда думали, что все то, что мы приписываемъ нынѣ Каллимаху, какъ составителю «Таблицъ» полу-историческаго, полу-библіографическаго характера, въ дѣйствительности было уже дѣломъ его предшественниковъ, — Зенодота, Александра этольскаго и Ликофрона, — а вся заслуга нашего грамматика состояла лишь въ изготовленіи стихотворныхъ эпиграммъ къ сочиненіямъ древнихъ авторовъ и въ установленіи для нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій болѣе точныхъ и вѣрныхъ названій (Велькеръ). Но такое мнѣніе могло быть только плодомъ недоразумѣнія ²³⁹⁾, и стоитъ разсмотрѣть внимательно сохранившіеся фрагменты «Таблицъ» Каллимаха, чтобы всякая тѣнь сомнѣнія на счетъ дѣйствительныхъ заслугъ ученаго александрійца исчезла безъ слѣда. Есть напротивъ полное основаніе думать, что работа его скорѣе представляла собою, какъ сказано, родъ толковаго каталога александрійской библіотеки (*catalogue raisonné*). Предвзятая результатъ дальнѣйшихъ разъясненій нашихъ, мы можемъ сказать, что это была первая въ исторіи попытка систематическаго распредѣленія всѣхъ наличныхъ произведеній греческой литературы по родамъ ея, — другими словами, историко-литературный конспектъ, составленный по идографическому методу.

---

²³⁹⁾ Поводомъ къ такому недоразумѣнію послужили слова латинскаго переводчика: „singulis voluminibus titulos inscripsit“, соотвѣтствующія въ греческомъ подлинникѣ словамъ: „ὡς τοὺς πινακὰς ὕστερον Καλλιμάχος ἐπεγράφει“ (ар. Ritschel. р. 124).

Правда, утверждение это также есть *sententia controversa*, требующая защиты и аргументовъ, но подыскать въ его пользу нѣсколько достаточно убѣдительныхъ доказательствъ, къ счастью, не представляетъ ничего невозможнаго.

Свида въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего словаря (s. v. *Καλλιμάχος*) приводитъ заглавіе каллимаховой работы въ слѣдующемъ видѣ: *πίνακες τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμψάντων καὶ ὧν συνέγραψαν ἐν βιβλίοις κ' καὶ ρ'*. Въ этомъ заглавіи подлиннымъ Бернгарди признавалъ только первое слово (*πίνακες*), считая все остальное за пояснительное добавленіе самого Свида, — мнѣніе, основательно опровергнутое Ваксмутомъ и Шнейдеромъ ²⁴⁰). Въ самомъ дѣлѣ титулы, совершенно подобныя вышеприведенному, встрѣчаются и у другихъ пипакографовъ, но всей вѣроятности, подражавшихъ при этомъ Каллимаху или его ученикамъ. Такъ, напримѣръ, цитуются сочиненія нѣкоего Гермиппа: *περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ λαμψάντων* (Etym. M. s. v. Ἀπάμεια); *περὶ τῶν διαπρεψάντων ἐν παιδείᾳ δοῦλων* (Suid. s. v. Ἴστρος); Гесикий милетскій также писалъ „*περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ ὀνομαστών*“ [или *λαμψάντων*] и проч. Съ другой стороны нѣтъ солидныхъ основаній заподозривать и вѣрность цифры *κ' καὶ ρ*, подобно Нескер'у, предложившему эмендацію: *κ' καὶ δ'*. Доводы Гекера въ пользу такого измѣненія далеко не убѣдительны: онъ выходитъ изъ того предположенія, что число частей, на которыя распадались каллимаховы „*Πίνακες*“, соотвѣтствовало числу буквъ греческаго алфавита и что, стало быть, весь матеріалъ, которымъ располагалъ Каллимахъ, былъ имъ редижированъ въ буквенномъ порядкѣ, подобно сотіоновымъ „*Διαδοχαί*“, теофрастовымъ „*Νόμων κατὰ στοιχεῖον βιβλία κδ*“, діотимовымъ „*ἀναγνώσματα παντοδαπά*“, Фавориновой „*παντοδαπή ὅλη ἱστορικὴ*“ (последнее ошибочно, какъ показалъ Ваксмутъ ук. м. стр. 655, прим. 19) и мн. др. ²⁴¹). Но пачать съ того, что для большей части приводимыхъ Ге-

²⁴⁰) Bernhardt Grundr. d. gr. L. I² стр. 157; Wachsmuth op. l. p. 655; Schneider Callim. II p. 308.

²⁴¹) A. Heckeri Epist. criticae ad F. G. Schneidewinum pars II (Philol. V p. 433).

керомъ сочиненій остается еще доказать, что они дѣйстви-
тельно представляли собою труды лексикографическаго хара-
ктера. Если жъ бы это и на самомъ дѣлѣ было такъ, то
нельзя усмотрѣть никакой необходимости вовлекать калли-
маховы «Таблицы» въ одинъ разрядъ съ этими сочиненіями,
ибо всѣ они возникли совершенно независимо одно отъ дру-
гаго, составлены разными лицами, въ разное время, по раз-
нымъ поводамъ и съ разными цѣлями.

Что касается содержанія «Таблицъ», то оно достаточно
ясно обозначено самымъ заглавіемъ ихъ, хотя нѣкоторое
недоумѣніе могутъ возбуждать слова: „ἐν πάσῃ παιδείᾳ“,
такъ какъ въ понятіе „παιδεία“ входили, какъ извѣстно,
понятія и о широкой литературной образованности, и вмѣстѣ
съ тѣмъ о высокой степени художественнаго развитія (срв.
Aristot. pol. 8, 3, 5 τὴν μουσικὴν εἰς παιδείαν ἑτάξα). Дѣя-
тельность лицъ, проявившихъ свои таланты въ области ху-
дожествъ, безъ сомнѣнія осталась незатронутою со стороны
Каллимаха, который въ данномъ случаѣ имѣлъ ближайшимъ
образомъ въ виду только поприще науки и литературы.
На это помимо словъ „καὶ ὧν συνέγραψαν“ находимъ прямое
указаніе прежде всего въ тѣхъ текстахъ, которые нераз-
рывно связываютъ трудъ нашего ученаго, равно какъ и одно-
родные труды его продолжателей и подражателей, съ але-
ксандрійскою библіотекою и видятъ въ нихъ завершеніе ра-
ботъ Зенодота и его пособниковъ, направленныхъ къ внут-
реннему устроению и упорядоченію этой библіотеки. Кромѣ
того всѣ фрагменты каллимаховыхъ «Таблицъ», какими мы
только въ настоящее время располагаемъ, относятся исклю-
чительно къ вопросамъ науки и литературы и не касаются
искусства даже мимоходомъ.

Но, если Каллимахъ оставался въ предѣлахъ явленій
литературныхъ, то какъ же трактовалъ онъ эти явленія?
Относился ли онъ къ нимъ, какъ критикъ, какъ историкъ,
какъ библіографъ, или же просто какъ хранитель обществен-
ной библіотеки, долженствующій по обязанностямъ службы
хорошо знать составъ ввѣреннаго его попеченіямъ собранія

и умѣть ориентироваться въ немъ? Были ли рассчитаны его «Таблицы» на вкусы и требованія ученой публики, которая отъ знаменитаго полиграфа и чуть ли не самаго виднаго члена музея вправѣ была ожидать самостоятельныхъ изслѣдованій, или же онѣ имѣли своимъ назначеніемъ удовлетво- рить лишь ближайшимъ потребностямъ бібліотекаря, нуж- дающагося прежде всего въ практически удобной справочной книгѣ, въ голомъ перечнѣ пріобрѣтенныхъ учрежденіемъ ру- кописей, въ каталогѣ ихъ?

О. Шнейдеръ полагаетъ, что Тзетзъ существенно раз- личалъ составленные Каллимахомъ „*πίνακες*“ отъ каталога александрійской бібліотеки и что послѣдній послужилъ посо- біемъ и основаніемъ для первыхъ ²⁴²). По его толкованію, уже Зенодотъ съ Ликофрономъ и другими сотрудниками дол- женъ былъ изготавить такой каталогъ при первомъ переборѣ рукописей бібліотеки ²⁴³). Съ другой стороны Даубъ совер- шенно отождествляетъ «Таблицы» Каллимаха съ каталогомъ бібліотеки и въ подтвержденіе своего мнѣнія подчеркиваетъ въ текстѣ Тзетза слова „*ὁστέρως*“ и „*μετὰ τὴν ἀνόρθωσιν*“, видя въ нихъ указаніе на то, что, какъ это и выражено въ плавтинскомъ схоліѣ, отдѣльныя книги могли быть точно регистрированы только послѣ общаго распредѣленія рукопи- сей по разрядамъ и классамъ, т. е. послѣ того какъ въ нестройной массѣ новопріобрѣтенныхъ манускриптовъ были установлены для произведеній однородныхъ общія рубрики и эти произведенія выдѣлены въ особыя крупныя группы ²⁴⁴).

Чтобы стать въ положеніе судьи между тѣмъ и дру- гимъ ученымъ, необходимо, мнѣ кажется, обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, повидимому, упущенное изъ виду обоими. Какъ извѣстно, по примѣру александрійской

²⁴²) Schneider Callim. II p. 302: iam satis nobis videtur Tzetzae eam sententiam vindicasse, ut bibliothecae Alexandrinae catalogos diversos fuisse putaverit a Callimachi *πίναξιν*, in quibus conscribendis illos catalogos in usum suum converterit mutuando.

²⁴³) Ibid. p. 301.

²⁴⁴) A. Daub De Suidae biographicorum origine et fide (Jahrb. f. class. Philol. XI Suppl. [1880], p. 420, adn. 15).

библіотеки создана была бібліотека въ Пергамѣ, и, подобно тому какъ въ Александріи на первыхъ же порахъ ощутилась надобность въ каталогѣ, таковая надобность была признана и пергамскими бібліотекарями, предпринявшими въ свою очередь каталогизацію книжнаго собранія Атталидовъ. Намъ въ настоящемъ случаѣ совершенно безразлично, кто именно былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ лицомъ, — обыкновенно полагаютъ, что Кратетъ изъ Малла ²⁴⁵), — но не подлежитъ сомнѣнію, что подъ названіемъ „πίνακες Пергамеνοί“ разумѣлось не что иное, какъ только каталогъ пергамской бібліотеки ²⁴⁶). Въ нашихъ источникахъ эти „πίνακες“ цитуются всегда безыменно, какъ произведеніе, въ отношеніи котораго вопросъ о томъ, кто былъ его авторомъ, не представляетъ существеннаго интереса. При этомъ атрибутъ „Пергамеνοί“ (также: „αἱ ἐν Περγᾶμω ἀναγραφαί“) съ одной стороны указываетъ на прямую связь таблицъ съ пергамскимъ книгохранилищемъ, съ другой же имѣетъ цѣлью противопоставить пергамскій каталогъ, какъ таковой, каталогу александрійскому. И вотъ, когда заходитъ рѣчь о томъ и о другомъ вмѣстѣ, какъ о произведеніяхъ однородныхъ, то составленіе александрійскаго каталога приписывается обыкновенно не кому другому, какъ Каллимаху. Такъ: 1) οὗτε Καλλιμάχον οὗτε τοὺς ἐκ Περγᾶμου γραμματικοὺς περὶ αὐτοῦ [Δεινάρχου] γράψοντας κτλ. говорится у Діонисія галикарн. De Dinarch. iudic. с. 1; 2) οὗτε γὰρ Καλλιμάχος οὗτε Ἀριστοφάνης αὐτὸ [sc. Ἀλέξιδος ἀσωτοδιδάσκαλον] ἀνέγραψαν, ἀλλ' οὐδ' οἱ τὰς ἐν Περγᾶμω ἀναγραφὰς ποιησάμενοι. Athen. VIII р. 336 е.

Соображеніе это, на нашъ взглядъ, говоритъ въ пользу мнѣнія Дауба, и мы полагаемъ, что нѣтъ основанія считать

²⁴⁵) Таково мнѣніе Мейнеке, О. Шпейдера, Наука, К. Ваксмута (см. особенно соч. послѣдняго „De Cratete Mallota“. Lips. 1860 р. 33).

²⁴⁶) Заключался ли въ пергамскихъ таблицахъ кромѣ бібліографическаго также и историко-критическій элементъ, какъ въ таблицахъ Каллимаха, — этого изъ четырехъ отрывковъ (ар. Wachsmuth. op. I. р. 63), которыми мы располагаемъ и къ которымъ я бы считалъ возможнымъ присоединить пятый (ар. Wachsmuth. р. 71, n° 10), усмотрѣть нельзя. Само по себѣ это не повѣроятно.

«Таблицы» Каллимаха, для которыхъ продолженіемъ служили пинакографическіе труды Аристофана и другихъ каллимаховцевъ, чѣмъ то отличныи отъ каталога александрійской библіотеки. Однако съ другой стороны мы думаемъ, что и Зенодотъ и его сотрудники при своихъ сложныхъ занятіяхъ въ этой библіотекѣ также не могли обойтись безъ какихъ бы то ни было записей, которыя, правда, не представляли собою систематическаго каталога, но могли послужить пособіемъ при составленіи такового. Записи эти должны были касаться частныхъ отдѣловъ, порученныхъ разсмотрѣнію названныхъ ученыхъ, и, по всей вѣроятности, отличались случайнымъ подборомъ матеріала и недостаткомъ строгаго плана въ распредѣленіи частей, такъ какъ являлись не результатомъ ихъ устроительной дѣятельности, но скорѣе однимъ изъ органовъ ея,—не вытекали изъ нея, но сопутствовали ей. Въ виду такого характера этихъ записей, послужившихъ впоследствии опорой для такихъ произведеній, какъ Ликофроново „περὶ κωμῶδίας“ и т. п., понятно, что въ источникахъ нашихъ о нихъ нигдѣ не упоминается: практическое значеніе ихъ было невелико,—тѣмъ болѣе, что скоро онѣ были замѣнены и вытѣснены несравненно болѣе полными и удобными «Таблицами» Каллимаха.

Но, имѣя своею цѣлью удовлетворить назначенію справочной книги, какая необходима для лицъ, занимающихся въ библіотекѣ, но мало знакомыхъ съ ея составомъ, каллимаховы «Таблицы» были тѣмъ не менѣе чѣмъ то болѣе, нежели обыкновенный каталогъ. На это указываютъ главнымъ образомъ слѣдующія свидѣтельства:

а) Athen. VI p. 252 c. (Schn. Callim. II, 100^d, 12): Ἀττάλου δὲ τοῦ βασιλέως ἐγένετο κόλαξ καὶ διδάσκαλος Λυσίμαχος, ὃν Καλλίμαχος μὲν Θεοδώρειον ἀναγράφει, Ἑρμιππος δὲ ἐν τοῖς Θεοφράστου μαθηταῖς καταλέγει. Прямой выводъ, какой мы, повидимому, вправѣ сдѣлать изъ этихъ словъ, таковъ, что въ «Таблицахъ» Каллимаха кромѣ обычнаго обозначенія родины и отчества при именахъ авторовъ находились и иные указанія біографическаго свойства,

какъ то — указанія на принадлежность ихъ къ извѣстнымъ школамъ, сектамъ, партіямъ и т. п. Правда, Ваксмуть ²⁴⁷⁾ пытался поколебать силу этого вывода, утверждая, что наименованіе „Θεοδῶρειος“ прибавлено къ имени Лисимаха лишь для отличія послѣдняго отъ другихъ его соименниковъ; но, во-первыхъ, таковыхъ у него на попринѣ учено-литературной дѣятельности было немного и опасности смѣшенія ихъ съ нимъ можно было и не предвидѣть ²⁴⁸⁾; во-вторыхъ же, ссылка на Гермиппа, который вопреки Каллимаху причислялъ, какъ оказывается, Лисимаха къ ученикамъ Теофраста, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія на тотъ счетъ, что въ настоящемъ случаѣ въ нашихъ «Таблицахъ» дѣйствительно рѣшался вопросъ о принадлежности Лисимаха къ той или другой школѣ, — вопросъ о томъ, чѣмъ былъ онъ ученикомъ ²⁴⁹⁾.

б) Diog. Laert. VIII, 8, 1 (Schn. ibid. 13): Εὐδοξος—τὰ μὲν γεωμετρικὰ Ἀρχύτα διήκουσε, τὰ δὲ ἱατρικὰ Φιλιστίωνος τοῦ Σικελιώτου, καθὰ Καλλίμαχος ἐν τοῖς Πίναξί φησιν. [Также у Евдокіи въ эксцерптѣ Viol. p. 193: Εὐδοξος — ἀκουστῆς — ὡς Καλλίμαχος ἐν τοῖς Πίναξιν, Ἀρχύτα καὶ Φιλιστίωνος]. Чтобы ослабить доказательную силу этого мѣста, Ваксмуть ссылается на такія заглавія, какъ „Φιλοδῆμου περὶ τῆς τῶν θεῶν εὐστοχομένης διαγωγῆς κατὰ Ζήνωνα“, „Φιλοδῆμου τῶν κατ' ἐπιτομὴν ἐξεργασμένων περὶ ἡθῶν καὶ βίων ἐκ τῶν Ζήνωνος σχολῶν“ и т. п., т. е. указываетъ на возможность предположить, что свидѣтельство Діогена объ учителяхъ Эвдокса было въ сущности выводомъ изъ титуловъ, подъ которыми въ «Таблицахъ» были приведены сочиненія послѣдняго, а не изъ

²⁴⁷⁾ Rhein. Mus. 16, стр. 661.

²⁴⁸⁾ Кромѣ Лисимаха, о которомъ говорится въ прив. м., какъ объ авторѣ сочиненія „περὶ Ἀττάλου παιδείας“, намъ извѣстенъ еще биографъ Лисимаха александрійскій, вѣроятный современникъ Діоннісія галикарнасскаго и Цецилія изъ Калакты (см. K. Müller F. H. G. III p. 334). Затѣмъ упоминаются въ нашихъ источникахъ: 1) Лисимахъ косскій, послѣдователь Гиппократа (ibid.); 2) нѣкій Лисимахъ, авторъ называемаго Варрономъ трактата „Ο γεωμετρίαι“; 3) Лисимахъ, философъ стоической школы, проживавшій, повидимому, въ Римѣ въ императорскія времена (Porph. Vit. Plot. 3).

²⁴⁹⁾ Срв. Daub прив. м.

каких-либо разъясненій Каллимаха. Но что такая мысль представляет слишком большую натяжку, этого не могъ не замѣтить и самъ Вакмутъ, согласившійся, что въ подобномъ предположеніи, конечно, есть много произвольнаго. Что касается насъ, то намъ оно кажется безусловно неправдоподобнымъ и противорѣчащимъ прямому смыслу словъ: „καθὰ Κ. ἐν τ. Πίναξί φησιν“.

в) Procl. in Parmenidem Platonis Cousin. p. 5 (Schn. 100^a, 17): διδάσκαλος μὲν ὁ Παρμενίδης, μαθητὴς δὲ Ζήνων, Ἐλεᾶται δ' ἄμφω καὶ οὐ τοῦτο μόνον, ἀλλὰ καὶ τοῦ Πυθαγορικοῦ διδασκαλείου μεταλαβόντες, καθάπερ πρὶν καὶ ὁ Καλλίμαχος ἰστορήσεν. Свидѣтельство это, правда, менѣе опредѣленно, ибо изъ него не видно, откуда именно заимствована цитата, однако въ виду его однородности съ двумя предыдущими естественнѣе всего предположить, что въ приведенныхъ словахъ разумѣются каллимаховы «Таблицы», и уже Бентли на этотъ счетъ не сомнѣвался. Новѣйшій издатель Каллимаха также послѣдовалъ примѣру Бентли, включивъ наше мѣсто въ число фрагментовъ названнаго произведенія. А если онъ въ этомъ не ошибся, то для насъ весьма важно отмѣтить въ греческомъ текстѣ выраженіе „ἰστορήσεν“, коимъ до извѣстной степени опредѣляется характеръ «Таблицъ». Въ самомъ дѣлѣ, если бы это былъ голый перечень авторскихъ именъ и книжныхъ титуловъ, то въ ссылкѣ на составителя такого перечня врядъ ли бы умѣстенъ былъ глаголъ „ἰστορεῖν“.

г) Athen. XV p. 669 d (Schn. 100^a, 24): Διονύσιος—Χαλκοῦς προσηγερεῦθη διὰ τὸ συμβουλευσαὶ Ἀθηναίοις χαλκῶ νομίσματι χρῆσασθαι καὶ τὸν λόγον τοῦτον ἀνέγραψε Καλλίμαχος ἐν τῇ τῶν ῥητορικῶν ἀναγραφῇ. На основаніи этого фрагмента О. Шнейдеръ (p. 305) заключаетъ: „ἐν τῇ ῥητορικῶν ἀναγραφῇ rationem reddiderat [Callimachus], cur χαλκοῦς vocatus fuisset Dionysius poeta atque rhetor“. Собственно изъ словъ Аѳеней явствуетъ только, что у Каллимаха въ списокъ ораторскихъ произведеній значилась рѣчь Діонисія; говорилось ли тамъ же объ отношеніи этой рѣчи къ прозванію оратора „χαλκοῦς“, — этого мы не знаемъ. Но мы вправѣ это до-

пустить въ виду несомнѣнно сознававшейся пинакографомъ необходимости отличить извѣстнаго элегика Діонисія отъ многого множества его тезокъ. Притомъ самая ссылка Аеенея на каллимаховы списки была бы непонятна и безцѣльна, если бы въ ней не видѣть указанія на источникъ, откуда этотъ писатель заимствовалъ свое извѣстіе о предложеніи Діонисія и о происхожденіи его прозвища.

Наконецъ,

д) Tatian. adv. Graec. c. 31 (Schn. 390): *περὶ τῆς Ὀμήρου ποιήσεως γένους τε αὐτοῦ καὶ χρόνου, καθ' ὃν ἤχμασε, προηρέυνησαν πρεσβύτατοι μὲν — — ἔπειτα γραμματικοὶ — Καλλίμαχος* ктл. Мы согласны съ Шнейдеромъ, что фрагментъ этотъ лучше всего приурочить къ нашимъ «Таблицамъ» (срв. Schn. II, p. 305, 576). Если составитель послѣднихъ вообще не ограничивался одними лишь библіографическими замѣчаніями, то, разумѣется, онъ не могъ въ своемъ трудѣ не затронуть такой историко-литературной темы, какъ „Ὀμήρου ποίησις, γένος τε αὐτοῦ καὶ χρόνος“. Припомнимъ, какое мѣсто занимали гомеровскія студіи въ ученыхъ занятіяхъ александрійцевъ, и спросимъ, возможно ли было для преемника Зенодота и учителя Аристофана въ свою очередь не увлекаться ими? Между тѣмъ ни одно изъ многочисленныхъ произведеній Каллимаха, какія намъ только извѣстны, кромѣ «Таблицъ», не представляло подходящихъ рамокъ для ученой обработки какого нибудь гомеровскаго сюжета. Только тамъ, гдѣ нашли себѣ мѣсто всѣ „ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλάμψαντες“, могъ и долженъ былъ Каллимахъ говорить о старѣйшемъ и популярнѣйшемъ изъ греческихъ эпиковъ.

Впрочемъ, независимо отъ приведенныхъ скудныхъ свѣдѣтельствъ мы имѣемъ право а priori утверждать, что александрійскіе „Πινάκες“ были во всякомъ случаѣ чѣмъ то большимъ, нежели простой каталогъ. «Quid? quod πινάκων indoles, говоритъ Даубъ (прив. м.), ipsa prohibere videtur, ne auctorum nomina et scripta nude posita fuisse opinemur». Правда, слово „πινάξ“ можетъ имѣть и болѣе частное значеніе «оглавленія» или перечня частей и главъ отдѣльныхъ

произведений. Одинъ изъ списковъ павсаніева «описанія Эллады» (Paris. 1400) имѣетъ напр. слѣдующій заголовокъ: *πίναξ Παυσανίου*. *Παυσανίου Ἑλλάδος περιήγησις ἄττικά. χορινθιακά. λακωνικά. μεσσηνιακά. καὶ τὰ λοιπὰ εὐρισκόμενα Παυσανίου* ²⁵⁰). Въ этомъ именно смыслѣ понималъ слово „*πίναξ*“ въ своемъ греческомъ оригиналѣ авторъ плавтинскаго схолія, передавшій его по-латыни словомъ «*titulus*» («*titulos inscripsit*»). Еще обычае другое употребленіе: чаще всего „*πίναξ*“ означаетъ каталогъ, списокъ книгъ, и въ этомъ значеніи, какъ *terminus technicus*, употребляется даже безъ дополненія (напр. Suet. de ill. gramm. VI: «*Huius [Aurelii Opilii] nomen in plerisque indicibus et titulis per unam litteram scriptum animadverto; verum ipse id per duas effert in parastichide libelli, qui inscribitur Pinaх*», — гдѣ, повидимому, разумѣется составленный Опиліемъ списокъ плавтовыхъ комедій. См. Teuffel Gesch. d. r. L. ⁴, 159, 4). Поэтому Узенеръ полагалъ, что всѣ древніе *πίνακες*, остатки которыхъ дошли до насъ, представляли собою не что иное, какъ каталоги, имѣющіе непосредственное отношеніе къ какой нибудь библіотекѣ ²⁵¹). Но въ нашемъ случаѣ, очевидно, дѣло шло не столько о книгахъ, сколько объ авторахъ, о дѣятеляхъ науки и литературы, на что ясно указываютъ слова: „*τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμψάντων*“. Подобнымъ образомъ Аполлоній тирскій озаглавилъ свой трудъ, посвященный философіи послѣ-аристотелевскаго періода, — *πίναξ τῶν ἀπὸ Ζήνωνος φιλοσόφων καὶ τῶν βιβλίων* ²⁵²).

Что касается вопроса, въ какомъ именно порядкѣ былъ расположенъ Каллимахомъ историко-литературный матеріалъ, собранный имъ подъ общимъ заглавіемъ „*πίνακες*“, то и это также подлежитъ спору. Единственное свидѣтельство, спо-

²⁵⁰) Uppenkamp op. c. p. 44.

²⁵¹) Usener Anal. Theophrastea p. 24: omnibus antiquorum *πινάκων* reliquiis, — si librorum tabulas ab ipsis scriptoribus aut discipulis familiarissimis confectas, ut par est, excipias, — id proprium est, quod ea tantum, quae in certis bibliothecis, sive Alexandrina, sive Pergamena, sive aliis, collecta erant, respici solent volumina.

²⁵²) Uppenk. p. 57.

собное пролить хотя бы самый слабый свѣтъ на это дѣло, заключается у Аѳеня XIV р. 643 е. Здѣсь по Каллимаху, со ссылкой на его «Таблицы», перечисляются имена авторов, писавшихъ о печеніи пирожковъ (πλακουντοποιῶν συγγραμματα), и перечисляются въ алфавитномъ порядкѣ: Αἰγίμιος, Ἡγήσιππος, Μητρόβιος, Φαῖτος. Было поэтому высказано мнѣніе, что и вообще «Таблицы» Каллимаха были редижированы въ порядкѣ греческаго алфавита, какой порядокъ, по замѣчанію Ваксмута ²⁵³), греками въ подобныхъ случаяхъ примѣнялся часто и самъ по себѣ для библиотечарскихъ цѣлей представлялся наиболѣе пригоднымъ. Правда, продолжаетъ Ваксмутъ, Свидя упоминаетъ въ числѣ ученыхъ произведеній Каллимаха „πῖναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπὲς ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων“, и, если допустить, что этотъ „πῖναξ“ составлялъ часть занимающаго насъ здѣсь труда, то, повидимому, слѣдовало бы признать, что напротивъ въ «Таблицахъ» матеріалъ былъ распределенъ по принципу хронологической послѣдовательности; но, во первыхъ, не доказано, что вышеозначенный списокъ драматическихъ писателей дѣйствительно входилъ въ наши «Таблицы», какъ ихъ часть; во вторыхъ, еслибы даже это было и такъ, то самое прибавленіе словъ: „κατὰ χρόνους καὶ ἀπὲς ἀρχῆς“ какъ бы указываетъ на то, что хронологическій порядокъ въ настоящемъ случаѣ представлялъ нѣчто исключительное; въ третьихъ, наконецъ, приступая къ составленію перечня сценическихъ писателей, Каллимахъ уже и по самому свойству основнаго своего источника, — аристотелевскихъ дидаскалій, — могъ быть вынужденнымъ отступить отъ принятой въ самомъ началѣ системы, чтобы затѣмъ снова обратиться къ ней при обработкѣ прочихъ отдѣловъ ²⁵⁴).

Эти доводы соблазнили, повидимому, между прочимъ и Дауба, который поэтому рѣшительно отвергъ мнѣніе Шнейдера, видѣвшаго, подобно намъ, въ «Таблицахъ» Каллимаха

²⁵³) Philolog. XVI р. 661.

²⁵⁴) Ibid.

напротивъ работу по преимуществу историко-литературнаго характера ²⁵⁵).

Нами же въ сужденіи объ этомъ вопросѣ руководятъ главнымъ образомъ слѣдующія соображенія. Во первыхъ, приводимый у Аѳенія со словъ Каллимаха перечень писателей, составлявшихъ „πλᾱχοῦντοποιῶν συγγραμμάτων“, такъ невеликъ по своимъ размѣрамъ, что еще подлежитъ сомнѣнію, сознательно ли былъ примѣненъ въ этомъ случаѣ принципъ распредѣленія именъ по алфавитному порядку, или же это вышло совершенно случайно, само собою, помимо воли составителя «Таблицъ». Во вторыхъ, цитата Аѳенія какъ разъ относится къ такимъ книгамъ, которыя трудно подвести подъ какую нибудь опредѣленную рубрику литературныхъ произведеній и которыя поэтому были помѣщены Каллимахомъ въ разрядъ «смѣси» („μίναξ τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων“), гдѣ, разумѣется, алфавитный порядокъ былъ не только наиболѣе цѣлесообразнымъ, но и, пожалуй, единственно возможнымъ, — особенно при недостаткѣ хронологическихъ свѣдѣній, весьма естественномъ, когда рѣчь шла о такихъ писателяхъ, какъ Эггидій, Гетесиній, Метробій и Фотъ. Но разрядъ «смѣси» представлялъ уже собою какъ бы прибавленіе къ «Таблицамъ», appendix, — нѣчто, стоявшее внѣ общей классификаціи (хотя въ немъ самомъ, очевидно, и были сдѣланы нѣкоторыя частныя, дробныя подраздѣленія, изъ коихъ одно заключало въ себѣ συγγραμματα πλᾱχοῦντοποιῶν), и имъ отнюдь нельзя руководиться, какъ мѣриломъ, при сужденіи о «Таблицахъ» во всей ихъ совокупности. Въ третьихъ, въ противовѣсъ свидѣтельству, находящемуся у Аѳенія XIV р. 643 е, можно сослаться и на другое свидѣтельство, заключающееся у того же писателя VI р. 244 а и, на мой взглядъ, противорѣчащее тому выводу, который, какъ сказано, дѣлается изъ перваго. Приведемъ дословно это мѣсто: „τοῦ Χαίρεφώντος καὶ σύγγραμμα ἀναγράφει Καλλιμάχος ἐν τῷ τῶν παντοδαπῶν πίνακι γράφων οὕτως· δειπνα ὅσοι ἔγραψαν“

²⁵⁵) Daub op. l. p. 421; Schneider Callim. VI p. 303 sq.

Χαιρέφων Κυρηναίων. εἴθ' ἐξῆς τὴν ἀρχὴν ἐπέθηκεν· ἐπειδὴ μοι
 πολλάκις ἐπέστειλας... στίχων τρεῖς. Здѣсь слова: „δείπνα—
 Κυρηναίων“, несомнѣнно, взяты цѣликомъ изъ каллимаховыхъ
 «Таблицъ». Именемъ Харефонта начинался, какъ видно, у
 Каллимаха списокъ авторовъ, писавшихъ объ обѣдахъ
 (δείπνα); а что такихъ авторовъ было нѣсколько, на то
 указываетъ множественное число *ἔσσι*. Такимъ образомъ мы
 должны допустить одно изъ двухъ: либо этотъ списокъ былъ
 расположенъ въ какомъ нибудь иномъ, не-алфавитномъ по-
 рядкѣ,—ибо во главѣ его стояло имя, начинавшееся прямо
 съ одной изъ послѣднихъ буквъ греческой азбукы, — либо
 же,—что, конечно, совсѣмъ невѣрно,—объ обѣдахъ писали
 именно авторы, коихъ имена случайно начинались съ *χ*, *ψ* или
ω ²⁵⁶). Въ четвертыхъ, еслибы Каллимахъ вообще считалъ
 наиболѣе пригоднымъ для своей цѣли редижировать свои
 «Таблицы» въ порядкѣ алфавита, то въ такомъ случаѣ ему
 не для чего было бы классифицировать всѣ книги, подле-
 жавшія занесенію въ списки, по разрядамъ: проще и цѣле-
 сообразнѣе было бы составить словарь писателей, изъ ко-
 ихъ при имени каждаго,—конечно, опять таки въ азбучномъ
 порядкѣ,—были бы показаны его произведенія. Какъ удобная
 справочная книга, такой словарь скорѣе удовлетворилъ бы
 надобностямъ бібліотекаря, нежели реальный каталогъ съ
 дробнымъ дѣленіемъ на классы и на подклассы, гдѣ разно-
 родныя сочиненія однихъ и тѣхъ же авторовъ по требованію
 системы должны быть отнесены въ различные отдѣлы,—
 обстоятельство, способное лишь въ значительной степени
 затруднить ихъ отысканіе. Въ крайнемъ же случаѣ, Калли-
 махъ могъ бы ограничиться только самымъ широкимъ дѣле-
 ніемъ, и одинъ изъ сторонниковъ того мнѣнія, что его „πίνakes“
 были составлены по принципу алфавитнаго распредѣленія,—
 Фр. Нитцше,—былъ поэтому вполне послѣдователенъ, вы-

²⁵⁶) Одно стихотвореніе подъ заглавіемъ „Δείπνον“ приписывалось днѣ-
 рямъ Филоксену (435—380). Если и оно у Каллимаха помѣщено было
 въ одной рубрикѣ съ произведеніемъ Харефонта, то имени послѣдняго долж-
 но было предшествовать имя Филоксена. Но кромѣ Филоксена „δείπνων
 ἀναρχαί“ писали Гегемонъ, Матронъ, Нуменій и Тимахидъ (Athen. I, 5 b).

сказавши предположеніе, что въ «Таблицахъ» было всего лишь пять крупныхъ рубрикъ (ἀναγραφὴ τῶν ποιημάτων, ἀ. т. ῥητορικῶν, ἀ. т. ἱστορικῶν, ἀ. т. φιλοσόφων, ἀ. т. παντοδαπῶν) и что на долю каждой приходилось не менѣе 24 книгъ (по числу буквъ алфавита). Однако и такое предположеніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ оно противорѣчитъ прямымъ показаніямъ источниковъ, въ которыхъ упоминаются кромѣ приводимыхъ у Нитцше и инныя рубрики ²⁵⁷⁾). Насколько мы можемъ судить, система, которой слѣдовалъ Каллимахъ въ своемъ трудѣ, отличалась большою сложностью, и Уппенкамъ правъ, полагая, что множественное „πίνακες“ уже само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ о такой сложности ²⁵⁸⁾). Наконецъ, въ пятыхъ, нельзя утверждать, что при составленіи библиотечныхъ каталоговъ алфавитный порядокъ, вообще въ древности считался самымъ удобнымъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, я сошлюсь на фрагментъ греческаго книжнаго каталога, найденный въ сѣверномъ Египтѣ и хранимый нынѣ въ Императорской публичной библиотекѣ въ Петербургѣ ²⁵⁹⁾). Этотъ фрагментъ относится къ IV стол. нашей эры и въ двухъ столбцахъ, изъ коихъ второй почти совершенно разрушенъ, содержитъ рядъ авторскихъ именъ и книжныхъ титуловъ. Въ своей совокупности эти имена и титулы, повидимому, принадлежатъ къ отдѣлу философіи или даже, можетъ быть, еще частиѣе,—къ отдѣлу этики и политики ²⁶⁰⁾), но слѣдуютъ другъ за другомъ въ

²⁵⁷⁾ Срв. напр. Athen. XIII p. 585 b=frgm. 100^d, 25: ἐν τῷ τρίτῳ πίνακι τῶν νόμων. На какомъ основаніи Нитцше причисляетъ νόμων πίνακες къ отдѣлу „смѣси“, мнѣ неизвѣстно. Источники на то не даютъ никакого права. Напротивъ, все говоритъ въ пользу того, что это былъ вполне самостоятельный отдѣлъ.

²⁵⁸⁾ Uppenk. p. 57: „opus vero Callimacheum, ut inscribitur πληθυντικῶς, ita varias disputationes minus arcte inter se cohaerentes continuisse videtur.

²⁵⁹⁾ Фрагментъ изданъ въ „Catalogue des Manuscrits grecs de la bibl. impériale publique de Pétersbourg“ (1864) и разобранъ Цюнделемъ въ Rhein. Mus. 24, стр. 431 слл.

²⁶⁰⁾ На эту мысль наводятъ такіе титулы, какъ „περὶ ἀρετῆς“, „περὶ ὀργῆς“, „περὶ σωφροσύνης“, „περὶ ἀλπίας“, „Ἀθ. πολιτεία“ и проч. Въ строкахъ 16 (Zündel) предлагаю читать имя автора Ἐρατοσθένης, коего трактатъ „περὶ ἀλπίας“ называетъ Свида s. v.

самомъ прихотливомъ безпорядкѣ: въ 7-й строкѣ напр. названо сочиненіе Аристотеля „περὶ ἀρετῆς“, въ 8-й—Посидонія „συνταγμα[τα] περὶ ὁργῆς“, въ 10-й—Θеофраста „περὶ σωφροσύνης“, въ 12-й снова Аристотеля „Ἀθηναίων πολιτεία“, въ 22-й—того же Аристотеля „πολιτεία νεοπο...“ и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ составитель каталога группировалъ книги исключительно по ихъ содержанию, а не по начальнымъ литерамъ авторскихъ именъ ²⁶¹⁾).

Что касается упомянутого выше «πῖναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων», то, если разсматривать его, какъ часть нашихъ «Таблицъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ признавать въ послѣднихъ господство алфавитнаго порядка, врядъ ли возможно будетъ объяснить, почему при обработкѣ чутъ ли не самаго крупнаго отдѣла составитель долженъ былъ отступить отъ разъ принятой системы и въ этой части своей работы въ видѣ исключенія примѣнить принципъ хронологической послѣдовательности. Каковы бы ни были свойства его ближайшаго источника (аристотелевскихъ дидаскалій), Каллимахъ вовсе не неизбѣжно долженъ былъ слѣдовать тѣмъ началамъ, которыя въ этомъ источникѣ являлись господствующими,—тѣмъ болѣе, что трудъ его не отличался чисто механическими приѣмами и, какъ видно изъ фрагмента 100^a, 2 [Schol. Aristoph. Nub. 552], по отношенію къ «дидаскаліямъ» нашъ авторъ вполне сохранилъ свободу критическаго сужденія.

Впрочемъ, я склоняюсь скорѣе въ сторону того мнѣнія, что «πῖναξ τῶν διδασκάλων», упоминаемый Свиною, слѣдуетъ отличать отъ соотвѣтствующей ему части общихъ «Таблицъ». Какъ я уже выше сказалъ, при составленіи послѣднихъ Каллимахъ необходимо долженъ былъ опираться на цѣлый рядъ подготовительныхъ этюдовъ и частныхъ изысканій, изъ коихъ нѣкоторыя могли быть предприняты еще прежде, нежели въ головѣ его опредѣленно сложилась мысль о систе-

²⁶¹⁾ Къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою сборника Куманудиса и Касторхиса „Ἀθηναίων“, 1, а потому и не могу привлечь къ сравненію опубликованный въ немъ каталогъ. [См. Egger Callimaque bibliographe, p. 80].

матическомъ каталогѣ александрійской библіотеки. Я именно думаю, что «*πίναξ τῶν διδασκάλων*», равно какъ и «*πίναξ τῶν Δημοκρίτου γλωσσῶν καὶ συνταγμάτων*», помѣщенный также въ списокъ Свида, — оба представляли собою такіе этюды: не даромъ же Свида или, точнѣе, тотъ грамматикъ, у котораго заимствовалъ Свида свой перечень твореній Каллимаха, отвелъ для этихъ двухъ трудовъ отдѣльное мѣсто. Небрежностью нашего лексикографа невозможно было бы объяснить такое странное отрѣшеніе частей отъ цѣлаго. Въ самомъ дѣлѣ, въ его текстѣ значится: *ἔστιν αὐτῷ* [sc. *Καλλιμάχῳ*] *τὰ γεγραμμένα βιβλία ὑπὲρ τὰ ὠ... τῶν δ' αὐτοῦ βιβλίων ἔστι καὶ ταῦτα*. Засимъ перечисляются не всѣ восемьсотъ слишкомъ, а лишь нѣкоторыя изъ книгъ Каллимаха. Очевидно, что, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь Свида дѣлаетъ выборъ, и должно ли думать, что этотъ выборъ сдѣланъ имъ совершенно поверхностно и произвольно? Должно ли думать, что онъ дѣйствительно не различилъ въ своемъ оригиналѣ ²⁶²⁾ общихъ заглавій, относившихся къ цѣльнымъ сочиненіямъ, отъ подробныхъ оглавленій, въ коихъ означены были части этихъ сочиненій ²⁶³⁾? Не отличается ли такое предположеніе слишкомъ элементарною простотою? Не слѣдуетъ ли скорѣе допустить параллельное существованіе сходныхъ по содержанию, но возникшихъ въ разное время работъ, изъ коихъ въ одной авторъ могъ разсматривать вопросъ въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, съ болѣе частной точки зрѣнія, въ другой же — область его изслѣдованія значительно расширялась и тотъ же вопросъ подвергался уже болѣе полной и всесторонней разработкѣ? Какъ это часто бываетъ, Каллимахъ могъ сперва остановить свое вниманіе на какой-нибудь одной сторонѣ дѣла, и тогда плодомъ его занятій являлась извѣстная монографія; потомъ, заинтересовавшись предметомъ жи-

²⁶²⁾ Таковымъ оригиналомъ, по мнѣнію Дауба (стр. 457 сл.), въ настоящемъ случаѣ былъ Аскленіадъ изъ Мирлеп, авторъ сочиненія „*περὶ γραμματικῶν*“.

²⁶³⁾ Такъ думалъ Шнейдеръ (*De Callimachi operum tabula quae exstat apud Suidam*. Goth. 1862. Также *Callim.* II p. 2—33). Съ нимъ согласенъ и Даубъ (стр. 462).

вѣе и болѣе освоившись съ нимъ, онъ могъ снова возвратиться къ нему, но уже съ цѣлью придать своей работѣ болѣе общій характеръ, болѣе крупныя размѣры. Такъ объясняю я себѣ существованіе трактата „περὶ τῶν ἐν Εὐρώπῃ ποταμῶν“ наряду съ общимъ сочиненіемъ „περὶ τῶν ἐν τῇ οἰκουμένῃ ποταμῶν“, трактата „περὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ καὶ Ἰταλίᾳ θαυμασίων καὶ παραδόξων“ наряду съ сборникомъ „θαυμάτων τῶν εἰς ἅπασαν τὴν γῆν κατὰ τόπους ὄντων συναγωγή“, наконецъ, нашихъ двухъ „πίνακες“ болѣе спеціальнаго характера наряду съ многотомными «Таблицами», охватывавшими τοὺς ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλάμψαντας ²⁶⁴).

Выходить, стало быть, что съ моей точки зрѣнія „πίναξ τῶν... διδασκάλων“ былъ, такъ сказать, тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросли знаменитыя «Таблицы», редижированныя Каллимахомъ въ 120 книгахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и звеномъ, соединявшимъ пинакографическую дѣятельность александрійцевъ съ историко-литературными трудами Аристотеля и перипатетиковъ. Греческая древность завѣщала позднѣйшимъ временамъ цѣлый рядъ дидакалическихъ памятниковъ. Не говоря уже объ официальныхъ протоколахъ сценическихъ представленій, копѣ образцами могутъ служить надписи, опубликованныя Кёлеромъ СІА II п^о 972—975, существовали: 1) особые списки побѣдителей, подвизавшихся передъ аѳинскою публикою въ праздникъ великихъ діонисій, 2) общій перечень поэтовъ, удостоившихся награды въ продолженіе извѣстнаго періода времени (до 256 г. предъ Р. Х.) какъ на городскихъ (великихъ) діонисіяхъ, такъ и во время ленайскихъ празднествъ, — разумѣется, съ точнымъ показаніемъ премированныхъ произведеній ²⁶⁵), и, наконецъ, 3) хорегическіе памятники, состоявшіе изъ ка-

²⁶⁴) Въ пользу своего объясненія я могу обратить слова самого Шнейдера, сказанныя имъ по другому поводу, но совершенно приложимыя къ данному случаю: „ex argumenti affinitate de librorum conjunctione ductae conjecturae ancipites plerumque sunt in Callimacho, qui eandem rem alias alibi tractare solebat“ (Callim. II p. 22).

²⁶⁵) Такъ назыв. ἀστικὸς κατάλογος, о которомъ срв. статью Бергка въ Rhein. Mus. XXXIV (1879), стр. 292 слл.

менных плитъ съ соответственными надписями ²⁶⁶). Это были источники, изъ которыхъ пронстекли все позднѣйшіе сборники дидаскалическаго содержанія. Аристотель первый созналъ ихъ интересъ и ихъ важность, а вслѣдъ за великимъ стагиритомъ отсюда черпали матеріалъ для своихъ работъ и другіе, — Дикѳархъ, Каллимахъ, Аристофанъ византійскій, Аполлодоръ, Эратосѳенъ и проч. По справедливому замѣчанію Бѳка, дидаскалическіе труды названныхъ ученыхъ, опиравшіеся непосредственно на документальныя данныя и взаимно пополнявшіе и исправлявшіе другъ друга, заключали въ себѣ самыя точныя и опредѣленныя свидѣтельства о томъ, что касалось драматическихъ состязаній въ Аѳинахъ, и по степени своей достовѣрности могли быть поставлены наряду съ монетами, надписями и произведеніями первыхъ историковъ ²⁶⁷).

Въ какой мѣрѣ былъ Каллимахъ заинтересованъ вопросами агонистики и геортологіи, — главнымъ образомъ, разумѣется, поскольку эти вопросы вообще были связаны съ исторіей греческой литературы ²⁶⁸), — о томъ мы можемъ судить по ссылкѣ на его трактатъ „περὶ ἀγώνων“ ²⁶⁹). М. Мейеръ полагалъ, что этотъ трактатъ входилъ, какъ интегральная часть, въ составъ большихъ «Таблицъ», но съ этимъ мнѣніемъ врядъ ли можно согласиться: источники наши не даютъ намъ ни малѣйшаго права предположить, что въ числѣ 120 книгъ, составлявшихъ матеріальный объемъ «Таблицъ», могла находиться и такая, которая хотя бы

²⁶⁶) На этихъ плитахъ обозначались имена архонтовъ, хореговъ, поэтовъ и титулы увѣнчанныхъ произведеній, — но врядъ ли также названія филъ. См. Oehmichen Das Bühnenwesen der Griechen u. Römer (Iw. Müller's Handbuch V), стр. 199; Gröbl op. l. p. 15 sq., 47 sqq. П. Никитинъ Обзоръ эпиграфич. документовъ по исторіи аттической драмы (Ж. М. Н. Пр. 1881. ССХVIII, стр. 611).

²⁶⁷) Aug. Böckh Kl. Schr. V, стр. 110.

²⁶⁸) Срв. выше, стр. 15 сл.

²⁶⁹) Harpocrat. (p. 10, 8 Bekk.=Schn. Callim. frgm. 1): "Ἀκτια· Ὑπερίδης ἐν τῷ περὶ τοῦ Πολύεουκτον στρατηγεῖν. "Ἀκτια ἀγών παλαιὸς ἦν, ὡς δὴλον ποιεῖ Καλλιμάχος ἐν τῷ περὶ ἀγώνων. См. также Suid. s. v. "Ἀκτια, Bekk. Anecd. p. 373, 30.

отчасти подходила къ содержанію названнаго изслѣдованія ²⁷⁰⁾. Съ другой стороны невозможно также принять и мнѣніе О. Шнейдера, который доказываетъ, что книга „*περὶ ἀγώνων*“ представляла собою дидактическое стихотвореніе,— стало быть, нѣчто вроде овидіевыхъ «Фастовъ»,—и составляла первую часть стихотворнаго сборника, извѣстнаго подъ общимъ заглавіемъ „*Αἵτια*“ ²⁷¹⁾. Дѣло въ томъ, что, во первыхъ, мы не знаемъ, былъ ли это дѣйствительно сборникъ, а не цѣльное произведеніе, отличавшееся единствомъ темы и содержанія,—произведеніе, въ которомъ, можетъ быть, не было и мѣста для разсужденій о состязаніяхъ; во вторыхъ же, ничто насъ не принуждаетъ вѣрить въ существованіе отдѣльныхъ заглавій для каждой части означеннаго сборника,—напротивъ, всѣ ссылки на него, какими мы только располагаемъ, различаютъ отдѣльныя его книги исключительно по счету (*ἐν πρώτῳ Αἰτίῳ*, *ἐν τῷ τέλει τοῦ β' τῶν Αἰτίῳ*, *ἐν τρίτῳ τῶν Αἰτίῳ* и т. п.). Въ виду этого мнѣ кажется, что за сочиненіемъ „*περὶ ἀγώνων*“ слѣдуетъ признать значеніе самостоятельнаго трактата, и я убѣжденъ, что трактатъ этотъ возникъ не безъ соотношенія съ дидаскалическою работою Каллимаха: онъ либо предше-

²⁷⁰⁾ Meyer Opusc. I, p. 91. Здѣсь вообще дано о каллимаховыхъ „Таблицахъ“ понятіе, слишкомъ далекое отъ истины: по Мейеру, одна часть этого труда представляла собою „*Ὀνομαστικόν*“ и заключала въ себѣ слѣдующія рубрики: *νόμων πίνακες*, *νόμιμα βαρβαρικά*, *περὶ ὀρνίθων*, *ἐθνικαὶ ὀνομαστικαί*, *κτίσεις νήσων καὶ πόλεων καὶ μετονομαστικαί*, *περὶ μετονομαστικῆς ἱχθύων*, *μηνῶν προσηγορίαι κατὰ ἔθνος καὶ πόλεις*, *θαυμάσια*, *περὶ ἀγώνων*, *περὶ τῶν ἐν οἰκουμένῃ* [*ἐν Εὐρώπῃ, ἐν Ἀσίᾳ*] *ποταμῶν*. Это — не болѣе, какъ догадка, лишенная какихъ бы то ни было основаній. Не можемъ одобрить также и того, что говорить по этому поводу Эггеръ (Callim. bibl. p. 74): „Un ouvrage également perdu de Callimaque et qui était intitulé: „les Concours“ (*Ἀγῶνες*), semble former l'introduction de ces tables [*Πίνακες*]“, car il traitait sans doute des panégories grecques, où concouraient les poètes, les artistes, comme les athlètes et les habiles conducteurs de chevaux“. Все, что возможно сказать теперь о трактатѣ „*περὶ ἀγώνων*“ на основаніи новѣйшихъ работъ Дильтея, Ланге, Любберта и др., прекрасно резюмировано у Зузенгера стр. 367, прим. 88.

²⁷¹⁾ „*Αἵτια* — — *carmen sive potius sylloga carminum*“ (Schn. II, p. 35). Обстоятельную критику фантастической реконструкціи Шнейдера см. у Куа̃ вышеназв. соч., стр. 133 слл. Также см. Rhode Griech. Roman, стр. 85, прим. 1.

ствовалъ ей, либо,—что, впрочемъ, менѣе правдоподобно,—былъ вызванъ ею. Какъ ученикъ перипатетика Праксифана ²⁷²⁾, Каллимахъ могъ съ особеннымъ интересомъ останавливаться на тѣхъ темахъ, которыя съ такою любовью разрабатывались корифеями перипатетической школы, и такимъ образомъ въ совершенствѣ подготовить себя къ главному труду своей жизни,—къ составленію знаменитыхъ «Таблицъ».

Итакъ, возвратимся же къ этимъ послѣднимъ. Отвергнувъ гипотезу о построеніи ихъ въ порядкѣ буквъ греческаго алфавита, мы принимаемъ за достовѣрное, что весь историко-литературный и библиографическій матеріалъ, находившійся въ распоряженіи Каллимаха, былъ имъ распределенъ по отдѣламъ, внутри которыхъ необходимо допущены были многія частныя подраздѣленія. Къ сожалѣнію, совершенно невозможно при нынѣшнемъ состояніи нашихъ источниковъ болѣе или менѣе точно опредѣлить число такихъ отдѣловъ. Можно лишь съ вѣроятностью предполагать, что оно соотвѣтствовало приблизительно числу важнѣйшихъ видовъ литературныхъ произведеній и что, стало быть, по крайней мѣрѣ эпосъ, лирика, драма, исторія, философія и ораторское искусство составляли въ «Таблицахъ» отдѣльныя, самостоятельныя части. Это подтверждается имѣющимися въ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ ссылками на „πίνακας, ἐν οἷς αἱ ἀναγραφαὶ ἦσαν τῶν δραμάτων“ (Schn. 100^d, 5), на „τὴν τῶν ῥητορικῶν ἀπογραφὴν“ (ibid. 24) и на неправильное отнесеніе Продика въ разрядъ реторовъ, тогда какъ де его мѣсто—въ ряду философовъ (σαφῶς γὰρ ἐν τοῦτοις φιλόσοφος, frgm. 22). Кромѣ того весьма вѣроятно, что и науки также были сгруппированы въ особые классы, такъ что вмѣстѣ съ Шнейдеромъ мы вправѣ предполагать существованіе въ «Таблицахъ» отдѣльныхъ рубрикъ для географіи и періэгеzy, для медицины, для математики, для агрикультуры и проч. Наконецъ,—и на то у насъ есть категорическія указанія,—въ особые отдѣлы были отнесены, во первыхъ, законы (frgm. 25), а во вторыхъ—все то, что

²⁷²⁾ См. выше стр. 112.

не подходило по содержанию ни подъ одну изъ предыдущихъ рубрикъ, что не подчинялось никакимъ определеннымъ формуламъ и должно было найти мѣсто въ дополненіи къ систематическому каталогу, въ разрядѣ «смѣси» (frgm. 7, 8).

Что касается того, какъ были озаглавлены различныя части «Таблицъ», то вопреки Шнейдеру я не думаю, чтобы заглавія эти отличались единообразіемъ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что задачею Каллимаха было представить на первомъ планѣ перечень дѣятелей, со славою подвизавшихся на поприщѣ науки и литературы („τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ λαμπράντων“) и уже на второмъ планѣ— перечень ихъ произведеній („καὶ ὧν συνέγραψαν“), Шнейдеръ въ этомъ смыслѣ восстанавливаетъ и отдѣльные (частные) титулы, какъ то: πῖναξ τῶν ἐποποιῶν καὶ τῶν λοιπῶν ποιητῶν, π. τῶν διδασκάλων, π. τῶν νομογράφων, τ. φιλοσόφων и проч. На самомъ дѣлѣ Каллимахъ могъ и не быть въ такой мѣрѣ послѣдователенъ, и, сохраняя въ текстѣ своей работы всюду первое мѣсто за дѣятелями, онъ въ заголовкѣ иныхъ отдѣловъ могъ обозначать самые роды ихъ произведеній. На это указываютъ ссылки на πῖναξ τῶν νόμων (не νομογράφων или νομοθετῶν)²⁷³), πῖναξ τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων, ἀναγραφαὶ τῶν δραμάτων²⁷⁴). Правда, возможно, что и въ ссылкахъ допущена нѣкоторая неточность и ради краткости приведены не полныя титулы, а лишь указана сущность каждаго изъ нихъ. Аэеней, у котораго именно и находятся наши ссылки, довольно часто прибѣгаетъ къ такого рода сокращеніямъ въ своихъ цитатахъ, но при этомъ всегда съ сохраненіемъ основной редакціи заглавія и лишь съ выпущеніемъ тѣхъ

²⁷³) Въ числѣ произведеній Теофраста три книги „Νομοθετῶν“ приводятся отдѣльно отъ 24 книгъ „Νόμων“, расположенныхъ „κατὰ στοιχεῖον“ (Diog. L. V, 44, 45).

²⁷⁴) Относится ли сюда также и ссылка на „τῶν ῥητορικῶν [Meyer p. 89 подразумѣваетъ συγγραμμάτων] ἀπογραφή“,—сомнительно. Schol. Aristoph. Av. 692 цитуетъ каллимаховъ списокъ ораторскихъ произведеній такъ, какъ будто бы въ заглавіи его стояло „ἀναγραφὴ τῶν ῥητόρων“. Срв. Isocr. 3, 8: ῥητορικοὺς λέγομεν τοὺς ἐν τῷ πλήθει λέγειν δυνάμενους.

частей его, которыя могутъ быть выпущены безъ ущерба для смысла. Такъ напр. онъ говоритъ: Πολέμων ἐν πρώτῳ Περὶ ἀκροπόλεως вмѣсто Περὶ τῆς Ἀθήνησιν ἀκροπόλεως, Ἐκταῖος ἐν Ἀσίᾳ вм. ἐν τῇ τῆς Ἀσίας περιήγησει, Πάμφιλος ἐν Γλώσσαις вм. ἐν τοῖς περὶ Γλωσσῶν καὶ ὀνομάτων п т. п. Сообразно съ этимъ вмѣсто „πίναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων νομογράφων“, какъ возстановляетъ полное заглавіе соотвѣтствующей таблицы Шнейдеръ, мы могли бы ожидать у Аэенія просто ссылку на „πίναξ τῶν νομογράφων“. Но зачѣмъ понадобилось бы ему измѣнить „νομογράφων“ въ „νόμων“? Зачѣмъ нужно было превратить [πίναξ καὶ] ἀναγραφὴ τῶν διδασκάλων въ ἀναγραφὴ τῶν δραμάτων? Естественнѣе всего думать, что въ этихъ случаяхъ не послѣдовало никакого измѣненія подлинной редакціи титуловъ и что въ самихъ «Таблицахъ» заглавія отдѣльных частей не были составлены всѣ по одному шаблону.

Крупные отдѣлы, безъ сомнѣнія, были расчленены на болѣе дробныя части, распадавшіяся, можетъ быть, въ свою очередь на главы или параграфы. Въ пользу такого утвержденія говоритъ между прочимъ то обстоятельство, что весь трудъ Каллимаха былъ раздѣленъ на весьма большое количество книгъ, а изъ нихъ каждая, по всей вѣроятности, составляла болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое. При извѣстной намъ нелюбви александрійскаго полиграфа къ объемистымъ книгамъ, — „μέγα βιβλίον μέγα κακόν“, говорилъ онъ ²⁷⁵⁾), — нужно предположить, что отдѣльныя книги, входившія въ составъ его «Таблицъ», были всѣ небольшого размѣра и, стало быть, заключали въ себѣ и небольшіе

²⁷⁵⁾ Толкованіе этого знаменитаго изреченія, предложенное Биртомъ (стр. 482 сл.), нынѣ всѣми отвергнуто, и мы не возьмемъ на себя защиту химерической гипотезы названнаго ученаго. Вслѣдъ за большинствомъ изслѣдователей, мы ставимъ это изреченіе въ связь съ теоретическимъ споромъ, который въ концѣ концовъ привелъ къ непримиримой враждѣ между Каллимахомъ и Аполлоніемъ родосскимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что авторъ, относившійся съ отвращеніемъ къ поэмамъ, безконечнымъ, какъ море, и отличавшійся краткостью и отсутствіемъ многословія въ своихъ стихотворныхъ опытахъ, долженъ былъ стремиться къ сжатости и въ прозаическихъ произведеніяхъ.

отдѣлы. Разумѣется, въ настоящее время, опираясь на три десятка фрагментовъ, возстановить полную схему этихъ послѣдовательныхъ дѣлений, весь планъ монументальнаго произведенія гораздо труднѣе, нежели даже по нѣсколькимъ костямъ допотопнаго животнаго воссоздать весь его остовъ, и если Кювье считалъ послѣднюю задачу по своимъ силамъ, то мы все же не посмѣемъ взяться за разрѣшеніе первой. Мы ограничимся лишь нѣкоторыми отрывочными на этотъ счетъ заключеніями, возможность которыхъ допускается состояніемъ нашихъ источниковъ.

Такъ, во первыхъ, относительно драматическихъ произведеній можно думать, что къ нимъ была примѣнена классификаціи, встрѣчаемая и въ оффиціальнымъ памятникахъ дидаскалическаго содержанія, т. е. для комиковъ и для трагиковъ было отведено особое мѣсто. Было ли при этомъ допущено и дальнѣйшее раздѣленіе тѣхъ и другихъ по свойству одержанныхъ ими побѣдъ (*ἀστικαὶ* и *λῦγῆκαὶ νῆκα*), рѣшить мудрено ²⁷⁶); но что въ числѣ комиковъ—вѣроятно, въ особой рубрикѣ,—были помѣщены и представители пародіи, въ этомъ, кажется, можно быть увѣреннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Аэнея (I, р. 5 b), Гегемона Θасосскаго (автора многочисленныхъ пародій) пинакографы [*τινὲς* ?] относили къ разряду поэтовъ древней комедіи, и такимъ же самымъ образомъ и о другомъ пародѣ,—Архестратѣ,—трактовалъ Ликофронъ въ сочиненіи, посвященномъ комедіи (*περὶ κωμωδίας*) ²⁷⁷). Фрагментъ каллимаховыхъ «Таблицъ», относящійся къ тому же Архестрату,

²⁷⁶) Такое раздѣленіе признаетъ вышеупомянутый *ἀστικὸς κατὰλόγος*. Въ реальномъ каталогѣ, каковымъ были наши *Πύρχες*, оно могло оказаться лишнимъ.

²⁷⁷) Въ отдѣлѣ о комикахъ Каллимахъ могъ трактовать также о представителяхъ мима и миміамба. Болѣе сомнительно, занимали ли отдѣльное мѣсто такъ наз. сатирографы. Повидимому, во времена Каллимаха сатирическая драма еще не разорвала своей связи съ трагедіею, и трагики были также и *ποιηταὶ σατύρων*. Лишь позднѣе явились спеціалисты, посвящавшіе себя исключительно сочиненію сатирическихъ драмъ (напр. *Δημότριος ὁ Ταρσικὸς σατυρογράφος* ap. Diog. L. V, 85). См. П. В. Никитинъ. Къ ист. аѳонскихъ драматич. состязаній (Ж. М. Н. Пр. 1882 авг. стр. 339 сл.).

дошелъ до насъ (Schp. 100^a, 9), и можно поставить вопросъ, не слѣдуетъ ли изъ отдѣла «смѣси» (μίναξ τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων), въ которомъ онъ находится у Бентли и Ваксмута, перемѣстить его въ отдѣлъ драматическихъ произведеній? Правда, въ этомъ фрагментѣ названа архестратова Ἰνδοπάθεια или Δειπνολογία, которой, разумѣется, не мѣсто среди драмъ (по Аэнею, это—ἐπικὸν ποίημα); но неизвѣстно, были ли распределены въ «Таблицахъ», какъ того требовала бы система, разнородныя произведенія однихъ и тѣхъ же авторовъ по разнымъ классамъ, такъ что напр. Аристотель, какъ авторъ гимновъ и элегій, фигурировалъ въ первомъ отдѣлѣ, а какъ философъ—примѣрно въ пятомъ или шестомъ, или же Каллимахъ помѣщалъ cadaго автора со всѣми его сочиненіями въ томъ отдѣлѣ, къ которому онъ тяготѣлъ по основному характеру своей литературной дѣятельности. Въ послѣднемъ случаѣ предложенный нами вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Авторы слѣдовали одинъ за другимъ, повидному, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ, конечно, въ области драматической поэзи Каллимахъ, имѣвшій возможность основываться на результатахъ прежнихъ своихъ работъ („περὶ ἁγώνων“ и „μίναξ τῶν κατὰ χρόνους κτλ. διδασκάλων“) и пользоваться дидаскалическими трудами Аристотеля и Дикэарха, обширными сочиненіями Хамэлеонта, Ликофрона и проч., долженъ былъ чувствовать подъ собою довольно твердую почву ²⁷⁸⁾. Труднѣе его положеніе было въ отношеніи прозаиковъ, особенно же въ отношеніи ораторовъ, для которыхъ въ предшествовавшей ученой литературѣ не было сдѣлано ничего. Каллимахъ принужденъ былъ сдѣлать пер-

²⁷⁸⁾ Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что „комодическіе агоны въ Аѣннахъ сдѣлались официально признанною частью діонисійскихъ праздниковъ значительно позже, чѣмъ трагодическіе. Уже Аристотель (Poet. 5) объяснилъ этимъ, почему исторія комедіи становится доступною изслѣдованію со времени значительно болѣе поздняго, чѣмъ исторія трагедіи, и это совершенно понятно, такъ какъ тотъ періодъ развитія комедіи, когда она еще не была официально признана, не могъ оставить никакого слѣда по себѣ въ официальныхъ записяхъ“ (П. В. Никитинъ прив. соч. Ж. М. Н. Пр. 1882, авг. стр. 351).

вый шагъ въ дѣлѣ историческаго изученія ихъ произведеній, и немудрено, если соотвѣтствующая часть его труда оказалась сравнительно съ другими частями болѣе слабою и впослѣдствіи подвергалась рѣзкой критикѣ со стороны такихъ знатоковъ предмета, какъ напр. Діонисій галикарнасскій ²⁷⁹). Для насъ, вѣроятно, останется вѣчною загадкою вопросъ о томъ, какъ онъ при этомъ дѣлилъ доступный ему матеріалъ; но, судя по приведенной выше цитатѣ Аѳенія ²⁸⁰), стремленіе къ полнотѣ перечисленія послужило причиною того, что въ списокъ ораторовъ, — безъ сомнѣнія, въ числѣ третьестепенныхъ представителей краснорѣчія, — ошибочно попали и лица, какъ Діонисій Χαλχοῦς, вовсе непричастныя этому искусству или, какъ Продикъ, причастныя ему только отчасти ²⁸¹). Въ списокъ философовъ греческіе мыслители были, естественно, сгруппированы по школамъ и сектамъ. По словамъ Бергка, исторія философіи стала въ Греціи предметомъ самаго внимательнаго и всесторонняго изученія несравненно раньше, нежели исторія какой бы то ни было другой отрасли человѣческаго вѣдѣнія ²⁸²), и уже Теофрасту принадлежалъ первый опытъ критическаго изложенія этой науки (φυσικῶν δοξῶν βιβλία ιγ'). За Теофрастомъ послѣдовали другіе перипатетики съ историко-философскими трактатами общаго и частнаго характера, какъ то: Гераклидъ понтійскій (περὶ Πυθαγορείων), Фаній (περὶ τῶν Σωκρατικῶν и πρὸς τοὺς σοφιστάς), Дикѳархъ (βίβλι φιλοσόφων), Деметрій фалерскій (τῶν ἐπτὰ σοφῶν ἀποφθέγματα) и проч. Такимъ образомъ Каллимахъ не былъ первымъ пионеромъ въ этой области и въ своихъ источникахъ долженъ былъ найти богатый и уже въ значительной степени упорядоченный матеріалъ. Тѣмъ не менѣ классификація философскихъ произведеній также была сопряжена съ немалыми трудностями. Иногда принадлежность философа къ той пли

²⁷⁹) Dion. Halic. de Dinarch. iudic. 1.

²⁸⁰) Athen. XV стр. 669 d. Срв. выше стр. 148.

²⁸¹) См. выше стр. 173.

²⁸²) Bergk Gr. LG. I, стр. 271.

другой школѣ могла подвергаться сомнѣнію ²⁸³), иногда возникалъ вопросъ о дѣйствительномъ авторѣ сочиненія, приписываемаго иными одному, иными другому писателю ²⁸⁴), и т. п.

Не знаемъ, что сказать объ отдѣлѣ, носившемъ заглавіе νόμων πίνακες. Нитцше ²⁸⁵) не признавалъ за нимъ самостоятельнаго значенія и отводилъ ему мѣсто подъ рубрикою „παντοδαπὰ συγγραμματα“. Къ этому мнѣнію присоединился и Даубъ ²⁸⁶). Напротивъ, Шнейдеръ понимаетъ ссылку Аэнея: ἐν τῷ τρίτῳ πίνακι τῶν νόμων такъ, какъ будто бы у него было сказано: ἐν τῷ τρίτῳ πίνακι, τῷ τῶν νόμων или τῷ νόμων, и потому помѣщаетъ „πίναξ τῶν νόμων“ на третьемъ мѣстѣ въ ряду «Таблицъ» ²⁸⁷). Это толкованіе въ свою очередь нашло сторонника въ лицѣ Зуземиля ²⁸⁸). Къ великому сожалѣнію, единственное свидѣтельство, относящееся къ загадочному отдѣлу, такого неопредѣленнаго свойства, что строить свои заключенія на основаніи его одного— дѣло весьма мудреное. Оно касается правилъ обѣденнаго ритуала или, можетъ быть, обѣденныхъ взносовъ (νόμος συσσιτικός), которые были составлены извѣстною куртизанкою Гнаэною для ея поклонниковъ по образцу ²⁸⁹) другихъ подобныхъ правилъ, бывшихъ въ ходу у нѣкоторыхъ философовъ ²⁹⁰). Въ общемъ представляется допустимымъ, что шуточные регламенты вродѣ названнаго «νόμος» Гнаэны могли найти для себя мѣсто у Каллимаха въ списокѣ законовъ послѣ того, какъ уже исчис-

²⁸³) Diog. L. VIII, 8, 1 = Callim. 100^d, 13.

²⁸⁴) Harpocr. v. Ἴων = Callim. 100^d, 15.

²⁸⁵) См. выше стр. 167, прим. 257.

²⁸⁶) Daub p. 420, adn.: „rectissime vero meo quidem iudicio de ordine catalogi τῶν παντοδαπῶν συγγραμμάτων disseruit [Nitzsche]“.

²⁸⁷) Schn. Callim. II p. 311.

²⁸⁸) Susemihl, стр. 338.

²⁸⁹) Athen. I. I. κατὰ ζῆλον τῶν τὰ τοιαῦτα συνταξαμένων φιλοσόφων. Произведеніе Гнаэны, заключающее въ себѣ 323 строки, представляло собою, очевидно, болѣе или менѣе остроумную пародію на философскіе νόμοι συσσιτικοί.

²⁹⁰) Срв. Athen. V p. 186 b: τοῦ γοῦν Ξενοκράτους ἐν Ἀκαδημαίᾳ καὶ πάλιν Ἀριστοτέλους συμποτικοί τινες ἦσαν νόμοι. Срв. id. I p. 3 f. Справедливо полагаетъ Вилламовицъ (Antig. v. Karyst. стр. 283, прим. 14), что оба извѣстія почерпнуты Аэнеемъ изъ пинакографическихъ источниковъ.

лены были раньше νόμοι πολιτικοί, παιδευτικοί и проч., и, если Теофрастъ посвятилъ вопросу о законахъ 24 книги (срав. прим. 273), а Деметрій Фалерскій въ 5 книгахъ разсмотрѣлъ лишь аѳинское законодательство ²⁹¹⁾, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что александрійскій пинакографъ отвелъ на этотъ предметъ по крайней мѣрѣ три книги. Какое мѣсто занимали эти три книги въ экономіи всего произведенія, — это, повидимому, вопросъ неразрѣшимый. Изъ ссылки Аѳенея я усматриваю только одно, — именно, что и отдѣлъ о законахъ въ каллимаховыхъ «Таблицахъ» расчленялся на под-отдѣлы, въ числѣ конхъ фигурировали между прочимъ подъ особою рубрикою νόμοι συσσιτικοί. Терминъ «πίναξ», разумѣется, могъ быть примѣненъ къ каждому изъ такихъ под-отдѣловъ съ тѣмъ же правомъ, какъ и ко всѣмъ имъ въ совокупности, т. е. въ «Таблицахъ» могло значиться: Πίναξ τῶν νόμων, какъ общее заглавіе, и затѣмъ, какъ заглавія частныя: а) πίναξ τῶν πολιτικῶν νόμων, б) πίναξ τῶν παιδευτικῶν νόμων и т. д. Я думаю такимъ образомъ, что трудность, усматриваемая Шнейдеромъ въ этомъ двоякомъ употребленіи слова «πίναξ», болѣе воображаемая, нежели дѣйствительная ²⁹²⁾, ибо, допуская возможность такого употребленія, мы отнюдь не вкладываемъ въ это слово какого-нибудь новаго понятія, отнюдь не приписываемъ ему какого-нибудь не принадлежащаго ему значенія.

Именамъ авторовъ, размѣщеннымъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ и частяхъ, сопутствовали, какъ сказано, разнаго рода замѣчанія и сообщенія біографическаго свойства. Это не значитъ, что каллимаховы «Таблицы» были чѣмъ то вродѣ біографическаго словаря писателей, но несомнѣнно, что во всякомъ случаѣ имъ элементъ біографическій не былъ

²⁹¹⁾ Herwig op. l. p. 10 sq.

²⁹²⁾ Schn. Calim. II p. 311: „Certe si verba πίνακι τῶν νόμων arctissime conjungenda censueris, ut plures νόμων πίνακες significantur, hoc exorietur difficultatis, quod iam secundam in uno hoc Callimachi opere significationem vocis πίναξ habebimus, quae non solum totius operis singulas partes singulis literarum generibus destinatas significat, sed nunc etiam significabit harum partium singulos libros, quorum in universum numerus fuit CXX“.

чуждъ. Такъ, во первыхъ, при имени писателя обозначалось его отчество или, если послѣднее было сомнительно, то и цѣлый рядъ показанныхъ въ различныхъ рукописяхъ отчествъ; во вторыхъ, отмѣчалась дѣйствительная или вѣроятная родина его; засимъ, въ третьихъ, слѣдовало обозначеніе времени процвѣтанія его (ἀρχή), а равно давались необходимыя свѣдѣнія о его учителяхъ, о принадлежности его къ той или другой школѣ. При этомъ, какъ мы видѣли, могло возникать немало критическихъ вопросовъ. Безъ сомнѣнія, въ детальное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ Каллимахъ по самому свойству своей работы входить не могъ и въ большинствѣ случаевъ принужденъ былъ довольствоваться простымъ перечисленіемъ разногласящихъ показаній; но, какъ это явствуетъ изъ нашихъ фрагментовъ, къ подобному перечисленію зачастую составитель отваживался присоединять и собственное заключеніе.

За именами авторовъ и короткими замѣчаніями о ихъ жизни и дѣятельности слѣдовалъ, далѣе, перечень произведеній, имъ приписываемыхъ или дѣйствительно принадлежащихъ. Здѣсь опять представлялся широкій просторъ для подозрительной критики. Вышло ли подлинно данное произведение изъ-подъ пера того, чье имя стояло въ его заголовкѣ? Не слѣдовало ли его отнести скорѣе въ разрядъ *ψευδεπίγραφον*? Если да, то кто же былъ его настоящимъ авторомъ? Какую редакцію имѣлъ подлинный титулъ произведенія? Въ какомъ отношеніи находилось оно къ другимъ сочиненіямъ того же писателя?—все это настоятельно требовало разъясненія и отвѣта. Фрагменты 4-й, 9-й, 10-й, 14-й, 15-й, 16-й, 18-й, 23-й, 26-й (Schn. 100^d) наглядно показываютъ, что нашъ пинакографъ добросовѣстно старался разрѣшать подобныя трудности, представлявшіяся ему на каждомъ шагѣ при каталогизаціи александрійской библіотеки, и зачастую разрѣшалъ ихъ удачно. Если же и приходилось ему дѣлать промахи, то,—скажемъ словами М. Мейера²⁹³),—

²⁹³) М. Meyer p. 89.

«quis paullo humanior non ignoscet opere in longo obrep-
sisse somnum»?..

Въ спискахъ сочиненій, принадлежавшихъ отдѣльнымъ авторамъ, Каллимахъ, повидимому, не всегда держался одного и того же порядка. Можно считать болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что по требованію обстоятельствъ онъ иногда принужденъ былъ отступать отъ принципа дѣленія по родамъ и видамъ, положеннаго имъ въ основаніе своего труда. Мы можемъ, правда, сослаться только на одинъ примѣръ, подтверждающій это, но смѣемъ думать, что этотъ примѣръ не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ. У Діогена лаэртскаго есть списокъ сочиненій Теофраста, составленный въ строго выдержанномъ алфавитномъ порядкѣ. По изслѣдованію Узенера, источникомъ для Діогена при этомъ служилъ каллимахеецъ Гермиппъ ²⁹⁴), а послѣдній, какъ увидимъ, опирался на каллимаховы «Таблицы», такъ что къ нимъ, стало быть, возводится названный списокъ, какъ къ своему первоисточнику ²⁹⁵). Ваксмутъ кромѣ того полагалъ, что и въ спискахъ драматическихъ произведеній Каллимахъ придерживался алфавитнаго порядка. Дѣло въ томъ, что до насъ дошли образчики бывшаго въ употребленіи у древнихъ грамматиковъ обозначенія пьесъ по мѣсту, занимаемому каждою изъ нихъ въ общемъ счетѣ принадлежавшихъ тому или другому драматургу произведеній. Такъ «Финикійнки» считались третьею, а «Алкеста»—семнадцатою трагедіею Эврипида, «Персы»—третьею пьесою Эсхила, «Птицы»—тридцать пятою, а «Старость»—девятою комедіею Аристофана, «Антигона»—тридцать второю трагедіею Софокла и т. п. ²⁹⁶). Спрашивается, какъ понимать такое обозначеніе? Значить ли оно, что пьесы были расположены въ хронологическомъ порядкѣ, какъ явствуетъ, повидимому, изъ ватиканской „ὕποθεσις“

²⁹⁴) Usener op. l. p. 24.

²⁹⁵) Срв. Wachsmuth въ Philol. 16 стр. 662. См. ниже стр. 216.

²⁹⁶) Schol. Eurip. Orest. 1481; ibid. 210; ibid. 23; argum. Eurip. Alcest. (2); argum. Aristoph. Av. (1); argum. Sophocl. Antig.—См. Wachsmuth p. 664.

къ эврипидовой «Алкестѣ»: τὸ δρᾶμα ἐποικήθη ἴζ' ? Или, быть можетъ, имѣлось въ виду, такъ сказать, каноническое распредѣленіе драмъ соотвѣтственно эстетическимъ достоинствамъ каждой? Или, наконецъ, обозначалось цифрою то мѣсто, которое занимала пьеса по порядку буквъ греческаго алфавита? Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не допускаетъ вполне удовлетворительнаго разрѣшенія. Слово „ἐποικήθη“ въ вышеприведенной цитатѣ возбуждаетъ критическія сомнѣнія, и вообще наши хронологическія свѣдѣнія не оправдываютъ той нумераціи драматическихъ произведеній, съ которою мы только что познакомили читателя ²⁹⁷). Думать, что нумерація эта выражала степень эстетической оцѣнки, также не приходится: правда, въ нашихъ рукописяхъ комедій Аристофана расположены въ порядкѣ, въ значительной мѣрѣ обусловленномъ эстетическими взглядами позднѣйшихъ грамматиковъ ²⁹⁸), но вправѣ ли мы возникновеніе списка аристофановыхъ комедій, составленнаго по принципу эстетической оцѣнки, приурочивать ко временамъ Каллимаха, — къ тѣмъ временамъ, къ которымъ, несомнѣнно, относится наша нумерація? Вправѣ ли мы, далѣе, предполагать, что и пьесы другихъ драматурговъ были подчинены такому же—во всякомъ случаѣ произвольному—распредѣленію? Повидимому, — нѣтъ, ибо у насъ есть слѣды и иного, именно алфавитнаго

²⁹⁷) Для Эврипида имѣемъ слѣдующія даты: 455 г. онъ впервые выступилъ на сценическомъ поприщѣ; 442 г. *πρῶτον ἐνίκησε*; 438 г. поставилъ на сцену четыре драмы и въ ихъ числѣ „Алкесту“ (*Κρησσαι, Ἀλκμήων, Τήλερος, Ἀλκυστις*); 406 † Всѣхъ пьесъ ему приписывалось 92. Для Софокла: 472 г. постановка первыхъ пьесъ и первая побѣда; 442 „Антигона“; 406 † Число приписываемыхъ поэту пьесъ—130 [123]. Для Аристофана: 427 постановка первой комедіи; 415 „Птицы“; ? „Старость“; 387 (?) † Число пьесъ—44 (40).— Впрочемъ, въ пользу хронологическаго значенія приведенной въ текстѣ нумераціи пьесъ въ послѣднее время снова высказался Христъ Gr. Ig.², стр. 197 прим. 1, 218 прим. 3.

²⁹⁸) Вотъ этотъ порядокъ: Plut. Nub. Ran. Eq. Ach. Vesp. Pac. Av. Thesm. Eccl. Lys. „Massgebend war für diese Folge offenbar nicht die Abfassungszeit der Stücke, vielmehr stehen voran die 3 Stücke, welche den späteren Grammatikern die lesenswerthesten schienen, der Plutus als Vorbild der neuen Komödie, die Wolken und Frösche wegen ihrer Beziehung zu Euripides und Sokrates; den Schluss bilden die 3 Weiberkomödien“. Christ LG.², стр. 251 прим.

ихъ распредѣленія. Оставляя въ сторонѣ Свиду, у котораго въ послѣдовательности буквъ греческой азбуки расположены драматическія произведенія s. v. Διογένης ἢ Οἰνόμαος, Κλεοφῶν, Λυκόφρων, Φιλοκλῆς, Χιωνίδης, Κράτης Ἀθηναῖος, Εὐπολῖς, Πλάτων, Λεύκων, Κηφισόδωρος, Φόρμος и др. ²⁹⁹), я сошлюсь на списокъ эсхиловыхъ трагедій въ cod. Laug., на неполный списокъ произведеній Эврипида, сохраненный намъ альбанскою (нынѣ луврскою) статуэткою поэта ³⁰⁰), наконецъ, на каталогъ комедій Платона, находящійся у грамматика Андроника ³⁰¹). Почему бы не предположить,—въ виду изряднаго количества примѣровъ послѣдней категоріи,—что алфавитный порядокъ былъ въ подобныхъ случаяхъ общеупотребительнымъ и первоначальнымъ и что именно въ немъ слѣдуетъ искать оправданія для приведенныхъ выше цифръ? Ваксмутъ такъ и поступаетъ. По его мнѣнію, тѣ числовыя показанія, которыя могутъ быть безъ натяжки возведены, какъ къ основному источнику, къ Каллимаху, объяснимы только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что въ «Таблицахъ» при именахъ трагиковъ и комиковъ произведенія ихъ были расположены въ порядкѣ алфавита ³⁰²). Тѣмъ не менѣе все же трудно понять, какимъ образомъ въ ряду трагедій Софокла «Антигона» могла стоять на 32-мъ мѣстѣ, а въ ряду трагедій Эврипида «Алкеста»—на 17-мъ, между тѣмъ какъ въ нашихъ источникахъ засвидѣтельствовано для перваго поэта не болѣе 18 пьесъ съ заглавіями, начинающимися буквою Α ³⁰³), а для втораго—лишь 12 пьесъ съ такими заглавіями. Поэтому Вилламовицъ высказалъ новое предположеніе,—

²⁹⁹) См. Daub стр. 412 сл.

³⁰⁰) Baumeister Denkmäler d. klass. Alterth. стр. 516.

³⁰¹) Andron. περὶ τῶν ποιητῶν.

³⁰²) Wachsm. стр. 664: „Beide Angaben [т. е. argum. Ant. Alc.] widerstreben der chronologischen Reihenfolge; die alphabetische ist bei dieser [arg. Alc.] nicht unwahrscheinlich, bei jener [arg. Ant.] nicht unmöglich“.

³⁰³) Въ крайнемъ случаѣ не болѣе 20 пьесъ, если отнесемъ сюда же двѣ сатирическія драмы съ заглавіями „Ἀρχαίων σύλλογος ἢ σύνδαιπνον“ и „Ἀχιλλεύς ἐραστὴς“.

именно, что загадочныя цифры указывали въ «Таблицахъ» ³⁰⁴⁾ на мѣста, занимаемыя различными пьесами въ ходившихъ по рукамъ и обращавшихся въ продажѣ сборникахъ трагедій, гдѣ алфавитный порядокъ, хотя и былъ принятъ во вниманіе, но не вполне былъ соблюденъ. Въ этихъ сборникахъ, по увѣренію Вилламовица, пьесы, заглавія конхъ начинались одною и тою же буквою, были сгруппированы вмѣстѣ, но послѣдовательность такихъ группъ была совершенно произвольна и стояла въ зависимости отъ чисто внѣшнихъ причинъ, — напр. отъ объема каждой группы ³⁰⁵⁾. Такимъ образомъ группѣ пьесъ съ начальною буквою А въ заглавіяхъ могли предшествовать какія нибудь другія группы, такъ что въ общемъ счетѣ софоклова «Антигона» дѣйствительно могла занимать 32-е мѣсто ³⁰⁶⁾.

Какъ бы то ни было, можно сказать съ увѣренностью, что бывали случаи, когда составитель «Таблицъ» считалъ удобнымъ и цѣлесообразнымъ слѣдовать въ распредѣленіи книжныхъ титуловъ порядку греческаго алфавита. По большей же части онъ руководился, повидимому, другими принципами и старался классифицировать произведенія каждаго автора по ихъ содержанію и вообще по родамъ, κατ' εἶδη. Такъ между прочимъ были расположены въ «Таблицахъ» произведенія хоровой лирики, напр. стихотворенія Пиндара.

³⁰⁴⁾ Что цифры заимствованы вообще изъ какого то каталога, на это указываетъ слово *λέλεκται* въ *argum. Ant.* Срв. *Wilamowitz Analecta Euripidea* (Berl. 1875), стр. 133. [Ссылаться на это сочиненіе Вилламовица я, къ сожалѣнію, принужденъ по весьма неполнымъ выпискамъ изъ него, сдѣланнымъ мною два года тому назадъ въ библіотекѣ Имп. Ак. Наукъ].

³⁰⁵⁾ Свою гипотезу Вилламовицъ основалъ на свидѣтельствѣ одного эпиграфическаго памятника, опубликованнаго Куманудисомъ ('ΑΞ. Ι). Формулируетъ онъ ее слѣдующимъ образомъ: „Qui in nescio quem voluminum numerum opera omnia Euripidis disposuerunt, et aequalia volumina facere et per litteras initiales conjuncta quoad fieri poterat conjunctim ponere volebant. Itaque ordinem vulgarem litterarum deseruerunt. Ponamus octonarium numerum. Convenit littera Π, convenit Ι, at Φ quinque tantum complectitur, adduntur ignotae (duae) et Υ (una); quinque Ε habet, cum tribus litterae Η conjungitur; quinque Σ, at, quoniam tres ut satyricae multo breviores sunt, binae Δ et Θ justum volumen explent“ (*Anal. Eur.* p. 142 sq.).

³⁰⁶⁾ См., впрочемъ, *Christ Gr. LG.* стр. 217, прим. 2.

На это имѣемъ прямое указаніе въ схоліяхъ къ Пиндару (de od. II Pyth.=Schn. 100^a, 16), гдѣ сообщается, что вторую пивійскую оду названнаго поэта Каллимахъ причислялъ къ одамъ немейскимъ, — драгоцѣнное свидѣтельство, позволявшее предположить, что изъ двухъ дошедшихъ до насъ списковъ произведеній Пиндара одинъ, если не во всѣхъ частяхъ, то по крайней мѣрѣ въ своей основѣ обязанъ происхожденіемъ александрійскому пинакографу ³⁰⁷). Подобнымъ же образомъ глоссы Свида, относящіяся къ другимъ представителямъ лирической поэзіи, какъ то къ Θεογνίδῳ, Σιμωνίδῳ, Παρθένῳ, Σαπφῷ, Τιμοχάρῳ, Ἀλκμανῷ, Τίρτῳ и проч. и обнаруживающія также слѣды распредѣленія ихъ произведеній κατ' εἶδη, возводятся, несомнѣнно, какъ показалъ Даубъ ³⁰⁸), къ пинакографическимъ источникамъ, — стало быть, въ послѣдней инстанціи — къ нашимъ «Таблицамъ». При этомъ возможно, что порядокъ самыхъ видовъ литературнаго творчества опредѣлялся послѣдовательностью буквъ греческаго алфавита (срв. Suid. s. v. Σαπφῷ· ἔγραφε δὲ καὶ ἐπιγράμματα καὶ ἐλεγεία καὶ ἰάμβους καὶ μωνοδίας), равно какъ тотъ же алфавитный порядокъ могъ соблюдаться и при перечисленіи отдѣльных произведеній, относившихся къ одному и тому же виду (срв. Suid. s. v. Παρθένιος). При тѣхъ авторахъ, которые стяжали громкую славу преимущественно въ одномъ только литературномъ родѣ, хотя подвизались и въ другихъ родахъ, первое мѣсто, вѣроятно, и занималъ именно тотъ родъ, которому они были обязаны своею извѣстностью (у Свида напр. s. v. Σαπφῷ на первомъ мѣстѣ значится: ἔγραφε μελῶν λυρικῶν βιβλία θ'). Съ этимъ обозначеніемъ произведеній κατ' εἶδη иногда, естественно, должно было совпадать и обозначеніе ихъ κατὰ μέτρα; въ тѣхъ же случаяхъ, когда такого совпаденія не было, метръ, употребленный по-этомъ, долженъ былъ каждый разъ обозначаться особо, при-

³⁰⁷) Исторію вопроса объ этихъ спискахъ см. у Дауба цит. соч. стр. 422. Позднѣйшія интерполяціи въ списокъ Свида доказаны Гиллеромъ и Иммишемъ (см. особенно Rhein. Mus. 44, стр. 553 сл.).

³⁰⁸) Назв. соч. глава IV.

чемъ къ такому указанію на размѣръ (*δι' ἐλεγεῖας, ἐπικῶς* или *δι' ἐπῶν, μελικῶς* и т. п.) необходимо присоединялось и другое указаніе—на діалектъ (*Δωρίδι διαλέκτῳ, Ἰάδι διαλέκτῳ*). Наконецъ, произведенія сомнительныя или подложныя съ соотвѣтствующими критическими замѣчаніями, по всей вѣроятности, стояли *extra ordinem* и заключали собою перечни.

Очеркъ, предложенный здѣсь нами читателямъ, представляетъ собою, разумѣется, до извѣстной степени произвольную реконструкцію плана каллимаховыхъ «Таблицъ», ибо опирается на заключенія, сдѣланныя отъ послѣдующаго къ предыдущему; но въ виду того авторитета, которымъ у позднѣйшихъ грамматиковъ пользовались *οἱ τοὺς πίνακας γράψαντες* и во главѣ ихъ Каллимахъ, а главнымъ образомъ въ виду полной несамостоятельности дошедшихъ до насъ глоссографовъ и полной возможности возвести ихъ показанія къ александрійскимъ первоисточникамъ, этотъ очеркъ, кажется, можетъ претендовать на вѣроятность.

Принципъ дѣленія литературныхъ произведеній по родамъ и видамъ, примѣненный Каллимахомъ въ области лирики, былъ, повидимому, примѣненъ имъ и въ области ораторскаго искусства. По крайней мѣрѣ Заунне доказалъ это по отношенію къ рѣчамъ Демосфена³⁰⁹). Что другіе ораторы не были при этомъ поставлены въ какое либо исключительное положеніе, по слѣдовали общему правилу, — въ томъ нѣтъ основанія сомнѣваться тѣмъ болѣе, что извѣстныя намъ въ подлинникахъ, въ отрывкахъ или только по названіямъ рѣчи Исократа, Лисія, Антифонта и др. обнаруживаютъ слѣды группировки по содержанію, вполне соотвѣтствующей распредѣленію демосфеновыхъ рѣчей. И если въ позднѣйшее время, когда Аристиды стали читать въ школахъ, тотъ же принципъ дѣленія былъ примѣненъ и къ его произведеніямъ, то Виламовицъ, повидимому, правъ, видя въ этомъ не что иное, какъ возвращеніе къ изстари установи-

³⁰⁹) H. Sauppe *Epist. crit. ad God. Hermannum*. Lips. 1841, p. 49. Rehdantz y Schäffer'a „*Demosth. u. seine Zeit*“, III, 2, стр. 321.

вшемуся обыкновенію ³¹⁰). Подобнымъ же образомъ и въ области философіи такая предметная группировка могла оказаться наиболѣе естественною и необходимою.

При каждомъ произведеніи точно обозначалось полное его заглавіе, а если наличные экземпляры его были въ этомъ отношеніи между собою несогласны, то и разныя редакціи заглавія ³¹¹). Въ случаѣ сомнѣнія относительно принадлежности книги тому автору, которому она приписывалась, къ заглавію ея присоединялось соответствующее указаніе на другихъ лицъ, за коими могло быть съ болѣшимъ правомъ признано авторство ³¹²). Засимъ слѣдовали начальныя слова текста или даже вся первая фраза, число строкъ или стиховъ (последнее, разумѣется, тогда, когда книга была написана стихами) ³¹³), при драматическихъ произведеніяхъ — почерпнутыя изъ дидаскалій замѣчанія о времени и обстоятельствахъ ихъ постановки на сцену ³¹⁴), наконецъ, въ заключеніе всего перечня сочиненій писателя — общее число строкъ (resp. стиховъ) во всѣхъ его произведеніяхъ ³¹⁵). Весьма правдоподобно также предположеніе Ваксмута, что и самое содержаніе отдѣльныхъ сочиненій было въ «Таблицахъ» вкратцѣ показано, но утверждать это положительно мы покамѣстъ не можемъ ³¹⁶).

Колоссальный трудъ, предпринятый Каллимахомъ, требовалъ многихъ лѣтъ упорныхъ и утомительныхъ занятій,

³¹⁰) Wilamowitz Anal. Eurip. p. 132: „Multo seriore tempore cum Aristides in scholis lectitaretur, ejus quoque declamationes antiquum ad usum digestae sunt. Atque eundem in Aristotelio catalogo sequitur Andronicus, multo ille quidem incorruptiore usus iudicio, quam qui Platonem et Democritum per trilogias tetralogiasve disiecerunt“.

³¹¹) Срв. Schn. 100^a, 4, 9.

³¹²) Schn. 100^a, 14, 15.

³¹³) См. экскурсы 2-й въ концѣ главы.

³¹⁴) Schn. 100^a, 2.

³¹⁵) Susemihl, стр. 339 и прим. 65.

³¹⁶) Wachsm. стр. 665 сл.: „zu einer solchen Vermuthung nöthigen wenigstens einmal Philodemos περί φιλοσόφων in vol. Hercul. VIII col. XIII n. 18 ὡς αἱ τ' ἀναγραφαὶ τῶν πινάκων αἱ τε βιβλιοθήκαι σημαίνουσιν, παρὰ Κλεάνθῃ ἐν τῇ περί στοιᾶς ἐστὶ Διογένοους αὐτῇ ἡ μνήμη, und zum andern der offenbar aus einem Bibliothekskatalog entnommene Bericht über Timons Sitten (bei Laert. Diog. IX, 111)“.

такъ какъ обнималъ собою все отрасли литературнаго и научнаго творчества, всю письменность греческой націи, все ея духовное наслѣдіе. Какъ бы высоко ни былъ одаренъ отъ природы нашъ ученый, какъ бы ни развилъ онъ эти свои природныя дарованія и какимъ бы изумительнымъ трудолюбіемъ онъ ни обладалъ, ему одному все же не подъ силу было бы справиться съ такою трудною задачею, если бы онъ не могъ опираться при этомъ на немногочисленные, правда, но цѣнныя работы предшественниковъ, успѣвшихъ уже отчасти воздѣлать ниву историко-литературнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ его «Таблицами» не начинается исторія нашей науки, но заключается первый періодъ этой исторіи,—тотъ періодъ, когда послѣ цѣлаго ряда частныхъ изысканій впервые стала возможна попытка полнаго, систематическаго обзора всехъ данныхъ исторіи греческой литературы, всего матеріала, которымъ располагала въ то время эта дисциплина.

Такая попытка, разумѣется, не могла быть свободна отъ многихъ недостатковъ. Въ ней должны были оказаться пробѣлы, недосмотры, ошибки; въ ней могло обнаружиться несовершенство употребленныхъ авторомъ методическихъ приемовъ, неправильность принятой имъ классификаціи. Все это однако не умалило бы заслуги автора. Его работа должна была обновить интересъ къ историко-литературнымъ занятіямъ, указать на необходимость новыхъ частныхъ изслѣдованій, вызвать новыя справки, поощрить къ отысканію новаго матеріала. Она вмѣстѣ и выражала итогъ результатовъ, достигнутыхъ прежними изслѣдователями въ области изученія исторіи греческой литературы, и открывала путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ на поприщѣ этого изученія.

Какъ достоинства, такъ и недостатки каллимаховыхъ «Таблицъ» были замѣчены и вѣрно поняты современниками и ближайшими послѣдователями нашего пинакографа. Идея этого предпріятія многимъ понравилась и породила цѣлую, если можно такъ выразиться, пинакографическую литературу. Однимъ показались слишкомъ скудны біографическія свѣдѣнія,

сообщенныя Каллимахомъ, и они взяли на себя задачу расширить, дополнить и исправить эту часть его труда; другіе были недовольны критическою стороною «Таблицъ» и приняли новый пересмотръ данныхъ, говорившихъ въ пользу принадлежности сомнительныхъ произведеній однимъ писателямъ и противъ ихъ принадлежности другимъ; третьи пытались исправить недостатки каллимаховой классификаціи и проч. Особенно слабыми отдѣлами были, повидимому, тѣ, которые посвящены были прозѣ. Хотя золотой вѣкъ поэзій и искусства для Греціи давно уже миновалъ, тѣмъ не менѣе, кажется, никогда продукты поэтическаго генія и произведенія художествъ не цѣнились греками такъ высоко, а даръ поэтическаго и художественнаго творчества не считался въ такой мѣрѣ завиднымъ и желаннымъ, какъ именно въ эпоху александрійской образованности. Положеніе, которое занимали поэты въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ, при дворахъ различныхъ монарховъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ въ любви къ литературѣ, весьма сильно напоминаетъ ту роль, которая много позже выпала на ихъ долю на западѣ (и особенно во Франціи), а отчасти и у насъ, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII стол. Поэзія считалась безусловно необходимою принадлежностью придворной жизни, и безъ присяжныхъ стихотворцевъ, обязанныхъ поставлять ко днямъ всевозможныхъ торжествъ приличныя случаю вирши, не обходился штатъ ни одного правителя. Мы уже знаемъ, что Антигонъ Гонать передъ вступленіемъ въ бракъ съ Филою позаботился пригласить въ Македонію, къ своему двору, лучшихъ представителей поэзій,—Арата, Антагора, Тимона и др. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть знаменіе времени. На поэтическія произведенія былъ спросъ, и каждый писатель считалъ необходимымъ пытаться свои силы въ стихотворномъ родѣ. Вѣкъ александрійской образованности, имѣвшій много талантливыхъ стихотворцевъ, не выставилъ ни одного крупнаго представителя художественной прозы. Самъ Каллимахъ писалъ стихи, съ любовью изучалъ поэтовъ и ту часть своихъ «Таблицъ», которая была посвящена имъ, обработалъ,

вѣроятно, и съ большею полнотою, и съ большимъ усердіемъ, нежели другіе отдѣлы. Напротивъ, въ области прозы далеко не все могло въ одинаковой степени приковывать къ себѣ его вниманіе и возбуждать его интересъ. Какъ «грамматикъ», онъ, конечно, интересовался міѳологіей, археологіей, географіей, исторіей; но,—если дѣйствительно всѣ науки нашли мѣсто въ его «Таблицахъ»,—могъ ли онъ съ тою же охотою работать надъ отдѣлами, посвященными напр. математикѣ или медицинѣ? Могъ ли онъ увлекаться краснорѣчіемъ въ такой же степени, какъ, отдавая дань своему времени, онъ увлекался философіей?

Діонисій галикарнассскій сурово порицалъ Каллимаха и его послѣдователей за ошибки, внесенныя ими въ списки ораторскихъ произведеній. Онъ самъ принялся писать о Динархѣ, какъ онъ заявляетъ, только потому, что убѣдился и въ недостаточности, и въ превратности тѣхъ сообщеній, которыя читатель его времени могъ найти объ этомъ ораторѣ у Каллимаха и пергамскихъ пинакографовъ. И въ самомъ дѣлѣ,—краснорѣчіе давно пало съ той высоты, на которую оно было вознесено великими аттическими ораторами, и мало по малу совершенно замкнулось въ тѣсныя рамки адвокатуры и школьной реторики. Съ тѣхъ поръ, какъ свобода Греціи была уничтожена и интересъ къ политикѣ и дѣламъ государственнымъ въ обществѣ окончательно ослабѣлъ, ораторское искусство утратило, естественно, почву для самостоятельнаго развитія и стало по большей части изучаться лишь какъ средство пріобрѣтенія стилистическаго навыка,—другими словами, какъ пропедевтика къ занятіямъ исторіографіей, философіей и проч. Оно, стало быть, снизшло до чисто служебной роли, и будемъ ли мы винить Каллимаха въ томъ, что изученіе литературнаго рода, отжившаго, повидимому, свой вѣкъ, казалось ему дѣломъ мало привлекательнымъ и даже не особенно нужнымъ? Редантцъ въ своей превосходной замѣткѣ по этому вопросу, напечатанной въ «Приложеніяхъ» къ соч. Шефера «*Demosthenes u. seine Zeit*», совершенно справедливо говоритъ слѣдующее:

«Есть много оснований, уменьшающих степень достовѣрности каллимаховой ἀναγραφὴ τῶν ῥητορικῶν. Каллимаху представлялось обширное, но почти невоздѣланное поле, которое онъ впервые долженъ былъ обработать, будучи въ тоже время занятъ и другими большими работами. Лично онъ, какъ и вообще его вѣкъ, едва ли питалъ особенную склонность къ этой литературной области. Необходимыхъ для своей цѣли историческихъ изысканій онъ, безъ сомнѣнія, при этомъ не производилъ и, кажется, односторонне пользовался, какъ критеріемъ, лишь обманчивыми наблюденіями надъ стилемъ. Къ тому же его могли вводить въ заблужденіе и коварные торговцы, да и самъ онъ, вѣроятно, не отказывалъ себѣ въ удовольствіи въ силу тѣхъ или иныхъ оснований произвольно умножать сокровищницу рѣчей Демосфена. О дѣятельности его на этомъ поприщѣ мы такимъ образомъ можемъ отозваться такъ: нельзя ни укорить его въ недобросовѣстности, ни, подобно Фотію, назвать его «неспособнымъ судить» (οὐχ ἱκανὸς κρίνειν), но, насколько вѣрно то, что его ἀναγραφὴ или πίναξ τῶν ῥητορικῶν есть основаніе того списка и, пожалуй, даже того порядка, въ которомъ мы теперь еще читаемъ рѣчи, настолько же вѣрно и то, что это основаніе во многихъ отношеніяхъ подлежало и подлежитъ спору, какъ мало надежное» ³¹⁷⁾.

Впрочемъ, несмотря на всѣ такіе промахи и несовершенства, авторитетъ каллимаховыхъ «Таблицъ» былъ очень великъ, и для многихъ изъ его послѣдователей исходными точками служили уже не столько самые тексты древнихъ авторовъ, сколько заключенія, сдѣланные на основаніи этихъ текстовъ знаменитымъ александрійскимъ грамматикомъ. Къ несчастью, трудъ этотъ, все значеніе котораго для историка греческой литературы мы, можетъ быть, даже и не въ надлежащей мѣрѣ постигаемъ, весьма рано раздѣлилъ участь той бібліотеки, съ которою былъ такъ тѣсно связанъ: онъ исчезъ, оставивъ по себѣ лишь немногіе слѣды въ сочине-

³¹⁷⁾ Schäfer ук. соч. III, 2 стр. 321.

ніяхъ тѣхъ авторовъ, которые еще имѣли возможность имъ пользоваться. Позднѣйшими изъ числа этихъ авторовъ, насколько мы можемъ судить, были, кажется, Гарпократіонъ и Аевеней, — если только ихъ ссылки на Каллимаха не заимствованы изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію для Діогена лаэртскаго, Фотія, Хировоска и Свиды; впрочемъ, во всякомъ случаѣ можно доказать, что въ концѣ перваго до-христіанскаго столѣтія наши «Таблицы» еще были на лицѣ, и такіе писатели, какъ Діонисій галикарнассскій, Деметрій изъ Магнезій и Аскленіадъ изъ Мирлеи имѣли ихъ въ рукахъ ³¹⁸). Можетъ быть, счастливая случайность, подарившая филологическій міръ въ послѣднее время открытіемъ цѣлаго ряда важныхъ историко-литературныхъ памятниковъ, расширитъ когда нибудь хотя бы отчасти и наше знакомство съ этимъ важнымъ монументомъ греческой пинакографіи; но, что зависить отъ случайности, — на то разсчитывать мудрено. Можно лишь пока утверждать, что, если нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ печать и проникло извѣстіе о нахожденіи каталога александрійской бібліотеки, то извѣстіе это съ тѣхъ поръ не подтвердилось ничѣмъ и должно быть забыто, какъ праздный вымыселъ ³¹⁹)...

Наше разсмотрѣніе вопроса о каллимаховыхъ «Таблицахъ» было бы неполно, еслибы мы не упомянули о другихъ произведеніяхъ ученаго киренейца, стоявшихъ, какъ думаютъ, въ нѣкоторой связи съ этимъ главнымъ трудомъ его жизни. Я разумѣю его эпиграммы и книгу, носившую загадочное названіе „Μουσείον“.

---

³¹⁸) См. Nitzsche De Laertii Diogenis fontt. (Rhein. Mus. 24, стр. 185 слл.); Daub назв. соч. стр. 418 слл., 457 слл.

³¹⁹) „Авторомъ этого извѣстія“, говоритъ Эггеръ, „былъ, если память мнѣ не измѣняетъ, грекъ Константины Симонидесъ, уже хорошо извѣстный своимъ подложными изданіями, — напр. изданіемъ псевдо-ганонова „Перипла“. Должно опасаться, что и объявленный имъ каталогъ также былъ продуктомъ подобнаго подлога и что фальсификаторъ, разъ уличенный, не осмѣлится уже подвергнуть свою работу суду гласности“ (назв. соч., стр. 82).

Было выше замѣчено, что на основаніи плавтинскаго схолія Велькеръ ³²⁰⁾ связывалъ эпиграмматическія стихотворенія Каллимаха съ его пинакографическою дѣятельностью. Опираясь на слова схоліаста: «titulos inscripsit», онъ полагалъ, что при пересмотрѣ книжной коллекціи Птолемеевъ нашъ ученый самъ редактировалъ книжные титулы и притомъ редактировалъ ихъ въ стихотворной формѣ. Такое предположеніе, какъ ни странно оно на первый взглядъ, оправдывается, повидимому, отчасти вкусами эпохи, а отчасти даже и находитъ фактическое подтвержденіе въ нашихъ источникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, между приписываемыми Каллимаху эпиграммами есть нѣсколько такихъ, которыя могли бы фигурировать на книжныхъ σίλλοβοι. Сюда принадлежать два четырехстишія, — одно на поэму Креофила «Взятіе Эхалии» (Schn. Epigr. 6), другое на «Феномены» Арата (ibid. 27), — и четыре стихотворныхъ фрагмента, — на Архилоха (Schn. frgm. 37^a), на Менандра (frgm. 74), къ гомеровскому «Маргиту» (frgm. 74^a) и къ антимаховой «Лидѣ» (frgm. 74^b), а, можетъ быть, также и frgm. 254 ³²¹⁾. Въ виду этого, пожалуй, можно было бы думать, что александрійскій пинакографъ не ограничился однимъ занесеніемъ книгъ александрійской библіотеки въ систематическіе регистры, но счелъ нужнымъ снабдить, если и не каждую изъ нихъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся, особенно же произведенія поэтовъ, краткими стихотворными надписями. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ Эггеромъ, по мнѣнію котораго это было бы «un bien puéril emploi de son talent et de son activité» ³²²⁾. Къ тому же мы и не имѣемъ надобности въ такомъ предположеніи, такъ какъ теперь является полная возможность не только удовлетворительно объяснить возникновеніе названныхъ выше эпиграммъ, но и отыскать для нихъ въ ряду многочисленныхъ твореній Каллимаха подходящее мѣсто.

³²⁰⁾ Welcker Der ep. Cycl. I², стр. 8, прим. 8.

³²¹⁾ E. Dittrich (N. Jahrb. 1891, стр. 576) присоединяетъ fr. 541, fr. an. 388.

³²²⁾ Ук. соч. стр. 77.

Дѣло въ томъ, что у трехъ древнихъ грамматиковъ сохранилась ссылка на нѣкое произведение Каллимаха, озаглавленное τὸ γράφεϊον (γράφιον) и заключавшее въ себѣ одно изъ приведенныхъ нами здѣсь мѣстъ, — именно фрагментъ эпиграммы на Архилоха. Является вопросъ, не находились ли всѣ извѣстныя намъ эпиграммы литературно-критическаго характера тамъ же, откуда ведетъ свое происхождение и этотъ фрагментъ? Не было ли такъ назыв. „γράφειον“ цѣлымъ сборникомъ эпиграммъ, вызванныхъ у Каллимаха чтеніемъ различныхъ поэтовъ и представлявшихъ краткую стихотворную оцѣнку ихъ произведений? Таковую догадку высказалъ впервые Шнейдеръ ³²³⁾, и она имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. Подобно варроновымъ «Седмицамъ» ³²⁴⁾, это была, слѣдовательно, какъ бы портретная галерея національныхъ поэтовъ, и, разумѣется, всѣ наиболѣе крупные представители греческой поэзіи нашли въ ней для себя мѣсто ³²⁵⁾. Произведение такого рода могло составить прекрасное дополнение къ «Таблицамъ» и, отличаясь отъ послѣднихъ по формѣ, по характеру и по размѣрамъ, было бы близко къ нимъ по идеѣ. Правда, это не значить, что оно должно было непременно стоять въ генетической связи съ «Таблицами». Нѣтъ, я напротивъ склоненъ думать, что оно не было задумано, какъ нѣчто цѣлое, но что вошедшія въ составъ его эпиграммы были всякій разъ непосредственно навѣяны чтеніемъ, возникали, стало быть, одновременно и болѣе или менѣе случайно и постепенно сложились въ группу, способную составить сборникъ.

Труднѣе судить о другой работѣ Каллимаха, которую многіе также приводили въ соотношеніе съ «Таблицами», — о его «Музеѣ». Отъ этой книги не осталось ничего, кромѣ заглавія, сохраненнаго Свидою въ спискѣ каллимаховыхъ сочиненій. Были поэтому высказаны самыя разнообразныя

³²³⁾ O. Schneider Callim. II. p. 43, 166—168, 228 sq.

³²⁴⁾ Сравненіе (впрочемъ, несовсѣмъ точное) принадлежитъ Дильтею (De Callim. Cydipp. p. 21).

³²⁵⁾ Susemihl стр. 178, прим. 22; стр. 356.

предположенія съ цѣлью опредѣлить хотя бы приблизительно содержаніе этого произведенія, но, какъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ для рѣшенія подобнаго вопроса, то и суждено ему оставаться нерѣшеннымъ. Съ увѣренностью можно на этотъ счетъ утверждать, кажется, только одно,—именно, что каллимаховъ «Музей» былъ написанъ прозою и имѣлъ по своей темѣ какую то связь съ александрійскимъ музеемъ. Первая часть этого утвержденія вытекаетъ изъ того, что у Свида (въ упомянутомъ спискѣ) „Μουσείον“ начинается собою перечень прозаическихъ произведеній Каллимаха ³²⁶), а вторая—представляетъ собою наиболѣе простой, безхитростный и естественный выводъ изъ самаго заглавія книги. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ ли мы, что „Μουσείον“ было аллегорическимъ названіемъ для сборника эпиграммъ, озаглавленнаго, какъ мы видѣли, „Γραφεῖον“ (Rauch), или для самыхъ «Таблицъ», которыя будто бы именовались „Μουσείον ἢ πίνακες“ (Preller, Graefenhahn); допустимъ ли, что подъ этимъ заглавіемъ Каллимахъ написалъ стихотвореніе съ цѣлью прославить геликонское святилище музъ (Lincke), — тема, въ дѣйствительности разработанная не имъ, а Алкидамантомъ, и притомъ въ прозѣ, — или же что это была стихотворная похвала въ честь александрійскаго музея и его основателя (Schneider),—все это будутъ болѣе или менѣе искусственныя и произвольныя конъектуры ³²⁷).

³²⁶) Даубъ совершенно справедливо замѣтилъ, что списокъ каллимаховыхъ произведеній у Свида примѣтно дѣлится на два отдѣла: въ первомъ помѣщены стихотворенія, во второмъ—прозаическія сочиненія. На это указываютъ слова самого Свида: ὡς γράψαι μὲν ποιήματα... συντάξει δὲ καὶ καταλογίζον. Въ каждомъ отдѣлѣ расположеніе книгъ носитъ слѣды извѣстной системы: стихотворенія распределены по родамъ, и перечень ихъ заключается знаменитымъ ἱβίς, которое стоитъ какъ бы extra ordinem; затѣмъ слѣдуетъ важнѣйшее изъ прозаическихъ произведеній Каллимаха,—его πίνακες, съ тѣми трудами, которые по содержанію стояли къ нему ближе всего (и въ этомъ числѣ „Μουσείον“); далѣе идутъ scripta glossematica и сочиненія, относящіяся къ географіи (срв. Daub, стр. 465 сл.). Какъ бы грань между обоими отдѣлами составляетъ примѣчаніе, дѣлаемое Свиδοю (или заимствованное имъ у первоначальнаго автора списка) по поводу ἱβίς.

³²⁷) См. объ этихъ предположеніяхъ и догадкахъ у Шнейдера Callim. II, p. 285 слл.

Какъ связаны были между собою единствомъ происхожденія и единствомъ преслѣдуемыхъ цѣлей александрійскій музей и александрійская библіотека, такъ и трудъ Каллимаха, посвященный послѣдней, долженъ былъ, несомнѣнно, быть связанъ такъ или иначе съ другимъ трудомъ, темою котораго служило первое изъ названныхъ учреждений. Какъ именно, въ какихъ предѣлахъ и въ какомъ направленіи была разработана имъ эта тема,—мы не знаемъ. Быть можетъ, Каллимахъ представилъ исторію возникновенія музея (Matter) или описаніе научныхъ занятій его членовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе самого института (Hesker); быть можетъ, изобразивъ въ своихъ «Таблицахъ» картину общаго хода развитія наукъ и литературы въ Греціи, онъ счелъ нужнымъ посвятить особое, болѣе подробное сочиненіе александрійской школѣ литераторовъ и ученыхъ,—сочиненіе, въ которомъ кромѣ обзорѣ ихъ трудовъ читатель могъ найти и полныя ихъ біографіи. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы признаемъ тѣсное отношеніе между обѣими работами, и, еслибы даже существованіе трактата подъ заглавіемъ „Μουσείον“ въ числѣ каллимаховыхъ твореній не было положительно засвидѣтельствовано нашими источниками, то можно было бы, кажется, допустить его существованіе а priori³²⁸⁾...

Сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить великое значеніе историко-литературной дѣятельности Каллимаха. Ставъ во главѣ александрійской библіотеки, онъ сумѣлъ извлечь всѣ выгоды изъ своего положенія и обогатить науку цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе обширныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій. Но въ то же время онъ, повидимому, не оставлялъ и преподавательской своей дѣятельности въ стѣнахъ музея и, какъ словомъ, такъ и живымъ примѣромъ продолжалъ воздѣйствовать на молодежь, изъ среды которой вышло не-

³²⁸⁾ Тѣмъ не менѣе мы считаемъ „Μουσείον“ Каллимаха за отдѣльное, самостоятельное произведеніе и въ этомъ не сходимся съ Ричлемъ, который думалъ, что названный трактатъ могъ составлять введеніе къ „Таблицамъ“ и заключать въ себѣ свѣдѣнія о размѣрахъ и устройствѣ александрійской библіотеки (Oruscc. I p. 13).

мало даровитыхъ послѣдователей и преемниковъ неутомимаго ученаго. По имени послѣдняго они именовались каллимаховцами (οἱ Καλλιμάχαιοι).

Эпскурсъ 2.

(Къ стр. 18*).

Нѣсколько словъ о стихометріи.

Не для того, чтобы сказать что нибудь новое по этому интересному и трудному вопросу, но лишь въ дополненіе ко всему, изложенному выше о составѣ и планѣ каллимаховыхъ „Таблицъ“, почли мы необходимымъ присоединить нѣсколько словъ о стихометріи и колометріи. Это представлялось намъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Ричль впервые обработалъ этотъ предметъ въ своемъ сочиненіи объ александрійскихъ бібліотекахъ, было опубликовано немало новаго матеріала и появилось немало частныхъ изслѣдованій, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на эту область.

Извѣстно, что древніе грамматикъ и бібліографы измѣряли объемъ рукописей не количествомъ страницъ, подобно намъ,—хотя спорадически встрѣчается и счетъ на страницы (σελίδες, см. Birt, стр. 159 сл.),—но количествомъ строкъ (στίχος, versus), которое, разумѣется, въ поэтическихъ произведеніяхъ совпадало съ количествомъ стиховъ (ἔπη). Въ сущности такой счетъ на строки по точности ничуть не уступалъ нашему счету на страницы, а, можетъ быть, даже имѣлъ передъ нимъ нѣкоторое преимущество. Весь вопросъ въ томъ, что понимать подъ названіемъ „στίχος“, и была ли это единица пространственнаго измѣренія, имѣвшая въ качествѣ таковой постоянную величину, или же это было лишь иное выраженіе того же понятія, которое обозначалось словомъ „κόλον“, и стихометрія была тождественна съ колометріей.

Уже Ричль указалъ на то обстоятельство, что иногда названія „στίχος“ и „ἔπος“ употребляются въ нашихъ источникахъ синонимически, т. е. безразлично, относятся ли они къ книгамъ, написаннымъ прозою, или къ стихотвореніямъ (Opusc. I. p. 82, 176 sq.). Гро (Graul) Nouvelles recherches sur la stichométrie въ Revue de phil. II. 1878), исходя изъ этого наблюденія, создалъ остроумную и весьма правдоподобную гипотезу. По его словамъ, уже въ глубокой древности переписчики, какъ это положительно засвидѣтельствовано для временъ Діоклеціана, получали плату за свой трудъ построчно. За единицу при этомъ принималась нормальная строка, содержащая въ себѣ 36—38 буквъ (15—16 слоговъ) и, стало быть, по величинѣ приблизительно равная гексаметру (ἑξάς), который у Гомера заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ 37, 7, а у Вергилія 36, 9 буквъ. Въ основаніи счета лежала такимъ образомъ стихотворная строка, какъ постоянная величина, а потому и терминъ „ἔπος“ могъ получить болѣе общее значеніе и стать синонимомъ термина „στίχος“. Совершенно подобнымъ образомъ, по сообщенію Нѣльдеке (у Гардтгаузена

Palaeogr. стр. 132), въ современной Индіи по изстарѣ установившемуся обычаю трудъ переписчиковъ оплачивается по числу такъ назыв. слокъ (16-сложный стихотворный размѣръ), хотя бы въ дѣйствительности текстъ и не былъ написанъ слоками.

Гипотезу Гро возвести на степень доказаннаго факта пытался Ваксмуть (Rhein. Mus. 34, стр. 481). Полемизируя съ Блассомъ, онъ приводитъ одно мѣсто изъ Галена (De placit. Hippocr. et Plat. p. 656 Müller), откуда явствуетъ, что дѣйствительно измѣрять объемъ прозаической рѣчи примѣнительно къ нормѣ гексаметрическаго стиха было обычно древнимъ. Такъ 39 слоговъ они считали величиною, приблизительно равною $2\frac{1}{2}$ гексаметрамъ, 84 слога—равными 5 гексаметрамъ. И, какъ слѣды такого счисленія усматриваются уже у Исократа и Теонома, то слѣдовательно, заключаетъ Ваксмуть, еще въ тѣ времена, когда о большихъ библіотекахъ не было и помину и изготовленіе рукописей не отличалось ухищреніями позднѣйшей техники, греки пользовались привычною всѣмъ имъ съ пеленокъ мѣрою гексаметра для того, чтобы примѣрно выражать объемъ прозаическихъ сочиненій или произносимыхъ рѣчей. Это популярное обыкновеніе удержалось по крайней мѣрѣ вплоть до третьяго столѣтія императорскаго времени (ibid.). Что же касается пріемовъ, съ помощью которыхъ библіотекари и книгопродавцы производили болѣе точное измѣреніе объема рукописей въ александрійскія времена, то, по Вакмуту (Rhein. Mus. 34, стр. 49 сл.), эти пріемы разнились отъ описанной манеры счисленія. Древнѣйшій составъ александрійской библіотеки слагался, повидимому, изъ книгъ, написанныхъ на папирусъ; ширина же каждой колонны въ имѣющихся у насъ образцахъ папирусныхъ свитковъ не превышаетъ 15—24 буквъ *), — число, далеко не соответствующее той величинѣ нормальной строки, которую принимаетъ Гро. Между тѣмъ это число отнюдь не случайное, ибо ширина каждой колонны письма, естественно, должна была обуславливаться шириною папируснаго листа отъ склейки до склейки, а въ этомъ отношеніи, если и могли быть колебанія, то лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ (ibid.).

Противорѣчіе, усматриваемое Вакмутомъ между ходячимъ счетомъ строкъ примѣнительно къ величинѣ гексаметра и болѣе точною стихометріею александрійскихъ библіотекарей, на самомъ дѣлѣ легко устранимо, разъ мы допустимъ, что нормальная строка, равная приблизительно гексаметру, была не идеальною, а дѣйствительною мѣрою, далѣе,—что существовали нормальные экземпляры рукописей, въ коихъ ширина страницы точно соответствовала единицѣ мѣры, лежавшей въ основаніи стихометріи, и, наконецъ, что въ случаѣ несоответствія даннаго списка принятой мѣрѣ отношеніе его болѣе короткой строки къ строкѣ нормальной въ удовлетвореніе требованій стихометріи должно было быть напередъ опредѣлено и указано. Все это подробно изложилъ и подтвердилъ необходимыми ссылками Виртъ (Das antike Buchw. стр. 213 сл., 283 сл.).

---

*) Ваксмуть ссылается при этомъ на геркуланскіе свитки, на найденные въ Египтѣ списки гиперидовыхъ рѣчей и на сочиненіе Хрисиппа περί ἀπορακτῶν. Но папирусъ британскаго музея, заключающій въ себѣ аристотелеву „Ἀθηναίων πολιτεία“, даетъ показаніе, болѣе приближающееся къ пропорціямъ нормальныхъ экземпляровъ: въ немъ строки вмѣщаютъ 28—35 буквъ.

Но съ совершенно пной точки зрѣнія посмотрѣлъ на дѣло Блассъ, съ упорствомъ отстаивающій тождество стихометріи и колометріи (Rhein. Mus. 24 стр. 524 слл.; 34, стр. 214 слл.; Attische Beredsamkeit, III, 1, стр. 105 слл.). Путемъ остроумнѣйшихъ сравненій и вычисленій онъ пытался установить слѣдующее: 1) $\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$ есть постоянная величина не въ томъ смыслѣ, что всѣ $\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$ равны между собою, но лишь въ томъ, что между древними $\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$ и нашими печатными строками, имѣющими исключительно пространственное значеніе, существуетъ опредѣленное соотношеніе, такъ что напр. древній $\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$ равняется среднимъ числомъ 0,8—0,9 строки нынѣшняго тейбнеровскаго текста; 2) если первоначально $\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$ и означалъ строку въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь понимаемъ это слово, то со временъ Исократъ этотъ терминъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ означать и небольшія, но болѣе или менѣе законченныя по смыслу части или члены прозаической рѣчи, — т. наз. $\kappa\omega\lambda\lambda\alpha$, укладывавшіяся приблизительно въ предѣлы строки. Исократъ, сообщаетъ намъ Блассъ (Rh. Mus. 34, стр. 228), въ соответствии со стихами или $\kappa\omega\lambda\lambda\alpha$ поэтической рѣчи расчленилъ и прозаическую рѣчь на $\kappa\omega\lambda\lambda\alpha$, и въ этомъ смыслѣ его ученикъ Навкратъ приписывалъ ему введеніе ритма въ художественную прозу. Каждое $\kappa\omega\lambda\lambda\alpha$ прозаической рѣчи примѣрно соответствовало по величинѣ самому длинному изъ видовъ стиха, — гексаметру, а на письмѣ означалось въ видѣ отдѣльной строки. Этимъ и объясняется смѣшеніе и чередованіе терминовъ $\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$, $\epsilon\pi\omicron\varsigma$ и $\kappa\omega\lambda\lambda\alpha$ въ нашихъ источникахъ. Изъ круга исократовой школы такое обозначеніе риторическихъ дѣленій рѣчи на письмѣ распространилось въ IV и III стол. далеко и стало общимъ обыкновеніемъ, а средняя величина $\kappa\omega\lambda\lambda\alpha$ получила для прозы значеніе нормальной строки.

Теорія Бласса мало встрѣтила сочувствія въ ученой публикѣ. Попытка отождествить стихометрію и колометрію уже по одному тому не могла бы рассчитывать на успѣхъ, что въ основаніи той и другой системы измѣренія лежатъ совершенно различныя принципы (срв. Cusnel Eléments de paléogr. grecque. Paris. 1891, стр. 92). Къ тому же и самые тексты, приводимые Блассомъ въ подтвержденіе своихъ догадокъ, на самомъ дѣлѣ не допускаютъ того толкованія, которое онъ имъ даетъ (срв. Gardthausen Palaeogr. стр. 131 сл.). Дѣленіе прозаическихъ произведеній на члены ($\kappa\omega\lambda\lambda\alpha$), конечно, существовало, но существовало независимо отъ дѣленія на строки ($\sigma\tau\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$, $\epsilon\pi\eta$) и не служило стихометрическимъ цѣлямъ. Оно, повидимому, имѣло практическое значеніе и примѣнялось только къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя предназначались для произнесенія, — къ ораторскимъ рѣчамъ, а въ христіанскія времена къ богослужебнымъ книгамъ. По крайней мѣрѣ наши источники не сохранили ни малѣйшаго указанія на то, чтобы колометрія, возникшая среди реторскихъ школъ, когда либо примѣнялась къ произведеніямъ философской литературы, а тѣмъ менѣе къ произведеніямъ древнихъ историковъ, напр. Геродота, какъ того хочетъ Блассъ.

Ближайшимъ образомъ стихометрія являлась необходимою для книгопродавцевъ и книгособирателей и отнюдь не вызывалась ни потребностями читающей публики, ни какими либо учеными интересами. Правда, на поляхъ рукописей помимо обозначенія общей суммы строкъ въ началѣ или въ концѣ текста отмѣчалась иногда каждая сотня либо даже каждая полусотня ихъ (ср. въ особенности K. Fuhr „Stichometrisches“ въ Rhein. Mus. 37, стр. 468 слл.), а это сколько облегчало наведеніе пужныхъ справокъ, столько же могло служить и для ссылокъ; но вѣрнѣе всего, что не справки и

ссылки имѣлись въ виду тѣмн, которые впервые ввели въ употребленіе стихометрическія помѣтки, а другія, болѣе матеріальныя цѣли. Такія помѣтки служили прежде всего, какъ сказано, для установленія размѣровъ платы писцамъ, а также и для опредѣленія стоимости манускриптовъ, обусловливаемой, естественно, съ одной стороны этою платою, съ другой же—качествомъ и величиною свитка *). Затѣмъ для покупателя стихометрическія указанія были важны въ томъ отношеніи, что помогали ему отличать дефектные экземпляры отъ исправныхъ и полныхъ и вообще давали ему въ руки мѣрило для контроля рыночныхъ цѣнъ. Особенно же драгоценны были они для лицъ, завѣдывавшихъ великими бібліотеками Александріи и Пергама, и немудрено, что здѣсь стихометрическая система окончательно сложилась и выработалась. Можно утверждать съ увѣренностью, что, если сами авторы или ихъ переписчики иногда и пренебрегали почему либо обозначеніемъ соответствующихъ чиселъ на заголовкахъ своихъ произведеній, попавшихъ затѣмъ въ одну изъ этихъ бібліотекъ, то тамъ подобные недосмотры не оставались безъ исправленія. Такимъ образомъ Каллимахъ могъ въ своихъ „Таблицахъ“ при каждомъ изъ внесенныхъ туда сочиненій дѣлать стихометрическія указанія, и мы имѣемъ еще возможность по двумъ примѣрамъ судить о томъ, какъ дѣлались имъ такія указанія. Оба примѣра сохранены у Аэнея: VI p. 244 а τοῦ Χαριεφώντος καὶ σύγγραμμα ἀναγράφει Καλλίμαχος... γράφων οὕτως. θεῖπνα ὅσοι ἔγραψαν. Χαριεφὼν Κυρηναῖον. εἰς' ἑξῆς τὴν ἀρχὴν ὁπέστηκεν. ἐπειδὴ μοι πολλάκις ἐπέστειλας. στίχων τοε'.—XIII p. 585 b ἀνέγραψε δ' αὐτὸν [т. е. законъ Гнаѳны] Καλλίμαχος... καὶ ἀρχὴν αὐτοῦ τήνδε παρέθετο. ὅδε ὁ νόμος ἴσος ἐγράφη καὶ ὁμοῖος. στίχων τριακοσίων εἴκοσι τριῶν. Опираясь на эти два мѣста, мы можемъ заключить, что въ „Таблицахъ“ 1) стихометрическая помѣтка слѣдовала тотчасъ за приведеніемъ начальныхъ словъ произведенія, 2) заключительныя слова его, повидимому, не приводились, 3) число страницъ (σελίδες) не указывалось и 4) самая форма обозначенія отличалась сравнительно съ извѣстною намъ по рукописямъ формою вродѣ ΑΡΙΘΧΧΔΔ болѣею опредѣленностью, причемъ нашъ пинакографъ не довольствовался лишь приблизительно вѣрнымъ, т. е. такъ назыв. круглымъ числомъ, но показывалъ точный счетъ строкъ. Каллимаховы „Таблицы“ по части стихометрическихъ данныхъ, несомнѣнно, служили источникомъ для другихъ пинакографовъ, и, стало быть, показанія этого рода, встрѣчаемыя нами у позднѣйшихъ писателей и относящіяся къ литературнымъ произведеніямъ до-каллимаховскаго времени, должны быть возведены прямо или косвенно къ этому источнику.

*) Позволю себѣ высказать по этому поводу одну догадку. Извѣстно, что рядомъ съ обозначеніемъ числа строкъ зачастую обозначалось и число страницъ (σελίδες). Геркуланскіе папирусы представляютъ достаточно образчиковъ этого рода (см. у Бирта стр. 187 сл.). Нельзя ли отсюда заключить, что первое обозначеніе служило для опредѣленія построчной платы, а второе—указывало именно на количество затраченнаго писчаго матеріала, на длину свитка, и такимъ образомъ оба вмѣстѣ способствовали установленію стоимости всей рукописи?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Каллимаховцы.

Иллюстрационная деятельность Каллимаха, какъ мы видѣли, тѣсно была связана съ александрийскою библіотекою, и не будь послѣдней, не было бы, пожалуй, если не побужденій, то ни средствъ, ни достаточнаго матеріала для первой. «Таблицы» представляли собою грандіозное предпріятіе, мысль о которомъ могла зародиться только въ такомъ грандіозномъ учрежденіи, какъ библіотека Лагидовъ.

Но эта библіотека не переставала расти. Каллимахъ закрѣпилъ въ своихъ «Таблицахъ» лишь одинъ моментъ ея существованія, — моментъ, скоро ею пережитый. Рвеніе александрийскихъ книгособирателей не ослабѣвало, по части книгъ непрерывно дѣлались новыя пріобрѣтенія, а потому скоро оказалось возможнымъ и необходимымъ внести и дополненія, и разнаго рода поправки въ работу ученаго киренейца. Въ созданной имъ школѣ нашлись люди, обладавшіе потребными для того знаніями, опытностью, усидчивостью и любовью къ дѣлу. Между такими людьми занималъ первое мѣсто и по таланту, и по эрудиціи, и по своей славѣ, скоро затмившей славу учителя, и, наконецъ, по самому положенію своему въ александрийской библіотекѣ Эратосѣенъ.

Если вѣкъ александрийской полиграфіи и полимаѳіи вообще былъ богатъ представителями широкой энциклопедической учености, то все таки едва ли возможно указать на кого либо изъ современниковъ Эратосѣена, кто превзошелъ бы его по части многосторонности ученыхъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ

по глубинѣ и самостоятельности сужденія. Недаромъ стяжалъ онъ краснорѣчивое прозваніе „Πένταθλος“, недаромъ также его называли вторымъ или новымъ Платономъ³²⁹). Образовавши свой умъ въ школѣ такихъ свѣтилъ тогдашней науки, какъ Каллимахъ, Аристонъ и Аркесилай, онъ всецѣло посвятилъ себя учено-литературной дѣятельности и при изумительной плодовитости успѣлъ за свою долготѣльную жизнь оставить массу сочиненій и по философїи, и по исторїи, и по грамматикѣ, и по географїи, и по физикѣ, и по астрономїи, не говоря уже объ упражненїяхъ его въ стихотворномъ родѣ, — упражненїяхъ, которыя, какъ и все, что онъ писалъ, были отмѣчены печатью истиннаго таланта.

Въ этой массѣ много разъ разрабатывались темы, затронутыя въ свое время учителемъ Эратосѣена Каллимахомъ. Совпаденіе это не могло быть случайнымъ, — нѣтъ, оно обусловливалось естественнымъ желаніемъ ученика идти впередъ на томъ пути, который былъ ему указанъ его наставникомъ. Въ особенности же это относится къ эратосѣеновымъ изслѣдованїямъ въ области исторїи греческой литературы. Здѣсь главное вниманіе Эратосѣена было устремлено на исторію драмы, преимущественно же исторію комедїи, которой посвятилъ онъ объемистое сочиненіе, состоявшее по крайней мѣрѣ изъ 12 книгъ и носившее заглавіе περὶ κωμῳδίας или περὶ τῆς ἀρχαίας κωμῳδίας.

³²⁹) Эратосѣенъ имѣлъ и третье прозвище — Βῆτα; Suid. s. v. διὰ δὲ τὸ δευτερεῖον ἐν παντί εἶδει παιδείας, τοῖς ἄλλοις ἐγχείσαντα, Βῆτα ἐπεκλήθη. Это понимаютъ обыкновенно такъ, что при всемъ его трудолюбіи знаменитому грамматикѣ во всѣхъ отрасляхъ научной и литературной дѣятельности удалось достигнуть лишь второстепеннаго значенія, а потому злые языки и дали ему имя второй буквы алфавита (срв. Susemihl, стр. 413); другіе комбинируютъ прозванія Βῆτα и Πένταθλος въ томъ смыслѣ, что, хотя Эратосѣенъ и долженъ былъ уступить первое мѣсто въ отдѣльныхъ областяхъ знанія другимъ болѣе талантливымъ современникамъ, но въ общемъ по обширности и разносторонности своихъ свѣдѣній превзошелъ ихъ всѣхъ (Christ, стр. 508). Но отчего бы не допустить и такого толкованія, что во всѣхъ отрасляхъ науки Эратосѣенъ стремился занять не больше — не меньше, какъ первое мѣсто послѣ признанныхъ корифеевъ, и въ этомъ достигъ блестящаго успѣха? По поводу прозванія Βῆτα можно также припомнить, что и перипатетикъ Сатиръ, современникъ Аристарха, также носилъ сходное имя — Ζῆτα (διὰ τὸ ζητητικὸν αὐτοῦ).

Подобно Каллимаху, нашъ авторъ приступилъ къ этому труду, обстоятельно познакомившись напередъ и съ дидакалическою литературою, и со сценическими древностями, и съ исторіей греческихъ агоней вообще. Свидѣтельствуютъ объ этомъ до очевидности ясно ффрагменты ³³⁰): 3-й, 100-й (оба относятся къ сценическимъ древностямъ), 38-й, 48-й, 70-й, 97-й, 109-й (касаются дидакалей), 108-й (принадлежитъ спеціальному трактату „Ὀλυμπιονίκαι“, непосредственно при-мыкающему къ одноименной работѣ Аристотеля и къ сочиненію Каллимаха „περὶ ἀγώνων“. Срв. Athen. IV p. 154 а; Schol. Od. ф, 190). Судить о планѣ и о размѣрахъ обширнаго изслѣдованія Эратосѣена о комедіи довольно трудно, такъ какъ въ ссылкахъ на него рѣдко обозначаются соотвѣтствующія книги. Мы знаемъ только, что въ 3-ей книгѣ шла рѣчь объ одномъ мѣстѣ изъ аристофановыхъ «Лягушекъ» (frg. 109), въ 7-ой—о комедіи Ферекрата „Μεταλλεύς“ (frg. 93), въ 8-ой, повидимому, объ аристофановой «Лисистратѣ» (frg. 132), въ 9-ой—о «Птицахъ» (frg. 59) и объ одномъ мѣстѣ изъ неизвѣстнаго комика (frg. 119), въ 11-й—о Кратинѣ (frg. 25), наконецъ, въ 12-й—о долготѣ конечнаго α въ словахъ на εια въ аттическомъ нарѣчій (frg. 47). Въ виду отсутствія какой бы то ни было связи между этими разрозненными ссылками, можно предположить, — и это предположеніе сдѣлалъ уже Бернгарди ³³¹), — что сочиненіе Эратосѣена „περὶ χωμῶδίας“ заключало въ себѣ рядъ отдѣльныхъ статей, связанныхъ между собою однимъ только единствомъ темы, но не подчиненныхъ никакому заранѣе опредѣленному плану. Это были, такъ сказать, критическіе этюды о комедіи, причемъ авторъ не упускалъ случая указывать на ошибки своихъ предшественниковъ, — Ликофрона и Каллимаха, — писавшихъ о томъ же предметѣ ³³²), и не стѣснялся ника-

³³⁰) Цитую по Штрекеру (назв. соч.).

³³¹) Bernhardt Eratosthenica (Berl. 1822), p. 204 [Strecker l. l. p. 13].

³³²) Къ Каллимаху относятся ффргм. 97 (Schol. Nub. 552 = Schn. 100a, 2); къ Ликофрону—ффргм. 74 (Schol. Vesp. 239), 7 (Schol. Plut. 1194), 25 (Athen. XI p. 501 d), 26 (Athen. VI p. 139 c—140 a) и др.

кими рамками, вовлекая въ сферу своихъ изслѣдованій и вопросы, касавшіеся археологін, и сомнѣнія о принадлежности пьесъ тѣмъ авторамъ, которымъ они приписывались (срв. fig. 46, 149), и розысканія о значеніи малоупотребительныхъ словъ и ідіотизмовъ (fig. 108, 136, 18, 52, 90, 125). Быть можетъ, какъ особый отдѣлъ того же сочиненія о комедіи, или же въ видѣ совершенно самостоятельной книги Эратосфею былъ даже составленъ спеціальныи глоссарій, приводимый иногда въ нашихъ источникахъ подъ несовѣмъ ясными заглавіями „ἀρχιτεκτονικός“ и „σχευογραφικός“³³³). Что же касается хронологической основы, на которую могли опираться всѣ эти многоразличныи изслѣдованія, то она была дана въ другомъ не менѣе солидномъ трудѣ того же автора, озаглавленномъ „περὶ χρονογραφίῳν“. Ниже полагаетъ, что это былъ очеркъ политической и литературной исторіи, снабженный необходимыми хронологическими опредѣленіями³³⁴). Очеркъ этотъ начинался съ троянской войны и особенно былъ богатъ фактами и датами, относящимися къ области культурной исторіи,—къ хронологіи философовъ, поэтовъ и проч.³³⁵). Сталкиваясь и здѣсь съ Каллимахомъ, который и въ «Таблицахъ», и въ спеціальной своей работѣ, посвященной драмѣ, также трудился надъ установленіемъ точнаго хронологическаго соотношенія между историко-литературными явлениями, Эратосфенъ неоднократно имѣлъ случай исправлять его показанія, и ученый міръ оцѣнилъ эти исправленія: даты, имъ установленныи, по большей части надолго утвердились въ наукѣ.

Но, если Эратосфенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ много разъ соприкасался съ тѣми областями, въ которыхъ работалъ его наставникъ, и при новомъ пересмотрѣ матеріала часто вносилъ необходимыи улучшения въ составленныи послѣднимъ «Таблицы», то другой каллимаховецъ—Аристо-

³³³) См. Strecker l. l.

³³⁴) Niese Die Chronographie des Eratosthenes (Hermes XXIII). Sussemitz стр. 423.

³³⁵) Sussemitz l. l.

фанъ византійскій, бывшій также и ученикомъ Эратосфена, предпринялъ такой пересмотръ уже съ спеціальною цѣлью провѣрить и исправить сообщенія каллимаховыхъ «Таблицъ», такъ что и работа его, вызванная этимъ намѣреніемъ и носившая названіе „*πρὸς τοὺς Καλλιμάχου πίνακας*“, принадлежала всецѣло къ области пинакографической литературы. Оттого въ источникахъ нашихъ, когда рѣчь идетъ объ александрійской пинакографіи, то имена Каллимаха и Аристофана приводятся рядомъ, какъ имена главнѣйшихъ представителей названнаго рода литературной дѣятельности ³³⁶).

Фрагменты, уцѣлѣвшіе отъ этихъ дополненій Аристофана къ «Таблицамъ» Каллимаха и собранные Авг. Наукомъ, настолько незначительны по числу и скудны по содержанію, что мы положительно не въ состояніи судить, какъ именно расположилъ ихъ авторъ свой трудъ и каковы были размѣры послѣдняго. Единственное, что мы знаемъ объ этомъ предметѣ, сводится къ слѣдующему: 1) сочиненіе Аристофана отнюдь не имѣло полемическаго характера; оно было вызвано съ одной стороны значительнымъ умноженіемъ состава бібліотеки, а съ другой — и болѣе подробнымъ ознакомленіемъ съ прежними ея приобрѣтеніями, вслѣдствіе чего въ «Таблицахъ» Каллимаха обнаружались пробѣлы, требовавшіе въ интересахъ науки пополненія, и неточности, нуждавшіяся въ исправленіи; 2) въ этомъ сочиненіи, какъ и въ каллимаховыхъ «Таблицахъ», нашли себѣ мѣсто и поэты, и прозаики; по крайней мѣрѣ въ нашихъ фрагментахъ идетъ рѣчь о Гесиодѣ, Архилохѣ, Пиндарѣ, Софоклѣ, Менандрѣ, Платонѣ (Философѣ), Эпикурѣ и, повидимому, объ одномъ изъ тѣхъ, которые писали „*Δεῖπνα*“ (frgm. VIII); 3) замѣчанія Аристофана касались подлинности отдѣльныхъ произведеній (frgm. I), числа книгъ, приписываемыхъ и дѣйствительно принадле-

³³⁶) Срв. Ath. VIII p. 336 e: οὐτε γὰρ Καλλιμάχος οὐτε Ἀριστοφάνης αὐτὸ ἀνέγραψαν, ἀλλ' οὐδ' οἱ τὰς ἐν Περγᾷ ἀναγραφὰς ποιήσαντες. Cic. de Orat. III, 33, 132: num geometriam Euclide aut Archimede, num musicam Damone aut Aristoxeno, num ipsas litteras Aristophane aut Callimacho tractante, tam discriptas fuisse [existimas], ut nemo genus universum complecteretur etc.

жащихъ тому или другому автору (figm. IV), порядка этихъ книгъ (figm. III, VI), эстетическаго достоинства (figm. II, V) и стиля ихъ (figm. VII). Последнее обстоятельство могло бы дать поводъ думать, что и «Таблицамъ» Каллимаха эстетико-критическій элементъ несовсѣмъ былъ чуждъ, и, еслибы кто взялся это доказать, то я легко позволилъ бы ему себя убѣдить; но можно предполагать также, что Аристофанъ вообще не слишкомъ стѣснялся тѣми рамками, которыя опредѣлили для своей работы Каллимахъ, и что не все внесенное имъ въ свои дополненія къ «Таблицамъ» точно отвѣчало рубрикамъ самыхъ «Таблицъ». Быть можетъ, въ сочиненіи *πρὸς τοὺς Καλλιμάχου πίνακας* именно потому находимъ мы слѣды эстетической оцѣнки греческихъ писателей, что такой оцѣнки не было сдѣлано въ «Таблицахъ» Каллимаха и это казалось Аристофану важнымъ упущеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Аристофанъ придавалъ, повидимому, особенно большое значеніе художественной сторонѣ литературныхъ произведеній, и въ этомъ отношеніи, по словамъ Зусемиля³³⁷⁾, онъ стоялъ среди александрійскихъ грамматиковъ совершенно одиноко.

Безъ сомнѣнія, въ связи съ пинакографическими занятіями ученаго каллимаховца стояло и составленіе приписываемыхъ ему краткихъ введеній къ пьесамъ важнѣйшихъ греческихъ драматурговъ (*ὑποθέσεις*). Эти введенія отчасти дошли и до насъ, хотя въ весьма измѣненномъ, подновленномъ и испорченномъ видѣ. Происхожденіе ихъ можно было бы объяснить себѣ двоякимъ образомъ: или они первоначально входили въ составъ только что разсмотрѣннаго нами сочиненія, — и тогда слѣдуетъ предположить, что не только Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ и комикъ Аристофанъ, для которыхъ существованіе «введеній» засвидѣтельствовано, а и многіе другіе сценическіе писатели, если не всѣ, были снабжены такими *ὑποθέσεις*, — или же составленіе послѣднихъ было вызвано изданіемъ самыхъ драмъ. Это, конечно,

---

³³⁷⁾ Susemihl стр. 429.

болѣе правдоподобно. Нашъ авторъ, не уступавшій по многосторонности своего образованія другимъ славнымъ грамматикамъ своего времени, отличался отъ нихъ между прочимъ особеннымъ влеченіемъ спеціально къ филологическимъ занятіямъ и менѣе ихъ въ своей ученой дѣятельности разбрасывался по другимъ научнымъ областямъ. Въ числѣ его работъ трактатъ „περὶ ζώων“ былъ, кажется, единственнымъ произведеніемъ, стоявшимъ совершенно въ сторонѣ отъ критическихъ, герменевтическихъ и историко-литературныхъ его студій. Въ особенности же привлекала Аристофана критика текста древнихъ писателей, и мы вправѣ приписать ему цѣлый рядъ новыхъ изданій этого текста, изъ коихъ одни предназначались для болѣе тѣснаго кружка ученыхъ спеціалистовъ, другія же распространились и въ публикѣ. Гомеръ, Гесіодъ, многіе лирики (и въ ихъ числѣ Пиндаръ), повидимому, три великихъ трагика (по крайней мѣрѣ навѣрное—Эврипидъ) и комикъ Аристофанъ были критически обработаны неутомимымъ грамматикомъ, и, разумѣется, въ связи съ этою широкою издательскою дѣятельностью естественнѣе всего могли возникнуть вышеупомянутыя «введенія», ὑποθέσεις.

По части такихъ «введеній» Аристофанъ византийскій имѣлъ уже предшественниковъ. Такъ, если даже и не принимать предположенія Ваксмута, что у Каллимаха въ его «Таблицахъ» давалось при каждомъ сочиненіи краткое указаніе на содержаніе (срв. выше стр. 188), то мы все таки имѣемъ положительное свидѣтельство древности о томъ, что Дикѣархъ составилъ „τινὰς ὑποθέσεις τῶν Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους μύθων“. Трудъ Дикѣарха, несомнѣнно, стоялъ въ связи съ дидактическими пропзведеніями Аристотеля и его собственными. Онъ заключалъ въ себѣ не одинъ только разборъ содержанія, но и данныя относительно постановки драмъ Эврипида и Софокла на сцену (срв. arg. Arist. Ran. [τὸ δράμα] καὶ ἀνεδιδάχθη, ὡς φησι Δικαίαρχος) и вообще разнаго рода историческія и археологическія подробности касательно этого предмета. Подобнымъ же образомъ и аристофановы ὑποθέσεις, какъ видно, не отличались въ первоначальномъ своемъ видѣ

такую безотрадною скудостью матеріала, какъ тѣ печальныя ихъ остатки, которые пережили два тысячелѣтія и стали доступны нашему изученію. Правда, ὑπόθεσις по словопроизводству должно было бы означать тоже, что ἡ ὑπόκειται, другими словами,—то, что лежитъ въ основаніи пьесы; «но, замѣчаетъ по этому поводу Грёбль ³³⁸⁾, подъ руками историковъ литературы это понятіе скоро расширилось, и къ содержанію пьесы примѣшалось и нѣчто другое, чтò казалось позднѣйшимъ поколѣніямъ полезнымъ и интереснымъ». Такимъ образомъ мало по малу полная ὑπόθεσις кромѣ содержанія пьесы стала заключать въ себѣ: 1) указаніе на дѣйствующія лица, составъ хора, мѣсто дѣйствія, — словомъ, на внѣшнія условія постановки пьесы; 2) опредѣленіе основной мысли произведенія; 3) эстетическую оцѣнку его; 4) дидактическія подробности объ обстоятельствахъ первой постановки пьесы, о наградѣ, полученной поэтомъ, о его соперникахъ и проч.; 5) сообщеніе о другихъ обработкахъ сходной темы, наконецъ 6) установленіе мѣста пьесы въ ряду прочихъ произведеній поэта ³³⁹⁾.

Между сохранившимися донынѣ образчиками такихъ «введеній» есть прозаическіе и есть стихотворные и, какъ тѣ, такъ и другіе носятъ зачастую славное имя Аристофана византійскаго. Но, не говоря уже о стихотворныхъ, которые, какъ показалъ Наукъ ³⁴⁰⁾, несомнѣнно, представляютъ продукты византійскихъ временъ, не всегда можно и прозаическія ὑποθέσεις, разъ онѣ въ нашихъ рукописяхъ отмѣнены именемъ Аристофана, признать за подлинно ему принадлежащія. Да и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ видна еще доселѣ аристофанова основа, успѣли уже испытать разнаго рода превратности судьбы...

Вирочемъ, входить въ дальнѣйшія подробности по этому вопросу не въ нашихъ видахъ, да и было бы здѣсь неумѣстно. Отсылая читателей за ними къ сочиненіямъ Трен-

³³⁸⁾ Gröbl l. l. p. 10.

³³⁹⁾ Ibid. p. 11.

³⁴⁰⁾ Nauck Aristoph. Byz. frgmm. (Halis. 1848), p. 256.

деленбурга, Лео и Грёбля ³⁴¹⁾, гдѣ собранъ и разработанъ относящійся сюда матеріалъ, я перехожу къ третьему каллимаховцу—Гермиппу смирскому.

Съ тѣхъ поръ, какъ фрагменты Гермиппа были изданы Лозинскимъ (1832), вопросъ о жизни и сочиненіяхъ этого грамматика много разъ поднимался въ филологической литературѣ. О немъ писали Кюстеръ, Преллеръ, Нитцше, Ваксмутъ, Даубъ и др. Такой интересъ къ нашему писателю объясняется, во первыхъ, важнымъ значеніемъ послѣдняго, какъ одного изъ древнѣйшихъ историковъ греческой литературы, служившаго источникомъ для позднѣйшихъ грамматиковъ, эпитоматоровъ и лексикографовъ, а, во вторыхъ, неточностью находящихся въ нашемъ распоряженіи ссылокъ на него,—неточностью, подавшею поводъ къ смѣшенію двухъ различныхъ Гермипповъ. Смѣшать было нетрудно: эти два Гермиппа, хотя и жили въ разные времена, но дѣйствовали на одномъ и томъ же поприщѣ, отличались одинаковою плодovitостью и даже разрабатывали темы, либо одинаковыя, либо близко между собою соприкасавшіяся.

Тотъ Гермиппъ, о которомъ мы должны здѣсь говорить, былъ родомъ изъ Смирны ³⁴²⁾ и, какъ ученикъ Каллимаха, извѣстенъ у доступныхъ намъ древнихъ авторовъ подъ именемъ *ὁ Καλλιμάχεος*, а, какъ послѣдователь перипатетической школы, — именуется иногда *ὁ Περιπατητικός*. Дѣятельность его была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ пинакографическими работами Каллимаха, подобно которому онъ также предпринималъ составленіе обширной справочной книги о греческихъ литераторахъ и ученыхъ. Заглавіе этой книги, впрочемъ, подлежитъ спору. Дѣло въ томъ, что за исключеніемъ одного Діогена лаэртскаго, который въ трехъ мѣстахъ дѣлаетъ краткую ссылку: „*Ερμιππος ἐν τοῖς Βίοις*“ ³⁴³⁾, всѣ

³⁴¹⁾ Trendelenburg *Grammaticorum graec. de arte tragica iudiciorum reliquiae* (Bonn. 1867). F. Leo *Bemerkungen zur attischen Komödie* (Rh. Mus. 33, стр. 505 сл.). Gröbl назв. соч.

³⁴²⁾ K. Müller *Fr. H. Gr.* III, frg. 74 (=Ath. VII p. 327 b. c.).

³⁴³⁾ Diog. L. I. 33. II, 13. V, 2 (=frg. 12. 31. 41).

авторы, на нее ссылающіеся, цитуютъ лишь различные отдѣлы ея, изъ коихъ каждый, очевидно, носилъ особое заглавіе, а иногда даже распадался на нѣсколько под-отдѣловъ, частей или книгъ. Само по себѣ отнюдь не невѣроятно, что въ подражаніе Каллимаху Гермиппъ озаглавилъ свой трудъ: „περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ λαμψάντων“ или „βίοι τῶν ἐν παιδείᾳ λαμψάντων“. Сочиненіе, носившее подобное названіе, даже прямо приводится съ именемъ Гермиппа въ «Большой Этимологіи» подъ сл. Ἀπάμειζ. Но въ виду того, что одноименнику нашего автора, Гермиппу беритскому, жившему во времена Гадріана, принадлежало также сочиненіе съ сходнымъ заглавіемъ („περὶ τῶν διαπρεψάντων ἐν παιδείᾳ δούλων“), является невольное сомнѣніе, не слѣдуетъ ли въ вышеуказанномъ мѣстѣ «Большой Этимологіи» разумѣть именно этого втораго Гермиппа. Послѣ разъясненій, сдѣланныхъ на этотъ счетъ Ваксмутомъ ³⁴⁴⁾ и Даубомъ ³⁴⁵⁾, мы рѣшительно склоняемся въ пользу послѣдняго предположенія.

Возстановить планъ обширнаго историко-литературнаго труда Гермиппа смирскаго, еслибы къ тому представлялась какая нибудь возможность, было бы весьма интересно и во многихъ отношеніяхъ полезною задачею, и немудрено, если въ этомъ направленіи и было сдѣлано нѣсколько попытокъ. Первая изъ нихъ принадлежала издателю гермипповыхъ фрагментовъ Лозинскому, который распредѣлилъ эти фрагменты по слѣдующимъ пяти рубрикамъ: 1) περὶ τῶν ἐπὶ σοφῶν, 2) περὶ τῶν νομοθετῶν, 3) βίοι τῶν φιλοσόφων, 4) περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ διαπρεψάντων δούλων (рубрика, внесенная въ схему, очевидно, по недоразумѣнію, на что было впослѣдствіи указано Кюстеромъ [къ Suid. v. Ἰστρος] и Преллеромъ) и 5) βίοι τῶν ῥητόρων. Планъ этотъ былъ однако вновь перестроенъ Преллеромъ, вообще подвергнувшимъ книгу Лозинскаго безпощадно-рѣзкой критикѣ. По Преллеру ^{345a)}

³⁴⁴⁾ C. Wachsmuth „De fontibus ex quibus Suid. in vit. Graec. script. haus“. Symb. Philol. Bonnens. I, p. 143.

³⁴⁵⁾ Daub l. l. p. 436 sq. 463 adn. 51.

^{345a)} См. Jahn's Jahrbücher für Philol. u. Pädag. 17 (1836), стр. 170 слл.

«Жизнеописанія» Гермиппа распадались на три отдѣла: А) *περὶ τῶν ἐπτὰ σοφῶν*, В) *περὶ τῶν νομοθετῶν* и С) *περὶ τῶν ἐν παιδείᾳ διαλαμψάντων*. Изъ этихъ отдѣловъ первый заключалъ въ себѣ не менѣе пяти книгъ, и главнымъ предметомъ его служила «die Weisheit der ältesten Vorzeit». Такимъ образомъ онъ обвинялъ дѣятельность не только тѣхъ 17 лицъ, изъ числа коихъ различнымъ образомъ комбинировалась группа такъ назыв. семи мудрецовъ, но и Пифагора съ его послѣдователями, и Анаксагора. Ко второму отдѣлу Преллеръ отнесъ по крайней мѣрѣ шесть книгъ. Въ этихъ предѣлахъ, по его мнѣнію, излагалась исторія греческаго законодательства, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая Харондомъ. Оба отдѣла вмѣстѣ должны были составлять какъ бы введеніе къ третьему, самому обширному и самому интересному, въ которомъ рѣчь шла о философахъ и объ ораторахъ. Какъ и у Каллимаха, тѣ и другіе разсматривались здѣсь по школамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ напр. школѣ Исократы было посвящено не менѣе трехъ книгъ, а школѣ Аристотеля, повидимому, гораздо болѣе.

Третья попытка возстановленія схемы, которой слѣдовалъ Гермиппъ при обработкѣ своего матеріала, принадлежит Нитцше³⁴⁶). Исходя изъ того предположенія, что трудъ Гермиппа былъ задуманъ и выполненъ имъ подъ вліяніемъ шинакографической дѣятельности Каллимаха, — что само по себѣ совершенно вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію, — названный ученый искалъ вполне точнаго соотвѣтствія между отдѣльными рубриками «Таблицъ» съ одной стороны и «Жизнеописаній» — съ другой. И такъ какъ онъ дѣлилъ «Таблицы» на пять частей, то и гермипповы «Жизнеописанія» были раздѣлены имъ на пять же крупныхъ отдѣловъ, отношеніе между которыми представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Βίοι τῶν ἐν παιδείᾳ διαλαμψάντων.

I. *Βίοι τῶν ποιητῶν.*

II. *Βίοι τῶν ῥητόρων.*

³⁴⁶) Nitzsche De La. Diog. font. (Rh. Mus. 24), p. 190.

III. Βίοι τῶν ἱστορικῶν.

IV. Βίοι τῶν μάχων — Βίοι τῶν [ἐπτὰ] σοφῶν — Βίοι τῶν φιλοσόφων.

V. Βίοι παντοδαπῶν συγγραφέων... Βίοι τῶν νομοθετῶν.

Врядъ ли надобно говорить, что построение это въ та- кой же мѣрѣ искусственно и произвольно, какъ и два пред- шествующія, и такъ же мало, какъ и они, оправдывается по- казаніями нашихъ источниковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что авторы, имѣвшіе еще возможность пользоваться произведеніемъ Гермиппа, сообщаютъ намъ въ числѣ частныхъ заглавій, каковыми снабжены были различные отдѣлы этого труда, и такія, которыя относятся къ цѣлому классу дѣятелей (напр. περὶ τῶν νομοθετῶν, περὶ ἐνδόξων [ἀνδρῶν] ἱστῶν, περὶ τῶν Ἰσοκράτους μαθητῶν), и такія, которыя указы- ваютъ, какъ на предметъ изслѣдованія, на дѣятельность одного какого либо лица (напр. περὶ Πυθαγόρου, περὶ Горγίου, περὶ Ἰσοκράτους и проч.). Думать, что заглавія по- слѣдней категоріи принадлежали лишь болѣе мелкимъ под- раздѣленіямъ того или другаго крупнаго отдѣла, никоимъ образомъ невозможно: мы знаемъ напр., что трактатъ о Пи- тагорѣ заключалъ въ себѣ двѣ книги, а трактатъ объ Ари- стотелѣ едва ли не отличался и еще болѣе внушительными размѣрами ³⁴⁷). Къ этому присоединю, что цитаты съ ука- заніемъ на такія частныя заглавія, встрѣчаются между про- чимъ и у того автора, который знаетъ сочиненіе Гермиппа подъ общимъ названіемъ „Βίοι“, — именно, у Діогена лаэрт- скаго; однако, ссылаясь на эти „Βίοι“, Діогенъ ни разу не прибавляетъ къ своей ссылкѣ болѣе точнаго ука- занія на соотвѣтствующій отдѣлъ или книгу, между тѣмъ какъ его выдержка изъ трактата „περὶ Πυθαγόρου“ сопровождается указаніемъ на вторую книгу этого трактата (VIII, 10), а при ссылкѣ на отдѣлъ „περὶ τῶν ἐπτὰ σοφῶν“ онъ называетъ четвертую его книгу (VIII, 88). Въ виду всего этого я заключаю, во первыхъ, что, если трудъ Гер- миппа и носилъ общее заглавіе „Βίοι“, то различные его

³⁴⁷) См. соотвѣтствующія мѣста у К. Мюллера. F. H. Gr. III.

отдѣлы дѣлились на книги съ особою для каждаго отдѣла нумераціею, а во вторыхъ—что во всемъ произведеніи пропорціональность частей врядъ ли строго была соблюдена, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе отличалось большею подробностью и полнотою, въ нѣкоторыхъ же авторъ довольствовался лишь поверхностными, краткими сообщеніями и что вообще Гермиппъ мало стѣснялся какимъ нибудь заранѣе опредѣленнымъ планомъ. Мнѣ кажется, что составленныя имъ жизнеописанія были въ такой же мѣрѣ свободными дополненіями къ «Таблицамъ» Каллимаха, какъ и названныя выше историко-литературныя работы Эратосфена, — что это былъ рядъ самостоятельныхъ, то болѣе обширныхъ, то небольшихъ этюдовъ, изслѣдованій и статей, связанныхъ между собою не столько единствомъ плана, сколько единствомъ содержанія и направленія. И, можетъ быть, самое названіе „Βίαι“ не было чѣмъ то съ самаго начала имъ присвоеннымъ, а употреблено Діогеномъ въ прив. м. просто какъ общее указаніе на источникъ, изъ котораго привести болѣе точную цитату онъ почему либо не могъ или не считалъ нужнымъ.

Что касается той связи, которую усматриваютъ между работою Гермиппа и каллимаховыми «Таблицами», то существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Есть свидѣтельства, позволяющія думать, что книга Гермиппа представляла собою, подобно послѣднимъ, продуктъ пинакографической литературы, что она во многихъ пунктахъ примыкала къ нимъ и что въ ней кромѣ чисто историческаго присутствовалъ и библиографическій элементъ. Къ отрывку ееофрастовой «Метафизики» схолиастъ замѣчаетъ: τοῦτο τὸ βιβλίον Ἀνδρόνικος μὲν καὶ Ἑρμιππος ἀγνοοῦσιν. οὐδὲ γὰρ μνησάντων αὐτοῦ ὅπως πεποίηται ἐν τῇ ἀναγραφῇ τῶν Θεοφράστου. Гейтцъ совершенно справедливо говоритъ, что, еслибы Гермиппъ въ своихъ біографіяхъ философовъ ограничивался лишь случайнымъ упоминаніемъ о различныхъ ихъ сочиненіяхъ, то не только схолиастъ не могъ бы весьма опредѣленно ссылаться на его „ἀναγραφὴ τῶν Θεοφράστου“, но и самое поименованіе Гер-

миппа въ прив. м. было бы вполне безцѣльно ³⁴⁸⁾. Въ тѣхъ же схоліяхъ передъ началомъ 7-й книги трактата о растеніяхъ читаемъ: Θεοφράστου περὶ φυτῶν ἱστορίας τὸ ἦ. Ἑρμιππος δὲ περὶ φρυγανικῶν καὶ ποιωδῶν, Ἀνδρόνικος δὲ περὶ φυτῶν ἱστορίας ³⁴⁹⁾,—слова, совершенно ясно свидѣтельствующія, что, какъ и въ «Таблицахъ» Каллимаха, у Гермиппа шла рѣчь между прочимъ о надписаніи отдѣльных книгъ, а, стало быть, и о подлинности ихъ, о мѣстѣ ихъ въ ряду прочихъ произведеній того же автора и проч. Само собою разумѣется, что приведенные тексты имѣютъ для насъ не одинъ лишь непосредственный смыслъ, но и болѣе общее значеніе,—другими словами, они указываютъ не на то только, что въ «Жизнеописаніяхъ» Гермиппа находился списокъ ѳеофрастовыхъ твореній, но и на то также, что были тамъ и другіе подобные списки, и Гейтцъ убѣжденъ, что между ними имѣлся и списокъ сочиненій Аристотеля. Мы не станемъ приводить его аргументовъ ³⁵⁰⁾, но удовольствуемся указаніемъ на нѣкоторые мѣста, вполне оправдывающія такой выводъ: 1) Diog. L. VIII, 88 [Εὐδόξος] γράψας τοῖς ἰδίοις πολίταις νόμους ὡς φησιν Ἑρμιππος... καὶ ἀστρολογούμενα καὶ γεωμετρούμενα καὶ ἕτερ' ἅττα ἀξιόλογα; 2) *ibid.* VIII, 85 γέγραφε [Φιλόλαος] δὲ βιβλίον ἐν ᾧ φησιν Ἑρμιππος λέγειν τινὰ τῶν συγγραφέων Πλάτωνα... ὠνήσασθαι; 3) Plin. N. H. XXX. 1. 4. Hermippus qui de ea arte (magica) diligentissime scripsit et viciens centum millia versuum a Zoroastre condita indicibus quoque voluminum eius positus explanavit ³⁵¹⁾. Всѣ эти выдержки оставляютъ внѣ всякаго сомнѣнія, что признаки, свойственные другимъ извѣстнымъ намъ образцамъ александрійской пинакографіи, не были чужды труду Гермиппа, что, подобно Каллимаху, онъ за біографическими свѣдѣніями о писателяхъ давалъ мѣсто перечнямъ ихъ сочиненій и что къ названіямъ послѣд-

³⁴⁸⁾ Heitz Die verlorenen Schriften des Aristoteles. Leipz. 1865. Стр. 49.

³⁴⁹⁾ Usener. l. l. p. 23.

³⁵⁰⁾ Heitz l. l. p. 46 sqq.

³⁵¹⁾ Nitzsche l. l. p. 189. Cpv. Susemihl l. l. p. 493, adn. 10.

нихъ, какъ въ «Таблицахъ», присоединялись у него и стихометрическія указанія.

Но является вопросъ, въ какомъ же отношеніи стояли «Жизнеописанія» Гермиппа къ «Таблицамъ» Каллимаха? Былъ ли это трудъ самостоятельный, или не болѣе какъ переработка нѣкоторыхъ отдѣловъ обширной работы послѣдняго? Что касается библіографической части, то о ней В. Розе былъ весьма невысокаго мнѣнія ³³²), хотя это мнѣніе, повидимому, опровергается тѣми показаніями древнихъ авторовъ, на которыя мы сейчасъ ссылались. Въ одномъ только пунктѣ можно, кажется, сдѣлать уступку, — именно, можно согласиться, что, хотя Гермиппъ и включилъ въ свой трудъ списки произведеній различныхъ авторовъ, однако далеко не всѣ эти списки были составлены и переработаны имъ самимъ; большая часть ихъ по всей вѣроятности, цѣликомъ перешла въ «Жизнеописанія» изъ «Таблицъ», гдѣ библіографическій отдѣлъ былъ обработанъ, какъ мы видѣли, съ особенною тщательностью ³³³). За то историческая часть гермипповыхъ „Βίαι“ и по относительной полнотѣ, и по самому характеру изложенія много и существенно отличалась отъ тѣхъ скудныхъ біографическихъ и хронологическихъ указаній, которыми снабдилъ Каллимахъ свои „πίνακες“. Что въ этомъ отношеніи ученикъ былъ совершенно самостоятеленъ и старался не только дополнить, но и при случаѣ исправить трудъ учителя, о томъ свидѣлствуетъ весьма краснорѣчиво Аѳеней VI р. 252 с: *Λυσίμυχος, ὃν Καλλίμυχος μὲν Θεοδώρειον ἀναγράφει, Ἑρμιππος δ' ἐν τοῖς Θεοφράστου μαθηταῖς καταλέγει*. Изъ этихъ словъ можно сдѣлать двоякое заключеніе: 1) что Гермиппъ, подобно другимъ каллимаховцамъ, отправлялся въ своемъ сочиненіи отъ результатовъ, достигнутыхъ Каллимахомъ, и при новомъ пересмотрѣ матеріала приходилъ иногда къ инымъ выводамъ, нежели его предше-

³³²) V. Rose Arist. pseudopigr. p. 9: veri quidem simile est et quod et seculi rationi et Hermippeae scriptionis vestigiis magis consonet, eum non dedita opera, sed quasi fortuito de singulis tantum libris quaedam adnotasse ubi res ipsae citandi occasionem ferrent.

³³³) Nitzsche p. 189; срв. выше прим. 295.

ственникъ ³⁵⁴); 2) что этотъ пересмотръ онъ, повидимому, считалъ особенно необходимымъ по отношенію къ тѣмъ историческимъ даннымъ, которыя были собраны составителемъ «Таблицъ», причемъ,—и это явствуетъ изъ уцѣлѣвшихъ фрагментовъ,—его задачею было, вѣроятно, подвергнуть новой обработкѣ именно тѣ отдѣлы каллимаховой работы, которые были наименѣе удачны, наиболѣе слабы. Мы знаемъ, что таковы были отдѣлы, посвященные прозаикамъ, и дѣйствительно между фрагментами Гермиппа (числомъ больше 80) только два ³⁵⁵) относятся къ поэтамъ (Эврипиду и Гиппонакту).

Преллеръ и Нитцше исходили въ своихъ предположеніяхъ изъ того убѣжденія, что въ основаніи гермипповыхъ «Жизнеописаній» лежала предметная группировка матеріала, а самое изложеніе слѣдовало, какъ и естественно въ сочиненіи историческаго характера, хронологическому порядку ³⁵⁶). Если это такъ, то, принимая во вниманіе связь, соединявшую разсматриваемый трудъ съ каллимаховыми «Таблицами», мы получаемъ новый аргументъ въ пользу того, что и въ послѣднихъ расположеніе матеріала было подчинено аналогичному принципу ³⁵⁷).

³⁵⁴) Preller l. c. p. 181: [Es] scheint Athen. VI p. 252 с eine bestimmte Beziehung des Hermippus auf den Kallimachus zu indiciren, indem solche Stellen gewöhnlich aus dem Schriftsteller genommen sind, welcher zuletzt genannt wird, und welcher eben den Gegensatz seiner Ansicht und der andern bemerkt hatte.

³⁵⁵) K. Müller F. H. G. frg. 73 b, 74. Что касается перваго изъ этихъ отрывковъ, то издатель замѣчаетъ: „Quaeritur denique num statuendum sit Hermippum Callimachium uti philosophorum rhetorumque, sic etiam poetarum vitas scripsisse, an locus noster ex peculiari Hermippi nescio cujusnam opere Vitam Euripidis et in fabulas commentarios continente petitus sit“.

³⁵⁶) Лозинскій расположилъ фрагменты, относящіеся къ жизнеописаніямъ философовъ, въ алфавитномъ порядкѣ. По этому поводу Преллеръ замѣтилъ: „Das ist ein so äusserliches und schlechtes Princip, das es höchstens in den allerdesperatesten Fällen zugelassen werden kann; da doch beim Hermippos ganz klar ist, 1) dass er genetisch verfährt, eine Geschichte der Litteratur geben will, denn darauf ist es mit seinem ganzen Werke abgesehen, 2) dass er die zu einer und derselben Schule gehörigen Personen zusammen behandelte“ (стр. 169).

³⁵⁷) Совершенно непонятно, какъ могъ Нитцше утверждать обратное: „Hermippus autem qui Titulum ipsum illius Callimachi catalogi vitis

По отрывкамъ видно, что Гермиппъ больше всего интересовался историческою стороною своего труда и съ неутомимымъ рвеніемъ собиралъ біографическія подробности о лицахъ, служившихъ предметомъ его вниманія, такъ что въ этомъ отношеніи прослылъ какъ *ἀνὴρ περὶ πᾶσαν ἱστορίαν ἐπιμελής*. За свою *ἀκρίβεια* онъ удостоился похвалы даже отъ такого строгаго критика, какъ Діонисій галикарнасскій. Это, конечно, говоритъ въ пользу нашего автора, хотя найдется немало такого, въ чемъ его можно и упрекнуть. Такъ, при изумительной начитанности, въ которой онъ не уступалъ своему учителю, Гермиппъ видимо отличался свойственною его вѣку страстью ко всему необыкновенному, къ романическимъ фабуламъ, къ анекдотамъ и не только принималъ на вѣру все, что находилъ въ своихъ источникахъ, но подчасъ — *sit venia verbo!* — присочинялъ и отъ себя³⁵⁸). Поэтому замѣчено, что и у Псевдоплутарха въ «Жизнеописаніяхъ десяти ораторовъ» наименѣе достовѣрны именно тѣ свѣдѣнія, которыя были заимствованы имъ у Цецилія, черпавшаго свой матеріалъ изъ трудовъ Гермиппа³⁵⁹). Тѣмъ не менѣе, подобно Каллимаху, нашъ авторъ долго пользовался авторитетомъ у позднѣйшихъ греческихъ писателей, и, безъ сомнѣнія, изъ числа извѣстій, сообщаемыхъ послѣдними, къ Гермиппу, какъ къ основному источнику, должно быть возведено несравненно больше, чѣмъ то показываютъ собранія его фрагментовъ.

Тремя названными дѣятелями не исчерпывается списокъ извѣстныхъ намъ каллимаховцевъ. Кромѣ Эратосфена, Аристофана византійскаго и Гермиппа смирискаго въ качествѣ друзей или послѣдователей Каллимаха мы знаемъ еще аттидографа Истра, киренейца Филостефана, Гераклита галикарнасскаго, Аполлонія родосскаго; но, сколько

suis praeifixit, Callimachi vestigiis videtur anxie instituisse, ita ut tot generales partes distingueret quot Callimachus, id ille quidem mutans, quod non ad litterarum, sed ad temporum ordinem homines litteratos enumeravit“ (p. 191). Срв. O. Schneider *Callimachea* II p. 305.

³⁵⁸) Susemihl стр. 495.

³⁵⁹) Ibidem.

можно судить, изъ нихъ никто не выступалъ на поприщѣ пинакографической дѣятельности, хотя частныя историко-литературныя изслѣдованія имъ не были чужды. Такъ напр. все заставляетъ думать, что Истру принадлежали біографіи Софокла и Пиндара, изъ которыхъ уцѣлѣло нѣсколько отрывковъ ³⁶⁰). Возможно также, что и Филостефанъ неразъ затрогивалъ область нашей науки въ своемъ сочиненіи „περὶ εὐρημάτων“ (срв. выше стр. 20 сл.). Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы должны оставить ихъ въ сторонѣ и закончить свое изложеніе краткимъ обзорѣніемъ дѣятельности другихъ представителей пинакографіи, хотя и не принадлежавшихъ къ числу каллимаховцевъ, но, несомнѣнно, находившихся подъ вліяніемъ ихъ школы.

Сюда относятся, во первыхъ, александрійскій доксграфъ Сотіонъ и перипатетикъ Сатиръ, примкнувшіе по своему направленію къ Гермиппу. Первый составилъ обширную «Исторію преемства философскихъ школъ» (διαδοχὴ τῶν φιλοσόφων, въ 13 кн.), а второй въ своемъ сочиненіи „περὶ χαρακτῆρων“ разсмотрѣлъ не только жизнь и сочиненія многихъ выдающихся писателей древности, но затронулъ даже дѣятельность государственныхъ людей. Тотъ и другой, опираясь главнымъ образомъ на преданія философскихъ школъ, вновь подвергли разсмотрѣнію ходячіе перечни сочиненій, приписываемыхъ различнымъ авторамъ. При этомъ, говорятъ, они обнаружили столь большую подозрительность, что включили въ разрядъ подложныхъ книгъ нѣсколько новыхъ группъ, считавшихся дотолѣ подлинными ³⁶¹). Въ томъ же духѣ дѣйствовали и пергамскіе пинакографы. Въ своемъ соревнованіи съ александрійцами пергамскіе ученые часто вступали на тѣ пути, которые пролагались усиліями первыхъ, и, какъ подъ сѣнью александрійскаго музея и при богатыхъ пособіяхъ, доставляемыхъ итолемевою библіотекою, возникли «Таблицы» Каллимаха, такъ и Пергамъ, имѣвшій своихъ

³⁶⁰) См. Wellmann De Istro Callimachio (Griphisw. 1886), p. 3, adn. 7.

³⁶¹) Nitzsche l. l. p. 193.

ученых и свою библиотеку, захотѣлъ имѣть и свои «Таблицы» (πίνακες Περγαμῆνοι). Мы не знаемъ, кто былъ ихъ составителемъ, хотя, какъ было выше замѣчено, есть много оснований предполагать, что главное участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало Кратету изъ Малла. По всей вѣроятности, пинакографическая работа Кратета преслѣдовала прежде всего ближайшія, практическія цѣли, но она разрослась подъ руками его учениковъ и послѣдователей и изъ каталога пергамской библиотеки мало по малу превратилась въ критическій компендіумъ исторіи греческой литературы. Подъ вліяніемъ со стороны Александріи чисто историческіе вопросы и въ пергамской ученой литературѣ, посвященной библиографіи, стали брать перевѣсъ надъ вопросами, относящимися собственно къ послѣдней области. Одинъ изъ наиболее талантливыхъ представителей пергамской учености Антигонъ каристійскій предпринялъ обширный трудъ подъ заглавіемъ „Βίοι φιλοσόφων“ совершенно въ духѣ и характерѣ соціоновыхъ „διαδοχαί“ съ тою только разницею, что его сообщенія опирались болѣею частью не на преданія, а на личныя воспоминанія и, стало быть, выигрывали въ отношеніи достоверности ³⁶²). Подобный же трудъ предпринять былъ и ученикомъ Кратета Панэтіемъ, которому принадлежали, повидимому, пергамскіе «Списки философовъ» (φιλοσόφων πίνακες) ³⁶³). За этими учеными шла многочисленная толпа другихъ пинакографовъ, отчасти извѣстныхъ намъ только по имени, отчасти же даже и вовсе неизвѣстныхъ и скрывающихся подъ неопредѣленнымъ обозначеніемъ „οἱ περὶ πινάκων γράψαντες“ (Diog. L. VII, 188) или „οἱ πινακόγραφοι“ (Steph. Biz. v. Ἀβδῆρα). Дѣятельность ихъ непрерывно тянется вплоть до императорскихъ временъ, когда на поприщѣ пинакографіи подвизались Филонъ изъ Библа, Гермиппъ беритскій, Телефъ, Дамофилъ, Соранъ (младшій) и др., и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о размѣрахъ,

³⁶²) Wilamowitz Antig. v. Karystos, стр. 127.

³⁶³) Nietzsche l. l. p. 194.

какіе приняла дисциплина, созданная Каллимахомъ. Но слѣдить за этою дѣятельностью въ подробностяхъ и разбирать относящіеся къ ней показанія источниковъ не входитъ уже въ наши задачи, и приведенными именами мы заключаемъ свой обзоръ этого предмета.

* *
* *

Однако прежде, нежели положить перо, считаю нужнымъ указать на то общее значеніе, которое имѣли труды Каллимаха и его послѣдователей.

Едва ли не самую характерную черту наступившей по смерти Александра В. исторической эпохи, едва ли не самое яркое знаменіе времени составляетъ стремленіе къ репродукціи, къ воспроизведенію въ новыхъ формахъ и комбинаціяхъ всего, что было унаслѣдовано греками въ области духовной дѣятельности отъ прежнихъ вѣковъ и поколѣній. Это стремленіе замѣтно повсюду. Съ утратою политической независимости производительная сила греческаго духа отжила свой вѣкъ, источники живаго вдохновенія изсякли, воображеніе притупилось, пылъ поэтическаго одушевленія погасъ, идеальная сфера казалась исчерпанною, и не оставалось ничего болѣе, какъ изучать недосытаемо-великіе памятники старины и подражать имъ. Въ поэзій воскресаютъ отжившія и забытыя стихотворныя формы, въ образовательныхъ искусствахъ повторяются старые мотивы, въ наукѣ предпринимается рядъ археологическихъ и историко-культурныхъ изысканій,—словомъ, съ особенною силою разгорается интересъ къ минувшему.

И въ самомъ дѣлѣ наибольшая заслуга ученыхъ дѣятелей александрійской эпохи состоитъ въ сохраненіи и распространеніи свѣдѣній о греческой старинѣ, въ кропотливомъ собираніи и ревностномъ изученіи памятниковъ классической литературы и греческаго искусства. И достиженію этихъ цѣлей способствуютъ не только одни ученые, но и просвѣщенные правители возникшихъ послѣ Александра В. государствъ, сумѣвшіе сгруппировать вокругъ себя лучшія силы

греческой науки. Такимъ образомъ на пути благороднаго соревнованія создалось нѣсколько весьма важныхъ центровъ учено-литературной дѣятельности.

Первое мѣсто среди этихъ центровъ заняла Александрія. Она слила въ себѣ, какъ въ фокусѣ, все, чѣмъ была богата умственная жизнь эллинскаго и эллинизованнаго общества въ третьемъ до-христіанскомъ столѣтіи. Всѣ греческія школы выслали сюда своихъ представителей, и нѣтъ такой отрасли человѣческаго вѣдѣнія, которая бы не обогатилась здѣсь многими цѣнными приобрѣтеніями. Внѣшнимъ образомъ это великое значеніе Александріи, какъ очага эллинической культуры, выразилось въ учрежденіи музея и безпримѣрно-обширной библіотеки, въ которой, по идеѣ ея создателей, должно было быть собрано все, что дотолѣ произвела греческая мысль въ области литературы и науки.

Такая идея соотвѣтствовала назрѣвшей и сознанной потребности греческаго духа опознаться въ томъ, что имъ было доселѣ создано, — подвести итоги многовѣковой работѣ непрерывно смѣнявшихся поколѣній.

Всѣ дѣятели александрійской эпохи усиленно старались удовлетворить этой потребности. Но никто не понялъ ее такъ широко, какъ Каллимахъ, который поставилъ своею задачею пересмотрѣть, привести въ стройную, отвѣчающую научнымъ требованіямъ систему и регистрировать всѣ произведенія греческой литературы и греческой науки, — другими словами, выразить осязательно, при помощи наглядной формулы всю силу научной и литературной производительности греческой націи.

Его «Таблицы» заключали въ себѣ разрѣшеніе этой задачи.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 3 (прим. 6).—О символическомъ значеніи числа три, какъ и вообще о символикѣ чиселъ, подробно трактуетъ А. Нагеле (Zahlensymbolik. Schul-Progr. Marburg. I. II. 1886—87). Срв. также Lobeck Aglaoph. I, p. 384—388. Тѣмъ не менѣе, при всей полнотѣ матеріала, собраннаго въ этихъ книгахъ, я не нашелъ въ наличныхъ данныхъ опоры для мнѣнія Бергка.

Къ стр. 16 (прим. 51).—Объ Амелесарорѣ см. Wilamowitz. Antig. v. Karyst. стр. 24, прим. 17.

Къ стр. 24 слл.—При обработкѣ экскурса „о роли Писистрата въ исторіи гомеровской критики“ отъ моего вниманія ускользнуло одно мѣсто въ соч. О. Зеека „Die Quellen der Odyssee“ (Berl. 1887. Стр. 385 слл.). Примыкая къ Вилламовицу (Horn. Unters. стр. 240 слл.), Зеекъ относитъ дѣятельность Діевхида къ IV стол. и по отношенію къ его сообщеніямъ о редакціонныхъ работахъ писистратовой комиссіи считаетъ основнымъ источникомъ Гелланика. „Also, заключаетъ онъ, die Peisistratische Recension ist äusserlich ebenso gut überliefert, wie innerlich glaubwürdig; denn dass eine Philologie und ein Interesse am Büchersammeln im sechsten Jahrhundert noch nicht existirt habe, lässt sich doch kaum dagegen anführen. Was wissen wir vom sechsten Jahrhundert? Tritt unter den wenigen gut beglaubigten Zügen, aus denen wir uns sein Bild zusammensetzen, einer hervor, der auf den ersten Blick fremd erscheint, nun „so heisst als einen Fremden ihn willkommen!“ Aus der Ueberlieferung haben wir unsere Begriffe über jene dunkle Zeit zu bilden und umzubilden, nicht aus diesen schiefen und lückenhaften Begriffen heraus die Ueberlieferung zu verwerfen, wo alles für ihre Echtheit spricht“. Diels въ своей интересной статьѣ „Ueber Epimenides von Kreta“ также признаетъ „litterarische Commission“ Писистрата за историческій фактъ и между прочимъ считаетъ Ономакрита съ его сотрудниками (οἱ περὶ Ὀνομάκριτον) за истинныхъ составителей тѣхъ подложныхъ оракуловъ, которые впослѣдствіи слыли подъ именемъ эпименидовыхъ (Sitzungsberichte der k. preuss. Ak. d. Wiss. zu Berlin. XIX—XXI 1891. Стр. 396 сл.).

Къ стр. 42 (прим. 63).—Программа Гелля „Das alex. Museum“ (Schleiz. 1868), которую я не имѣлъ возможности пользоваться, ошибочно приписана мною Беккеру, автору „Харикла“. Тамъ же (въ литературныхъ указаніяхъ) слѣдовало бы также назвать: Busch De bibliothecariis alexandrinis (Suerin. 1884); Häberlin Beiträge zur Kenntniss des antiken Bibliotheks- und Buchwesens. Centralbl. f. Bibliothekswesen VI—VII (1889—90) [мнѣ неизвѣстно]; Dziatzko Joh. Tzetzes u. das Plautusscholion

üb. die alexandrinischen Bibliotheken (Rhein. Mus. 46, стр. 349 сл.). По темъ сюда отчасти относятся также: Θ. Ярышъ „Книжное дѣло у древнихъ грековъ и римлянъ“ (въ кievскомъ „Сборникѣ статей по класс. филол.“ III); А. Деревицкій „Письменность на первыхъ шагахъ ея развитія“ (Харьковъ. 1887) [популярныя статьи].

Къ стр. 50 (прим. 76).—Пропущено: Schöll Die Anfänge einer politischen Litteratur bei den Griechen. München. 1890 [на эту книгу любезно обратилъ мое вниманіе проф. В. П. Бузескулъ].

Къ стр. 57 (прим. 89) [срв. также стр. 6, прим. 13 и стр. 85, прим. 132].—О храмовыхъ архивахъ и библіотекахъ см. Bergk Gr. LG. I, стр. 214 и прим. 70.

Къ стр. 66.—Партей (Alex. Mus. стр. 51) и Уипенкамъ (De orig. conser. hist. litt. p. 38) злоупотребляли, мнѣ кажется, извѣстнымъ мѣстомъ изъ Витрувія, гдѣ у него говорится „de oecis, tricliniis“ и проч. (VI, 5), полагая на основаніи этого мѣста, что и у Страбона (XVII p. 794), и у Галена (in Hippocr. I. III Epidem. p. 411; см. выше стр. 151, прим. 236) слово οἶκος въ примѣненіи къ александрійскому дворцу употреблено именно въ смыслѣ обширной столовой (triclinium praegrande ad convivium). Это слово вообще означаетъ μέρος τι τῆς οἰκίας (Hesych.), такъ что встрѣчается въ примѣненіи къ самымъ различнымъ аппаратамъ и строеніямъ, входящимъ въ составъ „дома“, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть также и общее обозначеніе дома со всѣми его частями (см. Thes. linguae gr. s. v.). Нѣтъ поэтому, никакой необходимости, когда рѣчь идетъ объ Александріи и употребляется слово οἶκος, непременно придавать ему смыслъ опредѣленнаго термина потому только, что Витрувій сообщилъ намъ о существованіи въ его время въ домахъ богачей столовыхъ, носившихъ названіе „oecus aegyptius“.

Къ стр. 70 (прим. 114).—О предпринятыхъ и собранныхъ Птолемеемъ переводахъ съ иностранныхъ языковъ на греческій см. Röper Philologus XXX (1870) стр. 559; Susenhihl стр. 493, прим. 10, 11.

Къ стр. 88 и сл.—Вторая глава моего изслѣдованія была уже набрана, когда я ознакомился съ вышеназванною статьею Dziatzko въ Rhein. Mus. Авторъ этой статьи доказываетъ, что знаменитый плавтинскій схолій опирается на лучший греческій текстъ тзетзовыхъ „Пролегоменъ“, нежели тѣ двѣ редакціи послѣднихъ (рѣчь, разумѣется, идетъ главнымъ образомъ о 2-й изъ этихъ редакцій), которыя находятся въ нашемъ распоряженіи. Что же касается крамеровскаго фрагмента „περί χωμφοδίας“, то, по мнѣнію Дзятцко, этотъ фрагментъ представляетъ извлеченіе изъ введенія Тзетза, а отнюдь не его источникъ (стр. 349—362). Къ этимъ разъясненіямъ добавлено въ видѣ „приложенія“ нѣсколько страницекъ, заключающихъ въ себѣ новую попытку истолковать загадочные термины „ἀμυγῆς“ и „σὺμμιχτοῖς“. Г. Дзятцко полагаетъ, что различіе рукописей „смѣшанныхъ“ и „несмѣшанныхъ“ стоитъ въ связи съ раздѣленіемъ литературныхъ произведеній на книги и проч. „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ до-александрійское время, по крайней мѣрѣ до Аристотеля, не существовало никакого или почти никакого болѣе или менѣе точнаго разграниченія между главными отдѣлами сочиненій и под-отдѣлами.... Первыя попытки такого расчлененія отдѣльныхъ произведеній литературы сдѣланы были, можетъ быть, въ книжныхъ собраніяхъ философскихъ школъ; по крайней мѣрѣ въ нихъ впервые была замѣчена необходимость этого расчлененія.

Недаромъ же преданіе приписываетъ Аристотелю какъ бы инициативу въ дѣлѣ созданія большой александрійской бібліотеки“. Послѣдовательное приѣніе принципа раздѣленія древнихъ рукописей на части г. Дзятко ставитъ въ связь главнымъ образомъ съ пинакографическою дѣятельностью Каллимаха и подѣ ἀμιγεῖς καὶ ἀπλὰ βιβλία понимаетъ такія рукописи, которыя заключали въ себѣ либо полное сочиненіе (съ началомъ и съ концомъ), либо законченную часть (отдѣлъ, книгу и т. п.) полного сочиненія, а подѣ βιβλία συμμιγεῖς—такія, въ которыхъ дѣленіе на части по содержанию не было проведено и которыя, стало быть, содержали въ себѣ „beliebig endende Theile einer Schrift“ (стр. 370).

Авторъ нашей статьи убѣжденъ, что его предположеніе обезпечено по крайней мѣрѣ противъ существенныхъ возраженій (стр. 365). Дѣйствительно, оно на первый взглядъ можетъ показаться привлекательнымъ и по своей простотѣ, и по своему соотвѣтствію съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно о состояніи книжнаго дѣла въ александрійское время. Тѣмъ не менѣе я думаю, что г. Дзятко, подобно другимъ толкователямъ трудныхъ терминовъ, обратилъ мало вниманія на сущность всякой „σύμμιξις“. Если принять его объясненіе, то двѣ категоріи рукописей, различаемыя Тзетзомъ, будутъ существенно однородны и лишь внѣшнимъ образомъ различны. По толкованію Дзятко выходитъ, что въ александрійской бібліотекѣ было 90000 свитковъ, приведенныхъ въ порядокъ, и 400000 свитковъ, еще не приведенныхъ въ порядокъ,—какъ будто бы въ нашихъ текстахъ стояло βιβλία διηρημένα и βιβλία ἀδιαιρέτοι, что никомъ образомъ не совпадало бы по смыслу съ понятіями β. ἀμιγεῖς и β. συμμιγεῖς. Если справедливо, что извѣстіе Тзетза о состояніи книгохранилища Птоломѣевъ восходитъ (разумѣется, посредственно) къ „Таблицамъ“ Каллимаха, то было бы странно, еслибы въ послѣднихъ рукописи бібліотеки были раздѣлены по такому чисто внѣшнему, случайному и матеріальному признаку. Это противорѣчило бы основному характеру „Таблицъ“, насколько онѣ намъ извѣстны. Въ виду этого я предпочитаю оставаться при томъ пониманіи разсматриваемыхъ выраженій, какое предложено мною въ текстѣ, и думаю, что оно единственно правильное.

Къ стр. 144 слл.—Къ вопросу о литературномъ подлогѣ и плагиатѣ: Et. M. 198, 20 [срв. В. An. 226] Βιβλική γένεσις Ἀνδρέας ὁ ἱερός ἐπεκλήθη (ἐκλήθη В. А.) ὅπῃ Ἐρατοσθένης, ὅτι λάθρα αὐτοῦ τὰ βιβλία μετέγραψε (ἔγραψεν В. А.) [см. Strecker l. c. p. 19]. Также: Diels вышеназв. соч. объ Эпименидѣ, стр. 396 слл. (о подложныхъ оракулахъ); Nauck Aristoph. p. 280 (о сочиненіи Аристофана византійскаго „παράλληλοι Μενάνδρου τε καὶ ἄρ ὧν ἔκλεψεν ἐκλογαί“).

Къ стр. 174 (прим. 274).—Срв. Preller. N. Jahrb. XVII, стр. 179: „ἀναγραφή τῶν ῥητορικῶν, wobei nothwendig συγγραμμάτων zu ergänzen“.

Къ стр. 176 сл.—Зуземилъ полагаетъ, что дѣленіе комедій на древнюю, среднюю и новую при Эратосѣенѣ уже существовало и что, такъ какъ Ликофронъ былъ слишкомъ непосредственнымъ современникомъ новой комедіи, чтобы различать ее отъ средней, то это дѣленіе обязано своимъ происхожденіемъ Каллимаху (см. стр. 426, прим. 88). О тройномъ дѣленіи аттической комедіи см. также Kaibel Archippos u. die pergamenische Kritik (Hermes. XXIV. 1889, стр. 42 слл.); Leo Varro u. die Satire ibid. p. 74 слл.

Нъ стр. 220.—Какое широкое вліяніе имѣли „Таблицы“ Каллимаха, видно изъ того, что не только ими порождена богатая пинакографія, принадлежащая цѣликомъ къ области исторіи греческой литературы, но и изъ того, что въ другихъ, смежныхъ научныхъ областяхъ въ зависимости отъ каллимаховой работы обнаруживается сходное литературное движеніе. Такъ напр. современникъ Каллимаха Калликсенъ предпринялъ, такъ сказать, каталогизацію художественныхъ произведеній греческой живописи и ваянія подъ заглавіемъ: ἀναγραφὴ ζωγράφων τε καὶ ἀνδριαντοποιῶν. Подобныя же общія сочиненія по исторіи искусствъ принадлежали Ксенократу, Адэю, Антигону каристійскому и др.

Замѣченныя опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
12	8 сверху	ὀρθοεπίας	ὀρθοεπείας
62	6 снизу	τοῖς	τοῖς
94	21 „	грамоздились	громоздились
143	17 „	прим. 219.	прим. 220.
158	9, 14 сверху	Περγαμενοί	Περγαμηνοί
160	3, 14 „	Вак-смуть	Вакс-мутъ
165	1 снизу	Callim. VI	Callim. II.

Princeton University Library

32101 059181220

